

Фёдор Сологуб

Собрание сочинений

Том 3

Двенадцать драм

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH

FEDOR SOLOGUB
GESAMMELTE WERKE

Herausgegeben von
Bernhard Lauer und Ulrich Steltner

Band 3
ZWÖLF DRAMEN
Herausgeber: Ulrich Steltner

<36609832350017

S

<36609832350017

Bayer. Staatsbibliothek

SLAVISTISCHE BEITRÄGE

Begründet von
Alois Schmaus

Herausgegeben von
Peter Rehder

Beirat:

Tilman Berger · Walter Breu · Johanna Renate Döring-Smirnov
Walter Koschmal · Ulrich Schweier · Miloš Sedmidubský · Klaus Steinke

BAND 397

VERLAG OTTO SAGNER
MÜNCHEN 2000

ФЕДОР СОЛОГУБ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Составители

Бернхард Лауэр – Ульрих Штельтнер

Том третий

ДВЕНАДЦАТЬ ДРАМ

Составитель: Ульрих Штельтнер

VERLAG OTTO SAGNER
MÜNCHEN 2000

92.37544-3

*Gedruckt mit freundlicher Unterstützung
der Friedrich-Schiller-Universität Jena*

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ISBN 3-87690-775-6
© Verlag Otto Sagner, München 2000
Abteilung der Firma Kubon & Sagner
D-80328 München

700 pm

Vorwort

Im vorliegenden dritten Band der Ausgabe von Werken des russischen Symbolisten FEDOR SOLOGUB (1863-1927) werden zwölf seiner Dramen wiederabgedruckt, davon einige nach achtzig bis einhundert Jahren wieder zum ersten Mal.

Da SOLOGUB insgesamt, soweit bekannt, sechzehn Dramen publiziert hat,¹ mußte auch aus Platzgründen eine Auswahl getroffen werden. Ausgeschlossen wurden daher die Dramen, die SOLOGUB nicht allein verfaßt hat, d.h. bei deren Veröffentlichung seine Ehefrau ANASTASIIJA ČEBOTAREVSKAJA als Koautorin erscheint, und zwar *Mečta-pobeditel'nica* (1912), *Ljubov' nad bezdnami* (1914) und *Kamen', brošennyj v vodu* (1915). Ausgeschlossen wurde auch die umfangliche szenische Bearbeitung von LEV TOLSTOJS Roman *Vojna i mir*, die SOLOGUB im Jahre 1912 anlässlich des einhundertjährigen Jubiläums des russischen Sieges über NAPOLEON angefertigt hat. Dennoch beinhaltet dieser dritte Band der Werkausgabe die umfassendste Sammlung der Dramen von FEDOR SOLOGUB, die jemals erschienen ist.

Die graphischen Spezifika eines dramatischen Textes haben es geraten erscheinen lassen, das Layout im Vergleich zu den beiden vorangegangenen Bänden der Werkausgabe² zu verändern, nicht zuletzt weil die neueren Textverarbeitungsprogramme erweiterte Möglichkeiten der Darstellung und der Korrektur bieten. Bei der dafür notwendigen Konversion der Texte hat JAKOB STELTNER (Jena) grundsätzliche Hilfe geleistet, für die hier ausdrücklich gedankt sei. Dank gilt auch allen jenen, die über die Jahre hin an der Erstellung dieses Bandes mitgewirkt haben. Stellvertretend seien NICOLE RICHTER und JANNA HOFFMEISTER (beide Jena) genannt, die zuletzt die Ausgabe mitbetreut haben. JANNA HOFFMEISTER hat darüber hinaus ihre muttersprachliche Kompetenz eingebracht und u.a. dieses Vorwort ins Russische übersetzt. Schließlich geht ein besonderer Dank an OTTO SAGNER als den Verleger und an Kollegen PETER REHDER als den Herausgeber für die Aufnahme auch dieses Bandes in die *Slavistischen Beiträge*.

ULRICH STELTNER, JENA

¹ Vgl. die bibliographischen Angaben bei Bernhard Lauer, *Das lyrische Frühwerk von Fedor Sologub*. Giessen 1986, hier 392f.

² Федор Сологуб, *Собрание сочинений*. Том 1 *Рассказы (1894-1908)*. München 1992; Том 2 *Рассказы (1909-1921)*. München 1997. (= Slavistische Beiträge; 291 / 343).

Предисловие

В настоящий, третий том собрания сочинений русского символиста Федора Сологуба (1863 – 1927) вошли 12 его драм. Некоторые из них публикуются вновь, спустя уже 80 или 100 лет.

Сологуб – насколько известно – опубликовал в целом 16 драм.¹ В связи со сложностью размещения всех этих произведений в рамках данного издания необходимо было сделать соответствующий выбор. Поэтому в настоящий том не вошли те драмы, в создании которых участвовал не только Федор Сологуб, но и его жена Анастасия Чеботаревская, которая упоминается в публикациях как его соавтор. Это такие драмы как *Мечта-победительница* (1912), *Любовь над безднами* (1914) и *Камень, брошенный в воду* (1915). Также в этот том не вошла обширная сценическая обработка романа Льва Толстого *Война и мир*, которую Сологуб закончил в 1912 году, посвятив ее столетнему юбилею русской победы над Наполеоном. Тем не менее этот том содержит самое широкое собрание драм Федора Сологуба, которые когда-либо были опубликованы.

В связи с особенностью печати драматического текста представилось более уместным видоизменить систему верстки книги в сравнении с предыдущими двумя томами этого издания.² Не последнюю роль в этом отношении сыграли новые компьютерные программы по работе с текстом, которые обладают более широкими возможностями презентации и корректирования текста. При необходимом для этого преобразовании текста значительная помощь была оказана Якобом Штельтнером (г. Йена), за что ему выражается особая благодарность. В лице Николь Рихтер (г. Йена) и Жанны Хоффмайстер (г. Йена), которые оказали помощь при завершении работы над созданием тома, хотелось бы поблагодарить всех тех, кто на протяжении нескольких лет принимал участие в создании этой книги. Жанна Хоффмайстер внесла свой вклад в работу, как компетентная носительница языка. Она же выполнила перевод этого предисловия на русский язык. И наконец, особая признательность выражается Отто Загнеру – как издателю, а также коллеге Петеру Редеру, как редактору издания – за включение и этого тома в серию *Slavistische Beiträge*.

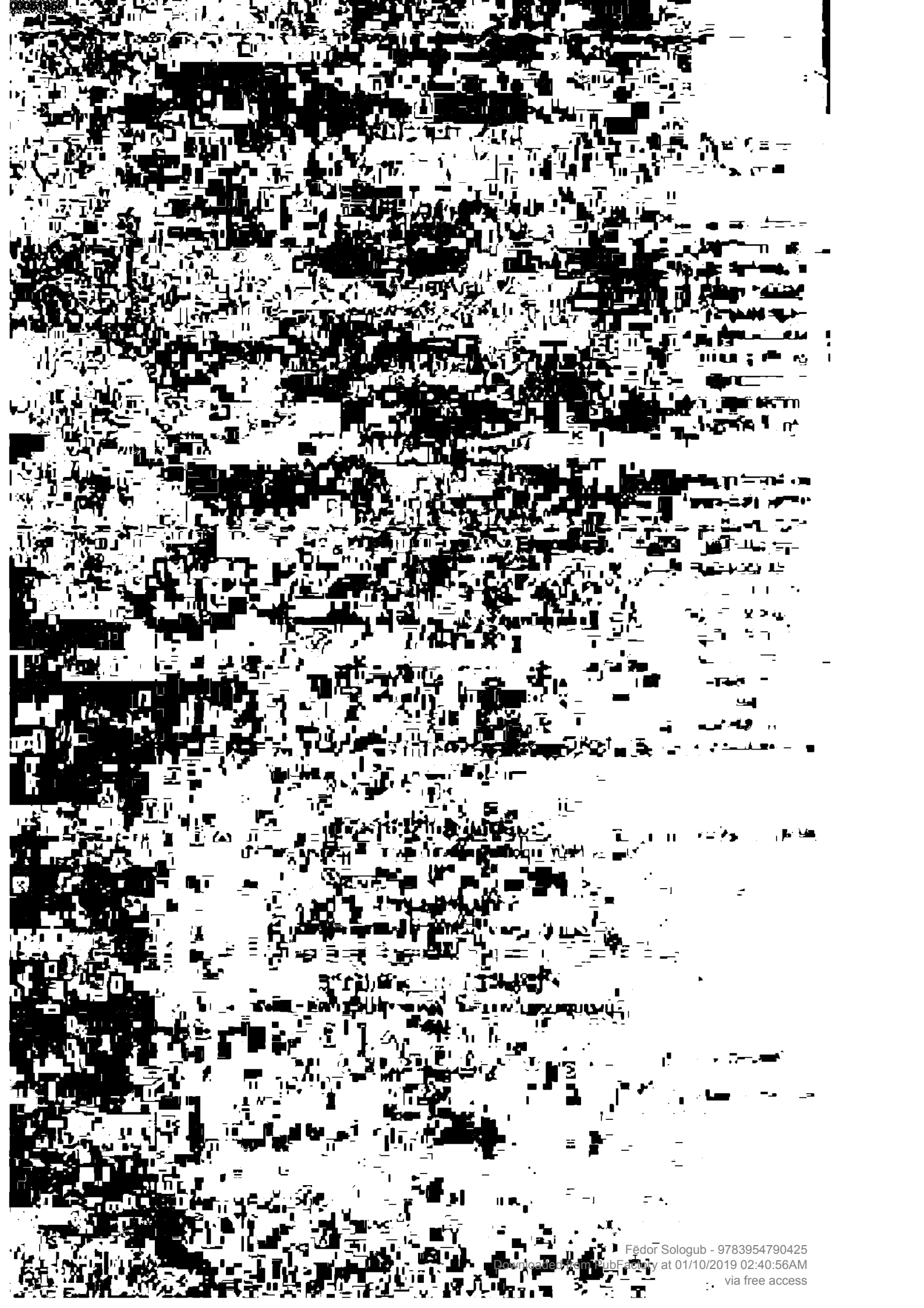
Ульрих Штельтнер, г. Йена

¹ См. библиографический указатель: Bernhard Lauer, *Das lyrische Frühwerk von Fedor Sologub*. Giessen 1986. 392-393.

² Федор Сологуб, *Собрание сочинений*. Том 1 *Рассказы (1894-1908)*. München 1992; Том 2 *Рассказы (1909-1921)*. München 1997. (= *Slavistische Beiträge*: 291 / 343).

ЛИТУРГИЯ МНЕ*Мистерия***1****ДАР МУДРЫХ ПЧЕЛ***Трагедия в пяти действиях***17****ЛЮБВИ***Драма в двух действиях***53****ВАНЬКА КЛЮЧНИК И ПАЖ ЖЕАН***Трагедия в трех действиях, с прологом***65****ПОБЕДА СМЕРТИ***Трагедия в трех действиях, с прологом***97****НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ***Драматическая сказка в трех действиях***123****МЕЛКИЙ БЕС***Драма в пяти действиях (6 картинах)***145****ЗАЛОЖНИКИ ЖИЗНИ***Драма в пяти действиях***213****ПРОВОДЫ***Драматический этюд в одном действии***271****ЛЮБОВЬ И ВЕРНОСТЬ***Трагедия (Сюжет заимствован из Шатобриана)***281****УЗОР ИЗ РОЗ***Драма в пяти действиях и семи картинах***313****СТРАЖ ВЕЛИКОГО ЦАРЯ***Драматическая сказка в четырех действиях***353****Комментарий****365**

ЛИТУРГИЯ МНЕ
Мистерия

Наступает ночь. В пустынной долине собираются желающие совершить Литургию. Они приносят дары, хранимые до времени в покрывах. Все входящие снимают обувь и обычное платье, облачаются в белые одежды и увенчиваются цветами. Ждут Отрока-жреца. Светочи, еще не все зажженные, мерцают слабо; их держат юноши. Некоторые из юношей принесли флейты, бубен, лиры, тимпан. Ожидаящие, приготовляясь к совершению Литургии, поют гимны предначинательных воспоминаний. В то же время воздвигают алтарь из каменных плит и возлагают на него сучки и ветки деревьев.

Юноши и девы.

Мы рано вышли на дорогу,
 Когда Дракон еще дремал
 И лучезарную тревогу
 Из темных скал не поднимал.
 Поля дымились росой,
 И улыбалась нам заря,
 Над нерассеянною мглою
 Надеждой милою горя.
 И все окрест предстало новым,
 Как первозданный вешний день,
 Являя холодом суровым
 Нежданных воплощений тень.
 Дивились мы окрестным долам,
 Привет слагали их красе,
 И в ожидании веселом
 Замедлили до ночи все.
 И день прошел, и перед нами
 Румяный вечер промелькнул,
 И замолкает за горами
 Веселый и тревожный гул.
 И, ночь отрадную встречая,
 Поем хвалу и ночи мы,
 Надеждой детскою венчая
 Восстанье тьмы.

Муж и.

Мы труд свершали неистомный,
 Мы созидали крепость стен.
 Пред грозным ликом ночи темной
 Не убоимся мы измен...
 Приют наш радостно основан,
 Закован в прочную броню,
 И силой Змия зачарован,
 Как дар сияющему дню.
 Все стало прочно и обычно
 За нерушимостью оград,
 И мы пришли сюда привычно
 Свершать уставленный обряд.

- Старцы.** Не мы устали обряды,
 Но мы устали их свершать.
 Из-за ветшающей ограды
 Идем к служению опять.
 Во всем, что солнце обещало,
 Двойкий лик узрели мы.
 Двойное нас терзало жало
 Лучей неправых, зыбкой тьмы.
 Познание истин невозможно
 На этой суетной земле,
 Но обещание не ложно,
 Святое кроется во мгле.
 И вот, без радостной надежды,
 Но покоряясь, мы пришли
 Готовить светлые одежды
 Царю тоскующей земли.
- Девы.** Затихни, гнев! Умолкни, битва!
 Вещай, вещай нам, тишина.
 Когда меж нами есть молитва,
 Она не нами зажжена.
- Юноши, носящие светочи.**
 Приди, блаженный утешитель!
 Сверши таинственный обряд.
 Вот, мы покинули обитель,
 Ушли от прочности оград.
 Сошлись мы в туманном доле,
 Где мочит платье нам роса.
 Сверши все то, что в дивной воле.
 Земле да будут небеса.
 Туман долинный вместе с нами
 И светочей пустынный дым
 Горят смиренными мольбами
 И ожиданием святым.
 И ожиданию ночному
 Явить законы бытия
 Сойдет к свершению святому
 Для нас и жертва и судья.
- Странники, носящие посохи.**
 К тому, что праведно и вечно,
 Что созидает все окрест,
 Мы устремлялись бесконечно
 От ближних и от дальних мест.
 Какими темными трудами
 Нас долгий путь ни утомлял,
 Мы здесь. Согласно мольбами
 Наш круг зажегся, засиял.

Хранитель преданий.

Я вспоминаю в час великий
 Того, Кто есть, святую Мать,
 Хвалящих неустанно лики,
 И вожделеющих восстать.
 И вспоминаю Иного, -
 И кто решит предвечный спор?
 Я вспоминаю Кровь, Слово,
 Голос тьмы, и дивный взор.

Из-за горы доносится свирельно-нежный голос Отрока, сопровождаемый лирным звоном.

Отрок.

Вспоминая минувшее,
 Невозвратно мелькнувшее,
 Может быть, обманувшее,
 Вспоминая, что сделали,
 И заветное цело ли,
 Вспоминая, гадая,
 Обличая томления дня,
 И обряды свершая,
 И огни зажигая
 От святого огня,
 Где вы ни были, как вы ни жили,
 Что бы вы ни открыли,
 Вы забыли,
 Забыли Меня.

Носящие светочи разжигают их. Светочи пылают.

Юноши и девы.

Мы ждем свершителя-жреца,
 Идущего с огнем.
 За ним пойдем мы до конца,
 Без страха мы пойдем.
 Безвестен путь, и темен дол,
 Куда бы путь нас не привел,
 Но мы пойдем, и темный страх
 Погасим в трепетных сердцах.

Отрок, еще невидимый, говорит, и флейта сопровождает его речь.

Провели вы дороги
 И воздвигли чертоги.
 Для таинственной встречи
 Вы пришли издалече,
 И в мерцаньи святого огня
 Вы свершений торжественных ждете.
 Но когда же ко Мне вы придете?
 Иль сосвем вы забыли Меня?

Юноши, носящие свечки, зажигая огонь на алтаре.

Когда взошла заря,
 Мы ждали светлого Царя,
 Но мы увидели Дракона.
 Был неразгадан дивный лик,
 Был непонятен темный крик,
 Сжигала сердце едкость стона.
 Свернувшись в яркое кольцо,
 Закрывши маскою лицо,
 За сказкой созидал он сказку,
 Но из глубин его двойник
 В час торжества его возник,
 И нам открыл змеиный лик,
 Сорвавши пламенную маску.
 Тогда разгневанный Дракон
 Вознес над миром свой закон,
 Закон безумный произвола.
 Он стрелы жаркие точил
 И злобу яркую разлил
 От высей гор до глубей дола.
 И собирал нас бледный страх
 Живить огни на алтарях
 И убивать на жертву Змею.
 И жертва, погасивши взор,
 Сама под жреческий топор
 Без воплей преклоняла шею.
 Но вот затмился дикий день,
 Взошла до гор немая тень,
 И мы пришли сюда все вместе,
 Чтоб в единении возжечь
 Огни святых венчальных свечь
 Освобождающей Невесте.

Алтарь тихо дымится.

Строители, в сопровождении тимпанов.

Друг другу руки подадим,
 И, как свечей венчальных дым,
 Надежды мы соединим,
 Свершим завещанное нам,
 И подвиг, сладостный сердцам,
 Передадим
 Векам.
 Воздвигнем новый храм,
 И прочно стены утвердим.
 Дракону злomu время пасть,
 Мы утвердим
 Иную власть.

- Мы создадим
Блаженный строй,
И над землей
Прострем довольство и покой.
- Юноши. Зрела сила,
И созрела.
И пора к свершенью дела
Наступила.
- Жены. Серп над миром
Вознесен в томленьи лунном.
Ветер вторит лирам,
Нежным лирам сладкострунным.
- Мужи. Тяжкий молот
Занесен над ветхим домом.
Будет свод его расколот,
Разрушенье будет громом.
- Девы. На озерах
Распустились купавы,
И росятся в лунных взорах
Отуманенные травы.
- Отрок, уже близко, но еще не виден.
И в единении - забвенье,
И в братском подвиге - не-Я.
Куя связующие звенья,
Забыли вы, что цепь - Моя.
Соединившись ночью тайно,
Свершая грезы бытия,
Забыли вы, что все случайно,
Что неизменен только Я.
Грозя чарующему Змию,
Святыню злого дня кляня,
Как вы свершите Литургию,
Когда забыли вы Меня?
Везде, где преломлялось тело,
Везде, где проливалась кровь,
Там неизменно пламенела
Моя предвечная любовь.
Мое под звездной ризой тело,
Моя за бездной глубина,
И надо всем отяготела
Моя предвечная вина.
Среди распутий и раздолий
Мой лик являл повсюду Я.
Моею направлялась волей
Вся неизбежность бытия.

Д е в ы. Приди, открой свой лик!
Тебе - цветы, Тебе - огни,
Тебе - согласный клик.
На подвиг нас соедини.

Х р а н и т е л ь а л т а р я.
Кто ты, светлый? Кто ты, дивный?
Жрец ли, жертва, или царь?
Ты услышал вопль призывный.
Для тебя готов алтарь.

Ж е н ы, с а р о м а т н ы м и к у р е н и я м и.
Кто же Ты? Скажи нам ныне
Имя дивное Твое.
Чем кадить Твоей святыне?
Как прославит бытие?

Приходит Отрок с белым тюльпаном в руке. На нем только белый короткий хитон, опоясанный желтым шелком. Руки и ноги нагие. Грудь полуоткрыта.

О т р о к.
Я прихожу в тумане ночи.
Я приходил и в блеске дня,
Вы отвращали очи,
Не узнавали Меня.
Во всем, что воля и дыханье,
На всех просторах бытия,
Струя деянья и желанья,
Являюсь вечно только Я.
Роса ли падает на землю,
Звучат ли птичьи голоса,
Я все мгновенное объемлю,
Я - птичий голос, Я - роса.
Звеня волной иль тучкой тая,
Огонь иль замысел тая,
Превосходя иль ниспадая
Все - Я. И все, что есть, то - Я.

Д е в ы.
Ты пришел в наш круг,
Ты в простой одежде.
Посреди подруг
Ты такой же, как и прежде.
Знаем мы Тебя,
Отрок непорочный.
Нас, как прежде, возлюбя,
Ты пришел к нам жертвой полуночной.

Одна из дев подает отроку нож. Отрок подходит к алтарю и возлагает нож на алтарь.

Д е в ы.
Нежен Ты и мал.
Не закрыто тело.
Сам Ты нож священный взял,

К алтарю подходишь смело.
 Если кровь Твоя
 В час ночной прольется,
 Тише ропота ручья
 Стон Твой пронесется.
 Отрок! Ты для нас.
 Упадешь Ты скоро.
 Для чего в полночный час
 Ты вознес слова укора?

Отрок, у алтаря.

Опять покорен Я,
 Свершающий игру.
 Открыта грудь Моя.
 Живу. Иду. Умру.
 Закон Моей игры
 Исполню до конца.
 Я создал все миры,
 Но сам Я без венца.
 Бессилен Я и мал.
 Блаженная игра.
 Кто тайну разгадал?
 Пора. Прийти пора.

Дева, принеся нож.

Отрок нежный и прекрасный!
 Ты ли агнец непорочный,
 Под ножом безгласный,
 Здесь в великий час полночный
 Искупающий страданья
 Омраченного созданья,
 Зло и лживость бытия?

Отрок. Я.

Дева обреченная.

Отрок милый и смиренный!
 Ты ли жрец ночных служений?
 И в дыму святых курений
 Погрузишь ли нож священный
 В боль трепещущего тела,
 Приобщивши наше дело
 К вечным мукам бытия?

Отрок. Я.

Жена первого поклонения.

Ты беден, прост и мал.
 Пред нами Ты смиренно стал.
 Но взор Твой - власть.

И мы хотим
 К ногам Твоим
 Упасть.
 Твой кроткий голос тих,
 Роса блестит в кудрях Твоих,
 Твоя жемчужная роса.
 Слились алмазы в звездный строй.
 Венец над дивной головой
 Твои простерли небеса.
 Цветок ночной в Твоей руке.
 Туман клубится на реке.
 Дымится жертвенный алтарь.
 Туман соткал Тебе хитон.
 Ты дивной ризой облачен.
 Ты - Царь.
 То не тюльпан в руке Твоей, -
 Дрожит в ней чаша бытия.
 Скажи нам, Ты ли - Царь царей?

Отрок. Я.

Жена первого поклонения целует ноги Отрока, и за нею - все остальные. Во время целования Его ног Отрок говорит:

Так, Я - Агнец, Жрец и Царь.
 Все опять свершу Я ныне.
 Сам на жертвенный алтарь
 Я взойду к Мосей святыне.
 Забывали вы Меня
 В тусклом свете злого дня.
 Сам Я поднял ваше бремя.
 Указал Я вам пути, -
 И в огне Меня найти
 Наступило время.
 Перед вами Я стою,
 Пламенеющий любовью.
 Вашу кровь пролью,
 И смешаю кровь Мою
 С вашей кровью.

Огонь на алтаре разгоряется. Юноши со свечками образуют широкий эллиптический обвод, в фокусах которого - Отрок и Алтарь.

Отрок. Совется мир, как дым.
 Огонь покончит с ним.
 Слова пророка вещи.
 Но Я вовеки невредим.
 Прикосновением Моим.
 Я освещаю вещи.

Несите же ко Мне,
 Что надо для свершенья дела.
 Мое святится святостию тело,
 Чужое все сгорит в огне.

Четыре девы, обнажив свои невинные тела, подносят Отроку вино в фиале, хлеб неразрезанный, венец и нож. Отрок возлагает руки на обнаженных дев и на их приношения.

Отрок. Я освящу Моим прикосновеньем
 Вино и хлеб, венец и нож,
 И зачарую тайной и завбеньем
 Все, в чем порок и ложь.

Дева, принеся нож, передает нож юноше, который точит его о камень.

Отрок. Одежду пыльную вам надо
 Совлечь с Меня.
 Пылай вокруг Меня, ограда
 Священного огня!

Юноши снимают с Отрока пояс и хитон и бросают их в алтарный огонь. Носители свечей приближаются к Отроку.

Отрок. Огни небесные, торжественно горите,
 Миры к мирам соединя!
 А вы приблизьтесь, сестры, облеките
 Одеждой светлую Меня.

Девы надевают на Отрока белую одежду, такую же, как у всех участников таинства. И надевают одежды на дев приношения.

Отрок. Благословляю легкость тканей.
 В обычной ткани полотна
 Основа тяжкая страданий
 С надеждой переплетена.

Все поют песнь огня и обходят кругом алтаря, сплетаясь руками. В это время носители свечей становятся в один ряд сзади алтаря, так, что участники обряда дважды пересекают означенную ими черту, - от алтарного света в тьму долины и обратно к свету.

Песнь огня.
 Мы зажгли огни кругом.
 Оградились мы огнем.
 В небесах огни над нами, -
 И в сплетеньи дружных рук
 В тесный мы сошлись круг,
 Озаренные огнями.
 Ты, огонь, сожжешь, сожжешь,
 Все, что было, пыль и ложь
 Суетного дня.
 Чрез огонь из зыбкой тьмы

Шли мы. Отрок милый, мы
Вышли из огня.

Дева, принесшая венец.

Я принесла Тебе венец.
Его ковал златокузнец.
Он золотой. Он в камнях весь.
Ты тяжесть камней светлых взвес.
Ты улыбнись на их игру.
Утешь улыбкою сестру.

Отрок, возлагает венец на свою голову.

Алмазный враг Дракона,
Гроза Драконовых очей,
В вещаньях вешего закона
Дробящий слитность злых лучей,
Святыней дивного венчанья
Я вновь тебя благословил,
И освятил твои мерцанья
И вечный трепет вражьих крыл.

В бездонно-голубом эфире
Шестиконечная звезда,
Ты на лазоревом сапфире
Отпечатлелась навсегда.
Я освятил твоих мерцаний
Двойную, сладостную весть,
В лучах святых очарований
Число таинственное ш е с т ь.

Огонь и кровь в стекле рубина.
Ты - чудотворная хвала!
Тебя родная плоти глина
В огне плененном родила.
В кровавом пламени строенья
Запечатлев Мою любовь,
Благословляю в час хваленья
Твою пророческую кровь.

Горишь ты, светлый и зеленый,
Мой первозданный изумруд.
Мои пророческие стоны
В твоих надеждах не умрут.
Весенним чистым откровеньем
Ты твердость камня озарял.
Моим земным благословеньем
Светись, таинственный кристалл.

Юноша, наточивший нож.

Наточил Я острый нож.
Ты на сталь его дохнешь.
Рукоять его возьмешь
В освящающую руку, -
И кого ни изберешь
На пронзающую муку,
Будет свято острие,
И Твое иль не Твое
Нож пронизет тело, -
Будет свято дело.

Отдает нож Отроку.

Отрок.

Острый нож в руке Моей.
Он Моей рукою сжать.
Он на весь избыток дней
Неизменно свят.
Тускло блещет сталь
В зареве огня, -
Острая печаль
Смотрит на Меня.
Разделять он вечно рад.
Разделенье - ложь.
Но, пронзив, ты сам поймешь,
Что, рукой невинной взят,
Непорочен нож.
Нож Моей рукою сжат.
Сталь ножа остра.
Ты пойми Меня, Мой брат,
Ты пойми, Моя сестра,
Разделенные давно,
Я и ты - всегда одно.
Там, в зеркальности небес
Бесконечности чудес,
Но иных и многих лиц
Нет в обители родной.
Между Мною и Тобой
Нет преграды, нет границ.
В чаше - вечное вино.
Я и Ты - всегда одно.

Огонь на алтаре слабеет.

Юноша с чашею.

Принес я чашу золотую.
В нее одну росу святую
С ночных цветов я собирал.
Соединимся мы над чашей.

Твоей ли кровью, кровью ль нашей
Ее наполни. Час настал.

Передаёт чашу Отроку. Дева, принеся вино, открывает фиал и подносит его Отроку. Отрок наливает в чашу освященное вино и отдает деве опустевший фиал.

Отрок. В торжественном движеньи
Руки протянутой Моей,
В дыханьи трепетных огней
Святится чаша приношенья.
Движением сплетенных рук,
Гореньем дивного огня
Очерчен неразрывный круг.
Все свято вкруг Меня.

Отрок передает чашу Избранной Деве. Вонзает нож в свою руку, протянутую над чашею. Кровь каплет в чашу. Отрок передает нож Избранной Деве и от нее берет чашу.

Отрок. Нож возьми, сестра,
Сестра Моя.
Вот свершения пора.
Плоть Моя, и кровь Моя.
Здесь и вне - только Я.

Дева Избранная первая соединяет свою кровь с Его кровью, и передает нож одному из участников таинства. Каждый по очереди вонзает нож в свою руку, так, чтобы капли крови падали в чашу. Медленно движутся вокруг чаши и поют.

Песнь крови.
Тихо льется в чашу
Жертвенная кровь.
Звезды славят нашу
Кроткую любовь.
В жертвенной могиле,
Где Иной почил,
Мы соединили
Токи алых сил.
Нож священо острый
В быстром круге рук.
Вы не бойтесь, сестры,
Острых, быстрых мук.
И не бойтесь, братья,
В чашу кровь струя,
Разрушать заклятья
Злого бытия.

Отрок. Отрок непорочный,
Между вами - Я.
В чаше полуночной
Эта кровь - Моя.

Кто ж боится боли,
В чашу кровь струя?
Тайной вечной воли
Эта боль - Моя.

В с е.   Сердце не трепещет.
Неразрывен круг.
Вкруг безмерность блещет
Лучезарных дуг.

О т р о к.   Обольщенья тела -
Легкий сон ночной.
Нет нигде предела
Меж Тобой и Мной.
Вас, как мир, Я движу.
Только плоть Мою
В хороводе вижу.
Кровь Мою Я пью.

Отрок склонился над чашею. Прильнул губами к ее краям.

Ж е н ы.   Круг закончен. Дело свершено.
Отрок милый, ты поник.
Подними Твой дивный лик.
Дай нам, дай нам новое вино.

О т р о к.   Соединяйтесь над чашей.
Целуйте дивные края.
Здесь капли крови, крови вашей.
Но кровь - Моя, вся кровь - Моя.

Все по очереди пьют из чаши, из рук Отрока.

Х о р, поет: Соединились мы над чашей.
Лобзаем дивные края.
Здесь вместе капли крови нашей.
Но кровь Твоя есть кровь моя.

О т р о к.   Из чаши, освященной ныне,
Вам в жертву кровь Мою даю.
Познайте путь к Моей святыне,
С любовью пейте кровь Мою.
Открыв пути к Моей святыне,
Над чашей вас соединя,
Один закон даю вам ныне:
Идти ко Мне, любить Меня.

Когда в лазоревом сапфире
Возник шестиконечный кресть,
Благословив святыню в мире,
Соединил Я все окрест.

Моей грозой в чертог Змеинный
 Огонь сапфировый проник,
 Вознес Я в правде триединой
 Над миром отраженный лик.

Внимайте пламенного Змея
 Несчетно повторенный стон,
 Над ним вознесся, пламенея,
 Мой диамантовый закон.
 И в мир идите, расторгая
 Змеинный ненавистный плен.
 Соединенья весть благая
 Да сокрушит преграды стен.

Очарование рубина
 Над славой Моего чела
 Напомнит вам, что та же глина
 И плоть и кровь произвела.
 Ваш путь святым обетованьем
 Мой очарует изумруд,
 И озарит благим сияньем
 На ваших нивах дружный труд.

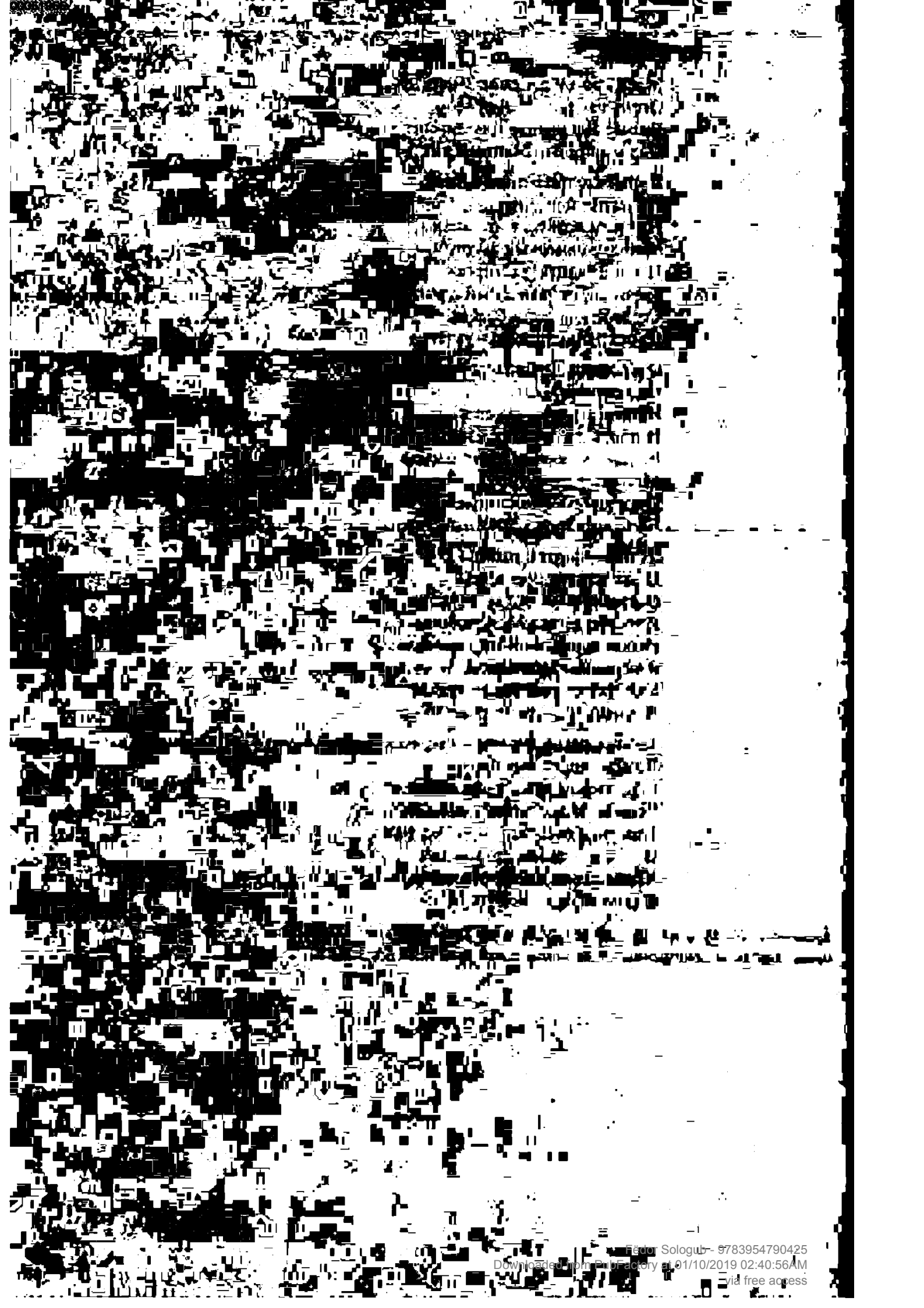
Лучи сапфира и рубина
 И эта жертвенная кровь
 Открыли вам, что все - едино,
 И что во всем - Моя любовь.
 Игрой державной мир колебля,
 Я укрощаю злобу змей.
 Как трепет зыблемого стебля,
 И жизнь и смерть в руке Моей.

Здесь, с вами, и в ином пределе,
 Во всех просторах бытия,
 И в каждом духе, в каждом теле,
 Все - Я. И все лишь только Я.
 Теперь, в рассветном утомленьи,
 Идите к бедным злбам дня,
 Храня завет: в соединеньи
 Идти ко Мне, любить Меня.

Братья и сестры целуют друг друга, и расходятся, храня безмолвие. Заботливые жены и девы убирают освященные предметы и литургийные одежды.

К о н е ц

ДАР МУДРЫХ ПЧЕЛ
Трагедия в пяти действиях

Действующие лица:

Лаодамия, жена царя Протесилая.
Мойра-Афродита, богиня, движущая миры и волнующая сердца.
Аид, бог подземного мира.
Персефона, богиня, супруга его.
Гермес, бог.
Протесилай, царь Фессалийского города Филаки.
Акаст, отец Лаодамии, царь Иолка.
Лисипп, юноша-ваятель.
Нисса, рабыня.
Антим, раб.
Вестник.
Сатир.
Эос, румяная заря.
Лета, адская река.
Нимфа реки Леты.
Змея.
Эхо.
Хор, дающий голос множеству и природе.
Подруги царицы, жены вельмож.
Жены и девы.
Народ.
Ночные колдуньи.
Тени умерших.
Горы (Оры), пролетающие мгновения.
Подземные боги.
Голоса волн, камышей, цветов в царстве Аида.

Действие первое

У темных, но широких ворот в царство Аида плещутся тяжелые волны Леты. Шелестит камыш, и шелест его иногда слагается в слова, - и другие порою доносятся темные речи. Печальное место, лишенное ясного неба и светлой дали. Все туманно и мглисто, все кажется плоским и неподвижным, словно является тенью на экране. Освещение пепельно-серое; изредка над говорящими вспыхивают яркие фиолетовые лучи, - неколеблущийся, неживой свет закованной, заколдованной молнии. Из челна Харона на берег Леты выходит бледный рой вновь умерших. Тени предков встречают их. Те и другие движутся медленно, и движения их кажутся расчлененными на ряд неподвижных поз.

Тени предков. Привет вам, милые тени. В мире навеки законченных деяний и вам есть место, и ваша доля утешений ожидает вас.

Вновь пришедшие. Пройдя смертные томительные муки, покинув печальную землю, мы на челне молчаливого Харона тешили себя надеждою за мрачно-шумными волнами Леты найти на этих берегах вечное забвение скорби.

Шумные волны Леты. Забвение, забвение, - в наших волнах вечное пейте забвение. Мы об одном, лишь об одном поем, плещась об адский берег, - о забвении, о вечном забвении шумная наша речь.

Становится темнее.

Вновь пришедшие. Как забыть? Слышим, тяжкие раздаются стоны из мрачной глубины нам навстречу. Неужели и здесь, как на земле, царствует горе?

Шелест камышей на бегерах Леты. Мы смеемся, мы шумим, мы говорим о забвении, о забвении, о вечном забвении.

Вновь пришедшие. Мы слышим вопли и стоны, вещающие скорбь. Что же даст нам Аид в замену утраченных нами радостей мгновенных переживаний? Чем утешат нас его широко-прохладные сени?

Тени предков. Персефона тоскует в многоколонном чертоге супруга своего, царя Аида, тоскует и плачет, и не хочет утешиться. О невозвратном, о невозможном тоскует она, и нет для нее утешения. Только недолгое усмирение скорби приносит ей краткая и сладкая радость вешних восстановлений.

Цветы на берегах Леты. Мы цветем, отцветаем, зацветаем опять, опять, всегда, - цветы вечные, не рождающие, и аромат наш, томный, влажный, мертвый аромат наш - забвение, забвение, вечное забвение.

Вспыхивают молнии.

Тени предков. От золотой осени до невинно-зеленеющей весны тоскует Персефона, тоскует и плачет, пока не дойдет до ада благодная весть о пробуждении матери Деметры, о сладком, буйном восстании Диониса.

Лета. И сладчайшие имена тонут в моих шумных волнах, тонут в забвении, в забвении, в вечном забвении. Сладчайшее забудется имя, вожделеннейший погрузится образ в забвение, в забвение, в вечное забвение.

Мгновенные молнии.

Тени предков. Вопли менад низойдут к нам, и усыпляют скорбь Персефоны, и тогда замирают стенания на ее устах. Гермес приносит ей белые, нежные, едва только раскрывшиеся первоцветы, и она плачет сладко, и смеется нежно и звонко, и недолго радуется радостью. Но легким полетом быстро промчатся улыбающиеся златокудрому Фебу отрадныи Горы, - и несет Гермес Персефоне осенние златоцветы, пышные, но пониклые и печальные, и затоскует опять Персефона, и утешные краткие миги тонут в шумной, мрачной Лете.

Темнеет еще более.

Нимфа в камышах Леты. Я ныряю, я играю зыбкими улыбками, ожемчуженными в мрачной глубине. Вечный шелест бесконечный надо мною. Волны полны чем-то преходящим. Жемчуг тусклый, - были слезы. Я не знаю. Я играю.

Вновь пришедшие. Сколь многие годы промчались, и все еще Персефона не хочет утешиться! О, великие боги! или и вечность не истощает ваших мирообъемлющих печалей?

Мрак сгущается.

Тени предков. Познайте, вступающие в великое царство подземного бога Аида, - вы входите в мир, где все неизменно вовеки, - и радость, и скорбь.

Вновь пришедшие. Ужасное слово - вовеки.

Шелест камышей. Доколе не распадутся чары великой богини, равняющей горы и доли и низводящей тени в ад. Доколе не придет последний и несокрушимый воздвигнется мост.

Мгновенные молнии.

Далекий вопль Прометея. Расторгну оковы, - и ты погибнешь, неправедный!

Вновь пришедшие. Чей вопль доносится к нам? Не голос ли это страдающего бога?

Шелест камышей. Прикованный Прометей грозит богам светлого Олимпа.

Змея. Боги трепещут, но смеются.

Тени умерших удаляются. Сцена тонет в непроглядном мраке. Слышен затихающий плеск Леты. Внезапная молния разрезывает мрак, - и черная завеса раздвигается, открывая темный чертог Аида. На престоле - Аид и рядом с ним Персефона. Угрюмо и мрачно лицо Аида и весь он туманный и еле зримый. Приготовлена трапеза. Подземные боги безмолвно предстоят царю и царице.

Аид. Тоскуешь и плачешь, милая супруга! Не осушая глаз, плачешь. Или сладки тебе слезы? Мне, познавшему конец всякого страдания и всякой радости и этим познанием утвердившему мою державу, мне, богу отжившего, забавны стоны скорби, - но тебя, возлюбленная супруга, мне жаль. Что может сравниться со скорбью богини?

Персефона. Только ад полон моими стонами, - и не омрачен златокудрый метатель стрел. Только ад, озаренный безрадостными созвездиями неподвижных молний, рождаемых вечным трением янтарных смол, только ад слышит мои стенания.

Аид. О, Персефона! Ты, делящая со мною власть над всем, что было, что жило, что перешло в вечное Нет для жизни неизменной вовеки, - о чем ты можешь тосковать? Непонятна мне тоска твоя, - к зыбким, к неверным переживаниям обращены твои желания, к поспешным утверждениям над безднами мировой пустыни.

Персефона. Здесь, где в мертвом свете мертвых смол бледные проходят передо мною тени, и не единого не вижу милого лика, кого я встречу? Кому скажу привет и сладостное Да жизни? Кому покличу: желанный, милый! явись мне ныне, сойди ко мне!

Аид. Неисчислимо население моего царства, - призови кого хочешь, возведи к себе, утешь себя, как пожелаешь.

Персефона. Я ли утешусь призраками и бледными тенями? На то ли мне величие богини?

Аид. И если хочешь, призови, кого хочешь, из Зевесова светлого мира, - к тебе придет всякий, чье имя скажет твой нежный и сладостный голос.

Персефона. Увы! Мрачную скорбью овеваяно мое смутное сердце, - только мертвые, только мертвые приходят к нам из-под милого Зевесова полога, с золотых полей, взлелеянных моею тоскующею матерью.

Змея. Низойдет и Он.

Персефона. И если Он нисходит, желанный, нисходит он без Гиметского сладкого меда, - только воск - его белые руки, и в померкших очах его скорбь.

Змея. Выпью свет очей.

Аид. К нам приходят все, - от нас же никто не найдет дороги.

Тихий шелест камышей. Восстанет, воскреснет.

Аид. Добром и злом взвешены и разделены человеческие деяния, добро и зло многие и разные строят дороги. Но все земные дороги приходят в нашу вечную область. Всякое сказывание жизни встречает свое окаменяющее Нет, и влечется им к берегам Леты. Всякий, кто в ответ первому искустителю сказал когда-то: Да, хочу жить! - кончает свой путь у того столба при входе в мои чертоги, на котором я начертал вечное слово: Нет возврата.

Эхо. Нет возврата.

Тихий шелест камышей, как отзвук эха. Возврата.

Далекий вопль Прометея. Расторгну узы, - погибнешь, погибнешь, неправедный! Зажгу огни, которых ты не погасишь.

Персефона. Все к нам приходят... Как домой, приходят все... Но скроешь ли от меня скорбную истину? Приходят все неволею.

Эхо. Неволею.

Тихий шелест камышей, как отзвук эха. Волею.

Аид. От берегов, где плещет Лета, я слышу хриплый, вещательный крик, - адские вороны кричат, вещая о том, что придут многие, герои и воины, падшие в славных боях за прекрасную Елену.

Персефона. За бедный призрак красоты, за изменчивую земную личину небесной очаровательницы. О, счастье земного безумия! О, счастливые! О, неразумные! Устремились за нею, а быстрый ветер умчал далеко, в страну иную, и похитителя, и его добычу. И не похитителя радуется добыча.

Аид. Стремящийся творит сам свои цели. Стрела ранит вонзаясь, хотя бы и ошибся глаз мечущего стрелы.

Персефона. Из-за призрака, из-за бледной тени стали призраками и под вечную сень сошли мужи, полные доблестей и силы. О, злосчастный род людской! О, безумное своеволие Айсы! Не истощив своей злобы над людьми, и над богами простерлась ты, страшная Тень! Над богами царящая Ананке, зачем, зачем навеки скорбю омрачила ты сердце мое?

А и д. Пойми, как противоречивы помыслы и желания твои, Персефона.

Персефона. О, да! Иначе как бы не найти им воплощения? Увы! В зыбкое море изменчивости брошены земные утверждения.

А и д. Ныне, Персефона, как и прежде, согласно завету гостеприимства, достойного царского чертога, предложим доблестным пришельцам разделить нашу трапезу.

Персефона. Я встану с моего темного, с моего пышного ложа, я сниму мою тяжелую диадему и царскую мою багряницу, я пойду им навстречу, я омою усталые ноги бедным героям, я поклонюсь вечной муке высокого стремления к призрачной, недостижимой цели. Они хотели, они посмели.

А и д. Ты - богиня и царица. К чему твой труд и унижение? Уже и то им будет великою честью, что ты склонишь к ним божественный взор, и они утешат тебя земною своею и грубою речью. Склониться же перед ним ты не можешь.

Персефона. Утешать. Увы! Они только расскажут, только вспомнят, только повторят. Они мертвы, как мое вечное в скорби сердце, - сладкое упоение предчувствий не взволнует их крови. Мертвы, и слова их - бледные тени свершенных и несвершенных дел.

Вновь пришедшие, входя в чертог. Приветствуем тебя, великий обладатель и господин наш Аид. Отныне и вовеки мы в твоей власти. И тебе привет, гостеприимная богиня, опечаленная царица Персефона.

А и д. Подъявшие труды, свершившие подвиги, исполнившие тяжкие заветы жизни, пожелавшие, достигшие или отвергнутые и перешедшие Летийские шумные волны, - приблизьтесь, займите места за нашим царским столом, разделите с нами нашу святую и божественную трапезу.

Тени вновь пришедших заняли места за царским столом. Протесилай против Персефоны. Мертвое ликование.

Персефона, Протесилаю. Милый гость, поведай нам, кто ты, и откуда, и почему ты печален.

Протесилай. Я - Протесилай, сын Ификла, царь Филадельфии. Через мрачную Лету принес я печаль о милой моей Лаодамии. На призыв доблестного царя Агамемнона поспешил я с моею ратью к стенам далекой Трои.

Персефона. Зачем?

Протесилай. Мы вознамерились отомстить дерзкому похитителю прекрасной Елены и возратить ее в ее дом, ее мужу, царю Менелая.

Персефона. Милый гость, тщетным желанием горело сердце ваше, за призраком устремились ваши доблестные рати. Похититель не сохранит своей добычи, но не вернуть, никогда не вернуть того, что похищено.

Протесилай. От живущих на земле сокрыты веления судьбы. Но долг царя и воина повелел мне идти туда, куда устремились и все ахейские рати. Оставив недостроенный дом мой, расставшись с милым другом моим Лисиппом и после первой брачной ночи покинув мою возлюбленную жену Лаодамию, я вверил мою жизнь ветрам, и морю, и жребию битв.

Персефона. И ты увидел стены Трои? Поверг врага решительным ударом?

Протесилай. О, царица! Прельщенный громким зовом славы, я первый вышел из корабля на берег, и первый был убит дарданием. И не увижу моей Лаодамии.

Персефона. Милый герой, утешься питиями и яствами подземного мира.

Протесилай. Разлука с милой Лаодамией омрачает мое сердце, - а ты, великая царица мира, в который сойдут все насладившиеся светом солнца, скажи мне, отчего скорбью омрачены твои взоры.

Персефона. Милый гость с милой земли, открою тебе печаль моего сердца, - грустно мне, о золотых тоскую я стрелах, и о милом, вожделенном мне. Не веселит меня власть над этим великим миром, ни многообразие утешений, которые непрерывно предстают очам моим в образе переходящих в неизменную вечность сладостных мгновений жизни, - ничто не радует меня.

Протесилай. Славная царица, супруга великого и могущественного владыки, в чьей власти все мы, свершившие подвиги и труды жизни, - тебе ли печалится? Ты ли в чем чувствуешь ущерб или недостаток? Всегда получающая, все сохраняющая, ничего не отдающая, ты, и миродержавным Мойрам страшная, - ты ли тоскуешь?

Персефона. Взгляни перед собою, - что видишь?

Протесилай. Обильную вижу, взоры и обоняние услаждающую пищу, и многие вина, источающие благоухания, манящие к себе жаждущие уста.

Персефона. Милый гость, познай истину, одну из многих, открываемых за завесами восторга силою обличающей противоречия мира Иронии, - познай эту истину: мертвое вино и мертвые яства на моем столе.

Протесилай. Царица, как понять мне тебя? Неужели ты хотела бы разрывать живую плоть и пить живую кровь из теплого тела? Дикие люди и великие боги одни ли и те же имеют вожделения?

Персефона. Улыбаешься, милый гость, и не понимаешь меня. А тебе ли меня не понимать? Или так быстро смерть отнимает память о сладких трепетах жизни? Но и ты вкушал нектар заревых роз с амврозию созревших плодов.

Темнеет постепенно, и к концу действия ад окутывается мраком. Голоса звучат глуше, и вся сцена кажется исчезающим во мраке сном.

Протесилай. Никогда не забуду. О, милая Лаодамия!

Змея. Нет забвения? Нет забвения!

Эхо. Забвения.

Персефона. О, живое вино человеческой жизни, проливаемое в изобилии!

Тени умерших. Мы страдали.

Персефона. О, живая снедь человеческой плоти!

Тени умерших. Мы хотели.

Персефона. О, тело земное, пронизанное солнцем!

Тени умерших. Мы любили.

Персефона. Мойры, жестокие, какую ткань вы мне ткете!

Тени умерших. Мы свершили весь наш путь. Не ждем ни радости, ни печали.

Персефона. О, златокудрий, рождающий мудрых пчел! Как золотые стрелы, жужжат золотые пчелы. И сладостный в земных цветениях для пчел благоухает мед.

Протесилай. Вздыхая о златокудром метателе стрел и о золотых, его светлою мудростью упоенных, пчелах, ты, великая царица, забыла тающий от огня дар мудрых пчел, - воск. Как воск. тают личины. Персефона, видишь ли ты Лик?

Три черные завесы мрака закрывают ад, означая конец первого действия.

Действие второе

В Фессалийском городе Филаке, в царском чертоге, еще не совсем достроенном, царица Лаодамия тоскует в разлуке со своим мужем, царем Протесилаем, еще не зная об его смерти. Раннее утро. Царица только что пробудилась. Еще не одета. Рабыня Нисса убирает ее косы и говорит притворно-ласково утешные слова.

Н и с с а. Не плачь, госпожа, не плачь, милая. Смотри в окно, - как свежи и зелены платаны! Какое ясное небо! Какие цветы красуются перед царским чертогом. Слушай, как звонко стрекочут цикады, таясь в траве, как медленно и ровно жужжат золотые пчелы, вечные работницы, собирая сладкий мед и мягкий воск.

Л а о д а м и я глядит отуманенным взором и говорит, причитает. Налетели на меня, окружили меня темные пчелы печали, изжалили они мое сердце, соты горького меда скопили в нем, злые, - и тает мое сердце, как тает воск.

Н и с с а. Милая царица, да посиди ты спокойно хоть немного. **И** мне-то с тобою горе, - не мешай ты мне заплести твои черные косы, убрать их осыпанными утреннею росой цветами, которые так сладко пахнут, а потом покрою твою голову золотым венцом на багряном пурпуре.

Л а о д а м и я. Тоскую о моем миле, о доблестном Протесилае. Горькою мукою полно мое бедное сердце, - горький мед злых пчел! **И** помысли мои черны, - вешие птицы кружат и кричат и пророчат, черными махая крыльями. **И** как же не плакать мне, злосчастной, жене одинокой, оставленной!

Н и с с а. Утешься, милая госпожа, - разлука перед свиданием, слезы перед смехом, горе перед счастьем, - так установила судьба, так всегда бывает в жизни свободных и повелевающих.

Л а о д а м и я. Что же мне моя бедна свобода? Вот, я и царица, - но что же мне? Какое мне в том утешение? Мой милый далско, а я одна. О, зачем я не последовала за ним!

Н и с с а. Уж так повелось, госпожа, - не идут жены воевать. Говорят, есть царство амазонок, да ведь то у варваров, - а у нас бы засмеяли воительниц.

Л а о д а м и я. Жестокая участь жены! Сидеть дома, тосковать и печалиться, ветру поверять слова скорби.

Н и с с а. **И** подругам, госпожа.

Л а о д а м и я. Ветер, ветер перелетный, милый гость, всюду желанный, донеси к возлюбленному моему господину, к желанному моему Протесилаю, мои горькие воздыхания и слова мои нежные!

Н и с с а, *надевает на Лаодамию диадему и говорит:* - Так всегда было, так и будет, - воины сражаются далеко, жены устраивают дом, а рабы и рабыни им служат. Зато вернется милый из похода, - то-то у них будет радости!

Л а о д а м и я. А если его ранят? Он - самый храбрый, в самую жестокую бросится он сечу.

Н и с с а, *склонившись перед царицею, обувает ее и говорит:* - Царя защитят его воины, да и на царе крепкие доспехи, и шлем оперенный, далеко блещущий, и твердый щит, и латы, и поножи защищают все его тело.

Л а о д а м и я. А если свирепый враг обрушит на его щит жестокий удар, и разобьет щит и латы, и рассечет своим варварским мечом или проткнет своим ужасным копьем тело милого моего Протесилая? Или лукавая стрела, с тонким визгом, выбрав среди

доспехов случайно незащищенное место, вонзит свое злое острие в тело милого моего Протесилая?

Н и с с а. Раны - честь герою.

Л а о д а м и я. О, Протесилай! раны твоего тела - раны в моем сердце. Не от того ли горит, горит мое сердце? Мое бедное сердце!

Н и с с а, *надевая на Лаодамию багряный хитон, говорит:* Каждому судьба дала свою долю печали. Но не надо предаваться скорби. Ты - царица. Вот придут подруги твои, филакийских вельмож почтенные жены, - с ними утешься, как пристойно, пением, играми, разумною беседою, изобильною трапезою.

Л а о д а м и я. Он, возлюбленный мой, терпит труды и лишения, а ты надела на меня, проворная, так, что я не заметила, золотом шитую багряницу, и золотую диадему и богато изукрашенные сандалии. Увы мне, жене оставленной, одинокой! Одеждою скорби надлежит мне покрыться, совлечь, совлечь с себя все это, украшенное и блестящее.

Н и с с а. Ой, милая царица, печалью не накликай бы тебе на царя нашего беду! Как снимешь ты венец? Ты - его супруга, и боги сочетали вас навеки. На тебе венец, а на нем - шелом. Если скорбь скинет с тебя венец, бойся, не сбросила бы завистливая, темная, вечно-подстерегающая шелом с его чела.

Л а о д а м и я. А и правду говоришь ты, Нисса. Вот ведь какая я глупая! Печаль отуманила мои мысли. Так, нам, вступившим на высокий царский путь, не снять, не снять этой свернувшейся на голове золотой змеи.

Н и с с а. Да, царица, нельзя снять. Но это не змея, - этот венец обозначает стены ограждения. Увенчанный царь защищает свой город.

Л а о д а м и я. Так, не сниму золотого обруча с головы, - чешуйчатой змеи ограждения не трону. Жми, жги мою голову, золото, скованное молотом во знамение высокого пути, обольстительная золотая змея власти, - жги, жаль, пей мою кровь, пей свет моих очей! Но эту багряницу ты унеси, - она красная, на ней кровь. Кровь, кровь красит царские багряницы!

Н и с с а. Сильный в бранях - царь. Не убьет, - не наденет венца. Так искони повелось, царица, и в далеких веках не будет иначе.

Л а о д а м и я, *сбрасывая багряный хитон.* Не хочу крови. Унеси багряницу. Надену шерстяной хитон.

Н и с с а. Тело такое нежное, кожа такая тонкая, - неужели эту наденешь грубую одежду, царица?

Л а о д а м и я. Мой милый терпит труды и усталость, - пусть они падут и на мои плечи. И унеси эти сандалии.

Наклоняясь, снимает сандалии.

Н и с с а. Хоть их оставь себе, госпожа.

Л а о д а м и я. Нет, брось, брось их в огонь! Не пойду на пути веселия, пока не вернется из страны далекой мой милый. С далекого востока привезет мне Протесилай царские одежды и богато вышитые башмаки. А ныне обнаженными приникну к земле стопами, да услышу под ногами содрогание земли от далекого грохота колесниц.

Н и с с а, *надевая на Лаодамию шерстяной хитон.* Хорошо, царица, исполню, что хочешь. Вы, могучие и свободные, в знак скорби можете принять и рабский облик, - только бы одно осталось знаменование власти, в диадеме золотой или хотя в мгновен-

ных молниях потупленного взора. А нам, несущим легкий удел рабства, чем бы ознаменовать свою скорбь? Или и самое тело испепелить на костре?

Л а о д а м и я. Взошла бы я на костер, пеплом сбросила бы тяготеющую землю моего тела. Легкою, очищенною в пламени тенью скользнула бы к моему милому, обняла бы его, приникла бы к нему.

Н и с с а. Говорят, что македонские старухи-колдуньи умеют делать такие страшные дела.

Л а о д а м и я. Как пламенны поцелуи моего милого! Как пламенны и сладки! Как нежны его ласки! О, пусть бы иным героям оставила судьба битвы и славу, а моему Протесилаю - только любовь!

Н и с с а. Как не пожалеешь тебя, милая госпожа! Только одну ночь была ты в его объятиях. Едва минула сладкая брачная ночь, уже покинул тебя царь Протесилай, - спешил, чтобы не из последних быть ему на поле битвы.

Л а о д а м и я. Стыдно мне, Нисса, но скажу тебе, - раньше свадьбы, не свершив жертвоприношений, приходила я к моему милому, в его неоконченный дом, тайно ускоряя мое счастье, - потому что я ревновала Протесилая к сладкоречивому отроку Лисиппу, который изваял из воска так много дивных статуй.

Н и с с а. Не тужи об этом, милая царица, - пусть гнев Геры ты навлекла на себя, но зато заслужила ты милость Афродиты, и Афродита утешит тебя в печалях и защитит тебя от мстительной богини.

Л а о д а м и я. Боюсь, что и Афродита не сжалится надо мною. Гневаются на нас обе великие, немилосердные богини, - раньше брачного обряда познала я, самовольная, сладкое счастье любви, и прогневала этим Геру, а небесная Афродита гневается на Протесилая за его бывшее влечение к черноокому, прекрасному другу его Лисиппу. Увы мне, жене одиночной, мгновенной, оставленной, неутешной!

Н и с с а. Госпожа, говорят в Филаке, что Лисипп вылепил из воска статую царя Протесилая. Дивно похож царь, точно живой. Говорят, что даже смотреть страшно. Не повелишь ли мне, госпожа, сказать Лисиппу, чтобы показал он тебе эту статую? Может быть, он и продаст ее тебе. Ты бы утешилась, глядя на изображение милого.

Л а о д а м и я, *долго молчит.*

Н и с с а. Прости, милая царица.

Л а о д а м и я. Благодарю тебя, Нисса. Да, сходи к Лисиппу, скажи, что царица хочет увидеть его. Пусть придет ко мне Лисипп перед закатом докучного дневного светила.

К царице Лаодамии приходят ее подруги, жены филакских вельмож. Нисса уходит.

П о д р у г и. Здравствуй, милая царица, госпожа Лаодамия. Мы встали рано утром, оделись поспешно, сошлись у водоема, над которым, сидя, весело смеется изваянный юным Лисиппом молодой сатир, и пришли к тебе с благоуханными цветами, - видишь, еще вьется над этою розою золотая пчела, и жужжит, - пришли с утешными речами, с веселыми песнями.

Л а о д а м и я. Привет вам, дорогие подруги. Сколько цветов принесли вы для меня, неутешной!

П о д р у г и. Но что же? Бедная одежда на тебе, и только диадема, высокий знак власти, на смоляночерных кудрях твоих, Лаодамия. Или слишком рано мы пришли, и помешали тебе облечься в одежды, приличные царице?

Лаодамия. Я рада, что вы пришли ко мне, мои милые подруги. Обнимите меня, поцелуйте меня.

Подруги, целуя Лаодамию. Отчего же ты так печальна, так уныло смотришь и так тихо говоришь? Где твоя багряница, шитая золотом, и твои богато изукрашенные сандалии? Зачем эта смиренная одежда? Царице ли носить ее хотя и во дни скорби и печали?

Лаодамия. Мой милый далеко, мой Протесилай.

Подруги. Не печалься, милая царица, не тужи, не затмевай ясного взора частыми слезами, не стесняй высокой груди глубокими вздохами. Минует тяжкое время разлуки с возлюбленным твоим супругом, вернется он, прославленный и светлый, ты радостно обнимешь героя, а мы будем громко и весело славить его и тебя, и говорить: "Вот Лаодамия, царица наша, жена царя Протесилая, покрывшего себя великою славою в войне с троянцами."

Лаодамия. Милые мои подруги, благодарю вас за ваши утешные слова, - прямо от сердца идут они. Но не знаю, сможете ли вы, милые, утешить меня. А жажду я утешения. Мы, бедные женщины, как дети, - нас бы утешали да ласкали. Но кто и как меня утешит? Какой страшный сон приснился мне нынче ночью!

Подруги. Расскажи нам, милая Лаодамия, расскажи твой сон. Мы любим слушать рассказы о снах, и разгадывать любим, к добру они или к худу.

Лаодамия. Слушайте, милые, я расскажу вам сон мой, - но что разгадывать его! Увы, ясен его страшный смысл!

Подруги. Старые люди говорят, что и прозрачные воды бывают глубоки.

Лаодамия. Нынче ночью видела я во сне моего Протесилая. Темны были очи его, и лицо его было покрыто мглой. Увы мне! Оставил он меня, неутешную!

Плачет. Подруги обступили ее и ласкают.

Подруги. Лаодамия, не плачь, милая, - доскажи нам твой сон. Что же сказал тебе царь Протесилай?

Лаодамия. Видела я, что пришел ко мне мой Протесилай в окровавленной и изорванной одежде. Прости, Лаодамия, - сказал он мне, - неумолимая увлскает меня в царство Аида. Оскорбленная мною некогда Афродита, - говорил мне Протесилай, - направила вражье копье в мою грудь и предала меня в руки неумолимой. Так говорил мне мой Протесилай, несносною терзая скорбию мое бедное сердце.

Подруги. А ты, милая царица, что ты ответила ему?

Лаодамия. Обливаясь горькими слезами, я сказала: О, Протесилай, мы будем вместе, всегда вместе, - сказала я, - повсюду за тобою, за тобою, Протесилай, и в самый ад, - так сказала я, - последует твоя Лаодамия. И я поспешно подошла к нему, чтобы обнять его, - но уже его не было, и только милый голос его прозвучал издалека: прости, Лаодамия, - услышала я, и проснулась, обливаясь горячими слезами. Золотые пчелы жужжали за моим окном, жужжали, и золотые стрелы светлокудрого Феба упали на мое плечо, и пчелы темные, злые жалили мое сердце, и ныло от боли мое сердце, - со- ты горького меда, - и я плакала, плакала неутешно.

Подруги. Теперь-то не плачь, милая, а то и мы, глядя на тебя, заплачем, еще ничего не зная, - и как мы тогда тебя утешим? А может быть, еще и не о чем плакать. Может быть, мелкими и злыми демонами недостроенного дома внушен тебе этот сон. Бывают же, - говорят старые люди, - такие сны, которые и не могут сбыться, - только

опечалить, только смутить человека хотят враждебные демоны, но не имеют силы исполнить свои темные угрозы.

Лаодамия. Ах, милая! Я слышала голос моего Протесилая. Мне ли не узнать его? Он сам приходил ко мне, он прощался со мною. Зачем он прощался? Когда его тело неподвижно лежало на сыром песке, зачем он приходил ко мне легкою тенью, ночным призраком? Зачем сказал мне: прости, Лаодамия? Может быть, его... Может быть, он забыл меня для другой, которая понравилась ему больше.

Подруги. О, милая Лаодамия, как может молодой муж так скоро забыть свою жену, с которой он провел только одну ночь.

Лаодамия. Одну ночь! Увы!

Подруги. И на кого он тебя променяет? Ты прекрасна, как обительница светлого Олимпа, и хорошо, что Парис миновал Филаку.

Лаодамия. Там, на далеком востоке, цветут, может быть, розы пышнее и благоуханнее наших. Пышно-одетые красавицы, в бриллиантовых диадемах, в жемчужных ожерельях, в золотых запястьях, обольстят его лукавыми своими улыбками, призывными своими речами, варварскою пышностью своих смуглых тел. Забыл он меня, забыл меня, оставленную здесь, и сам наслаждается любовью в краю далеком и отрадном. Злые разлучницы! Их ласки бесстыдны, их глаза обманчиво-нежны. Из-за блудницы оставили воины родной край, за беглою женою устремились, и чужие прелестницы обольстят их.

Подруги. Не думай так, милая Лаодамия, - не забудет тебя Протесилай для заморской красавицы. Варварские лица не любы элину, варварский обычай противен ему.

Лаодамия. Ах, милая, говорю, - и сама не верю! Мой Протесилай меня не забудет, мне не изменит. А может быть, она, вещунья сладкая, по ночам таинственно-ворожающая под луною, увела его на свой темный луг, зачертила его в свой волшебный круг, опоила его полуночным зелием, обольстила его чародейным веселием... Увы мне, жене оставленной, неутешной!

Подруги. Утешься, милая наша царица, - сама придумываешь ты для себя скорби, которых нет, сама напрасною мукою терзаешь свое сердце.

Лаодамия. И зачем, из-за чего пошли они в такой далекий и трудный путь? Блудницу прославить и увенчать, призрак воплотить, медом жизни напоить беглую тень, - о, безумные!

Подруги. Высокому безумию - слава!

Лаодамия. Зачем, зачем слава, омытая в крови? Мне нужна любовь.

С шумом и плачем в чертог быстро входят жены, девы, дети, старцы, - вельможи и народ, и с ними Нисса.

Жены и девы. Царица Лаодамия! Вестник, посланный вождями нашего войска, пришел и принес тебе, царица, и городу вести. Одежда его в пыли, истомлен великою он усталостью, и нерадостен его мутный взор. Боимся, что многие печали возвестит он тебе, царица, и нам.

Лаодамия. Протесилая моего убили! Чужало мое сердце!

Вестник, *входит и обращается к царице.* Царица Лаодамия, тебе и городу возвестить великую скорбь послан я ныне вождями.

Лаодамия. Протесилая моего убили?

В е с т н и к. Царица, ты знаешь, что долго стояли мы в Авлиде, и ветра не было. И знаешь ты про смерть Ифигении, и про то, как мы покинули Авлиду. Путь был труден, и велики раздоры среди вождей, и море бурно. Но все корабли пришли к троянским берегам. Тогда мы вспомнили слова вещателя.

Л а о д а м и я. Несносный вестник, не томи меня долгим рассказом. Протесилай мой, - что с ним? Скажи мне, что он жив!

В е с т н и к. Царица, дело вестника - рассказать по порядку все, что ему велели передать вожди, и все, что он сам видел.

Л а о д а м и я. Ни слова не дам сказать тебе ранее, чем возвестишь мне, жив ли Протесилай!

В е с т н и к. Узнай же, царица, - царь Протесилай убит. Первый вышел он из корабля на берег вражеской земли, и сбылось предвешание - царь Протесилай первый пал, пораженный копьем дарданца.

Ж е н ы и д е в ы. О горе, великое горе! Бедная Лаодамия, плачь, плачь, подыми вопль до неба, - воплями и воздыханиями утоми черное горе, утешь своими слезами мстительных богинь.

Л а о д а м и я. Первый пал. Так, злая, торопилась ты умертвить моего милого, с умолимою поспешностью нанесла ты мне удар. Иди, злой вестник, я не хочу ни видеть, ни слышать тебя. Иди, иди, - говори другим о битве, о геройстве, о доблестях павших и о славе победивших, - мой Протесилай убит.

В е с т н и к. Царица, царь Протесилай убит, но войско наше подошло к стенам Трои.

Л а о д а м и я. Вестник и народ, - идите отсюда на городскую площадь, - ты, вестник, говори народу все, что надлежит, все, что ты знаешь, а я останусь одна с моим горем.

П о д р у г и. О, бедная царица! Какую горькую долю дал тебе немилосердный рок! Мы узнаем от вестника о наших мужьях и сыновьях, и потом придем к тебе утешать или плакать вместе с тобою.

Вестник, жены и народ уходят.

Н и с с а. А меня, госпожа, не гони, - мне слушать не о ком, - посижу над тобою, распростертою на ложе, все над тобою опыхалом.

Л а о д а м и я. О, горе мне! Не самая ли я несчастная из жен? Едва обняла мужа, - и нет его, - мстительные, злые, чуждые человеку силы умертвили радость мою! О, злая семья верховных!

Н и с с а. Боги требуют покорности от людей, как господа от рабов.

Л а о д а м и я. Обольстила его призрачная, призраком манила моего Протесилая, в царство теней легким призраком заманила его. Так поспешно, так страстно сорвали мы нежный цвет, между ласками отрока и ударом дарданца насладились мы его мгновенным благоуханием - и где же ты, счастье наше? Увы мне, жене покинутой, неутешной! Вы, неправедные боги! Или и вовсе недоступны чертоги ваши? О, трепещите, - проклятие горячим пеплом упадут на головы ваши! Восстанет из земного праха муж, который ответит стрелой на стрелу, ударом на удар!

Н и с с а. Ударом на удар!

Стало темно, и неясными являются очертания предметов. Сонною мглой окутывается ложе Лаодамии. Нисса тихо отходит, и Лаодамия медленно исчезает во мгле.

Афродита во образе старухи, повторяя лицом и одеждою аспект рабыни Ниссы, является и говорит Лисиппу, остановившемуся снаружи, за дверью:

А ф р о д и т а. Сюда или за мною, Лисипп, - зачем ты колеблешься на пороге? Уже обещал ты мне, что отдашь эту статую бедной Лаодамии. Не жалею дивно изваянного воска, - Лаодамию пожалей, утешь ее дивным даром.

Входит Лисипп. Он несет завернутую в полотно статую, держа ее поперек тела. Афродита поддерживает. Ставят закутанного идола у порога.

Л и с и п п. Хитрая старуха, куда ты меня привела? И донныне я не пойму, зачем ты хочешь, чтобы я отдал Лаодамии статую друга моего Протесилая. Для себя лепил я из воска образ моего милого, - нежною памятью воссоздал я дорогие черты. Ей ли, жадной до счастья, очаровавшей друга моего, отдам я то, что великою радостью, растворенною в печали, волновало мое сердце?

А ф р о д и т а. Милый отрок, уже кончен спор наш. Лаодамии, Лаодамии дивный дар мудрых пчел, - я так хочу.

Л и с и п п. Жалостью отравила ты мое сердце, печаль мою о друге моем растворила ты в сожалении к жене Протесилая. Кто же ты, коварная?

А ф р о д и т а. Я - неустанно зовущая.

Светел становится облик дивной богини, - и под старческими чертами сквозит величие небесной красоты. И Лисипп, трепеща от внезапного восторга, склоняется к стопам богини.

Л и с и п п. Узнаю, узнаю тебя, великая богиня. Хотя ты и обличие старой рабыни приняла, но узнаю тебя, дивная, из морской пены рожденная Афродита, небесная очаровательница.

А ф р о д и т а. Чуждый мне облик я приняла, - но ты, милый отрок, исполнил мою волю, хотя и рабынею тебе возвещенную.

Л и с и п п. Хвалят меня за мои изваяния и в Филаке, и далеча окрест, - но еще ни разу не удавалось мне вылепить такой прекрасной статуи, как эта, и так искусно ее раскрасить. Окончил я утешный мой труд, - и сам ужаснулся сходству ее с моим милым Протесилаем. И ныне понял я, дивная очаровательница, - твое в этом чародейство.

А ф р о д и т а. Так, милый отрок, человек творит, но только боги чаруют.

Л и с и п п. Говорят в Филаке, что твоим гневом поражен царь.

А ф р о д и т а. Первые брачные ласки, святые объятия он прервал, - и навлек на себя мой гнев.

Л и с и п п. А ныне, богиня, что же ты замыслила? Уже умер царь, - или и царицу новою казнью ты хочешь поразить, чарами этого дивного изображения?

А ф р о д и т а. Не мщение и не награду замыслила я. Мы, боги, иные знаем вождения, недоступные смертным, и высокие ставим себе цели, выше человека, выше бога, в ту область, где царит верховная Ананке-Айса. Воздвигну умершего, над смертью вознесу чары мои, обаянием моим расторгну плен Протесилая и власть незримого бога.

Л и с и п п. Он, друг мой, великою упоенный любовью, ныне покоится во владениях тихого Загря.

А ф р о д и т а. Расторгну, расторгну я узы смерти. Мною движутся миры.

Л и с и п п. Богиня, говорят старцы, что миры не ты движешь, великая движет их мать Мойр, державная Ананке.

А ф р о д и т а. Смешно, когда отроки судят и рядят о богах. Я - любовь, я - роковая, я - Афродита-Мойра. Безрадостно и пустынно томился древний Хаос, и не было ничего в мире явлений, и вечные тосковали матери в довременной своей могиле, скованные ледяным оком. Но в холодном сердце Хаоса, которому дают мудрецы имя Логоса, возникла Я. И умирая умер бессильный, истлела безумно-искаженная личина, и проснулись вечные, и зажглись неисчислимые молнии изволений и устремлений. И все, что было в творчестве божеском и человеческом, все из Моего изникло святого лона, все Мною рождено, все во Мне только дышит, все устремляется Мною и ко Мне. Только Я, только Я, - люби Меня, милый юноша, - в каждом земном прельщении открывай Мои черты, в каждом очаровании сладостной жизни узнавай Мой зов. Люби Меня.

Лаодамия выходит из мрака, объявшею ее ложе, и тихим голосом говорит:

Л а о д а м и я. Ты пришел, Лисипп. Я ждала тебя. Нисса, уйди.

Афродита опять принимает образ старухи. Что-то бормочет и уходит.

Л а о д а м и я. Лисипп, говорят в Филаке, что ты и мертвые черты делаешь живыми, - чародей ты, милый ваятель. О, если бы ты взял меня, как воск, как мягкий воск, и из воска, из мягкого воска изваял бы Иную!

Л и с и п п. Царица, тебе невольный дар принес я ныне. Для себя лепил я статую, - но дивная, движущая мирами, повелела мне отдать ее тебе.

Снимает покров со статуи, - и видно изображение Протесилая, дивно изваянное из воска и раскрашенное искусно. Лаодамия молча смотрит. Заплакала.

Л и с и п п. Лаодамия, ты плачешь!

Л а о д а м и я. Как страшно! Точно живой!

Л и с и п п. Страшно? Как странно!

Л а о д а м и я. Если он так похож, - о, Лисипп, что же он не молвит слова? А если он заговорит?

Л и с и п п. Оставлю тебе твоего Протесилая, а сам уйду. Утешься, царица, смотри на милые черты.

Лисипп уходит.

Л а о д а м и я. Увы, слабые руки человека, бессильное искусство земного творца! Этот воск - милый дар, так страшно похожий на моего Протесилая. Но у моего Протесилая сладкая речь, - ты, милый кумир, молчишь. У моего Протесилая пламенный взор, - а ты, милый кумир, глядишь, и не видишь. Не видишь, не слышишь. А может быть? О, безумная надежда! Умолить, умолить незримого бога, ты, милый кумир, помоги мне! Или я безумна? Или благим ко мне демоном внушена мне надежда и неложные чары в тебе, о, милый дар мудрых пчел?

Входит Афродита в образе старухи. Лаодамия принимает ее за Ниссу.

Л а о д а м и я. Подойди ко мне, посмотри на этот милый кумир.

А ф р о д и т а. Это - Протесилай.

Л а о д а м и я. Из воска вылепил его Лисипп. Смотри, как искусно он вылепил этот милый кумир!

А ф р о д и т а. Для всех - воск, для тебя - утешительный дар, твой Протесилай. Долгие ночи он будет твой. И насладишься, насладишься ласками и негой. Долгие ночи он будет в твоих объятиях, как живой, и как живого ты будешь ласкать его.

Л а о д а м и я. Воск растает.

А ф р о д и т а. И с воском, в блаженном восторге забвения, истает твое тело, и непорочная Психее придет в объятия Небесного Жениха.

Л а о д а м и я. В мире мертвых, в царстве Аида - Протесилай.

А ф р о д и т а. В царстве Аида только тень Протесилая, - а он, светлокудрый, правит путь в небесах, и светлые навстречу ему, и Ты.

Л а о д а м и я. Утешительна, утешительна твоя сладкая речь. За Ниссу приняла я тебя, - но горьки тихие речи моей Ниссы, - а твоя речь - Гиметский мед, и дар твой - милый воск, - а кто же ты?

А ф р о д и т а. Мирами владеющая, первая из верховных Мойр, тебя, Лаодамия, обрекла я на великий восторг любви, побеждающей Смерть. Сожгу тебя, сожгу в блаженном пламени страдания и Любви!

Л а о д а м и я. Вся душа моя в этом воске. И душа моя - твоя, Протесилай.

Сцена закрывается завесой ночного мрака.

Действие третье

Сад перед чертогом Лаодамии. Вечерет. Входит Акаст. Останавливается у порога.

А к а с т. Приди ко мне, Лаодамия, выслушай утешные мои слова.

Выходит Лаодамия, в одежде печальной и бедной, босая. Лицо ее бледно, она истомлена горем и страстью, на губах ее странная улыбка, и глаза ее смотрят, словно не видят предметов.

А к а с т. Милая дочь моя Лаодамия, да будет краткою твоя скорбь. Настало время тебе утешиться, а мне опять на тебя радоваться. Вот, пришел я возвестить тебе великую радость.

Л а о д а м и я. Нет уже для меня радости на земле. Кровожадный Омесмес пожрал мою радость, похитил для своей забавы свет моих очей. Нет мне радости на земле, доколе не вернет мне Аид моего Протесилая. Но неумолимы, неумолимы подземные великие боги, и всякое божество навеки враждебно самовольной радости человека, дерзко взятому им счастью. Не радоваться нам, доколе царит над миром жестокая верховная семья.

А к а с т. Не говори о божестве слов нечестивых. Каждый день Гелиос восходит в торжественный, высокий путь, - каждый день расточает он земле нашей новые радости. Нового мужа нашел я для тебя, моя красавица.

Л а о д а м и я. Зачем?

А к а с т. Разве ты сама не понимаешь, что надлежит нам смирить гнев оскорбленной тобою Геры?

Л а о д а м и я. Не сжалится жестокая. И от нее мне ничего не надо. Не ее стану молить, склоняясь к ногам милого моего кумира.

А к а с т. Детей у тебя нет, недостроен стоит дом Протесилая, ничто не связывает тебя с памятью царя-героя. Протагору отдам я тебя в жены.

Л а о д а м и я. Отец, зачем ты это замыслил?

А к а с т. Почтенный Протагор, муж опытный и разумный, достроит дом Протесилая, и будет царем в Филаке, потому что угоден он богам, старейшинам и народу.

Л а о д а м и я. Меня бы спросили!

А к а с т. Завтра быть свадьбе. Такова моя воля, - а ты, милая моя дочь, должна хорошо знать свойство моей воли, - ей надо пскориться, хочешь или не хочешь.

Л а о д а м и я. Знаю я, отец, непреклонность твоей воли. А ты знаешь ли силу моей любви? Любовь моя сильнее всякой земной силы. Не буду женой Протагора, ничьею женою не могу быть, не хочу быть ничьею женою.

А к а с т. Удивляюсь, Лаодамия, твоему упрямству. Впрочем, женщины и все так-вы. Они хотят, чтобы их долго уговаривали и потом повлекли силою. И тогда они сами довольны. Скажи мне, почему ты не хочешь быть женою Протагора?

Л а о д а м и я. Люблю Протесилая, Протесилая моего.

А к а с т. Нет в мире живых твоего Протесилая.

Л а о д а м и я. Люблю Протесилая.

А к а с т. Безумная! Пойми, что его нет.

Л а о д а м и я. Нет? Кто это знает! Есть, нет, - не все ли равно? Я хочу.

А к а с т. Вижу, что не переспорить мне тебя. Уйду, а ты готовься к свадьбе. Не пойдешь сама, повлекут силою.

Л а о д а м и я. Подожди, отец. Злое ты замыслил. Как мне уговорить тебя. Да и не надо. Пусть свершится воля твоя. Моя воля - только моя воля. Или ты думаешь, что моя воля - ничто? Но пусть... Дай мне только три дня, - свершить таинственные обряды и последние очистительные привести жертвы, да умилостивлю темного Загрея.

А к а с т. Три дня, так и быть, еще помедлю. А потом быть свадьбе. Уже агора шумными голосами множества приветствовала возвещенное ей мною избрание твое, и на вопрос старейшин: "быть ли царем второму супругу царицы Лаодамии, почтенному Протагору?" возгласила громо-подобным криком: да!

Л а о д а м и я, *грустно улыбаясь.* Боги отняли моего милого, люди ведут ко мне другого, - а я? Аида и Персефону сладкими умолю мольбами, непреодолимою силою небесной очаровательницы. И восстанет мой милый.

Уходит. Жены филакских вельмож, подруги Лаодамии, в праздничных нарядах, радостно шумною толпою пришли и говорят Акасту.

П о д р у г и . Радуйся, милый царь Акаст. Твоя дочь, наша возлюбленная царица, после краткой скорби вдовства снова вкусит удел брачного счастья. Долго плакала бедная Лаодамия, целые дни ее тяжкие стоны и пронзительные вопли томили нас великою печалью, и многие проливали мы слезы, глядя, как тоскует царица. И только с приближением ночи милая Лаодамия затихала, и улыбалась сквозь слезы, и утешительного ждала сна, - словно милого ее супруга, - а на утро опять вставала бледная и усталая, точно сон и не смыкал ее очей, и снова рыдала неутешно. Но ты подумал о том, чтобы Лаодамию утешить да и нам дать царя, - и скоро мы на светлом возликуем празднике. Надлежит почтить печалью умерших, - но не любят светлые боги долгих рыданий. Сладки утехи брачных ночей, - и угодны они олимпийским богиням.

А к а с т. Красно говорите вы, милые, а вот мне с моею глупою горе: не радует ее весть о свадьбе, плачет, не осушая глаз, не хочет утешиться. Боюсь, что силою придется влечь ее к алтарю. Уж вы побеседуйте с нею. Уговорите вы ее, неразумную.

П о д р у г и. Ты не печалься ни о чем, благородный Акаст, - мы скажем ей все, какие знаем, утешные слова. Нельзя же ей не поплакать о первом ее миле. И второй муж за это еще крепче ее полюбит, - скажет: привязчива. Скажет: так-то и по мне будет Лаодамия тосковать, если я раньше ее умру.

Акаст уходит. Одна из подруг подходит к двери. Зовет:

Милая Лаодамия, выйди к нам, побеседуй с нами. Оставь темный и скучный терем.

Л а о д а м и я. Грустно мне.

П о д р у г и. Идет.

Стали безмолвно, и с любопытством смотрят на дверь. И выходит к ним Лаодамия, в одежде печальной и бедной, босая, склоняя туманные взоры, не глядя на милых подруг. Они расступаются, и она тихо входит в их нарядно-пестрый круг. Слушает их речи. Молчит. И утешают ее подруги. Говорят ей ласково.

П о д р у г и. Не плачь, милая Лаодамия, не плачь. Довольно плакать. Уже не одну глубокую наполнил чашу Собирающий слезы, уже не мало оросил он ими цветников на туманных полях во владениях Аида. Не вернешь рыданиями и воплями почившего героя, - только сердце томишь, только свет от очей твоих черных слезами застишь, милые щеки горькою влагою мочишь.

Л а о д а м и я. Как не плакать мне о моем Протесилае!

П о д р у г и. Вечною венчанной славою, он умер смертью героя. В далеких веках не изгладится из памяти потомков его славное имя. Тебе ли о нем печалиться?

Л а о д а м и я. Пустая слава, призрак жизни, сказка, сладкая для буйных мальчишек, любящих драку, - что мне в ней!

П о д р у г и. Не услышит твоих стонов Протесилай. А если и перенесет какой-нибудь шаловливый неведомый маленький бог через Летийские волны твои свирельные вздохи, улыбнется им Протесилай, обитающий ныне в царстве успокоенных теней и свершенных деяний.

Л а о д а м и я. О, если бы он услышал!

П о д р у г и. Подумай, Лаодамия, какое счастье посылают боги тебе взамен утраченного. Новый муж утешит тебя, неутешную, - по тебе он станет у нас царем, - какая тебе честь будет от царя и от народа!

Л а о д а м и я, улыбаясь. Милые подруги, воистину мудры ваши речи, сладостны ваши утешения, и советов ваших нельзя отвергнуть. Так, милые, забуду всю мою скорбь, сброшу все, что было моим, стану совсем иною! И уже не будет, не будет стонущей о герое Протесилае Лаодамии, будет царица, правящая домом и хозяйством благоразумного Протагора!

П о д р у г и. Благо решение твое, милая царица, и слова твои радуют нас. И если ты сама так решила, то уже близка свадьба. Сними же траур, надень наряд приличный.

Л а о д а м и я. А ныне жду ночи. О, как нетерпеливо жду ночи! И когда настанет она, - хочу очиститься от погребальных воздыханий обрядом таинственным и угешным. Восторга хочу, уносящего душу.

П о д р у г и. И мы будем с тобою, милая царица, и сделаем все, чего ты захочешь.

Темнеет. Становится прохладно.

Лаодамия. Ты, ночь, слаще дня и радостнее. Когда приходит с тобою чарующая, та, которой боятся глупые дети, та, имени которой не назову, - и, может быть, не знаю, - уже давно заснули шумные пчелы, и на горной дороге улеглась, наконец, последняя мерцающая пыль, яркими брызгами взлетающая из-под копыт дивных коней, из-под колес быстро-бегущей колесницы, на которой мчался он, золотокудрый, далеко разящий и смеющийся бог.

Небо синее. Зажигаются звезды.

Лаодамия. И такая утешительная пришла она, блуждающая около распутий, - тихая? Безмолвная? Да? Нет? Тихая, тихая, прильнула, смеется, и сбросила легкотканную одежду, и мчится в чародейной пляске, и буйным воплем будит ожидающих ночного восторга.

Уходит в дом. За нею идут подруги. Входящие в чертог, одна за другою, однообразным и привычным движением, опираясь одною рукою о притолку двери, снимают другою рукою сандалии. Несколько женщин замедлили на пороге. Беседуют меж собою. Засмотрелись в двери, сблизилась, положили руки на плечи подруг.

Одна. Что там делает Лаодамия?

Другая. Тяжелый занавес полуоткрыт, и за ним видна крытая зеленью беседка.

Третья. Восковой в ней стоит кумир, венчаный плющем.

Четвертая. Этот восковой кумир, очертания лица которого нам смутно видны из-под осенения плюща, скажи, кто он? Не Диониса ли он изображает?

Снимает сандалии, входят в чертог. В саду осталась одна Нисса. В чертоге зажигаются огни. Слышно пение, шум пляски, звуки флейты, кифары, кимвалов, бубна. Дали темнеют и туманятся. Ночная мгла медленно надвигается.

Лаодамия, в доме.

Строфа I.

Ночь за ночью пролетала.
Много было их иль мало, -
Бога, друга я искала,
Я нашла, и обнимала
Милый воск высоких плеч.
И от сладостных лобзаний,
От ночных очарований
Я ль должна мечты отвлечь?

Хор подруг.

Антистрофа I.

Горы быстро пролетают,
Тени меркнут, тени тают,
Взоры страстные сверкают, -
Боги тайное свершают, -
И таинственную речь
Я в смущеньи услышала.
С кем царица почивала?
С кем опять должна возлечь?

Строфа II.

Гостя ждет царица наша,
 Ждет она.
 Вот наполненная чаша
 Сладкопенного вина.
 Встречу радостным желаньям
 Пред царицей станет он,
 С ней полночным заклинаньем
 Обручен.

Антистрофа II.

Гость ночной тихонько станет
 На порог.
 Он на плачущую глянет.
 Кто же он? Герой иль бог?
 Или силою заклятья
 Воск недвижим оживет
 И в царицыны объятья
 Упадет?

Н и с с а. Для госпожи моей флейты играют, кимвалы гудят, тайно венчается она с восставшим Загреем.

Из ночного тумана выходит, справа и слева, ночные колдуньи, в светло-серых одеждах, босые. В саду сплетаются в хоровод, поют и пляшут, сначала медленно, потом ускоряя темп.

Н о ч н ы е к о л ь д у н ь и.

На перекрестках мы ворожим.
 Там стелется туман, как дым.
 Все зыблемо, и все нам явлено,
 Что дивною навек предуставлено.
 Мы знаем и не знаем, что явит день, -
 Мы гадаем, и видим только тень.
 Но когда восходит ворожащая,
 В туманную полночь не спящая,
 Мы радостно мчимся вокруг темных могил, -
 Мы знаем восторг неведомых сил.

Некоторые из подруг выходят в сад; ночные колдуньи разбивают свой круг; то входят в чертог, то выходят из него; смешиваются с подругами, поют и пляшут вместе.

Х о р п о д р у г и н о ч н ы х к о л д у н и й.

Строфа III.

Сходят мертвые к Аиду.
 Их приемлет Персефона.
 В полночь на распутье выду,
 Кличу, кличу: Персефона!

Ты, царица с темным ликом,
 Плачешь, сердце к нам склоняя.
 Мы, ночные,
 Молим в таинстве великом:
 Дай Лаодамии,
 Дай Протесилая!

Антистрофа III.

Невозвратно то, что было, -
 Но печальна Персефона,
 Я над воском ворожила,
 Тихо клича: Персефона!
 Ты, предел земных желаний,
 Плачешь, сердцем холодея.
 Мы, ночные,
 Молим в час очарований:
 Дай Лаодамии
 Обнимать Загрея!

Н и с а. Пламенные очи менад, их пляска и пение восторгом, восторгом напоили госпожу. Что же я одна стою? Пойду, вмешаюсь в безумный круг, - о, если бы умереть в легком и свободном беге!

Нисса входит в чертог.

Х о р в чертоге.

Строфа IV.

Сам сковал Загрей
 Чары адского порога.
 Но сковать ли бога?
 Сам расторгший чары
 У дверей!
 Звон кифары
 Славит бога, - Дионис-Загрей!

Х о р в саду.

Антистрофа IV.

Дионис воскрес!
 Вот стоит он у порога.
 Слышим голос бога.
 Пар восходит тонкий
 До небес.
 Песней звонкой
 Славим бога, -
 Дионис воскрес!

Пляшущие жены шумною толпою выбегают в сад. Между ними Лаодамия. Образуют хоровод, сплетаясь в широкий круг.

Хор.

Строфа V.

Круг свивайте, развивайте,
Становитесь, сестры, в круг.
Заплетайте, заплетайте
Круг прекрасных рук!
Умер кто-то или ожил,
Засиял или померк,
Ликованья ли умножил,
Воплем сердце ль растревожил,
Утешенья ли отверг, -
Надо всем колеблют боги
Песню бурную отрад,
Окрыляя пляской ноги
С воплем мчащихся менад.

Хоровод разрывается в двух местах; пляшущие движутся двумя змеобразными лентами, из которых сначала одна обегает вокруг чертога, потом другая скрывается в туманном поле и опять выбегает.

Антистрофа V.

Торжествующий над страхом,
Одoleвший ярость мук,
О, пускай внезапным взмахом
Разорвется круг!
Мир дневной в восторге тонет,
Зачарован твой чертог, -
Тени злые милый гонит,
Он придет и взоры склонит,
Тихо ступит на порог.
Тихий, кроткий, но мятежный,
Победивший смерть и ад,
Усладит он песней нежной
Вопли буйные менад.

Хоровод сплетается в один быстро мчавшийся круг.

Эпод.

Руки легкие сплетайте,
Сестры милые, вставайте
В тесный круг, -
Быстро, быстро мчатся ноги,
С нами демоны и боги.
Сестры, сестры! Не разнимайте
Тесно сжатых рук!

Ночные колдуньи образуют внешний хоровод. Поют протяжно, и под их пение замедляется пляска замкнутых в их кругу подруг.

Хор ночных колдуний.
 Мы ворожили
 Над могилой
 Диониса.
 Мы собирали
 Злые зелья.
 Мы вызывали
 Из вечных мраков, -
 Мы вызывали,
 И дожидались
 Гостей загробных,
 И зыбким смехом
 Смеялись
 Вместе с ними.

Медленно движутся оба круга, внешний и внутренний; слышен печальный напев. Ночь все темнее.

Хор.

Строфа VI.

Плачьте, жены!
 Плачьте, девы!
 Мы увидели могилу
 Диониса.
 Гибель бога возвестили
 Нам ночные голоса.
 Соком жизни наливались
 Травы,
 Соком жизни стали полны
 Жилы зверя,
 Ядом жизни дышит ветер,
 Ядом жизни напитались
 Стрелы Змия золотого, -
 Только он, источник жизни,
 Пестро оцветивший поле,
 Напоивший зверя,
 Взволновавший море,
 Отравивший стрелы, -
 Только он в сырой могиле,
 Сам своим упившись ядом,
 Мертвый спит.

Свет из чертога все ярче, а ночь все темнее. Вдруг помчались в буйной пляске. Одежды зыблются, обнажая плечи и ноги и почти спадая с иных. Бубен громок. Пение звучит дивным восторгом. К концу антистрофы круг разрывается. В руках пляшущих появляются сорванные с деревьев ветви.

Хор подруг.

Антистрофа VI.

Смейтесь, жены!
Смейтесь, девы!
Мы увидели восстанье
Диониса.
Радость, радость возвестили
Нам ночные голоса!
Радость жизни напоила
Травы,
Мудрость жизни озарила
Человека,
Стал душою быстрый ветер,
Сладкий мед несут Гимету
Стрелы Феба золотого, -
Дионис, источник жизни,
Семенам дающий волю,
Возводящий зверя,
Укротивший море,
Мед и воск дающий, -
Он упился виноградным,
Веселящим, сладким соком,
И поет.

Сад наполнен пляшущими женами, подругами Лаодамии, и чужими. Их неистовые движения разрывают ткани одежд. Мелькают все чаще обнаженные тела, смуглые или темные от загара; в полумраке все они кажутся белыми. Выходит луна. Свет ее часто закрыт тучами, - то прояснеет, то опять совсем темно. Видны взмахи ветвей в руках жен.

Хор.

Строфа VII.

Повинуясь лунным чарам,
Мы помчимся,
Закружимся,
И в безумстве бурно-яром
Пламенеющее тело,
Обнажая смело,
Предадим ударам.
Кличем. мчимся,
И кружимся,
Повинуясь лунным чарам.

Все чаще и чаще взмахи рук, держащих ветви. Слышны удары веток о нагие тела, вскрики, визги и стоны внезапной боли.

Антистрофа VII.

В час полночного раденья
Быстро мчимся

И кружимся,
И в восторге исступленья
Пламенеющее тело
Обнажаем смело,
Вольного мученья
Не боимся,
Мчимся, мчимся
В час полночного раденья.

Хоровод сближается тесно. Объятия и поцелуи перемежаются с неистовыми ударами ветвей.

Строфа VIII.

Руки смелые мелькают.
Боль внезапна и остра.
Поцелуи чьи-то тают.
Сладко, больно мне, сестра.
Стон и визг от острой боли,
Брызжет кровь, -
Не боюсь внезапной боли.
Все в моей безумной воле, -
Кровь, и слезы, и любовь.

Хоровод сливается на короткое время в широкий круг жен, которые мчатся одна за другою, ударяя одна другую ветвями. Все обнажены, кроме двух, которые отходят в сторону.

Антистрофа VIII.

Звонко тонкие удары,
Визг менад и тонкий свист.
Боль, восторг, и кровь, и чары.
Круг мелькающий лучист.
Быстры ноги, быстры руки,
Брызжет кровь.
Вы быстрее мелькайте, руки.
Все мое: восторг и муки,
Пляска ночи и любовь.

К концу антистрофы хоровод развертывается и мчится в туманное поле. Звуки пения и пляски постепенно удаляются. Две женщины, отделившиеся от пляшущих, заботливо оправляют одежды и говорят тихо.

П е р в а я. Мне страшно. Не уйти ли?

В т о р а я. И я боюсь. Они обезумели!

П е р в а я. Рвут на себе такие дорогие и нарядные одежды, - а в чем потом будут ходить на собрания? Купцы из Тира когда еще приедут, а наши рабыни такие ленивые и неискусные.

В т о р а я. Великая скорбь отуманила разум царицы. Жалко смотреть мне было на нее, как она пляшет, неистовая, с пламенными взорами, безумные выкрикивает слова, и последние куски одежды упадают с ее прекрасного тела.

П е р в а я. Да, горюет, а сама хитрая, - шерстяной надела хитон, да и то не свой, а рабыни своей Ниссы, - его и не жаль ей разорвать. А на подругах дорогие сидонские ткани. Такие глупые!

Слышно, что пляшущие приближаются. Пение и бубен ближе и громче, хотя слова еще невнятные.

В т о р а я. И боли не чувствуют, а уже кровь проступила на их телах!

П е р в а я. Что тело! Была бы цела одежда, а пролить сколько-нибудь крови для очистительного обряда хорошо, - угодно богам и царице и полезно для здоровья. Но этого наряда мне жалко, я пойду домой.

В т о р а я. И я. А царица не обидится?

П е р в а я. Ей не до нас. Да и без нас много. Какие-то чужие набежали, бесстыдные и неистовые. О нас и не вспомнят. Надо бы только поискать сандалии, - они у меня совсем мало ношенные и очень красивые, - да где их найдешь в такой суматохе!

В т о р а я. Придем за ними завтра.

Уходят.

Хор в туманном поле.

Строфа IX.

Смейтесь, пляшите!
Жив или умер,
Воскрес или спит
В области мрачной,
Где Лета шумит,
Да или нет,
Возвестите,
Это - одно.

Луна за тучами. На сцене почти совсем темно. К концу пения строфы в сад вбегают пляшущие; во мраке слабо мерцают их нагие, смуглые тела.

Антистрофа IX.

Смелые, смейте!
Днем или ночью,
Видит весь народ
Иль только стены
Буйный хоровод, -
Честь или стыд,
Разумейте:
Так я хочу!

Черная ночь окутывает сцену. Голоса смолкают. Огни чертога тускнеют, - исчезают. Глухой шум. Плеск воды.

Действие четвертое

Раскрывается царство Аида. Еще темнее, чем в первом действии. Боги и тени почивших слабо видны, и только по временам вспыхивают неживым огнем янтарные светочи адского свода. Аид почивает на престоле. Лицо его угрюмо и туманно, - и печален лик Персефоны.

Персефона. Передо мною предстоишь ты, милый герой, с печалью во взорах и с желанием в сердце. Увы! Никакое желание не властно открыть путь, проходимый только в одну сторону, - путь безвозвратный.

Протесилай. Великая богиня, прежде чем я начал говорить, ты уже знаешь, что я скажу. Докучна тебе речь моя, - но дай мне словами излить скорь мою и тем облегчить мое сердце.

Персефона. Говори, милый герой, - если ты еще не забыл слова живой страсти, утешны будут они мне, неутешной.

Доносится сверху пронзительный вопль Лаодамии, сопровождаемый далекими отзвуками флейты и кимвал.

Лаодамия. Заклинаю воском, даром мудрых пчел, - вы, невидимые боги, дайте мне Протесилая моего.

Протесилай. Я слышу призывный стон Лаодамии, - небесная Афродита сладким голосом кличет меня. Из земных пределов донесся ко мне призывный стон Лаодамии, и непреодолимая власть в нем, и он зовет меня.

Персефона. Зовет меня.

Протесилай. Не могу противиться этому зову, - в царстве свершенных деяний коснеть не могу. Я должен вернуться в мой недостроенный дом, - я должен, - никогда еще полуночные чары небесной очаровательницы не были так могущественны.

Опять доносится вопль Лаодамии, сопровождаемый слабым звоном кифары и короткими гулами бубна.

Лаодамия. Протесилая, Протесилая моего отдайте мне, подземные боги. Даром мудрых пчел заклиная вашу свирепость, умоляю вас, подземные боги, отдайте мне Протесилая.

Персефона. Аид, отпусти Протесилая на землю. О себе никогда не молила и теперь не молю, - долг супруги, царицы и богини запрещает мне мольбы о недолжном, провидение, свойственное богам, заграждает мои уста для речей безумных. Но его отпусти.

Аид. Как хочешь ты, Персефона, чтобы я вернул ему жизнь? Великое колесо мира повернуть в обратную сторону я не хочу. И разве ты не знаешь, что минувшее невозвратно?

Свирельный вопль царицы Лаодамии явственнее слышен, - к земле приникла она и вопит, - и жалобный звон кифары вторит ее воплю.

Лаодамия.

Один час - приветить,
Второй час - насладиться,
Третий час - расстаться,

И после плакать
И умереть.
Только три часа
Дайте мне, неумолимые
Боги, -
Аид и Персефона.

Персефона. Не о невозвратном говорю, - верни его на землю хотя на краткие сроки, дай ему хотя недолгие радости соединения с милою.

Вопли тоскующей Лаодамии сопровождаются ударами бубна и короткими звонами.

Лаодамия.

Строфа I.

О, Персефона!
Ты знаешь, ты знаешь
Путь невозможный
Из-за Леты,
Ты знаешь, ты помнишь
Золотокудрого бога.
Ты знаешь, ты знаешь,
Чья сила
В тающем воске.

Антистрофа I.

О, Персефона!
Ты помнишь, ты хочешь
Тихой услады
Поцелуя.
Ты знаешь, ты помнишь
Смерть победившего бога.
Ты хочешь, ты хочешь
Веселья
Сладкого меда.

Аид. Страшным призраком предстанет он живым, - холодом обвеет трепещущие от вождления груди.

Персефона. Утешающий призрак! Если призраком утешено сердце, все же оно утешено. И холод, веющий от милого пришельца, - холод великого утешения.

Аид. У меня утешен холод, - моя темная область утешительна страдающему сердцу. Низведи к нам Лаодамию, - и утешены будут оба.

Лаодамия.

Эпод.

Я пришлю тебе чашу
Сладкого меда
С моим Протесилаем.
Я смешаю

Вино и мед
 В глубокой чаше
 Из воска.
 За вино и за мед и за восковую чашу
 Дай мне, дай мне
 Хоть на три часа Протесилая.

Персефона. Красота милого героя и скорбь его о разлуке с милою наполнили мое сердце неизъяснимою жалостью.

Аид. Жалость! Подумай, кого ты жалеешь! Не тень ли, скользнувшую по стене?

Персефона. Тень!

Протесилай. Молю тебя, Аид, отпусти меня.

Подземные боги.

Строфа II.

Сочетать живую с мертвым
 Может только царь Аид.
 Только раз путем обратным
 Человек взойдет к жене.
 Он вернется, и живое
 Принесет вино,
 И утешит, засмеется
 Здесь, у Летских вод, Загрей.

Антистрофа II.

Отпусти Протесилая
 К Лаодамии, Аид.
 Приведет его обратно
 В час назначенный Гермес.
 То, что было волей к жизни,
 Вечная любовь,
 Сочетает жизнь со смертью,
 Но твоя победа, царь.

Эпод.

Жизнь и смерть,
 Пронзенные любовью,
 Айса взвешивает ныне,
 И вещает:
 - Жизнь и смерть,
 Да и нет -
 Одно! -

Персефона. Он - только человек. Красотою подобный богу, он - только человек.

Аид. Из мира вечного и святого стремишься ты, Протесилай, в мир преходящего бытия. Ты хочешь вернуть невозвратное, не думая о том, что неустанные Горы умчали земную жизнь к иным достижениям.

Персефона. О, Аид, отпусти его!

А и д. Лаодамия, которую ты зовешь своею обручена другому. Знаешь ли ты это, Протесилай?

Протесилай. От ненавистного ей брака спасти ее, вот зачем она зовет меня свирельным стоном.

А и д. С того дня, когда воцарился я здесь, только дважды покидал я мое царство. За Персефоною - первый раз и второй раз - к небесному врачевателю. Тягостен земной воздух для ступившего на мой берег Леты. Так, исполню ради молении Персефоны мольбу твою, великодушный герой. Три часа на земле дам тебе, - и знаю, второй раз ты не придешь докучать мне безумными жалобами. Гермес, три часа дарованы Протесилаю и Лаодамии. Поспеши.

Опять смыкаются тройные стены мрака. Слышен гулкий плеск Леты. Затихает. Проясняются слегка очертания царского чертога. В темный сад тихо входят Протесилай и Гермес.

Гермес. Дверь не замкнута, - но тебе не переступить порога, если не впусти тебя Лаодамия. Стучись. Проси приюта.

Гермес отошел и скрылся. Протесилай стучится в дверь. Из-за двери слышен взывающий вопль Лаодамии.

Лаодамия. Кто-то стучится. Страшно мне. Как темно! Все ушли. Я одна у ног моего Протесилая. Кто-то стучится в мою дверь. Холодные повосковели ноги, и моим губам их не согреть.

Протесилай. Лаодамия,пусти меня!

Лаодамия. Чей-то голос зовет меня. Чей голос? Или это воск ожил? Или, заколдованный чарами воска, вернулся он? Боюсь верить. Чье же это чародейство, пагубное и злое, из ночной тьмы воздвигающее зовущий вопль?

Протесилай. Лаодамия!

Лаодамия. Обманчивый призрак, уйди, не пугай меня. Мой милый, Протесилай мой, со мною. Из воска я воздвигла его, в него перелила я душу мою, душу мою сочетала я с душою Протесилая. Ночной, неведомый, сокройся. Стал воском возлюбленный мой.

Протесилай. О, Лаодамия, это - я! Ночной пришелец - я. Взывающему за оградой в ночи, кто бы он ни был, надлежит открыть дверь. Ночью к тебе прихожу я. Я - Протесилай, мне ли не откроет дверей Лаодамия! О, Лаодамия, это - я!

Лаодамия. Он, мой милый, здесь, - он был в моих объятиях. А ты, пришелец...

Протесилай. Встань, Лаодамия, открой свою дверь,пусти меня скорее. Мал срок, данный мне, -пусти меня скорее. Взывающего за оградой, в холоде ночи, под ворожащею луною,пусти меня скорее.

Лаодамия. Милый мой со мною, - со мною мой милый, мой неизменный, мой.

Протесилай. Ласки расточаешь ты моему восковому идолу, моему идолу повторяешь ты страстные и нежные слова. Так много любви и вожделения вложено в этот воск, что не мог я и во владениях Аида не почувствовать твоих ласк, твоего нежного и сладкого зова. Широкие врата Аидова дома разверзлись для меня, - пламенная сила твоих заклятий победила ад. Отвори мне, Лаодамия, - я - твой Протесилай. О, Лаодамия, это - я! Открой, открой мне дверь, не сокращай сладких минут любви. Только три часа даровал нам Аид.

Лаодамия. Не смею не слушаться, боюсь открыть мою дверь, - что же мне делать? Темно. Едва мерцает последняя лампада. Холодно. Одежды чьи-то. Разбросали. Ушли нагие. Мы звали? Чаровали? Докликались, дозвались, и он пришел!

Стремительно открыла дверь. Выбежала в сад. На ней белая одежда, едва надета, - чья-то чужая, спешно поднятая. Бросилась к Протесилаю, свирельным воплем окликнула его.

Лаодамия. Протесилай, мой милый!

Протесилай молча обнимает Лаодамию. Она дрожит. Отходит. Одежда скользит с ее тела, падает к ее ногам, обнажая вздрагивающее прекрасное тело.

Лаодамия. Ты холодный, холодный, - землю сырою пахнет от тебя.

Протесилай. Из земли сырой возник я снова, из области покоя и неподвижных снов пришел я к тебе, Лаодамия, в твою милую область, в страну вечного сгарания. Трудный путь свершил я, Лаодамия, движимый зовущей силою Любви. Тебя люблю, Лаодамия, и пришел к тебе возвестить закон небесной Афродиты: Люби Меня.

Лаодамия. О, Протесилай! Мой бедный герой. Как холодны твои руки! Иди ко мне, насладись моею любовью, - я отогрею тебя на моей груди, и, когда пройдет данный богами срок, я не отдам, не отдам тебя Аиду! С тобою, за тобою пойду я повсюду, - за тобою, с тобою, мой Протесилай!

Лаодамия уводит Протесилая в свой чертог. Завесою черного ночного мрака закрывается мир.

Действие пятое

Сад становится светлым. Тихо встает кроткая Эос. От тихого и темного чертога ложится тень на прохладу дремлющего сада.

Эос. Ночь проходит. Моя пора. Встречу ясного, ненаглядного, - и уйду.

Разгорается, сияет, веселыми улыбками, ждет.

Горы, пролетая. Здесь выходец из Аидова царства, очарован весь дом чарами тайны и молчания. Все хранит безмолвие, и даже ветер пробегает стороною, не шевельнет завесою двери.

К терему подходит Антим с цветами для жертвоприношения.

Антим. Госпожа моя, встань, отгони от себя очарование утреннего сна. Уже поздно, - хотя и молчит таинственно весь дом, - уже поздно, и я принес тебе цветы.

Змея. А ты не боишься?

Антим. Царица Лаодамия, в тот самый час, как ты велела, вот видишь, я пришел к твоему терему, я принес тебе все цветы, которые ты велела мне принести.

В кустах кто-то смеется тихо, - и от утренней прохлады вздрогнул старик. Серебристый слышен плеск воды водоеме.

А н т и м. Эти цветы, они для жертвоприношения нужны тебе, - боги их примут благосклонно, - свежи и благоуханны эти цветы.

З м е я. Царица молчит. Что твои цветы для милой Лаодамии!

А н т и м. Всегда Лаодамия в это время выходила из своей опочивальни, и шла в сад наслаждаться прохладой утра, запахом роз и нежным стрекотаньем цикад. Сегодня в ее терему так тихо, - и все в доме молчит. Что это значит? Боюсь, не случилось ли чего.

С а т и р, *высовывая из-за куста косматую голову.* Приятель, дверь-то приоткрыта. На твоём месте я бы посмотрел в щель, что там делает Лаодамия.

А н т и м, *заглядывая в дверь.* Лаодамия! Царица! Да она не слышит. Эге!

С а т и р. Приятель, что там делает твоя госпожа?

А н т и м. Что я увидел, о том и сказать страшно.

С а т и р. Ну, говори, что ты там увидел... Я бы и сам посмотрел, да чую, что там есть кто-то, с кем не следует мне встречаться.

А н т и м. Да что! Тебе-то можно сказать, - ты не наш. Лаодамия, забывши всякий стыд, обнимает на своем ложе тайком забравшегося к ней гостя. Нагая прильнула к нему, и ничего не слышит, знай себе целует и ласкает.

С а т и р. А ты знаешь, кто там?

А н т и м. Не видно - темно. Вот она, прославленная верность! Вот почему не хочет Лаодамия нового мужа! Видно, все женщины одинаковы. Еще царица! На то ли дано ей носить золотом шитую багряницу!

С а т и р. Что же ты теперь сделаешь? Войди к Лаодамии, прогони любовника, - Лаодамия тебя обнимет так же крепко, только бы ты никому не говорил о том, что видел.

А н т и м. Что ты говоришь! Какие глупости! Разве это можно? Стар я стал для таких дел, и уж очень противен был бы царице.

С а т и р. Я старше тебя, но будь я на твоём месте, уж я бы зацеловал прекрасную Лаодамию.

А н т и м. Я верен моим господам. Надо идти скорее рассказать Акасту об этом нечестивом и позорном деле, - поскорее, пока не узнали другие, чтобы никто не проболтался. Уж я-то верен, а другие...

Входит Акаст. Сатир прячется.

А к а с т. С кем ты тут говорил, Антим? А где же Лаодамия?

А н т и м. Горе мне, господин мой! Верен я тебе, как собака, - а какую скорбную должен я сказать тебе весть! Поспеши, господин, пока не узнали другие, - в чертог Лаодамии иди поспешно, как только можешь, пока он, ночной гость, не успел уйти.

Акаст подходит к чертогу. Заглядывает в дверь. Смеется.

А к а с т. Так-то, Лаодамия, хранишь ты верность! Утешилась скоро. Таковы-то вы все. Падки на мужские ласки. Что теперь нам делать? Хоть бы никто не узнал.

А н т и м. Уж я-то не проболтаюсь.

А к а с т. Надо поскорее прогнать этого дерзкого.

Подходит к двери. Хочет ее открыть. Дверь отворяется. Выходит туманенным призраком Протесилай. Акаст в ужасе отступает. Антим с воплем бежит, потом прячется за кусты, и оттуда слушает.

А к а с т. Протесилай, ты жив? Лживы были рассказы о твоей смерти?

П р о т е с и л а й. Из Аидова царства вышел я, - Аид сжалился над моею любовью и стопами Лаодамии и отпустил меня к моей милой.

А к а с т. Так ты - мертвец!

П р о т е с и л а й. Акаст, не бойся меня.

А к а с т. Ужасен вид пришельца из-за Леты, но я - воин и царь. Не мне бояться бледной тени. Зачем ты здесь? Зачем простираешь из адского мрака руки к той, которой еще долго быть среди живых? До брака ты взял ее, - и после смерти хочешь овладеть ею, ненасытный!

П р о т е с и л а й. Она - моя. Неразрывными узами любви и верности связана она со мною. Спроси, о чем ее мечты. О моих ласках, о моих поцелуях. Спроси, чем она утешена. Долгие ночи она сгорала, тая, как воск.

А к а с т. Что ты говоришь! Противны богам и нечестивы речи твои. Лаодамия - невеста Протагора, ты же - пленник Аида. Твои возвращения к нам ненужны людям и страшны им.

П р о т е с и л а й. Старик, разве ты еще не знаешь прав неумолимой смерти? Или неведома тебе власть отживших?

А к а с т. Жизнь-то, говорят, посильнее. Вот ты умер, а мы делаем, как хотим, не спрашиваем, любо ли это тебе. И Лаодамию твою отдадим другому, а с нею и твое царство. Что прошло, того не воротить. Тень и останется тенью. И уже легким призраком ты стоишь, и уже с туманом свивается одежда твоя, и сквозь тебя уже я различаю очертания деревьев.

П р о т е с и л а й. Акаст, умрешь и ты. Смертный путь неизбежен, все пройдут им, и моя Лаодамия со мною. Навеки связало нас обещание любви, и нам нельзя разорвать нашего неизменного союза.

А к а с т. Кто ты, чтобы из-за гроба простираешь над нами свою пагубную власть? Власть иная над нами, знай, нечестивый, воля к жизни влечет нас путями жизни.

П р о т е с и л а й. Уйди, старик, не мешай мне и Лаодамии моей почивать, нежно обнимая друг друга.

А к а с т. Хорошо ли, подумай сам, ты делаешь, являясь Лаодамии, обманчивыми грезами смущая бедную? Филаке нужен царь, и Лаодамии - муж. Тебе-то что, - никакой ты не имеешь ныне нужды, тебе бы только обниматься с милою на досуге, - а нам, живым, надо подумать о доме и о городе.

Гермес приходит от востока и обращается к Протесилаю.

Г е р м е с. Протесилай, пора нам идти. Близок час, когда над землею вознесется светлокудрый бог.

П р о т е с и л а й. Милый спутник трудного и дальнего пути, как рано пришел ты!

Г е р м е с. Пора. Срок, данный Аидом, прошел. Долог наш путь к тройным стенам мрака, которыми оградил незримый свое тихое царство.

П р о т е с и л а й. О, Гермес! Помедли еще хотя немного. Дай мне побыть в сладкой предутренней прохладе и еще хоть раз взглянуть на мою Лаодамию, озаренную снова первым сиянием дня.

Г е р м е с. Пойдем. Минул наш срок. Если ты еще замедлишь, навеки бесприютную и тоскующую тенью будешь ты скитаться здесь, пугая чутких псов и неразумных детей.

Г о р ы, *пролетая*. Гелиос! Гелиос!

Восходящее солнце не видно из-за чертога, но ликующие лучи его озаряют сад и сверкают на утренней росе. Протесилай и Гермес исчезают, сливаясь с резкими дневными тенями.

А к а с т. Дивные и ужасные дела творят великие и малые боги под покровом ночной тьмы. Но вот возносится сребролукий, далеко разящий бог. Он один хочет царить ныне на земле и на небе и, благий к почитающим его, гонит полуночные страхи, злых демонов и блуждающих по дорогам мертвецов. И теперь я поспешу силою светоносного бога отогнать непрошенного пришельца и заковать его следы, чтобы многие ночи протекали для нас спокойно. Антим!

Антим робко вылезает из-за кустов. Становится на ноги. Молча, боязливо озирается.

А к а с т. Не бойся, Антим, - гость ушел, и мы позаботимся, чтобы он и не возвращался никогда. Созови скорее всех рабов и рабынь, - пусть зажгут здесь, против порога, костер очищения. Сгорит в очищающем пламени костра ложе, где почивал полуночный страшный гость, и снова чистым явится дом.

Антим проворно уходит. Слышны голоса и растущий шум. Акаст отворяет дверь чертога и останавливается на пороге.

А к а с т. Да там и другой! Кто же это еще? Кого еще обнимает безумная Лаодамия? Какое еще горе, какой стыд она готовит мне и городу?

Входит в чертог. В это время рабы поспешно раскладывают костер. Он медленно разгорается. Его пламя бледно в ликующих лучах восходящего солнца. Из чертога слышен шум, гневные крики Акаста и пронзительный вопль Лаодамии.

Л а о д а м и я. Не тронь, не тронь моего милого!

Акаст выносит из дому статую Протесилая. Лаодамия выбегает за ним. Хватается за руки Акаста и вопит.

Л а о д а м и я. Не дам, не дам! Оставь, оставь его мне! Не гляди, что он так недвижим, - только днем повосковел он, - ночью он опять придет ласкать меня и шептать мне слова нежной любви.

А к а с т, *гневно кричит.* Рабы, что же вы смотрите! Неистовая вцепилась в мои руки, не справиться мне с нею. Отнимите от нее восковой кумир.

Рабы несмелою толпою окружают Лаодамию и отнимают от нее статую.

Л а о д а м и я. Рабы, не смейте! Не дам, не дам моего милого!

Антим схватил Лаодамию сзади и тащит ее к порогу дома. Статуя в руках Акаста. В это время, привлеченные молвою и шумом, начинают приходить, по одной, по две, подруги Лаодамии в простых домашних одеждах.

Л а о д а м и я. Горе мне! Отняли моего милого!

П о д р у г и. Что здесь? Что это отняли у Лаодамии?

Окружают Лаодамию и Акаста. Во время последующих речей рассматривают статую, обнимают Лаодамию, тихо говорят с вновь приходящими женами.

А к а с т. О, Лаодамия, теперь я понял причину твоего упрямства!

П о д р у г и. Это - статуя, которую изваял Лисипп. Какой он искусный! Воск точно живой. Только не дышит.

А к а с т. Не знаю, кем создан этот кумир, но я видел, - как живого обнимала его Лаодамия.

П о д р у г и. Несчастливая Лаодамия! Бездушным кумиром утешалась ты, и того у тебя отнимают.

А к а с т. Да как же не отнять! Не хочу я, чтобы она так мучилась! Ведь она - царица, ей надо выходить замуж, а вот она так изводится.

П о д р у г и. Несчастливая Лаодамия, - не забыть ей Протесиляя!

А к а с т. Так вот они, очистительные обряды! Это - чары, преступные, нечестивые. Придумал их тот, кто замыслил нарушить волю богов, разорвать преграду между жизнью и смертью, распространить власть мертвых над миром живых. Мертвого гостя призвала к себе Лаодамия из Аидова темного царства, - вот зачем ей этот идол. Поймите, что его надо сжечь.

П о д р у г и. О страшных вещах вещаешь ты нам, Акаст.

Костер на дворе разгорается.

А к а с т. Смотрите сами - вот это не более, как воск, а она его обнимала, обольщенная каким-то неведомым демоном, враждебным жизни, обнимала, - и разжимались восковые руки для нечестивых страшных объятий.

Слуги выносят из чертога венки, кимвалы, тирсы, факелы, бубны, одежды, и все складывают в разгорающийся костер.

Л а о д а м и я, шепчет. Милый воск.

А к а с т. И этот восковой идол, так дивно изваянный, - вот чем ворожила ты, нечестивая! Пора, пора нам разрушить это злое очарование!

Венки и одежды пылают. Акаст несет статую к огню. Лаодамия, - до этого времени она неподвижно стояла у порога, удерживаемая подругами и рабынями, - вдруг метнулась к Акасту. Сбила руками статую. Спротивляется Акасту и слугам, которые опять отнимают у нее милый кумир.

Л а о д а м и я. Не отдам моего друга! В этом воске - душа моя, душа Протесиляя! Не отдам, не отдам!

П о д р у г и, плачут и восклицают. Бедная Лаодамия! Как нам жалко тебя! Но мы не можем помочь тебе. Не одолеть, не одолеть, милая, тебе сильных! Отнимут у тебя твое утешение. Покорись, Лаодамия, милая, не спорь тщетно с ними.

Кто-то из слуг сильно толкнул Лаодамию. Она шатается. Подруги поддерживают ее. Статуя сломана. Акаст поспешно бросает ее в огонь.

А к а с т. Гори, гори, проклятый кумир!

Л а о д а м и я. О, неразумная я! Не сама ли я вымолила только три часа?

Пылает костер. Воск тает. Поспешно входит Лисипп.

Л и с и п п. Поздно прихожу я. Свершилось безумное дело. Милый лик друга моего сожгли.

Л а о д а м и я. Милый отрок, и ты плачешь. Взяли моего друга. Сожгли. Власть воздвигли над нашей любовью люди!

Л и с и п п, *укостра*. Они все смеют.

Л а о д а м и я. Сожгли. Но я пойду за ним. Огонь, сладкою мукою сожги земное мое и темное тело, - и пойду за милым моим к широким воротам Аидова чертога.

Бросается к огню.

А к а с т. Держите, держите безумную!

П о д р у г и. Милая царица, что ты замыслила!

Подруги и рабыни удерживают Лаодамию. Она вырывается. И вдруг ослабела, как тающий воск. Бессильно отдается милым подругам, и они отводят ее к порогу.

Л а о д а м и я. Как тает воск.

П о д р у г и. Лаодамия, милая, что с тобою? Лицо твое бледно, и глаза не смотрят, и ты шепчешь тихо.

Л а о д а м и я. Как тает воск.

А к а с т. Утешайте, утешайте ее, милые подруги, - тяжела ей потеря милого и последняя разлука с ним. Но вот сгорит проклятый чародейный идол, - и утешится моя Лаодамия.

Лаодамия падает.

П о д р у г и. Помогите царице, ей тяжело. Поддержите ее, она падает. Она вся стала желтая, как воск. Повосковелые губы так страшно шевелятся, и она шепчет тихо.

Л а о д а м и я. Где мой кумир? Где мой венок?

П о д р у г и. Все в огне.

Л а о д а м и я. Милый мой!

П о д р у г и. Царица умирает. Тело ее бессильно и недвижно. Осторожно, осторожно опустим ее на траву, дальше от костра. Царица умирает. Милая Лаодамия, что ты шепчешь? В последний твой час что ты нам скажешь?

Л а о д а м и я. Как тает воск.

И умерла Лаодамия на пороге недостроенного дома. Акаст молча плачет. Подруги с воплями окружают тело.

П о д р у г и. Умерла, умерла Лаодамия. О, дивная смерть! Плачьте, плачьте о милой Лаодамии, но с плачем соедините и великую радость, и славьте, славьте небесную очаровательницу, роковую Афродиту! Слава, слава тебе, Афродита! Над смертью торжествуешь ты, небесная, и в пламенном дыхании твоём тает земная жизнь, как тает воск.

Ликующие лучи восшедшего над землю солнца заливают всю сцену. Пламя костра пылет, подымаясь прямо кверху, яркое, но бледное. Светлую завесу от востока закрывается сцена, - завеса чистая и белая, - ясная смерть.

К о н е ц

ЛЮБВИ
Драма в двух действиях

Действующие лица:

Реатов, 44 лет.

Александра, 20 лет.

Дунаев, 26 лет.

Действие первое

Комната в доме Реатовых. Александра в трауре, с фотографическим портретом в руке. Входит Реатов.

Реатов. Моя дочь в приятном обществе.

Александра, *вздрыгнула, уронила портрет*. Ах, папа! Ты меня испугал, - я задумалась.

Реатов. И жених на полу, - славно! Дай мне еще на тебя поглядеть. Ты похорошела.

Александра. Ах, папа!..

Реатов. А глаза красные, это не хорошо. Ты все плачешь. Давай-ка лучше подыдем жениха, и поставим его на стол.

Александра. Отец, такое горе, такое горе!

Реатов. Ну, полно, деточка, не плачь. Мама счастливее нас: у нее нет желаний, неисполнимых, безумных... Но как же ты похорошела! Как давно мы не виделись с тобой! Шесть лет. Ты девочкой была, таким нескладным подростком, а теперь - смотрите, жених какой-то уже нашелся.

Александра. Какой-то! Он - милый и добрый.

Реатов. Милые письма ты ко мне присылала раньше, до него.

Александра. Я думала, тебе неинтересно и некогда читать мою болтовню.

Реатов. Нет, Санечка. Присядем здесь, вот в этом уголке, и будем говорить много и долго. Расскажи мне о себе. Все по-прежнему, не правда ли? Трепетные огоньки перед деревянными кумирами, и мольбы кому-то о чем-то и странные жесты, - и эти молитвы на коленях?

Александра. Мы здесь живем в глуши. Что сказать? Вот мой жених, - не правда ли, он милый? Зачем ты бледный такой и хмурый? Он тебе не нравится разве? Ты знал его когда-то... Ты видел много, побывал далеко... Ну, что же ты молчишь? Скажи мне сказочку, как сказывал ты девочке-дочке, давно, - ты помнишь? - в старые годы... О чем ты так задумался?

Реатов. Прости, дочка. Я отдыхаю... Кончились мои странствования, - и я начинаю жить. Я люблюсь тобою, смотрю на твое прекрасное лицо, и меня берет досада...

Александра. На что?

Реатов. Александра, неужели ты выбрала его себе в мужа?

Александра. Что ж странного? Он добрый.

Реатов. Кому охота быть злым!

Александра. Мы будем счастливы... Вот ты увидишь его, узнаешь его поближе, - и ты его полюбишь. Правда, полюбишь?

Реатов. Полюблю? Нет, дочка, я тебя люблю, это так, а его не намерен заключать в родственные объятия. Разве у него такие белые руки? Разве умеет он так прятать свою голову на моей груди, и разве у него есть такие глаза? И досадно мне, что возьмет он тебя, мое сокровище. Не стоит он твоей любви.

Александра. Ах, нет!

Реатов. А впрочем... Он добрый, да, не правда ли?

Александра. Конечно, добрый, не то что ты.

Р е а т о в. Да, это хорошо. Я рад за тебя. Он ведь носит тебя на руках, вот так, как я тебя несу? И носит, и подкидывает, и лелеет? Поцелует губы и щеки, и снова подкинет, вот так! Да?

А л е к с а н д р а. Ну довольно, довольно, пусти меня. Какой ты сильный! Ты спокойно дышишь, а я точно версту пробежала... Что это, мы, как дети, шалим и смеемся в такое время.

Р е а т о в. В какое время?

А л е к с а н д р а. Давно ли я потеряла маму!

Р е а т о в. Ну, деточка, что о том тужить, чего не воротить! Так он в эти траурные дни ведет себя скромно, и не покачает мою дочку?

А л е к с а н д р а. Вот еще, - он не смеет.

Р е а т о в. Любит, и не смеет! Любит, и не знает, какое блаженство держать в своих объятиях трепещущее тело возлюбленной!

А л е к с а н д р а. Да и не у всех ведь такая силища, чтоб играть человеком, как мячиком.

Р е а т о в. Понимаю, дитя, понимаю. Ценю твой нежный вкус: он, твой жених, не груб, как я, - он изящен, тонок. Он обожает тебя по-рыцарски: он приляжет у твоих ног, вот так, и поет тебе про любовь свою, и рассказывает тебе чудные легенды о том, как любили наши дедушки наших бабушек.

А л е к с а н д р а. Он не умеет петь, и он не профессор историй.

Р е а т о в. Разве? Ну, опять не так! Да, я знаю, он ведет в твоей гостиной только приличные разговоры и говорит о своей любви не иначе, как по учебнику хорошего тона.

А л е к с а н д р а. Я не знаю такого учебника.

Р е а т о в. Оставим это. Иль нет, скажи мне, ты сама... сильно любишь его?

А л е к с а н д р а. О, да!

Р е а т о в. Счастливые! А знаешь ли ты, как горят его поцелуи?

А л е к с а н д р а. Горят? О да, он целует мне руки, но это не вовсе горячо.

Р е а т о в. Только руки?

А л е к с а н д р а. И только раз, - но это я тебе по секрету, - он поцеловал меня вот в это место.

Р е а т о в. В эту бледную щеку, которая так очаровательно вспыхнула теперь?

А л е к с а н д р а. Но я очень рассердилась, и простила его только тогда, когда он сказал, что этого больше не будет...

Р е а т о в. До свадьбы! Дети! Ромео, не дерзающий напоить свою Юлию сладчайшим нектаром любви без разрешения старика в глазетовой одежде!

А л е к с а н д р а. Что ты говоришь, папа!

Р е а т о в. Я рад, дитя мое, я рад. Ты сберегла свою невинность, и ты не знаешь любви. Я рад, дитя, тому, что вы не любите друг друга.

А л е к с а н д р а. О нет, я люблю его, и он меня любит.

Р е а т о в. Дитя, знай, что любовь, незапечатленная последними жертвами, - это об-
лачко, которое растает под поцелуями могучего светила. Любовь не знает преград и
запрещений, любовь на все дерзает, все смеет. Кто любит, тот силен, как Геркулес, - он
рад нести на своих плечах мир, заключенный для него в возлюбленной. Кто любит, тот
гениален, как Шекспир, и дело любви - творческое дело. Кто любит, тот безумец, ма-
ньяк и бешеный в одно и то же время: одна мысль сжигает его мозг, один образ царит

над его душою, и все сокрушает непреодолимый ураган его неистовых желаний. Он берет возлюбленную, как законную добычу, в свои могучие руки...

А л е к с а н д р а. Ах, ты уронишь меня! Пусти меня. У тебя глаза горят. Я не понимаю твоих слов.

Р е а т о в. Когда стремится он к обладанию красотой, каменные стены падают перед ним, и нет преграды, которая не разорвалась бы под напором его исступленной воли, как разрывается хрупкая ткань твоего траурного платья.

А л е к с а н д р а. Отец! что ты делаешь! Безумный, ты разорвал мое платье! Ну, к чему это?

Р е а т о в. Не он научит тебя любить. Прости, дитя. Я так давно тебя не видел, и мне жаль твоего сердца, которое ты хочешь снести в сырой ледник семейного счастья.

А л е к с а н д р а. Вот надо идти переодеться, а то еще увидит кто-нибудь это разорванное.

Р е а т о в. Подожди. Дай мне обнять тебя... Молнии в твоих глазах, черных, как ночь... Скажи, видел ли когда-нибудь он, твой жених скромненький, вот эту прекрасную грудь, и вот это место под золотым амулетом?

А л е к с а н д р а. Ну, конечно, не видел. Пусти меня.

Уходит.

Действие второе

Там же. Через несколько дней. Александра и Дунаев тихо разговаривают. Реатов входит.

Р е а т о в. Вот два голубка, неразлучные. Воркуете?

А л е к с а н д р а. Воркуем.

Р е а т о в. Ну, здравствуйте, дети мои, воркуйте, - и будьте счастливы.

Д у н а е в. О да, я постараюсь, чтоб Александра Аполлоновна была счастлива.

Р е а т о в. Постарайтесь, мой друг, но только поберегите ваше здоровье, не расточайте безрасчетливо ваших сил, как тот итальянский мальчишка, безумец Ромео, который в одну ночь готов был излить на свою супругу весь Эдем наслаждений. Будьте благоразумны, как Гоголевский Шиллер, и вы будете пользоваться патентованным и непромокаемым счастьем.

Д у н а е в. Мы будем счастливы, конечно.

Р е а т о в. “Как боги на недоступных небесах?”

Д у н а е в. Как боги? О, нет! Все мы люди, все человеки. И зачем недоступные небеса? Мы хотим быть счастливы на миру, на людей посмотреть и себя показать. Наш рай будет доступен для наших друзей.

Р е а т о в. Для друзей? Мило сказано.

Д у н а е в. А вы сегодня чем-то словно недовольны?

Р е а т о в. Нет.

Д у н а е в. Вы так бледны. Вы, может быть, не совсем здоровы? Послать бы за доктором.

Р е а т о в. Нет, мой друг, благодарю вас, я совсем здоров. Но только я расстроен. Дела такие... Словом, я нашел, чего не ожидал.

А л е к с а н д р а. Он все больше сидит и читает. Какие страшные и очаровательные есть книги!

Р е а т о в. Хотел бы я, Алексей Сергеич, вам два слова сказать наедине, если вы позволите.

Д у н а е в. Я готов слушать.

Р е а т о в. Это наша тайна, Санечка, строжайшая тайна.

А л е к с а н д р а. Я никому ее не выдам.

Р е а т о в. Да и мы ее тебе не выдадим.

А л е к с а н д р а. Он не должен иметь тайн от меня.

Р е а т о в. А все-таки это наша тайна.

А л е к с а н д р а. Так я, значит, лишняя! Вот мило!

Р е а т о в. Не сердись, мой друг: через короткое время я верну его тебе, а теперь ты нас оставь.

А л е к с а н д р а. Хорошо, что ж делать! Это как тогда, когда я была девочкой, и ты занимался, а я приходила тебе мешать, ты меня и выпроваживал, как теперь.

Р е а т о в. Да, а ты сердилась и объявляла, что больше ко мне не придешь.

А л е к с а н д р а. До свидания, Алексей Сергеич, - секретничайте себе.

Р е а т о в. Только смотри, деточка, не вздумай подслушивать.

А л е к с а н д р а. Ну, конечно, не буду. Я не такая любопытная. *(Уходит.)*

Р е а т о в. Садитесь, Алексей Сергеич, поговорим. Прямо к делу. Вы знаете, что имеет ваша невеста?

Д у н а е в. Аполлон Максимович! это меня нисколько не интересует.

Р е а т о в. Решительно нисколько?

Д у н а е в. Конечно, мои средства невелики, а привычки Александры Аполлоновны...

Р е а т о в. Одним словом, приданое не мешает?

Д у н а е в. Я за деньгами не гонюсь, но если Алексайдра Аполлоновна имеет деньги, то тем лучше для нее. Я осмелился искать ее руки только потому, что искренно люблю ее, и для меня все равно, хоть бы она ничего не имела.

Р е а т о в. Друг мой, позвольте обнять вас. Теперь я спокоен за Александру. Слава Богу, теперь я вижу, что ее судьба в добрых и верных руках. А если б вы знали, как я мучился последние дни, когда познакомился с состоянием наших дел!

Д у н а е в. Но разве?..

Р е а т о в. Дорогой мой, мы совершенно разорены.

Д у н а е в. Но неужели?..

Р е а т о в. Да, моя благоверная жила не по средствам. Я плавал, а здесь... Были сделаны рискованные нововведения в хозяйстве. Еще старые долги, которые надо выплачивать.

Д у н а е в. Вот как!

Р е а т о в. Но это бы еще с полбеды. А вот беда: весь капитал был отдан в руки спекулянта, который внезапно обанкротился.

Д у н а е в. Все это очень неприятно. Я не смогу доставить Александре Аполлоновне всего того, что она привыкла иметь.

Р е а т о в. Что делать! Я отдам Александре все, что могу, но боюсь, что вряд ли уцелеют от нашего состояния и малые крохи. Александра, быть может, избалована

жизнью. Любовь - дело хорошее, с милым рай и в шалаше, да только иногда браки по любви кончаются потасовками супругов. Лучше подавить в себе нежные чувства, чем потом всю жизнь плакаться на судьбу. Так и вы лучше подумайте, не отказаться ли вам от этого брака, пока не поздно.

Д у н а е в. Нет, Аполлон Максимович, если Александра Аполлоновна согласится делить мою бедность, то я буду счастлив назвать ее своей женою. Бог с ним, с этим богатством! Все это, пожалуй, и к лучшему.

Р е а т о в. Даже к лучшему?

Д у н а е в. Да, конечно: по крайней мере, ни люди не осудят, что из-за денег женился, да и жена будет знать, что я не за приданое ее беру, а по любви.

Р е а т о в. Так! нечто вроде благодеяния делаете?

Д у н а е в. Помилуйте, Аполлон Максимович, это, напротив, я буду считать себя осчастливленным, если Александра Аполлоновна согласится...

Р е а т о в. Да, да, я верю вашим благородным чувствам. А все-таки, мой друг, без денег плохо. Тем более, что и в будущем, как оказывается, нет ни малейшей надежды.

Д у н а е в. Буду надеяться на себя, на свои силы, с нас и достаточно.

Р е а т о в. Был дядя у моей жены, вы знаете?

Д у н а е в. Разве уж скончался?

Р е а т о в. Нет, еще жив. Но я говорю: был, потому что если б он раньше умер, то жена была бы его наследницей, а теперь...

Д у н а е в. А теперь Александра Аполлоновна - наследница.

Р е а т о в. Санечка - наследница? С чего вы это взяли?

Д у н а е в. Но как же? Ведь ваша супруга получила бы, если б не скончалась, - так почему же Санечка не может?

Р е а т о в. Почему не может?... Ах, вот что, - так вы до сих пор ничего не знали... А я думал...

Д у н а е в. Но в чем же дело? Я, право, ничего не понимаю.

Р е а т о в. Так вам жена-покойница ничего не открыла?

Д у н а е в. Ничего.

Р е а т о в. Странно. А впрочем, это на нее так похоже. Всегда фантазии, тайны, неожиданности, капризы.. Да Александра и сама не знает... Она выросла в нашей семье в таких мыслях...

Д у н а е в. Так неужели Александра Аполлоновна?..

Р е а т о в. Да, друг мой, - ведь вы, все равно, скоро узнали бы истину... Жена хотела непременно иметь девочку, - и вот...

Д у н а е в. Так вот в чем дело! А я ничего не знал. Мне почему-то не сказали.

Р е а т о в. Вы так любите ее, что вам все равно, как бы она ни называлась.

Д у н а е в. Да, конечно, но...

Р е а т о в. Не все ли равно, Реатова ли она, или Александра Трофимовна Водохлебова, крестьянская девица? Конечно, фамилия немножко вульгарная...

Д у н а е в. Да, но...

Р е а т о в. Но она покроеется фамилией мужа, не так ли? Деревенская родня не очень нам надоедала.

Д у н а е в. А бывали таки?

Р е а т о в. Нельзя же, знаете, без того. Родственные чувства...

Д у н а е в. Да, да, конечно...

Р е а т о в. Эти деревенские гостинцы, кокорки, калитки из черного теста кислым творогом... Точно Александра может их есть! Конечно, уписывала бы за обе щеки, но воспитание, вы знаете.

Д у н а е в. Да, конечно.

Р е а т о в. Вот только то досадно, что это обстоятельство лишает ее, как видите, права получать наследства от родственников моей покойной жены.

Д у н а е в. Ну, что ж, и не надо.

Р е а т о в. Так не лучше ли вам, голубчик, отказаться? А? Пока не поздно. Вы найдете себе легко и богатую невесту. Право, лучше будет, а?

Д у н а е в. Нет, да отчего же! Я право не знаю.

Р е а т о в. Вы бы подумали, мой друг, прежде чем связывать себя.

Д у н а е в. Да, конечно, я подумую...

Р е а т о в. Ну, вот и отлично.

Д у н а е в. Да нет, впрочем, отчего же! Мне все равно, а вот как Александра Аполлоновна, это от Александры Аполлоновны зависит.

Р е а т о в. Так вот, я вам высказал. Теперь, если угодно, я пошлю к вам Александру.

Д у н а е в. Да, да, конечно, Александра Трофимовна...

Р е а т о в. Только, знаете что, друг мой, вы ее пока Александрой Трофимовной не называйте, - пусть она пока Аполлоновной останется. Она, видите ли, привыкла, - а так, сразу, пожалуй, обидно покажется.

Д у н а е в. Да, да, я понимаю, это совершенно нечаянно, с языка сорвалось. Так я уж тут подожду.

Р е а т о в. Сейчас я вам ее пришлю.

Уходит. Дунаев мнетя на месте. Берет шляпу. Очень расстроен. Прохаживается. Заглянул в зеркало. Подошел к двери направо. Постоял. Пожал плечами. Быстро пошел к выходной двери, в глубине. Взялся за ручку двери. Не отворить. Возится с ручкою, толкает дверь. Отходит красный, раздосадованный. Бормочет.

Д у н а е в. Чорт знает, что такое!

Подходит к окну. Лезет на подоконник. Входит Александра.

А л е к с а н д р а. Что вы там делаете? Зачем вы на подоконник влезли?

Д у н а е в, *спрыгнул с подоконника.* Ах, это вы, Александра Аполлоновна!... Я, видите ли, я... так... то есть, я уронил платок за окошко.

А л е к с а н д р а. Так вы за платком! Какой вы смешной! Да вы бы послали кого-нибудь.

Д у н а е в. Да мне, видите ли, здесь ближе...

А л е к с а н д р а. Побоялись, чтобы не унесли вашего платка? Какой вы скупой! Покажите же мне этот драгоценный платок. (*Смотрит в окно.*) Что-то я его не вижу.

Д у н а е в. Ветер унес, ветер, Александра Аполлоновна.

А л е к с а н д р а. Полноте, какой теперь ветер!

Д у н а е в. То есть нет, это вот сейчас, когда я с вами говорил, мальчишка пробежал, подхватил платок, да и был таков. Теперь я вспомнил, что тут вертелся мальчишка, белоголовый такой мальчишка, оборвыш, дыра на коленке.

А л е к с а н д р а. Белоголовый оборвыш похитил ваш платок, а вы за ним в погоню через окошко устремились? Похвально!

Д у н а е в, *мямлит.* Да, ну что ж.

А л е к с а н д р а. Положите вашу шляпу, и садитесь. И вперед не роняйте платков за окошко, и не убегайте через окно, - на то двери есть.

Д у н а е в. Извольте, Александра Аполлоновна, но мне надо идти. Если позволите, я приду вечером, а пока...

А л е к с а н д р а. Подождите. Тут дело не спроста. Объясните мне, что это значит. О чем вы говорили с отцом? Что с вами? Отчего вы так смущены?

Д у н а е в. Право, ничего, Александра Аполлоновна, ничего, - все это разъяснится своевременно, разъяснится к общему удовольствию.

А л е к с а н д р а. Да что разъяснится? Что случилось? Отчего вы хотели прыгать из окна? Кажется, про платок вы фантазировали зачем-то.

Д у н а е в. Право, я не знаю, как сказать...

А л е к с а н д р а. И если вы хотели уйти, не встретившись со мной, отчего вы не прошли через эту дверь?

Д у н а е в. Но эта дверь заперта на ключ.

А л е к с а н д р а. Заперта? Вот странно? А вы разве уже пробовали там пройти?.. Да, в самом деле, заперта. *(Нажимает кнопку электрического звонка. Тихо подходит к двери направо. Тихо говорит что-то, приоткрыв дверь. Возвращается.)* Что это за шутки, объясните ли вы мне <это>^{*)}, наконец?

Д у н а е в. Хорошо, Александра Аполлоновна, если вы непременно требуете, я буду откровенен. Я думал, что нам сегодня лучше было бы не встречаться. Аполлон Максимович разъяснит вам, что ваше положение оказывается теперь другим, то есть, в имущественном отношении... то есть... что средства ваши теперь уж не те... то есть, нельзя сказать, что разорение...

А л е к с а н д р а. То есть, то есть! Как вы тянете! Сказали бы прямо, что моих денег для вас мало...

Д у н а е в. Нет, я не то имел в виду. Но мои средства так ограничены, я не могу доставить вам того, что вы привыкли иметь, и я думал, что вы, узнав настоящее положение дел, сами откажетесь...

А л е к с а н д р а. От чести быть вашей женой? Вы этого хотите?

Д у н а е в. Поверьте...

А л е к с а н д р а. Довольно. Я поняла. Вы свободны. Идите.

Д у н а е в. Поверьте, Александра Трофимовна...

А л е к с а н д р а. Как?

Д у н а е в. Виноват, совершенно нечаянно.

А л е к с а н д р а. Вам хочется показать, что вы уже забываете, как меня зовут? Это забавно. Придумал, - Трофимовна!

Д у н а е в. Виноват, я думал... мне послышалось... Аполлон Максимович сказал...

А л е к с а н д р а. Вы думали, вам послышалось, вам сказали, - ничего не пойму.

Д у н а е в. Но, я думал, что вы знаете. Виноват, я, кажется, смешал.

А л е к с а н д р а. Смешали меня с какой-то Трофимовной? Это - ваша новая невеста? Да? Прощайте.

Быстро уходит в дверь направо. Дунаев в нерешительности ходит по комнате, - тихонько, словно крадучись, подбирается к выходной двери, - исчезает в нее.

*) Дополнения в скобках "< ...>" соответствуют второму изданию драмы "Любви". Сологуб, Ф.: Собрание сочинений. Том VIII, СПб. 1910. См. репринт этого текста в кн. Lauer, В. и U. Steltner: Fedor Sologub 1884 * 1984. Texte - Aufsätze - Bibliographie. München 1984, с. 45-70.

Александра, *возвращаясь*. Ушел...

Молча стоит у окна. Входит Реатов.

Реатов. Ушел? Александра, какие у тебя холодные руки. Дай мне обнять тебя. Скажи мне свое горе...

Александра. Жалкий такой... Ушел... Назвал меня Трофимовной...

Реатов. Тебе жаль его?

Александра. Любви моей жалко! Любить такого! Стыд!

Реатов. Прости меня, дитя, за то, что я сделал. Я заставил его снять перед тобою маску, чтоб рассеять твои иллюзии. Я знаю тебя: у тебя гордое сердце, и ты выберешь лучше смертную муку, чем сладкую ложь.

Александра. Да... Благодарю тебя... Но это жестоко - то, что ты сделал.

Реатов. Только жестокая воля - воля.

Александра. Что ты ему сказал?

Реатов. Не многое. Я сказал, что мы разорены, что наследства ты не получишь, потому что ты - наш приемыш, крестьянская девочка.

Александра. Разве это правда?

Реатов. Мы богаты. Он это скоро узнает, и вернется к тебе.

Александра. Да я к нему уж не вернусь. Но зачем ты это сказал?

Реатов. Затем, чтобы разом сорвать с него маску. Я не хочу, чтоб ты ему досталась, потому что я тебя люблю, я сам тебя люблю, люблю не так, как любят дочь, люблю тебя пламенной, непобедимой любовью. Не гляди на меня в ужасе своими молниями-глазами. Любовь - не грех, любовь - закон природы. Не мы сами распалили ее в себе, - неотразимая сила вложила ее в нас, - и мы должны быть счастливы, хотя бы пришлось за это счастье заплатить ценою всей жизни. Мы уедем с тобой далеко, в чужие края, где нас не знают, - мы будем счастливы бурным и жгучим счастьем, сестра души моей, надменная и кроткая... Кто захочет отнять от нас наше счастье, доколе мы, пресыщенные им, не отбросим его от себя, вместе с ненужной нам жизнью?

Александра. Ужасно то, что ты говоришь. Это грех.

Реатов. Любовь - не грех.

Александра. Ты сказал ему, что я приемыш, что я не дочь тебе. Может быть, это правда? Скажи мне, дочь я тебе или нет?

<Реатов молчит.>

Александра. Если б я не была твоей дочерью!

Реатов. Хорошо, Александра, я скажу тебе правду, но раньше ответь мне на два мои вопроса. Обещай, что скажешь мне правду.

Александра. Хорошо, я скажу тебе правду.

Реатов. Как бы это ни было тяжело?

Александра. Как бы мне ни было тяжело, я скажу тебе правду. Я скажу тебе правду даже и тогда, если и сама еще этой правды не знаю теперь. Я обнажу свое сердце, и из самой глубины его выну правду. И тогда ты мне скажешь, дочь я тебе или нет.

Реатов. Да. Скажи мне: отец я тебе или не отец, - это ты сейчас узнаешь наверное, - но и в том и в другом случае чувство твое останется то же? Сердце твое не перегорит же от одного моего слова, которое, притом, будет слово о прошлом, далеком прошлом?

Александра. Да, сердцу моему все равно, отец ты мне или не отец.

Р е а т о в. Теперь скажи, любишь ли ты меня? Хочешь ли быть моею? Ты побледне-
ла и молчишь, - но ты обещала сказать мне правду. Я жду... Какое долгое молчание!..
Да, не торопись ответом, испытай свое сердце, - ты скажешь правду.

Долгое молчание. Александра отошла. Стоит. Возвращается.

Р е а т о в. Какую тайну ты несешь мне? Тебе страшно сказать ее? Скажи только од-
но слово: если ты любишь меня, если ты хочешь быть моею, скажи мне: да. А если не
так, скажи: нет.

А л е к с а н д р а, *поспешно*. Да.

Р е а т о в. Я достиг цели. Но как тяжело! Это почти не радует меня. Да, теперь мой
черед сказать последнее, роковое слово.

А л е к с а н д р а. Скажи, я дочь твоя или нет.

Р е а т о в. Я люблю тебя.

А л е к с а н д р а. Я не дочь тебе? Да? Не дочь?

Р е а т о в. Дочь.

А л е к с а н д р а. Дочь!.. Что же, сожжем ветхие слова, которые нас разделили. Я
хочу...

К о н е ц

ВАНЬКА КЛЮЧНИК И ПАЖ ЖЕАН
Трагедия в трех действиях, с прологом

Действующие лица:

Князь.

Княгиня.

Ванька.

Старый слуга.

Девка-чернавка.

Кабацкие женки.

Пьяницы.

Княжеские слуги.

Палачи.

Поганый татарин.

Граф.

Графиня.

Жеан.

Агобард, дворецкий.

Раймонда, служанка.

Скворец.

Веселые девицы.

Пажи.

Графские слуги.

Первая картина

Широкий княжеский двор. Толпится всякая челядь княжеская, - князя ждут. Князь выходит на крыльцо, с ним княгиня. Все им низко кланяются, а они величаются. Из толпы проталкивается Ванька. Кланяется князю в ноги, и говорит:

В а н ь к а. Здравствуй, князь с молодой княгинеею, на многие лета!

К н я з ь. Откуль тебя, молодец, к нам занесло?

В а н ь к а. Жил был я у батюшки единый сын; во дрекушке был у матушки, и во любви был у батюшки. Охвоч то я был, молодец, гулять-загуливать, долгие вечера прохаживать, темные ночки проезживать. Стрелял гусей, лебедей, стрелял сероплавных утушек. Да женил меня батюшка неволею, неохотою. Приданого много, человек худой.

К н я з ь. Вестимо, - приданое большое на грядке висит, худая жена на кровати лежит.

В а н ь к а. Пошел я, молодец, от худой жены да неудачливой из земли в землю, попал я, молодец, к тебе на княжеский дворец. Бью челом, да поклоняюсь, сам тебе, князю, да во служение даваюсь.

Кланяется в ноги.

К н я з ь. А служить то верно ли станешь?

В а н ь к а. Служить я стану верою-правдою, в очью, за-очью неизменною.

К н я з ь. А и живи ты у меня, молодец, в конюхах.

В а н ь к а. На том бью челом. Много доволен твоею княжескою милостью. Дай Бог тебе доброго здоровья и с молодою княгинеею на многие лета.

Кланяется в ноги.

Двор графского замка. На дворе слуги и паж. Выходят на крыльцо граф и графиня. Все им низко кланяются, а они милостиво отвечают на поклоны. Из толпы выступает Жан. Склоняет колени перед графом, и говорит:

Ж е а н. Милостивый господин мой граф и милостивая графиня, будьте благосклонны ко мне, бедному отроку, сыну благородных и благочестивых родителей.

Г р а ф. Прекрасный отрок, кто ты и откуда?

Ж е а н. Имя мое Жан, прозвище Милый. Родом я из Гогенау. Отец мой - старый воин и верный ваш вассал, Роберт Сокол. Отец научил меня владеть оружием, от матери выучился я играть на лютне и петь забавные и приятные для дам и девиц песни, а добрый монах обители в Гогенау, брат Фома, не жалел трудов и розог, чтобы обучить меня чтению и письму. Родители послали меня в свет, чтобы я поступил на службу к одному из знатных господ; - и вот я склоняюсь к ногам вашим, милостивейший господин мой граф, и умоляю вас принять меня на службу. Обещаю служить вам верно и усердно, всей крепостью моих сил и моего разума, и даже не жалея самой моей жизни для пользы и выгод моего господина и его любезной и прекрасной супруги, прелести которой сияют, подобно солнцу, если возможно одному солнцу сиять при другом, еще более блистательном.

Г р а ф. Мальчишка болтает не плохо, и кланяется таки усердно.

Г р а ф и н я. Мне кажется, что из него выдет хороший паж.

Г р а ф. Посмотрим. А пока пусть послужит под рукою нашего конюшего Адальберта.

Ж е а н. Да благословит вас Господь победами и славою, милостивый граф. Да благословит вас Господь счастьем и любовью, милостивая графиня.

Кланяется низко, и целует полу графского плаща и край графинина платья.

Вторая картина

Светлица в княжеском доме. Князь и княгиня сидят одни.

К н я з ь. Свет моя княгинюшка, душа Аннушка, а кто тебе хорош, кто пригож?

К н я г и н я. Ты хорош, ты пригож. Ты мне милей красна солнышка, ясна месяца. Из князей, из бояр, из торговых гостей, из простых людей никто с тобой, свет мой, не сравняется силой удалью молодецкою. А и очи у тебя соколиные, а и брови у тебя соболиные, а и кудри твои черней темной ноченьки рассыпаются. А и мудрее тебя никто не сыщется, - слово скажешь, рублем подаришь.

К н я з ь, *самодовольно.* Да уж я, вестимо. Уж меня взять.

Целуются.

К н я з ь. А из дворни кто хорош, кого жаловать?

К н я г и н я. А из дворни хорош Ванька-конюх. И он год у нас жил, вина горького не пивал, сладким медом не закусывал.

К н я з ь. А и быть Ваньке ключником. *Кричит.* Ванька!

За сценою слышны крики:

- Ванька, Ванька!
- Где Ванька?
- Князь Ваньку кличет.
- Беги, пострел, за Ванькой скорейча.
- Ванька!
- И где он, леший, запропал?
- Ванька, чорт леший, шевелись, колода дубовая, князь тебя зовет.
- Иди, пентюх несоколоченный, - князь дожидается, шибко гневается.
- Дай ему туза, чтобы шибче бежал.
- Беги, беги, Ванька, закатывай, - князь тебя из собственных рук пожалует.
- Ну, чего мнешься, - иди!
- Иди, иди!

Кто-то вталкивает Ваньку в светлицу. Ванька влетает, бухает в ноги. Поднимается, встряхивает волосами, и вторично кланяется в ноги степенно.

В а н ь к а. Я, значит, тутотки, Ванька, значит.

К н я з ь. А и гладок ты, Ванька. Бог тебя, молодца, милует, а я, князь, тебя крепко жалую: вынимаю тебя из конюхов, кладываю тебя, добра молодца, в ключники.

В а н ь к а. На том тебе, князь с молодою княгинею, много благодарствую. *Кланяется в ноги.* Пожалуйте ручку. *Целует князю руку.* Государыня княгиня, пожалуйте ручку. *Целует княгине руку.*

К н я з ь. Ты, Ванька, смотри, не своруй, береги наше добро пуше своего живота.

В а н ь к а. Уж это как есть, на том стоим. *Кланяется в ноги.*

К н я з ь. А и своруешь ты, Ванька, велю драть без милосердия, а потом нещадно повешу.

В а н ь к а. Уж это как есть, такое дело. *Кланяется в ноги.*

К н я з ь. А и будешь ты верен, Ванька, я тебя много пожалую.

В а н ь к а. Твоей милости, князь, рад служить, это что и говорить. *Кланяется в ноги.*

К н я з ь. А теперь, Ванька, иди.

В а н ь к а. Будь здоров, князь с молодою княгинею на многие лета, а я тебе верный слуга.

Кланяется в ноги, уходит и сплевывает.

К н я г и н я. Обходительный молодец.

К н я з ь. Я на него в надежде, что не сворует.

К н я г и н я. Он не такой, не сворует.

Князь и княгиня целуются.

Комната в графском замке. Граф и графиня сидят одни.

Г р а ф. Свет моих очей, душа моей души, милая моя Жеанна, кто люб тебе на этом свете?

Г р а ф и н я. Возлюбленный мой господин, когда я жила дома, милее всех на свете были мне мои милые родители. Но ведь тебя тогда я еще я не знала.

Г р а ф, улыбаясь. - А потом?

Г р а ф и н я, кокетливо. А также моя старенькая няня. Но ведь тебя тогда я не знала.

Г р а ф. А потом?

Г р а ф и н я. Я видела много прекрасных и доблестных рыцарей, но ты, мой возлюбленный повелитель, всех прекраснее и всех доблестнее. Твоя грудь шире, чем грудь рыцаря Ромуальда из Нормандии, победителя на одиннадцати турнирах. Твой голос звучнее, чем голос Руанского соборного пономаря. А твои ласки пламенные и слаще...

Краснеет и умолкает. Граф самодовольно крутит ус. Графиня робко смотрит на него, и радостно улыбается. Они целуются.

Г р а ф. Хочу твоим именем наградить того из слуг, кто усердием заслужил твою милость.

Г р а ф и н я. Мальчишка Жеан, который служит на конюшне, так усерден, что забавно смотреть на него. Дует и плюет на мое стремя, и трет его рукавом, чтобы оно блестело, как червонное золото.

Г р а ф. Быть Жеану пажом.

Звенит кинжалом о подножие канделябра. Входит старый дворецкий Агобард.

Г р а ф. Старый хрен Агобард, призови-ка ты к нам Жеана, мальчишку с конюшни, того, смазливого, что кличут Милым. Да пусть приоденется и помоеется, чтобы не пахло от него здесь тем, чем не надо.

А г о б а р д. А мальчишка Жеан тут как тут, - сам пришел принаряженный, и свои светлые кудри расчесал волос к волосу.

Г р а ф. А! Что ему надо?

А г о б а р д. Да так, глупости! Милостивая госпожа и смотреть не захочет.

Г р а ф и н я. А что такое, милый Агобард?

Г р а ф. Любопытная дочь Евы!

А г о б а р д. Сушие глупости! Уж я его гнал, да просится очень жалобно. Скворца, слышь, поймал, посадил в клетку, да научил его кое-какие слова болтать, хочет поднести милостивой госпоже. Право, такие глупости!

Г р а ф и н я, *радостно.* Это презабавно! Агобард, милый старый хрен, зови его сюда скорее, и пусть несет скворца.

А г о б а р д, *ворча, открывает дверь, и кричит.* - Эй, ты, мальчишка, иди ка сюда. Да кланяйся ниже, неотесанный неуч!

Жеан входит, низко кланяется, подходит к графу и графине, и становится перед графинею на колени. В руке его клетка, в клетке скворец.

С к в о р е ц, *кричит.* Многие лета!

Граф хохочет громоподобно, графиня заливается детски-веселым смехом. Смеются и Жеан и Агобард.

Ж е а н, *когда смех несколько затих.* Милостивая госпожа...

С к в о р е ц, *кричит.* Граф грозен врагам!

Опять смеются все, граф и графиня, сидя на своих высоких креслах; Агобард стоя у дверей, и Жеан на коленях перед графинею. Смеются долго. Когда смех затихает, опять говорит:

Ж е а н. Милостивая госпожа, соблаговолите принять эту ничтожную дань от усерднейшего, хотя и меньшего из слуг ваших.

С к в о р е ц, *кричит.* Прекрасная графиня!

Все опять смеются попрежнему.

Г р а ф и н я. Спасибо, Жеан Милый, твой подарок очень мне нравится. Скворец будет висеть в той комнате, где я вышиваю.

Г р а ф. Ты ловок, Жеан Милый. Из тебя будет, вижу, толк. Увольняю тебя от службы под рукою конюшего нашего Адальберта, и ставлю тебя нашим пажем. Паж Бернар из мальчишек вырос, и уже стал бегать за девчонками. Пора ему быть оруженосцем. А ты вместо него будешь служить за столом возлюбленной моей супруге, графине Жеанне.

Жеан радостно кланяется графу в ноги.

А г о б а р д, *ворчит.* Большая, большая честь мальчишке! Мог бы и пониже за столом стоять, - много и постарше его есть пажей.

Г р а ф, *смеется.* Старый хрен разворчался. Ну, а ты, мальчишка, смотри у меня, служи усердно.

Ж е а н. Милостивый граф, верность моя не знает предела, и мое усердие спорит с моею верностью о том, кто из двух пламеннее и сильнее.

Целует протянутые ему милостиво руки графа и графини.

Г р а ф. Смотри, чтобы графинины тарелки были еще чище, чем ее золоченое стремя. Только не дуй и не плюй на них.

Граф и графиня смеются. Жеан краснеет.

Г р а ф. Старый хрен Агобард научит тебя всем порядкам, как и что. Ты его слушайся, да держи ухо востро, а то у меня расправа коротка.

Ж е а н. Где гнев, там и милость. А если в чем провинюсь, милостивый господин, то ведь порядок всем нам ведом. Наш брат без того не живет, чтобы когда не побили.

Г р а ф. А за верность и усердие будешь награждаем.

Г р а ф и н я, *ласково*. Много награждаем.

Ж е а н. Не для наград, за честь и за совесть служить буду. *Кланяется низко.*

Г р а ф. А теперь, мальчуган, иди.

Жеан кланяется низко, поднимается и отходит. Графиня нежно смотрит на мужа, положив руку на его колено. Говорит ласково:

Г р а ф и н я. Жеан, подойди-ка. *Графу*. Можно?

Граф молча кивает головою. Жеан подходит и кланяется.

Г р а ф и н я. Жеан, от тебя не очень пахнет конюшнею?

Ж е а н. Милостивая госпожа, я выкупался в речке. Потом твоя служанка, которая очень красива, хотя обладает только сотою долею твоей красоты, юная Раймонда, плеснула в ковш сколько-то капель розового масла, и этой водою вытерла все мое тело, от шеи до пяток.

Г р а ф и н я. Добрая Раймонда!

Смеется. Граф хохочет. Жеан краснеет.

А г о б а р д, *ворчит*. Эту Раймонду и мальчишку обоих бы плетью.

Г р а ф и н я. Ну, ну, старый хрен, не ворчи. Жеан, если ты такой душистый, так подойди ко мне совсем близко. За скворца я хочу поцеловать тебя в твои алые губы. *Графу*. Можно, милый мой господин?

Г р а ф. Тебе-то можно, милая моя Жеанна. Ты - моя верная женка.

А г о б а р д, *ворчит*. Большая, большая честь такому мальчишке! Я бы его и с Раймондою вместе...

Ж е а н, *низко кланяясь*. Милостивая графиня награждает меня выше заслуг.

Подходит близко. Графиня берет его левой рукой за шею, правую за подбородок, смеется и целует его в губы так нежно, что Жеан багряно краснеет. Граф хохочет.

Г р а ф и н я, *нежно*. За скворца.

С к в о р е ц, *кричит*. Многие лета!

Жеан кланяется низко, стыдливо закрывается рукавом, и убегает. Граф хохочет.

Г р а ф. Мальчишка услужливый и ловкий.

Г р а ф и н я. Говорят, он поет искусно.

Г р а ф. Старый хрен, смотри за ним поостроже. Толк из него выйдет. Да смотри, чтоб он обучался биться, как надлежит воину, и крепко знал все, что к конному и гешему бою принадлежит.

Г р а ф и н я, *вздыхая, шепчет*. Битвы да раны. Кого убьют, кого искалечат.

Г р а ф. Долгий мир люб лишь бабам да трусам.

Агобард уходит. Граф и гарфиня целуются.

Третья картина

Сад при княжеском доме. Княгиня ходит, цветы нюхает, на Ваньку поглядывает. Ванька похаживает близко, охорашивается и посвистывает.

К н я г и н я. Ванька, а Ванька!

В а н ь к а, *подходит*. - Чего изволишь, княгиня?

Княгиня смеется и заигрывает. Ванька кобянится.

К н я г и н я. Ванька, а Ванька!

В а н ь к а. Чего изволишь, княгиня?

К н я г и н я. Что-то мне нонича жарко, Ванька.

В а н ь к а. Скинь сарафан, княгиня.

К н я г и н я. Гы-ы!

Ванька заигрывает. Княгиня кобянится.

К н я г и н я. Да ну ты к лешему!

В а н ь к а. Гы-ы!

Отходит и кобянится.

К н я г и н я. Ванька, а Ванька!

В а н ь к а. Чего изволишь, княгиня?

К н я г и н я. Что-то у меня, Ванька, на закукорках чешется, промежду лоптток зудит.

В а н ь к а. Стань, княгиня, к березе, почешись, княгиня, о березу спиной.

Княгиня смеется и заигрывает. Ванька кобянится.

В а н ь к а. Княгиня, а княгиня!

К н я г и н я. Чего тебе, Ванька?

В а н ь к а. Стань ко мне поближе, я тебя по спине кулаком огрею, чтобы не чесалось.

Княгиня смеется и ломается. Ванька охаживает около нее, и поплевывает

К н я г и н я. Ванька, а Ванька!

В а н ь к а. Чего изволишь, княгиня?

Княгиня смеется. Ванька изловчается, и бьет княгиню ладонью по спине.

К н я г и н я, *пронзительно визжит*. - И-и-их! Чорт, леший, этак саданул!

В а н ь к а, хохоча. - Уж больно ты гладкая!
 К н я г и н я. Как саданул, аж мне еще жарче стало.
 В а н ь к а. Скидай сарафан, да и вся недолга.
 К н я г и н я, смеясь и закрываясь кисейным рукавом. - Увидят.
 В а н ь к а. Видеть здесь некому.
 К н я г и н я. Ванька, а Ванька!
 В а н ь к а. Чего изволишь, княгиня?
 К н я г и н я. Уж больно ты гладок, Ванька. Гы-ы!

Ванька хохочет. Княгиня заигрывает.

К н я г и н я. Чего тут на солнце преть! Уж мне не в терпеж. Пойдем, Ванька, в мои покои во особые.

В а н ь к а смеясь. - А зеленого вина поставишь?

К н я г и н я. Да уж поставлю.

В а н ь к а. А сладкого меда дашь?

К н я г и н я. Да уж дам.

В а н ь к а. А печатным пряником угостишь?

К н я г и н я. Да уж угощу.

В а н ь к а. А в сахарные уста поцелуешь?

К н я г и н я. Да уж так и быть, поцелую.

В а н ь к а. А сарафан скинешь?

К н я г и н я. Да ну ты к ляду, скину.

В а н ь к а. И все прочее по тому же?

К н я г и н я. Подлипало ты, Ванька, - да уж скину, потому как очень мне жарко, и совсем даже не в терпеж!

Смеются оба.

В а н ь к а. А голая спляшешь?

К н я г и н я. Ну ин пляшу, была не была.

В а н ь к а. Бери меня, добра молодца, за ручку за правую, веди в свои покои во особые.

Уходят вместе.

Сад при графском замке. Графиня, держа в руке белый веер, проходит мимо розовых кустов. Жан стоит за кустами, и смотрит на графиню нежно и скромно.

Г р а ф и н я. Жан!

Ж е а н. Я здесь, графиня, неизменно готовый служить вам и графу.

Г р а ф и н я. Граф охотится, мы одни. *Бросает на Жана томный взгляд. Жан краснеет.* Милый Жан!

Ж е а н. Что прикажете, милостивая госпожа?

Г р а ф и н я. Солнце такое высокое и знойное, небо безоблачное, сыновья Эола спят, и даже ветренный Зефир притаился в кустах у речки. Так мне душно и жарко, глаза мои туманятся, и безпокойное сердце шепчет, - знаешь, что оно шепчет?

Ж е а н. Милостивая графиня, темен, но внятен юному слуху язык сердца.

Г р а ф и н я. Противный Жан, ты, кажется, вообразил что-то.

Жан улыбается нежно и лукаво. Графиня краснеет.

Г р а ф и н я. Жан, зачем ты смотришь на мою грудь? Я открыла ее не для тебя, а для сладких вздохов моего белого веера.

Ж е а н. Простите, милостивая графиня.

Отходит в сторону, и бросает на графиню украдкой страстные взгляды.

Г р а ф и н я. Жан, что же ты мне не поможешь? Ты забыл, что должен служить мне?

Ж е а н. Что прикажете, милостивая госпожа?

Г р а ф и н я. Застежки моего пояса колют мои пальцы, - разтегни мой душный пояс, сними его с меня.

Ж е а н, *исполняя это, целует графинины руки, и говорит со вздохом.* Этот пояс имел свои минуты счастья. Жестокий! его объятия слишком утомили милостивую госпожу.

Г р а ф и н я. Дерзкий Жан, не мечтаешь-ли ты заменить его тесным поясом своих сплетенных рук? О, какой ты!

Треплет по щеке. Жан краснеет и улыбается нежно.

Ж е а н. Милая графиня Жанна!..

Г р а ф и н я. Что скажешь, Жан? Говори, говори, не бойся. Если и лишнее скажешь, я, так и быть, разсержусь не очень.

Ж е а н. Я ваш верный слуга, милая госпожа Жанна. Моими руками я готов заменить ваш пояс, моим телом - ваше платье.

Г р а ф и н я. О, какой ты!

Краснеет и смеется. Жан смотрит на нее смелым и вождеющим взором.

Г р а ф и н я. Противный мальчишка, Жан!

Ж е а н, *тихо.* Милая Жанна!

Г р а ф и н я. О, вот ты какой!

Жан становится на одно колено, и целует графинины руки.

Г р а ф и н я. Очень жарко, когда целуют одно и то же место.

Ж е а н. Милая Жанна, ваше тело благоухает, как райский крин. *Целует ее плечи.*

Г р а ф и н я. О, мальчишка, да ты умеешь целовать!

Ж е а н, *вздыхая.* - Несносные преграды одежд!

Г р а ф и н я, *смеется.* - А ты бы хотел?

Ж е а н. Здесь никто не увидит, кроме высокого солнца и верного пажа Жана.

Г р а ф и н я. Жан, знаешь, ведь ты - красавец. Правда!

Ж е а н. Говорят, госпожа.

Смеется. Графиня щекочет его и щиплет. Жан извиваясь в ее руках, нежными движениями рук и плечь ласкает ее груди. При каждом его прикосновении графиня краснеет и тихонько вскрикивает.

Г р а ф и н я. Совсем истомилась я на солнце, в этом саду, где и тень деревьев пронизана змеиными лобзаниями царящего на небе чудовища. Какой он злой, этот дракон! Говорят, что он весь покрыт золотой чешуею. Жан, проводи меня в мою спальню, и побудь там со мною.

Ж е а н. Я рад служить милостивой госпоже.

Г р а ф и н я. Ты споешь мне песенку.

Ж е а н. Хотя бы и две, и сколько прикажете, графиня. А вы, милая Жанна, сыграете мне на лютне?

Г р а ф и н я. Как же тебе отказать, милый Жан! Я сыграю тебе на лютне.

Ж е а н, *вздыхая*. Несносные преграды одежд!

Г р а ф и н я, *простодушно*. Но ведь их же там не будет!

Ж е а н. Милостивая госпожа, извольте опереться на мою руку. Так вы не устанете, - лестница близка, - а по ее темным и проладным переходам в тишину вашего покоя я снесу вас на руках, милая Жанна!

Уходят вместе.

Четвертая картина

Княгинина спальня. Ванька важно сидит за столом, величается; княгиня за ним ухаживает, ставит на стол меда сладкие и закусочки вкусные.

К н я г и н я. Сама-то я, княгиня, стольничаю, сама-то я, княгиня, чашничаю, сама-то я, княгиня, постельничаю. Кормлю-пою добра молодца, кормлю-пою, низко кланяюсь; ешь, пей, Ванька, досыта, сам ешь, меня тешь. *Низко кланяется.*

В а н ь к а, *равнодушно*. Кланяйся в ноги, Прекраса очень красивая, перекрасивая, - княгиня Аннушка.

К н я г и н я, *кланяясь Ваньке в ноги*. Не могу я наглядеться на твою красоту молодецкую.

В а н ь к а. Стели перину пуховую на кровать, на тесовую, складай круто-складно сголовьеце, натягай одеяло соболиное.

Княгиня ловко и проворно исполняет сказанное. Стоит и ждет. Ванька ест, громко чавкает, пьет, громко чмокает; наевшись, напившись, громко рыгает и крестит рот.

К н я г и н я, *вкрадчиво*. Душенька с Богом беседует.

В а н ь к а, *сонно*. Чего?

К н я г и н я. Душенька, говорю, с Богом беседует.

В а н ь к а. А и выходишь ты дура, княгиня, - ты меня сладко напоила, накормила, я тебе вежливенько отрыгиваю, а душенька тут не причем. Ну, что-ль, готова короватать?

К н я г и н я. Готова, Ванька, готова. *Низко кланяется.*

В а н ь к а. Бери меня за белые руки, веди меня к тесовой коровати, ложи меня, уда-ла добра молодца, на пуховую перину.

Княгиня все исполняет.

В а н ь к а. Дура, сапоги с меня снять забыла.

Княгиня низко кланяется и разувает Ваньку.

В а н ь к а. Скидай сарафан.

Княгиня снимает сарафан, и низко кланяется.

В а н ь к а. Раздевай тело белое, разувай ноги резвые.

Княгиня раздевается совсем, и низко кланяется.

В а н ь к а. Пляши.

Княгиня низко кланяется и пляшет.

В а н ь к а. Пой.

Княгиня пляшет и поет.

В а н ь к а. Будет. Ложись подле меня.

Княгиня низко кланяется и лезет на кровать.

В а н ь к а, *кричит*. Ай-да баба! Сахар, а не баба!

К н я г и н я. Гы-ы, желанненький мой! Сокол мой ясный! Харя твоя поганая, чем ты меня взял?

В а н ь к а, *важно*. Естественном.

Графинина спальня. Жеан внес графиню на руках, и посадил ее в кресло.

Г р а ф и н я. Да ты сильный, Жеан! По темным и прохладным переходам высокой лестницы ты взнес меня на руках, как легкое перо. Чего же хочешь в награду за твое усердие?

Ж е а н. Держать вас, графиня Жеанна, держать на своих руках, у своего сердца слышать нежный трепет вашей белой груди, - о, милая Жеанна, это уже такое высокое блаженство, с которым не сравняются и утехи того сада, который был насажден самим Богом.

Г р а ф и н я. Между двумя реками, Жеан, неправда-ли?

Ж е а н. Между двумя руками, как между двумя реками, охватив мой рай, я наслаждался кратким, хотя и неполным блаженством. Веянием быстрого бега приподнималась иногда завеса райских обитателей, завеса легко колеблемая и уже не утвержденная на жесткой ограде строгого пояса. И стою теперь я, бедный паж, перед легкою, но опущенною завесою, и несносная воздвигнута опять преграда между трепетом моим желаний и отрадою моего рая.

Г р а ф и н я. Что-же преграды для смелого! А знаешь, Жеан, хотя здесь и не так жарко, как в саду, а все-таки душно. Мальчишка, сядь ко мне на колени.

Жеан прижимается к графине. Графиня медленно снимает с него кафтан.

Г р а ф и н я. Видишь, мальчишка, я сама служу тебе. Хочешь, я налью тебе вина, и подам его тебе?

Ж е а н. Если милостивую графиню это забавляет, то я, верный слуга ее, готов быть на час господином милой Жеанны.

Г р а ф и н я. Добрым господином?

Ж е а н. Если захочешь, милостивая Жеанна, то и жестоким.

Г р а ф и н я. О, мальчишка, ты дерзкий! Но посмеешь-ли ты?

Ж е а н. Если захочешь, милостивая графиня, то и посмею.

Графиня сталкивает с колен полураздетого Жеана. Наливает два кубка вина. Один подает Жеану.

Ж е а н. За здоровье милостивого графа.

Пьют.

Г р а ф и н я. Что же ты стоишь? Здесь никто не увидит, - вот мягкое ложе, ляг на него, а я на тебя полюбуюсь.

Ж е а н, *садясь*. Такие пыльные башмаки, и подошвы в песке.

Г р а ф и н я. О, мальчишка, ты уже требуешь услуг!

Нагибается и стаскивает с него обувь.

Г р а ф и н я. Теперь ляг.

Жеан ложится, графиня смотрит на него и смеется. Жеан краснеет. Графиня быстро обнажает его.

Г р а ф и н я. Пей, милый Жеан.

Пьют.

Г р а ф и н я. Ты покраснелся от вина.

Ж е а н. Не от вина, милая Жанна, а от желаний.

Г р а ф и н я. Чего ты хочешь?

Ж е а н. Твоих поцелуев.

Графиня смеется и целует его.

Г р а ф и н я. Ты глупый, Жеан, - разве ты больше ничего не хочешь?

Ж е а н. Хочу.

Г р а ф и н я. Чего же ты хочешь?

Ж е а н. Падения несносных преград.

Графиня смеется и раздевается.

Г р а ф и н я. Мы с тобою глупые, Жеан, как Адам и Ева. Не позвать-ли нам мудрого змея?

Ж е а н. Жанна, змей уж здесь. Вот он смотрит в окошко. Разве ты не слышишь, что он шепчет?

Г р а ф и н я, *смеется*. Слышу. Он соблазняет меня. попробовать это яблоко. *Слегка кусает его за щеку.*

Ж е а н. О, Жанна, это - моя щека! Он шутит, злой змей. Мне он не то шепчет.

Г р а ф и н я. А что, Жеан?

Ж е а н. Он шепчет мне: возьми ее за ее черные косы, повергни ее на ложе, и делай с ней, что хочешь.

Легонько берет графиню за волосы, и тянет ее вниз. Графиня притворилась испуганною.

Г р а ф и н я, *кричит*. Жеан, Жеан, не тащи так сильно, я сама лягу, я сама...

Падает рядом с Жеаном на ложе. Жеан смеется, и обнимает ее.

Г р а ф и н я. Противный, ты меня напугал.

Ж е а н. Милая Жанна, но ведь это совет змея, а он знает, как это делается.

Г р а ф и н я. Милый Жеан, брать женщин силою умеет и поганый татарин, и дикий москвит. Любовь хочет дерзновения, но ненавидит насилие.

Ж е а н. О, моя милая ногая проповедница! Ты столь же мудра, как и прекрасна.

Г р а ф и н я. Возлюбленный мой! Ясный мой сокол! О, негодный мальчишка, чем ты меня пленил, Жеан?

Жеан. Любовью, о милая Жеанна, любовью. Жеанна! Жеанна! возлюбленная моя! Жеанна!

Обнимает и ласкает ее страстно.

Графиня. Жеан, Жеан, Жеан!

Пятая картина

Сад. Княгиня из окна смотрит. Ванька под окном похаживает, поплевывает и посвистывает.

Княгиня. Ванька ты Ванька, подлец, что ты со мною изделал? Как была я мужу верная жена, а нонича, как я ему погляжу в очи?

Ванька, сплевывая. Так и поглядишь. Все вы, бабы, до нашего брата охочи.

Сад. Графиня из окна роняет платок. Жеан его поднимает, целует и прячет.

Графиня. Жеан, Жеан, противный! Что ты со мною сделал! Я графу была верною женою, - а теперь, как я ему погляжу в очи?

Жеан. Гляди ему смело в глаза, милая Жеанна. Разве ты единственная, которую он ласкает?

Графиня. Жеан, но ведь я же - его жена.

Жеан. Ты и останешься его верною женою.

Графиня. Изменять мужу очень грешно.

Жеан. Помолись, покаяйся и молчи. Бог простит, поп разрешит, граф не узнает.

Графиня. А и правда, Жеан. Поцелуемся лучше, - уж за одно.

Шестая картина

Княгинин терем. Ванька с княгинею за столом сидят, угощаются, беседуют.

Княгиня. Ванька ты Ванька, удалый добрый молодец, не ходи ка ты во царев кабак.

Ванька. Эка вывезла! В кабак да не ходить. Дура ты дура, а еще княгиня!

Княгиня. Я дура, а ты умный, меня послушай. У тебя, умного, одна дума, у меня, дуры бабы, семьдесят семь думок.

Ванька. Ври!

Княгиня. Как ты зайдешь, удалый, во царев кабак...

Ванька. И зайду.

Княгиня. Напьешься ты, Ванька, зелена вина.

Ванька. И напьюсь.

Княгиня. Будешь ты, удалый, в хмельном разуме.

Ванька. Ну, и буду.

Княгиня. Тут ты, удалый, раскуражишься и поразбракнешься...

В а н ь к а. Это как есть, такое дело. Богатый хвалится богатством, бедный хвалится своею бедностью, сильный хвалится своею силою.

К н я г и н я. А ты мною, Аннушкою, порасхвастаешься.

В а н ь к а. Да неужто ж я такой свиньей буду! Да тебя, мою голубушку, нешто позорить стану! Да ни в жизнь! Да лопни мои оченьки! Да тресни моя утроба! Да провалиться мне на этом месте! Да будь я анафема проклят!

К н я г и н я. Ой, Ванька, ты Ванька, станешь ты, молодец, упиватися, буйными словесами похвалятися, порасхвастаешься ты по пьяному делу.

Ванька долго чешется, крепко думает, сплевывает и говорит:

В а н ь к а. По пьяному делу, оно, конечно, это как есть, уже не без того, что порасхвастаюсь.

К н я г и н я. Тут тебе, удалому, живу не бывать.

В а н ь к а. Пошто?

К н я г и н я. Князь узнает.

В а н ь к а. Нешто?

К н я г и н я. Да уж узнает.

В а н ь к а. Ишь ты!

К н я г и н я. Как вскричит тогда князь громким голосом, по звериному: Ъ Уж вы слуги мои, слуги верные! Вы подите в чисто поле, копайте две ямы глубокие, становите два столба еловые, кладите перекладыны дубовые, вешайте петельку шелковую, вы возьмите-приведите добра молодца, вы повесьте-ка моего верного слугу Ванюшку! Ъ Молодец в петельке закачается; княгиня Аннушка в терему скончается.

Ванька долго чешется, крепко думает, сплевывает далекохонько, и говорит:

В а н ь к а. Ай же ты Аннушка, моя голубушка, княжецкая жена, моя милая любовница! Не пойду я во царев кабак, не стану пить зелена вина, запивать медами застоялыми!

Графинина светлица. Графиня и Жеан сидят за столом. Перед ними два кубка вина и фрукты.

Г р а ф и н я. Милый Жеан, не води дружбы с молодыми повесами, не ходи с ними в трактиры, не пей с ними вина.

Ж е а н. Милая Жеанна, как же я могу чуждаться моих товарищей! Меня назовут гордым, и станут надо мною смеяться. И как вина не пить! Оно веселит душу.

Г р а ф и н я. Глупый мальчишка! Не слушаешься и даже не хочешь спросить, почему я тебя прошу об этом.

Ж е а н. Прихоти дам неисчислимы.

Г р а ф и н я. Напьешься ты, Жеан, пьяный.

Ж е а н. И начну куралесить, дело известное.

Г р а ф и н я. И начнешь болтать всякий вздор.

Ж е а н. Правда, милая Жеанна, - напьемся, так чего чего не придумаем. Да, вино много дает человеку, - смех, шутки, и слезы, и шалости, и выдумки, и песни.

Г р а ф и н я. Станешь хвастаться.

Ж е а н. А разве я не красив? Разве мне нечем похвастаться? Уж если взоры мило-ственной госпожи упали на меня...

Г р а ф и н я. Вот, глупый мальчишка, этим то ты и будешь хвастаться. Мною похвалишься. *ет.*

Ж е а н. Милая Жеанна, как ты могла это подумать! Неужели я такой безчестный! Неужели я предам позору твое сладчайшее имя! Лучше мне умереть, чем совершить такой низкий поступок!

Г р а ф и н я. Правда, Жеан, милый? О, я хочу тебе верить, но я все-таки боюсь. Мы, женщины, так робки, а вы, мужчины, так необузданно смелы: вы говорите, не успевши подумать. Вы, мужчины...

Ж е а н. О, милая Жеанна, ты права. Осторожность - не свойство молодого воина.

Г р а ф и н я. И тогда мы с тобою погибнем.

Ж е а н. Почему?

Г р а ф и н я. Граф узнает.

Ж е а н. Как он может узнать? Ведь он с нами не бражничает.

Г р а ф и н я. Ему донесут.

Ж е а н. Друзья?

Г р а ф и н я. Дружба легко переходит во вражду. Да и что дружба! И в поэмах говорится немало про измену друзей.

Ж е а н, задумчиво. Да, друзья! Знаю я их! Ты - умная, Жеанна! Ты все знаешь, и все понимаешь.

Г р а ф и н я. Граф прикажет повесить тебя, а мне отрубят голову, - а то еще и хуже: накажут меня розгами, и постригут в монахини, словно живую заколотят в гроб. А граф женится на другой.

Ж е а н. Милая Жеанна, возлюбленная моя! Отныне уж не стану я водить дружбы с молодыми повесами, ходить с ними в веселые места, пить с ними не стану вина.

Седьмая картина

Ранним утром у калитки княжеского сада стоит Девка - Чернавка. Из калитки вышел Ванька, светел и радостен, - и он громко посвистывал, далекохонько сплевывал. А как Девку-Чернавку увидал, - принахмурился.

Д е в к а - Ч е р н а в к а, жалостно. Передрогла-перезябла я, красна девица, Девка-Чернавка, за стеною стоячи белокаменной, добра молодца дожидаячи, что удалого Ваньку, ключника княжеского.

В а н ь к а, важно. Ни по што стояла, ни для ча ожидала, даром резвы ноженьки топтала, иди себе ни с чем, пока не бита.

Д е в к а - Ч е р н а в к а, умильно. Ванька, а Ванька, желанный, подь ко мне, Ванька!

В а н ь к а, грубо. Отстань, постылая!

Д е в к а - Ч е р н а в к а, укоризненно. Прежде со мною любовь имел, а нонича рыло в сторону воротишь.

В а н ь к а, со злостью. Отвяжись, подлая!

Д е в к а - Ч е р н а в к а, с угрозою. Ты у меня попомнишь. Спокаешься, да поздно будет.

Расходятся в разные стороны.

У калитки графского сада утром Раймонда ждет. Из калитки выходит Жан.

Р а й м о н д а. Утро холодное, а я жду тебя, милый Жан.

Ж е а н. Зачем ты встала так рано? На росистой траве стоишь ты босая, - смотри, захвораешь от простуды. Иди домой, в теплую горницу.

Р а й м о н д а. Милый Жан, согрей меня нежным поцелуем.

Ж е а н. Раймонда, мне не хочется целоваться.

Р а й м о н д а. Жан Милый, приди ко мне сегодня ночью.

Ж е а н. Раймонда, сегодня ночью я не могу притти.

Р а й м о н д а. Где же твоя бывшая любовь? Или забыл ты мои ласки?

Ж е а н. Снег тает, воды бегут, вчерашнее забыто.

Р а й м о н д а. Но ты вспомнишь!

Расходятся в разные стороны.

Восьмая картина

Улица. Ванька один. Стоит невесел, голову повесил, задумался крепко, говорит сам с собою.

В а н ь к а. Ой неволя, неволя - княжеский двор! Что-то мне да захотелось с отцом да с матушкой да повидатися, со худою женою да неудачливою, - ведь и плакала она, как река лилась, слезы катятся, как ручьи текут, возрыдалася, что погоды бьют.

Входит первая кабацкая женка. Подкрадывается к Ваньке, и хлопает его по плечу. Ванька вздрагивает и вскрикивает.

В а н ь к а. О, чтоб тебе пусто было!

П е р в а я к а б а ц к а я ж е н к а. Ванька Ключник, верный слуга княжеский, что стоишь невесел, буйну голову повесил? Еще что у тебя за несчастье? Ай целовать некого?

Хохочет, прижимается к Ваньке, и говорит:

П е р в а я к а б а ц к а я ж е н к а. Пойдем, пойдем, удал добрый молодец, зайдем да во царев кабак за гульбой.

В а н ь к а, *отталкивая ее.* Ну тя к лешему.

Она хохочет и уходит. Ванька смотрит за нею, ухмыляется весело, сплевывает, - и опять крепко думает. Входит вторая кабацкая женка. Подкрадывается к Ваньке, и хлопает его по спине. Ванька вздрагивает и вскрикивает.

В а н ь к а. О, чтоб тебя разорвало!

В т о р а я к а б а ц к а я ж е н к а. Ванька, а Ванька! Что ты скис? Ай тебе обнимать некого? Так ты об этом не горюй. Хохочет, пляшет, и кричит: Эй, Ванька, прими меня за белые руки, пойдем во царев кабак, пить заедать белым зелено вино, запивать медом пьяным, сахаром.

В а н ь к а, *угрюмо.* Ну тя к ляду!

Она хохочет и уходит. Ванька смотрит за нею, ухмыляется, бормочет:

В а н ь к а. Ишь ты, тварь!

И задумывается. Входит третья кабацкая женка, подкрадывается к Ваньке, и толкает его в спину, так что он бежит, спотыкается и падает. Она хохочет, он поднимается и ругается.

В а н ь к а. О, чтоб тебе провалиться! Чтоб тебе ни дна, ни покрышки!

Т р е т ь я к а б а ц к а я ж е н к а. Ванька, Ванюшка, удалой молодец, что ты голову-то вешаешь! Ай милой нет?

Прижимается к нему, обнимает его, шепчет что-то. Ванька хохочет, но ее отталкивает.

В а н ь к а. Пошла ты, анафема, ко всем чертям!

Она уходит. Ванька хохочет, смотрит за ней, и вскрикивает.

В а н ь к а. Ишь ты! Поди ж ты! Ай да ну! Ну и женка! Разлюли - малина! Потом задумывается. Долго чешет затылок. *Вскрикивает вдруг.* Пойду в кабак. *Убегает.*

Улица. Жеан один. Задумался, опустил голову. Говорит сам с собою.

Ж е а н. Скучно! Хочется мне погулять с товарищами. Они пошли все в тот веселый трактир, под вывескою Золотого Оленя, где такие веселые девицы. Как они поют! Как они играют!

Входит первая веселая девица. Подкрадывается к Жеану, и вдруг щекочет его. Жеан вздрагивает и вскрикивает.

Ж е а н. О, глупая, ты меня напугала!

П е р в а я в е с е л а я д е в и ц а. Жеан милый, паж славного графа, что ты не весел? У тебя несчастье? Или не с кем целоваться? Пойдем к Золотому Оленю. Там очень весело.

Ж е а н. Не хочу.

П е р в а я в е с е л а я д е в и ц а. Не хочешь? Ну, и без тебя обойдемся.

Она уходит. Жеан смотрит за нею, улыбается, и опять задумывается. Входит вторая веселая девица. Подкрадывается к Жеану, закрывает его глаза ладонями, и смеется. Жеан ловко освобождается.

Ж е а н. И ты, шалунья!

В т о р а я в е с е л а я д е в и ц а. Милый Жеан! Да что ты такой кислый? Или тебя приласкать некому? *Приподнимает край юбки, поправляет подвязку, и говорит:* Дай мне руку, пойдем к Золотому Оленю, будем пить, петь и любить.

Ж е а н. Иди одна, я не хочу.

В т о р а я в е с е л а я д е в и ц а. Ну, не хочешь, и не надо. А то приходи. *Она уходит.*

Ж е а н, *смотрит на нее, улыбается и шепчет.* Веселая!

И задумывается. Входит третья веселая девица. Становится перед Жеаном, и смотрит на него. Жеан вздрогнул.

Ж е а н. И третья! и что вам всем от меня надо?

Третья веселая девица. Жеан, Жеан, прекрасный паж, что ты так низко опустил голову? Не изменила-ли тебе твоя милая? Полно, ревновать и печалиться не стоит.

Кокетничает, и шепчет Жеану на ухо что-то.

Жеан. Иди, иди, не хочу тебя слушать.

Третья веселая девица. А, не хочешь! Ну и оставайся один, косней в своем индивидуализме. А у нас - веселая соборность!

Она уходит. Жеан смеется и смотрит за нею.

Жеан. Эти милые девицы развеселят самого угрюмого в мире человека. Долго стоит в задумчивости. *Вдруг вскрикивает.* Пойду к Золотому Оленю! *И убегает.*

Девятая картина

Кабак. Всякие есть тут люди по пьяному делу, и пьяницы-пропоицы, и княжеские слуги в сторонке особенно, и заезжие гости. Все еще в полпьяна. Кабацкие женки у окна сидят, на улицу смотрят, - надеются, что Ванька придет.

К а б а ц к и е ж е н к и. Идет Ванька Ключник во царев кабак.

- Зелен кафтан на плечах надет.
- На нем шапочка рытого бархата.
- Сафьяны-сапожки натянуты.
- Золот перстень ровно жар горит.
- В правой руке тонка палочка.
- А на палочке ала ленточка.
- Его русые кудри по плечам лежат.
- Его ясные очи огнем горят.
- Идет ключник, что сокол летит.

П ь я н и ц ы. Эй, женки, что вы там в окно засмотрелись?

- Ванька Ключник на вас и не взглянет.
- Он на вас и плюнуть не захочет.

Ванька вошел в кабак, сел за стол особенно, куражится. Кабацкие женки все к нему пошли, на других и глядеть не хотят.

П е р в а я к а б а ц к а я ж е н к а. Ванька ты Ванька, удалой добрый молодец, налила я тебе чару зелена вина, подлила меду сладкого, - ай же ты, княжеский служитель есть! выпей, выкушай чару зелена вина.

Низко кланяется. Ванька пьет и кобянится.

В т о р а я к а б а ц к а я ж е н к а. Уж я налью Ваньке Ключнику, удалому добру молодцу, другой након<?> вина пьяного; ай же ты Ванька, верный ключник, выпей, выкушай пива пьяного.

Низко кланяется. Ванька пьет и кобянится.

Третья кабацкая женка. Уж и я, удалая кабацкая женка, лью налью в третий након чару меду сладкого, поднесу, низко кланяясь, - ай же ты, удалой Ванька Ключник, выпей-выкушай меду сладкого.

Низко кланяется. Ванька пьет и куражится.

Кабацкие женки. Забрала молодца хмелинушка кабацкая.

- Хорошо винцо кабацкое.

Пьяницы. А и крепка хмелина кабацкая.

- А и веселые женки кабацкие.

- А и кто чем похвастается?

Первая женка. А и ночевала я, удалая кабацкая женка, с подъячим; принимала я, удалая, ласковое слово; попросила я денег, проводили меня ярыжки с великою честью.

Все смеются весело.

Вторая. А и ночевала я, удалая кабацкая женка, с гонзейским гостем; а и принимала я, удалая, мыла кусок; попросила я денег, немчура говорит, - по-вашему не разумею.

Все смеются очень весело, по лавкам от смеха валяются.

Третья. А и ночевала я, удалая кабацкая женка, с воеводою; а и воевода у нас нехорош, дал мне ломаный грош; попросила я, удалая, прибавочки, проводили меня, удалую, шелепами.

Все хохочут, по полу от хохота катаются.

Кабацкие женки. А чем ты, Ванька, похвастаешься?

Ванька, куражась. Бог-то меня, добра молодца милует, князь то меня, удалого молодца, жалует. С князем я за одним столом сижу, да ведь пью я, ем с одной ложечки, с одного стаканца да водочку кушаю.

Кабацкие женки, льстиво. Ай да Ванька!

- Ванька то наш каков!

- Слышь, с князем то из одного стаканца да водочку кушает!

- А и удал ты, Ванька ключничек!

- В такого молодца кто не влюбится!

Ванька, умиляясь и плача. А и есть у меня полюбовница, - она меня называет милым, она меня величает мил сердечный друг.

Пьяницы. Ванька ты Ванька, ты миленький ли наш братец, ты удалый Ванька, ключник княжеский, а кто твоя полюбовница?

Ванька. А нельзя того и выговорить.

Кабацкие женки. Ванька ты Ванька, ты желанненький мужчинка - дружок, ты удалый Ванька, ключник княжеский, тебя кто называет милым? Тебя кто величает мил сердечный друг?

Ванька, плача от умиления. Княгиня душка Аннушка во любви меня держит у сердечушка, и живу я с Аннушкою, будто муж с женою.

Княжеские слуги. Речи эти неумные, басни неразумные.

- То не сон-ли тебе, молодец, виделся?

- Дойти бы, донести самому князю.

- Негоже мизирный похваляется.

В а н ь к а, плача. Уж попито, братцы, поедено, в красне, в хороше похожено, с княженецкого плеча платье поношено, княгиню за ручку повожено, с княгинею на перинушке полежано!

К н я ж е с к и е с л у г и. Такие речи похвальные донести бы князю в уши.

- Не с убавочком, а с прибавочком.
- За досаду бы это князю показалось.
- Берите его за желты кудри, за белы руки.

Хватают Ваньку, и ведут. Ванька пьяный в руках у них мотается; иногда вдруг начнет отбиваться, бормоча что-то невнятное.

К а б а ц к и е ж е н к и. Смилуйтесь, княжеские слуги верные, не ведите вы Ваньку на княжий двор, положите его проспаться к нам в избу.

- То не Ванька бахвалится, - то хмелина кабацкая в нем раскуражилась.
- А и того на себя наплел, чего и не было.
- Чему и быть нельзя.

К н я ж е с к и е с л у г и. Нет, попался, дружек, не уйдет.

- Он перед нами куражился, - теперь мы над ним натешимся.

Кабацкие женки у княжеских слуг в ногах валяются, Ваньке прощения просят, жалобно плачут.

К а б а ц к и е ж е н к и. Ой вы гой еси, княжеские слуги верные! вы простите Ваньку, помилуйте, - расскажит его князь без милосердия, живота лишит без милости.

К н я ж е с к и е с л у г и. Так ему, собаке, и надо.

- Такому Ироду и казни нет.
- Живого в землю зарыть, и то ему мало.

Отталкивают кабацких женок, и уводят Ваньку. Кабацкие женки плачут.

К а б а ц к и е ж е н к и. А и надо же было быть беде!

- А и надо же было добру молодцу порасплакаться, порасхвастаться!
- А и случились тут палачи да немилостивы!
- Схватили добра молодца скорешенько.
- Еще лихи на молодца друзья-братья!

Трактир "Золотой Олень". Всякие люди сидят и бражничают, горожане, проезжие, школяры. Отдельно за столом, у окна графские пажы. Веселые девицы сидят с пажами, а сами в полглаза в окно посматривают.

В е с е л ы е д е в и ц ы. А вот и Жеан идет.

- Мимо?
- Нет, кажется, сюда.
- Нарядный какой!
- Зеленый кафтан из тонкого сукна!

П а ж и, завистливо. Хорошо ему наряжаться!

- Граф к нему милостив.
- Самой графине за столом Жеан служит.

В е с е л ы е д е в и ц ы. Бархатная красная шапка!

- И по всем швам бубеньчики нашиты, звенят приятно очень!
- Как длинны и остры загнутые концы его башмаков!

П а ж и. Модничает, - а в замок пришел в рваной одежде, босой, с парой изношенных башмаков за плечами.

В е с е л ы е д е в и ц ы. У него чулки черные с красными полосами.

- Как они гладко обтягивают его стройные ноги!

- А кто ему подарил эти золотые пряжки?

- Говорят...

П а ж и. А что говорят?

- Что говорят?

В е с е л ы е д е в и ц ы. Пустое!

- Вздор!

- Мало-ли кто что скажет!

- Как из под бархата его шапки красиво выбиваются русые кудри Жеана!

- Как блистают его глаза!

- Какой он красавец!

- Не даром...

- Ну, брось!

П а ж и. Красив, да не для вас.

- Подумаешь, один только и есть красавец!

- Есть и красивее, чем он.

Жеан вошел в трактир, идет к пажам, весело улыбается.

Ж е а н. Вот и я, друзья мои! Привет вам, милые товарищи! И вам, веселые красотишки!

П а ж и. Добро пожаловать, Жеан милый!

- Как хорошо, что ты пришел!

- Мы так рады тебя видеть!

- То-то мы теперь попируем!

В е с е л ы е д е в и ц ы. Здравствуй, милый Жеан!

- Садись вот здесь, между нами!

- Мы позаботимся, чтоб тебе не было скучно.

Ж е а н. Ну, я и сам не из таких, которые скучают. *Садится среди веселых девиц.*

П е р в а я в е с е л а я д е в и ц а. Жеан, милый и прекрасный, я налила тебе чашу белого вина, - выпей его во славу веселой и беззаботной юности.

Подносит Жеану чашу, улыбается и приседает низко. Жеан целует девицу, и берет от нее чашу.

Ж е а н. Друзья, да здравствует наша веселая и беззаботная юность!

Пьет. Пажи повторяют его возглас, и пьют.

В т о р а я в е с е л а я д е в и ц а. Налила и я милому и возлюбленному Жеану вторую чашу красного вина. Пей ее, верный графский паж, за светлую безоблачную веселость, соединяющую молодых друзей.

Улыбаясь и делая очень глубокий реверанс, подносит Жеану чашу. Жеан чашу берет, и девицу нежно целует.

Ж е а н. Друзья, за светлую и безоблачную веселость, соединяющую нас в тесный союз.

Пажы повторяют его возглас. Все пьют.

Третья веселая девица. Ну, уж и я, веселая из веселых девиц, налью тебе третью чашу сладкого и крепкого вина, и поднесу ее, стоя на коленях, - пей ее за то, что слаще меда, светлее света, милее жизни и сильнее смерти, пей ее за владычицу Любовь!

Становится перед Жеаном на колени, и подносит ему чашу. Жеан чашу берет, девицу нежно обнимает и крепко целует.

Жеан. Друзья, выпьем эту чашу за то, что слаще меда, светлее света, милее жизни и сильнее смерти, за владычицу нашу Любовь!

Пажы повторяют его возглас. Все пьют

Веселые девицы. Жеан опьянел.

- Он склонился головою на стол.

- Он выпил сразу слишком много вина.

Жеан, *встрепенулся*. Кто говорит, что я пьян? Неправда! Я готов пить еще столько же, и еще, и еще, и без конца!

Пажы. Здешний хозяин держит хорошее вино.

- И очень хмельное.

- Эти девицы очень веселые.

- Друзья, поступим, как все пьяные, - будем хвастаться один перед другим. Кто сможет похвалиться наиболее, тот будет у нас за старшего.

- Идет!

- Кому начинать?

- Пусть начнут девочки.

- Ну, девицы, начинайте.

Первая веселая девица. Я провела недавно целую ночь с господином бургомистром. Он требовал от меня не слишком многого, а утром подарил мне серебряную гривну и красного бархата на платье.

Все смеются весело.

Вторая веселая девица. Я провела эту ночь с рыцарем Генрихом. Он был очень ласков и нежен, а утром дал мне золотой, и подарил прекрасный плащ, отнятый вчера у проезжего купца.

Все смеются очень весело.

Третья веселая девица. Позапрошлую ночь я провела с аббатом, отцом Иеронимом. Вот то я намучилась! Только монахи ласкают так страстно. Под утро он вспомнил, что мы согрешили, и принялся бичевать ременною плетью себя и меня, - себя легонько по своей черной рясе, а меня изо всей силы по голому телу. Потом он дал мне отпущение грехов, и больше ничего. И пришла я домой без грехов, но и без денег и без подарков, с одними синяками.

Все хохочут.

Веселые девицы. Теперь ты, Жеан, - чем ты похвастаешься?

Ж е а н, *коснеющим языком*. Бог меня милует, граф меня жалует. Я стою во время графского обеда за стулом милостивой графини. Граф приказал делать мне одежду лучшего покроя и из самого хорошего материала.

В е с е л ы е д е в и ц ы, *льстиво*. - О, Жан!

- Каков Жан!

- Служить за столом самой графине!

- Молодец Жан!

- В такого молодца кто не влюбится!

Ж е а н, *плача от умиления*. - У меня есть возлюбленная, - она меня называет миленьким, сердечным дружкой.

П а ж и. Жан, миленький наш друг, а кто твоя возлюбленная?

Ж е а н. Этого я не могу сказать вам, милые друзья. Этого никому нельзя сказать. Великая тайна!

В е с е л ы е д е в и ц ы. Жан, желанный, миленький, красавец, тебя кто называет милым сердечным дружкой? Скажи нам, похвастайся! Мы знаем, ты всех перехвастаешь.

Ж е а н, *плача от умиления*. - Графиня Жеанна, душа моей души, прижимает меня к своему жаркому сердцу.

П а ж и. Какие глупости!

- Неразумные сказки!

- Не во сне-ли ты это, Жан, видел?

- Сказать бы графу, - мы ведь его верные слуги.

- Своею похвалюбою Жан оскорбляет нашего господина.

Ж е а н, *плача*. - Как радостна моя жизнь! Как сладки поцелуи милой Жеанны! Как упоительны се объятия и ласки в тишине се опочивальни! О, если бы вы могли видеть, как восхитительно ее белое тело!

П а ж и. Нельзя стерпеть такого поношения!

- Это надо сказать нашему господину.

- Мы не можем дозволить, чтобы при народе безчестилось имя милостивой графини.

- Надо взять его, и увести на суд к нашему графу.

Хватают Жеана, и ведут.

В е с е л ы е д е в и ц ы. Сжальтесь над Жеаном, милые пажы, не ведите его к вашему графу, отдайте его нам, мы уложим его спать.

- Ведь это не Жан хвалился, - пьяный хмель бродил в нем.

- Он наговорил на себя, чего не было.

- Чего и не могло быть.

П а ж и. Нет, мы его не пустим.

- Мы должны отвести его к нашему графу на суд.

- Здесь были и чужие.

- Они могли слышать его похвалюбу.

- До графа дойдет слух о том, что здесь было.

- Тогда и нас казнят, - зачем слушали и не донесли.

Веселые девицы с плачем становятся на колени, и целуют руки у пажей, прося за Жеана.

В е с е л ы е д е в и ц ы. Сжальтесь над Жеаном, не губите его, пожалейте его молодость! Повесит его граф, не помилует.

Пажи отталкивают веселых девиц, и уводят Жеана. Веселые девицы плачут.

Веселые девицы. Надо же было случиться такой беде!

- Глупый Жеан, чем вздумал расхвастаться!
- Говорил бы только нам, а то при ком сказал!
- Схватили Жеана, повели!
- Свои же товарищи предают его!

Десятая картина

Князь сидит, мед пьет. Старый слуга перед ним стоит, а у дверей Девка-Чернавка трется.

Старый слуга. Сказано: волос долог, ум короток. Баба умна не живет.

Князь. А у меня княгиня умная, она умная, разумная, она тихая, смиренная; до рабов она милостива, передо мной она очестлива.

Девка - Чернавка, стоя у дверей. - Уж ты батюшка наш князь! Не приказывай меня казнить, вешати; прикажи ты мне слово молвити. Я на Ваньку Ключника с докладом иду.

Князь. Говори ты мне, слуга верная! Ты скажи мне правду истину. Если ты мне правду скажешь, я тебя пожалываю; если ты мне ложно скажешь, я тебя расказнию.

Девка - Чернавка. Ох, ты сгой еси, наш батюшка князь! Пьешь ты, ешь, забавляешься, своею княгинею похваляешься, ничего ты не знаешь, не ведаешь! Твоя-ли княгинюшка не честная, твоя ли княгинюшка не верная! Что живет она с младым ключником, с Ванькою, во любви живет.

Князь. Врешь, дура!

Пихает ее ногою. Девка-Чернавка летит кубарем вон.

Граф один, осматривает оружие предков. Раймонда входит, и низко кланяется.

Граф. Что тебе надо, Раймонда?

Раймонда подходит близко, и опять кланяется.

Граф, нетерпеливо. - Говори-же.

Раймонда, шопотом. - Жеан и я, - чем же мы не пара?

Граф. Пожалуй, что и так.

Раймонда. Целовать да ласкать они охочи, а потом...

Граф. А ты сама бы смотрела.

Раймонда. Но зачем же он изменил мне для замужней? Зачем он поднял глаза на знатную даму?

Граф. Вздыхать о дамской красоте не запрещено пажам.

Раймонда. Да он-то не вздыхает. Он - счастлив.

Граф, гневно. - А кто эта дама?

Раймонда. Милостивый граф, смею-ли я сказать?

Молчат. Граф делает знак. Раймонда уходит.

Одиннадцатая картина

В палате княжеской князь на дубовом резном стульце сидит, гневно хмурится. По стенам слуги стоят, на князя со страхом глядят. Старый слуга ко князю подходит, земно кланяется, вежливоенько покашливает.

К н я з ь. Верный наш слуга преданный, а и что тебе надобно? А и не в добрый час ты ко мне пришел.

С т а р ы й с л у г а. Ай же ты батюшка князь, княжеское твоё благородие! Твой то служитель княжеский, Ванька Ключник, которого ты любишь да жалуешь, сидит в кабаке государевом, пьёт зелено вино, запивает медами застоялыми, хвастает прекрасною Анною княгинею, твоим-то княжеским благородием: живу-то я с Анною княгинею, будто муж с женою; Бог меня милует, а Аннушка меня крепко жалуёт; я с нею творю любовь ведь третий год!

К н я з ь, *гаркает громким голосом.* Ещё есть ли у меня таки мастера, а по-нашему, по русскому - грозен палач! Ставил бы он плаху бело-дубову, точил бы он острый топор. Ещё есть-ли у меня слуги верные! Брали бы они Ваньку Ключника, молодой моей княгини верного любовника, вели бы его на грозный суд!

На дворе кричат:

- Ведут, ведут!

В палате шепчут:

- Эти были князю речи не понравились.

- Князь-то на молодца прогневался.

- Теи речи князю не к лицу пришли.

- Воспылался княжеское благородие на удалого добродня добра молодца.

- У князя разгорелось ретиво сердце.

- У него раскипелась кровь горячая.

Ваньку вводят. Дворян шепчется.

- Ведут Ваньку Ключника на новые сени.

- Зелен кафтан поизорванный.

- Сафьяны-сапожки опущены.

- Его русы кудри растрепаны.

- Его ясны очи заплаканы.

В а н ь к а, *низко кланяясь.* Уж ты здравствуй, наш батюшка князь! Ты по что меня трбовал? Уж чем хочешь меня дарить, жаловать?

К н я з ь. Подарю я тебя хоромами высокими, не мощеными, не свершсными. Ты скажи мне только правду-истину: ты живешь-ли с моею княгинею?

В а н ь к а. Уж ты батюшка наш князь! Я скажу тебе всю правду истинную, - живу я с твоею княгинею, со свет душенькою Аннушкою. Много было попито, поедено, на пуховых перинах полежано!

К н я з ь, *громко.* Ванька ты Ванька, подлая твоя душа, да как ты смел это сделать?

В а н ь к а, *сплевывая.* По взаимному согласию. Служил я тебе цело три года, верой жил, не изменою жил. Нешто мне с бабою целоваться нельзя? На то она и баба.

К н я з ь. Ой вы, слуги мои, слуги верные! Истребите вы Ванюшку прелестника!

В а н ь к а. Было бы за что истреблять! Вышла на меня, добра молодца, вышла на меня напраслина.

К н я з ь. Слуги мои верные, палачи вы немилостивые, бурзы-гетманы! Свяжите удалому ручки белые в тья пута шелковые, закуйте удалому ноги резвые во тья во железа во немецкие, завесьте ему очи ясные черной тафтой, возьмите добра молодца да за желты кудри, поведите молодца на поле на чистое, да на то ли поле кровавое, да на то ли место на лобное, на тую на плаху белодубову, отрубите ему буйна голова, и придайте ему смерть напрасная, - выньте ему сердце с печенью. Пусть молодая-то княгиня на него показнится.

Ваньку уводят. Он громко ревет.

В палате графского замка граф сидит на резном дубовом кресле, глубоко задумался. Входит старый дворецкий Агобард. Низко кланяется графу.

Г р а ф. Ну что тебе, старый хрен? Не до тебя. Коли есть что важное, говори, а если с пустяками пришел, лучше прочь уходи.

А г о б а р д. Милостивый граф, дошли до меня злые слухи. По долгу верности не могу их скрыть. Паж Жеан, к которому вы столь милостивы, даже и не по заслугам, сидит в трактире Золотого Оленя, пьет и хвастается, будто милостивая госпожа наша, графиня Жеанна, забыв свой долг...

Г р а ф. Довольно. Пусть поставят виселицу за рвом, там, у кривой березы, над болотом. Жеана привести ко мне...

Агобард низко кланяется и уходит. На дворе слышен шум. Доносятся голоса:

- Жеана ведут!
- Что он сделал?
- Его ведут к графу.
- Граф прогневался на Жеана.
- Граф очень гневен.
- Да что случилось?
- Жеана ведут, - он пьян.
- Одежда на Жеане изорвана.
- Глаза у Жеана заплаканы.
- Бедный Жеан!

Пажи вводят Жеана. Дворня заглядывает в двери.

Ж е а н, *низко кланяясь.* Милостивый граф, меня привели к вам на суд. Я не знаю за собою иной вины, кроме той, что выпил много. Но зачем же они меня тащат? Дали бы выпасться.

Г р а ф. Жеан, отвечай мне правду: любишь-ли ты графиню Жеанну?

Ж е а н. Люблю. И можно ли не любить милостивой и доброй госпожи? Все слуги любят графиню за ее милостивое обращение.

Г р а ф. Я не о том тебя спрашиваю. Осмелился-ли ты поднимать с вожделением глаза на Графиню Жеанну?

Ж е а н. Милостивый граф, никогда! Никогда не забыл я моих обязанностей к госпоже моей.

Г р а ф. В трактире ты говорил, что моя супруга изменяет мне с тобою.

Ж е а н, *кланяясь в ноги графу.* Говорил то, чего не было никогда.

Г р а ф. Как ты смел это сделать?

Ж е а н, *кланяясь вновь.* С пьяна и по глупости. Вздумали хвастаться друг перед другом, я и принялся нести всякий вздор небывалый.

Г р а ф. Что же мне с тобою сделать?

Ж е а н. За мою верную службу простите меня, милостивый граф.

Г р а ф. Агобард, повесить мальчишку!

Ж е а н. Сжальтесь надо мною, милостивый граф! Погибаю невинный! *Бросается к ногам графа, и целует его ботфорты.*

Г р а ф. Агобард, возьми его. Связать ему руки, и повесить живее. Так будет поступлено со всяким, кто дерзнет оскорбить нашу честь и оклеветать нашу возлюбленную супругу.

Жеана уводят. Он плачет.

Двенадцатая картина

Подхватили ключника за белы руки, повели молодца по задворкам.

В а н ь к а. Ай вы, злы палачи, бурзы-гетманы! Не ведите молодца вы по задворкам, да мимо ту ли палату княжескую. Да вы ведите меня, молодца, по подоконью, мимо тот ли сад, мимо зеленый, да мимо эту светленьку светлицу княгинину, да мимо эту спальню ту теплую, где ка мы спали с княгиней. А и дам я вам пятьдесят рублей с полтиною.

П а л а ч и. Послушаем молодца, нам все равно.

В а н ь к а. Ой ты гой еси наш батюшка грозен палач! Дай ты мне, молодцу, звончаты гусли перед смертью молодцу нигратися!

П а л а ч и. Ой ты гой еси, добрый молодец! Ты бери, молодец, гусли звончаты, наиграйся ты, молодец, перед смертью, - да играй ты не полный звон, ты наигрышки наигрывай.

В а н ь к а *наигрышки наигрывает, поет, сам плачет :*

Да хорошо у меня, молодца, было пожито,

Да хорошо было цветное платье изношено,

Да приупимо было у молодца, приуедено,

Да и в красне, в хороше приухожено,

Да и в зеленом-то саду приугуляно,

Да под яблонью на кроваточке было приуспанно,

Да и у княгини у Аннушки

На белой груди было у милой улежано!

П а л а ч и. Спел ка молодец песню новую, да все умильную.

- Сам поет, сам слезьми горячими заливается.

- Смерть придет, - не обрадуешьсяя.

В а н ь к а.

Прости, прости, мой отец и мать!

Прости, прости, весь род-племя!

Прости, мой свет княгинюшка!
 Бывало, меня князь любил, жаловал,
 А нынче на меня скоро прогневался,
 Ведут молодца на лютую казнь!

Княгиня услышала, по пояс в окошко бросилась.

П а л а ч и. Ах, услышала княгиня песню новую.

- Сама отворяла красно окошко косевчатс.

- Да никак у нее в руках булатный острый ножичек!

- Как бы она сама себя не зарезала!

В а н ь к а. Прости ка, Аннушка, милая княгинюшка! Ведут меня, добра молодца, срубить мне буйну голову.

К н я г и н я, в окне. А вы злы палачи, бурзы гетманы, не ведите молодца во чисто поле, не рубите молодцу да буйной головы, по локоть возьмите золотой казны.

П а л а ч и. Мы его спустим, а князь нам голову срубит, так на что нам золотая казна?

К н я г и н я, в окне. Спустите-ка этого молодца, возьмите поганого татарина, хоть мертвого его, мерзлого, отрубите ему буйну голову, а донесите князю, что отрублена буйна голова за его поступки неумильные.

П о г а н ы й т а т а р и н, входит и кричит. - Халат, халат!

П а л а ч и. Вот его и возьмем.

Взяли татарина, а Ваньку отпустили.

К н я г и н я. Палачи смилосердились, тебя, Ванька, отпустили. Бери кошель с золотом, иди скоро домой. А вы, злы палачи, берите казны, сколько надобно.

П а л а ч и. Пойдем, поганый татарин, мы тебе башка срубим.

П о г а н ы й т а т а р и н. Зачем башка рубить? Без башки мне и жить нельзя.

П а л а ч и. А и подохнешь.

Волокут поганого татарина.

Жеана ведут слуги на задний двор к мосту через ров, за которым уже готовая стоит виселица.

Ж е а н, слугам. Друзья, не тащите меня так скоро. Виселица не уйдет, и ангел смерти никуда не торопится. Проведите меня по графскому саду, чтобы я мог в последний раз надышаться ароматом графининых роз. Проведите меня под окнами нашей милостивой госпожи, - может быть, на мое счастье графиня Жеанна выглянет из окна, и в последний раз я увижу ее светлые очи.

С л у г и. Что-же, нам все равно. Поведем тебя где ты хочешь, в твой последний путь.

Ж е а н. Милый Агобард! Дай мне мою лютню, - перед смертью сыграю, спою, с белым светом прошусь грустною песенкою.

А г о б а р д. Принеси, Клод, ему его лютню, - пусть потешится. Перед смертью играй и пой, весело встретить неизбежный удел. Только не ори во все горло, и не колоти по струнам всю пятерню, - играй тихо и пой в полголоса.

Ж е а н *наигрывает на лютне и поет, сначала тихо, потом громче:*

Все не прочно в жизни нашей,
И любовь бывает зла.
Счастье пил я полной чашей,
Жизнь моя была светла,

Я любил графиню больше,
Чем позволено пажу, -
И за то не жить мне дольше,
В смертный путь я ухожу.

Часто губит нас безделица.
Пьешь ли, душу веселя,
И уж ждет тебя виселица
И позорная петля.

Хоть на миг бы мне с желанною
Повидаться пред концом,
И с графинею Жеанною
Перекинуться словцом!

С л у г и. Умильную песенку спел Жан Милый.

- Поет, а сам плачет, как девушка.
- Смерти никто не рад.
- И еще так молод Жан!
- Заплачешь!

Ж е а н, *поет.*

Перед тем, как закачаться
В тесной петле роковой,
Дай к руке твоей прижаться
Мне кудрявой головой,

Дай узреть очарованье
Белой шеи, нежных плеч,
И услышать на прощанье
Звонко-сладостную речь.

Дай лобзание разлуки,
И немножечко поплач
В час, когда мне свяжет руки
Мой безжалостный палач.

И потом склони колени,
Мать Божью моля,
Чтобы лишних мне томлений
Не наделала петля.

Графиня выглядывает из окна. Слушает песню. На ее лице - испуг и печаль.

С л у г и. Госпожа смотрит в окно.

- Графиня услышала песню.

- Она плачет.
- Ей жаль Жеана.
- Уж и в правду не любит-ли она Жеана?
- Что это в ее руках?
- Графиня играет своим кинжалом.
- Как бы она не зарезалась!
- Этим-то шилом! Им и кошки не убить.
- Ну, не скажи.

Г р а ф и н я, *из окна*. Милый Жеан, что случилось? На лице твоём слезы, одежда твоя изорвана. Куда тебя ведут эти добрые люди?

Ж е а н. Прости, милостивая госпожа моя Жеанна! Мудры были твои советы, но я их не послушался, и вот погибаю. Золотой Олень поднял меня на свои широко разветвленные рога, и бросил меня на роковой перекресток. *Плачет*.

А г о б а р д, *низким поклоном*. Это он вспоминает трактир под вывескою Золотого Оленя. Там он с пьяных глаз сплел небывальщину, чтобы похвалиться, а граф узнал и оскорбился. Вот и ведем мальчишку.

Ж е а н. За рвом, над болотом, стоит черная виселица. На ней меня повесят.

Г р а ф и н я. Бедный Жеан, да что же ты сказал? за что тебя ведут на казнь?

Ж е а н. Тремя упившийся глубокими чашами, в похвальбу себя наговорил я о том, что для всех должно оставаться в области несбыточных мечтаний: я хвалился твоей любовью ко мне, милая Жеанна. Мой сладкий сон я безумно предал неистовству буйного бреда.

Г р а ф и н я. О, безумный Жеан! Ты достоин наказания, но не столь ужасного, однако. В твоём возрасте так простительно мечтать о ласках прекрасной дамы. Добрые люди, не ведите его на виселицу, спасите жизнь моего верного пажа. Я щедро награжу вас за это.

С л у г и. А если граф узнает?

- Он казнит нас за такое непослушание.

- На что нам тогда щедрые дары милостивой госпожи!

Г р а ф и н я. Помедлите немного, я пойду к моему милому супругу, и вымолю у него жизнь этого юного безумца. Казнить его вы всегда успеете, если граф его не помилует, - а для холодного трупа на черной виселице тщетною будет запоздалая милость.

А г о б а р д. Исполним ваше повеление, госпожа, подождем. И правда, торопиться не к чему. Не даром старые люди говорят: поспешишь, - людей насмешишь.

Тринадцатая картина

Княжеская спальня. Князь княгиню долго бил, упарился, сидит, пыхтит, платком утирается. Княгиня на полу валяется, прощенья просит.

К н я г и н я. Враг попутал, не сама согрешила. Нешто бы я своей волей тебя, ясна сокола, на экое чучело огородное променяла! Враг силен, горами качает, а людьми, как вениками, трясет.

К н я з ь. Я тебя потряеу!

Княгиня. Смилуйся, князь, никогда больше не буду, на весь век закаюсь.

Князь. Как мне тебя, жена, не бить, а все мне с тобою жить. Вставай, поцелуемся.

Палата в графском замке. Графиня, стоя на коленях, просит графа за Жеана. Агобард у дверей.

Граф. Встань, милая Жеанна! Для твоих слез дарю жизнь дерзкому. Агобард, - отвести Жеана на задний двор, собрать пажей и всех слуг, и наказать мальчишку плетями. А потом выгнать его из замка, и чтобы не смел вперед никогда показываться ближе трех дней пути от замка.

Агобард уходит.

Графиня. Благодарю тебя, милый мой господин.

Граф. А ты, Жеанна, помолись усердно и долго, чтобы вперед очарование твоей красоты не соблазняло слабых. К данной Богом красоте Сатана прилепляет свои соблазны, угнездившись в прекрасном теле. Умолим всеблагого Создателя, чтобы не дал он злему врагу, творцу соблазнов, победы, - изгоним из прекрасного тела Сатану. Сатана же изгоняется, ты знаешь чем, милая Жеанна?

Графиня. Знаю.

Граф. Чем?

Графиня. Молитвою.

Граф. А чем еще?

Графиня. Постом.

Граф. И еще?

Графиня. Бичеванием.

Граф. Пройдут дни печали, и будет изгнан Сатана.

К о н е ц

ПОБЕДА СМЕРТИ
Трагедия в трех действиях, с прологом

Посвящаю моей сестре.

Автор трагедии.

Предисловие

Автор трагедии заменил маску полумаскою, но все еще не открывает своего лица. Он хочет, чтобы его узнали по улыбке, змеящейся в углах его губ.

Если же не узнают...

Всеми словами, какие находит, он говорит об одном и том же. К одному и тому же зовет он неумоимо.

Если же не слышат...

Разве стихи его не прекрасны? Разве проза его не благоуханна? Разве не обладает он чарами послушного ему слова?

Улыбается, и проходит, закутавшись в темный плащ.

И она с ним, змеиноокая.

**Змеиноокая
в надменном чертоге.**

**Пролог трагедии
ПОБЕДА СМЕРТИ**

Действующие лица:**Король.****Альдонса, именуемая королевою Ортрудою.****Дульцинея, именуемая Альдонсою.****Дагоберт, паж.****Поэт, в сюртуке.****Дама, в шелковом платье.**

Сени королевского замка. Стены сложены из громадных, грубо отесанных камней. В передней стене - огромная арка входа, через которую и видно зрителям сени. Спереди широкая и пологая лестница до партера, который соответствует внутреннему двору замка; по середине вышины лестницы - неширокая площадка, и от нее отделяются направо и налево две лестницы поуже, - они ведут под боковые стены к наружным дворам замка. В глубине и по бокам сеней массивные колонны. От сеней поднимаются вверх три короткие лестницы: средняя широкая - в зал пиров и торжественных приемов, две боковые - узкие, из них правая ведет в королевскую опочивальню. Часть лестницы освещена луною. На ступенях сидит король. Всматривается в темноту неосвещенного двора, и говорит тихо, словно разговаривая с каким - то незримым собеседником.

К о р о л ь. Кто зовет меня, не знаю, и к чему зовет, не могу понять. Темный призрак, чего ты от меня хочешь? Невнятен твой голос, и темно лицо твое, словно туманною закрытое личиною. И не знаю, зачем я пришел сюда, в это темное и полное полуденных страхов пространство. Вещая, ширококрылая птица разбудила меня, и я ушел из моей опочивальни, оставив на моем ложе мою милую супругу, сладкому отдавшуюся сну. И вот я здесь, и мнится мне, что передо мною множество неведомых лиц. Словно весь двор моего наследственного чертога наполнился, и изо всех окон, и с галлерей, и с балконов смотрят на меня бледные тени давно почивших. Слушают, - и молчат. Смотрят на меня, - и ничего мне не скажут. Страшное равнодушие, томительное безучастие пришедших!

По боковой лестнице подымается Дульцинея. Она имеет облик крестьянской бедной девушки, и все здесь зовут ее Альдонсою. На ней бедная, в лохмотьях, одежда; волосы ее полуразвиты; руки у нее обнажены, и ноги босы. На плече несет она коромысло с двумя ведрами.

Д у л ь ц и н е я. Как я устала! Боже мой, как я устала! Они заставляют меня ходить к источникам живой и мертвой воды, и когда я приношу наполненные ведра, они говорят, что эта вода моя не годится для питья. Они заставляют меня мыть ею полы, а меня бьют за то, что я приношу им воду горькую и терпкую. И не знают, что полные ведра сладкой воды я приношу им. И я устала.

Ставит ведра на нижнюю ступень. Садится на лестницу, близ короля, долго смотрит на него молча, и, наконец, говорит ему тихо:

Д у л ь ц и н е я. Не ты ли король, обитающий в этом надменном чертоге и владеющий этою темною странюю?

К о р о л ь. Да, змеиноокая, я - король этой страны, но страна моя светлая.

Всматривается в нее, и говорит.

К о р о л ь. Я узнаю тебя. Ты - крестьянская девка Альдонса, та самая, над которою смеются мальчишки за то, что безумец называл тебя сладким именем Дульцинеи, милой очаровательницы, прекраснейшей из дев на земле. Ты научилась колдовать и вожить, змеиноокая, но не нашла себе жениха.

Д у л ь ц и н е я. Я жду короля и поэта, которые увенчают меня. Увенчают красоту, и низвергнут безобразия. Отринут обычное, и к невозможному устремятся.

К о р о л ь. Ведра твои стоят пусты, пославшие тебя ждут воды, и будут бить тебя, если ты замедлишь на дороге. Возьми свои ведра, положив коромысло на молодое, смуглое плечо, иди за водою, служи усердно тому, кто тебя нанял за малую плату.

Дульцинея. За малую плату!

Король. Полновесного и звонкого золота не стоит твой рабский труд. Грубые объятия хозяйского сына в темных сенях, где пахнет козлом и собакой, - вот достойная тебя награда. Научилась ты ворожить, - но что же пользы в твоих волхвованиях!

Дульцинея. Сюда идет поэт, - и вместе с ним ты должен увенчать меня, Дульцинею.

Король. Иди за водой.

Дульцинея. Вот твоя милость, король! Усталую, посылаешь ты меня снова. Исполню твою волю, принесу воды живой, и принесу воды мертвой. А теперь, король, возьми от меня этот малый дар.

Дает ему амулет. Уходит с ведрами на коромысле.

Король. Что дала она мне, волшебница? Злые чары в этом амулете? или благое нечто? Но надену его на шею.

Надевает амулет на шею.

Король. Все легко, и все свободно становится вокруг меня. Легкая, такая легкая жизнь! Легкая, такая легкая смерть! И сладким сном становится все предстоящее. Золотым сном.

Склоняется на ступени. Входит паж Дагоберт.

Дагоберт. Король очарован змеиным взором Альдонсы, и спит на ступенях. Королева Ортруда одна. Судьба благоприятствует мне.

Тихо уходит в королевскую опочивальню. Входят поэт и дама.

Поэт. Нам попался очень хороший извозчик.

Дама. Да, он ехал очень быстро. Ветер шумел в ушах, и замирало сердце. Но он странный. Точно мертвый сидел. Господин поэт, куда он нас завез? Здесь тихо, темно и неподвижно.

Поэт. Это - кабачек. Но извозчик мне нравится. В стихотворении, которое я напишу об этой поездке, я назову его тройкой.

Дама. На вашем месте, господин поэт, я назвала бы его автомобилем.

Поэт. Нет, моя госпожа, лучше тройка. И я нашел к этому слову хорошие рифмы.

Дама. Какие, господин поэт?

Поэт. Чародейка и водка.

Дама. Это хорошие рифмы, господин поэт. Но мне нравится только первая.

Поэт. А к слову автомобиль нет таких хороших рифм.

Дама. А может быть, и есть.

Поэт. Какая рифма?

Слышен бесстрастный голос.

- Смерть.

Дама. Вы слышали?

Поэт. Слышал. Кто - то спрятался, и шутит.

Дама. Кто - то сидит на ступеньках.

Поэт. Это - швейцар.

Дама. Господин поэт, вы близоруки. Посмотрите хорошенько, - это - король.

Поэт. Моя госпожа, вы ошибаетесь: короли не сидят на ступеньках.

Д а м а. Может быть, вы правы, господин поэт. Но здесь скучно и страшно.
 П о э т. Мы выпьем вина, и закусим.

Обращаясь в пространство, к партеру, зовет.

П о э т. Человек!

Ждут. Всматриваются в темноту.

Д а м а. Как здесь темно!

П о э т. Так надо. Сейчас зажгут электричество. Человек!

Выходит Дульцинея, сгибаясь под тяжестью коромысла.

П о э т. Милая девушка, вы здесь подаете на стол? Дайте нам карточку.

Д у л ь ц и н е я. Я принесла полные ведра живой и мертвой воды.

П о э т. В этом кабачке свой язык. Это - красное и белое вино. Моя госпожа, вы ка-кого хотите?

Д а м а. Я хочу белого.

П о э т. Это здесь называется, очевидно, мертвою водою. Милая девушка, налейте нам мертвой воды.

Дульцинея подходит. Черпает ковшом, подает поэту. Тот слегка отстраняется.

П о э т. Неужели вино подается здесь в ведрах? Неужели его надо пить только из ковша?

Д а м а. Мне кажется, это оригинально.

П о э т. Мне кажется, это противно.

Д а м а. Вы правы, господин поэт. Оригинально, но противно. Мы не будем пить этой грязной воды из этих неопрятных ведер, из этого ржавого ковша.

Д у л ь ц и н е я. Вы ошибаетесь, моя милая. Это живая и мертвая вода, и вам следо-вало бы ее выпить. Вы бы увидели себя в волшебном зеркале.

Д а м а, *капризно*. Не хочу.

Д у л ь ц и н е я. Господин поэт, я ждала вас долго. Вы пришли сюда, в глубину вре-мен...

П о э т, *даме*. Этот кабачек называется "В глубине времен".

Д у л ь ц и н е я, *продолжает*. ...для того, чтобы воспеть меня, прекраснейшую из земных дев, очаровательницу Дульцинею, которую здесь, в этой темной стране, непра-во называют Альдонсою.

П о э т. Я пришел сюда не для этого.

Д у л ь ц и н е я. Воспойте меня, господин поэт, и тогда король меня увенчает. Вос-пойте меня, милый поэт, и тогда юноша меня полюбит. Воспойте меня, милый и пре-красный поэт, и тогда для всех откроется мое настоящее имя.

П о э т. Вы самозванка. Настоящая Дульцинея живет в надменном чертоге. Она не таскает тяжелых ведер. На ее ногах - атласные башмаки, шитые жемчугом.

Д у л ь ц и н е я. Господин поэт, смотрите в мои глаза, и слагайте мне стихи.

П о э т. Я боюсь твоих глаз, змеиноокая. Я уже напечатал все мои стихи, и у меня нет новых.

Д у л ь ц и н е я. Господин поэт, вы, однако, не уйдете от моих чар. И эта чужая вам не поможет. Сядьте на ступени, и смотрите на то, что здесь произойдет.

П о э т. Я чувствую странную усталость. Сядемте здесь, моя госпожа; эта странная девица обещает нам зрелище.

Д у л ь ц и н е я. От вас самих зависит, чтобы это было только зрелище, или чтобы это стало мистерией.

П о э т. Она говорит об интимном театре. Посмотрим.

Король продолжает дремать посреди лестницы. Поэт и его дама садятся у колонны справа, прижимаясь друг к другу, и смотрят на зрелище, как на золотой сон.

Д у л ь ц и н е я. Тяжко дремлет король, - и не хочет меня увенчать. Усталый склонился поэт на ступени чертога, прижимаясь плечом к плечу своей случайной спутницы, - и не хочет воспеть меня, и не узнает Дульцинею. Призову юных и прекрасных, сладкие тайны любви вознесу к высокому блаженству.

Дульцинея обращается лицом к королевской опочивальне, и зовет.

Д у л ь ц и н е я. Альдонса, именуемая королевою Ортрудою! И ты, юный паж Дагоберт! Идите ко мне.

Наверху лестницы показываются королева Ортруда и паж Дагоберт.

Д а г о б е р т. Милая госпожа моя Ортруда, зачем ты вышла сюда? Король, очарованный змеиными очами безумной Альдонсы, дремал бы долго, и не помешал бы нам насладиться сладкою нашею любовью.

О р т р у д а. Кто - то звал меня, и так повелителен зов.

Д а г о б е р т. И она здесь, змеиноокая!

Д у л ь ц и н е я. Милый Дагоберт, разве ты не знаешь, кого ты любишь?

Д а г о б е р т. Я люблю королеву Ортруду. И она меня любит.

Д у л ь ц и н е я. Разве ты не видишь, что это - Альдонса? Глаза ее тусклы, и голос ее чрезмерно звонок. Люби меня, милый отрок, меня, прекрасную Дульцинею. Отвергни королеву, отдай ее супругу.

О р т р у д а. Она безумная. Не слушай ее, Дагоберт.

Д у л ь ц и н е я. Молчи!

Королева молча склоняется рядом с королем на ступени, и зачарованным смотрит взором на зрелище.

Д у л ь ц и н е я. Люби меня, милый Дагоберт.

Д а г о б е р т. Ты красавица, милая Альдонса. И ты умеешь очаровать. Вот сидят на ступенях они, зачарованные тобою. Ты и меня зачаруешь, хитрая Альдонса?

Д у л ь ц и н е я. Не зови меня Альдонсою. Я - Дульцинея.

Д а г о б е р т. Все знают, что ты - Альдонса. Но мне все равно. Я буду звать тебя, как ты хочешь. Меня от этого не убудет.

Обнимает Дульцинею, и хочет ее поцеловать. Дульцинея отстраняется. Говорит тихо.

Д у л ь ц и н е я. И ты мне не веришь. И самая страшная насмешка надо мною в том, что ты назовешь меня именем, которое принадлежит мне, но которому ты не веришь. Такой любви мне не надо. Вернись к своей милой.

Дагоберт садится рядом с Ортрудою, обнимает ее, и дремлет на ее плече.

Д у л ь ц и н е я. Опять зрелище остается зрелищем, и не становится мистерией. Опять не увенчана, не воспета, не полюблена истинная красота этого мира, очаровательница Дульцинея, во образе змеиноокой Альдонсы. И великая во мне усталость, и великая тоска. Но не хочу оставить моего замысла. Неутомимая, буду стре-

миться к тому, чтобы увенчана была красота и низвергнуто безобразие. Неустанно в разных образах явлюсь поэту, любовнику и королю. Воспой меня, - скажу, - полюби меня, увенчай меня. Иди ко мне, иди за мною. Только я жива в жизни и в смерти, только во мне жизнь, только мне последняя победа. Вот, приму образ рабыни Мальгисты, и дочь мою Альгисту пошлю на великий подвиг, на исполнение моего вечного замысла. С ее девственной свежестью сочетаю мои вечные чары. - Победа - ли жизни, победа - ли смерти, но победа будет моя.

ПОБЕДА СМЕРТИ.
Трагедия в трех действиях

Действующие лица:

Король Хлодоверг.

Берта, его жена.

Альгиста, ее служанка.

Мальгиста, мать Альгисты.

Этельберт, брат Берты.

Лингард, паж.

Рыцари, дамы, пажи, слуги и служанки.

Действие первое

Сени слабо освещены факелами, вставленными в железные кольца у колонн. Из дверей в зал слышатся громкие голоса пирующих, песни, смех, звон бокалов.

Песня, в зале.

В чаше крепкое вино
Горько! горько! горько!
Королева под фатой -
За туманом зорька.
Но в фате для короля
Развернется складка.
Целовать жену в уста
Сладко! сладко! сладко!

Альгиста и Мальгиста стоят близ входа в столовую, таясь за колонною. Альгиста закрыла свое лицо серым покрывалом. Говорят тихо.

М а л ь г и с т а. Милая дочь моя Альгиста, ты не боишься?

А л ь г и с т а. Я не боюсь.

М а л ь г и с т а. Настало время совершить великий наш замысел, - увенчать красоту и низвергнуть безобразие.

А л ь г и с т а. Безобразная и злая, глупая и жадная, достойная дочь многих поколений жестоких и коварных, она веселится и торжествует. Она хочет быть королевою, - зачем?

М а л ь г и с т а. Нет, не Берта хромая, дочь кровожадного короля Коломана, - ты, моя прекрасная Альгиста, достойна быть королевою.

А л ь г и с т а. Я буду королевою. И не будет Альгисты, и забудется имя Альгисты, - а я буду королевою.

М а л ь г и с т а. Может быть, последний раз называю я тебя моею дочерью. Дай же мне еще раз поцеловать лицо моей Альгисты, цветущие розами уста моей милой дочери. Завтра я склонюсь пред тобой, как рабыня перед госпожею.

Альгиста быстро откидывает покрывало. Любуется ею мать, и целует ее прекрасное лицо. Альгиста закрывается.

А л ь г и с т а. Я стояла здесь долго одна, прячась в темном углу за столпами. Здесь, передо мною, после венчального торжества, с королем прощались рыцари, привезшие королевну нашу Берту. Ушли, уехали, и теперь только мы две остались при ней. Потом смотрела я, как здешний король, и Берта, и гости вошли в тот зал, и сели за стол. Сидят и пируют, а я стою одна, и смотрю. С моего места видно мне лицо короля, и рядом с ним Берта.

М а л ь г и с т а. Госпожа наша Берта, следуя древнему обыкновению, сидит, покрывая левантскою тканью, расшитую золотом.

А л ь г и с т а. Пусть Берта закрыта своею златотканною вуалью, - я знаю, я помню ее изрытое оспою лицо, я знаю, что одна нога госпожи моей короче, чем другая, и хитро сделанными золотыми каблуками она скрывает это.

М а л ь и с т а, *тихо смеется и говорит шепотом*: Много пышных обрядов придумали владыки, чтобы возвеличить себя выше нас. Их тщеславие и нам иногда на пользу. Король Хлодовер еще не видел лица госпожи нашей.

А л ь г и с т а. Я знаю. Хотели обмануть здешнего короля. Увидел - бы завтра утром, да уж поздно было - бы. Не прогонишь разделившую ложе, хоть бы и противна она была.

М а л ь г и с т а. Нет, мы дадим ему жену прекрасную и мудрую. Он упился вином. Сейчас он не увидит ее лица во мраке опочивальни, а потом не поймет, кто чем его обманул.

А л ь г и с т а. Обман и коварство не нами начаты. Владыки увенчанные и сильные открыли путь коварства и зла.

М а л ь г и с т а. Пир кончается. Уйду. Не надо, чтобы меня увидели с тобою.

Поспешно целует Альгисту, и уходит. Из столовой выходит паж Лингард.

Л и н г а р д. Устал. Хоть на пол сесть. Легко сказать - с утра на ногах.

Идет в тот угол, где Альгиста.

Л и н г а р д. Да тут кто - то есть. Кто ты?

А л ь г и с т а, *притворно глухим голосом*. Я служанка королевы Берты, Альгиста.

Л и н г а р д. Что ты тут делаешь впотьмах? Пировала бы с другими девушками. Они все пьяны. Или и ты устала? Отдохнем, посидим вместе.

Обнимает Альгисту, хочет поцеловать.

А л ь г и с т а. Поди прочь, или я закричу.

Л и н г а р д. Недотрога! Разве я тебе противен?

А л ь г и с т а. Ты красив, но сегодня нам некогда целоваться. Да и нельзя. Сейчас пойдут из - за стола, и я должна буду раздеть госпожу нашу Берту, и погасить огни в опочивальне, чтобы не разглядел король раньше времени, чего не надо.

Л и н г а р д. А чего не надо?

А л ь г и с т а. Чего не надо? Нехорошо будет, если новобрачный увидит раньше времени рябое лицо королевы. Пожалуй, прогонит, скажет, - уходи, пока ты еще дева.

Притворно смеется.

Л и н г а р д. Так Берта, говоришь, рябая?

А л ь г и с т а. Как кукушка. И хромая.

Л и н г а р д, *смеется*. Значит, короля обманули?

А л ь г и с т а. Да. Но ты пока молчи.

Отходит, притворно хромая.

Л и н г а р д. А ты зачем закрылась? Да и ты, никак, хромая? По госпоже и служанка!

А л ь г и с т а. Что ты! Я никогда не хромала.

Прислоняется к стене.

Л и н г а р д. Дай - ка я сам посмотрю. Уж и ты не рябая - ли?

Хватается за ее плащ. Альгиста кричит пронзительно громко.

Л и н г а р д. Дура, с тобою в петлю попадешь.

Убегает. Из залы выходит король, Берта, рыцари, дамы, пажы, слуги и служанки.

К о р о л ь. Кто - то кричал здесь о помощи. Кто осмелился потревожить наш светлый и радостный пир? Найти и поставить дерзкого перед нами.

Альгиста вмешивается в толу королевских служанок. Пажи и слуги с нестройным шумом и восклицаниями мечутся по сениям. Рыцари стоят в воинственных и несколько смешных позах, грозно вращая глазами; лица их красны от обильно выпитого вина.

К о р о л ь. Ты испугана, милая моя супруга Берта? Ты дрожишь?

Б е р т а. Нет, господин мой, рядом с тобою я ничего не боюсь.

К о р о л ь. Кто - то с пьяных глаз поднял крик, и, сам испуганный своею дерзостью, скрылся. Для нашей радости прощаем дерзкого. Верные слуги наши, оставьте ваши поиски. Женщины, проводите королеву в нашу опочивальню.

Берта, дамы и служанки уходят в опочивальню, и с ними Альгиста.

К о р о л ь. А мы, друзья, вернемся за стол, и выпьем последнюю чашу.

Король, рыцари, пажы и слуги уходят в столовую. Дамы, проводившие королеву в опочивальню, возвращаются и уходят по боковой лестнице налево. Сени пустеют. Из столовой слышны громкие крики, нескромные песни, пьяный хохот. По боковой лестнице осторожно поднимается Мальгиста. Осматривается. Крадет к дверям опочивальни. Прислушивается. Быстро уходит, прячась за колоннами. Из опочивальни выходят служанки. Смеются. Говорят пьяными голосами.

С л у ж а н к и.

- Какая скромная! Не хотела при нас раздеваться. Даже лица не открыла.
- Только свою молодую служанку оставила.
- Да и та странная, - закрылась покрывалом, и молчит.
- Старая Мальгиста шепнула мне потихоньку, что ее дочь - рябая.
- И хромая, будто - бы, и потому носит башмаки с разными каблуками, - один высокий, другой низкий.
- Все, равно, увидим, - не век же им прятаться под своими длинными вуалями.

Уходят вниз по лестнице. Сцена пуста. Из опочивальни выходит Альгиста, босая, в сорочке, покрытая большим темным покрывалом. Разрезывает кинжалом кожу на своей груди. Отходит в темный угол и, полузакрывшись плащом, ложится.

Из столовой выходит король, сопровождаемый шумною толпою. Короля провожают до опочивальни.

К о р о л ь. Друзья, благодарю вас за то, что вы разделили мой торжественный пир и веселили меня и королеву веселыми песнями и благопристойными шутками. Теперь идите спать, оставив здесь стражу, и да благославит нас всех Бог.

Р ы ц а р и, п а ж и и с л у г и, кричат громко и нестройно. Да хранит Бог короля и королеву на многие годы! Да пошлет он счастья королю, и королеве, и наследнику! И наследника! Счастливой ночи, государь! И удачной!

Король уходит. Рыцари унимают шумливых и смешливых пажей. Уходят. У дверей опочивальни остаются два вооруженные рыцаря. Разговаривают шопотом. Потом дрем-

лют, прислонясь к колоннам и опершись на свои копья. Некоторые факелы гаснут. В тишине слышатся шорохи и шелесты. Альгиста стонет. Рыцари встрепнулись.

Первый. Здесь кто - то есть.

Второй. Помнишь, кто - то закричал, когда еще сидели за столом?

Первый. Здесь лежит женщина.

Оба нагибаются к Альгисте.

Альгиста, со стоном. - Помогите!

Рыцари освещают ее факелом.

Первый. Красавица!

Второй. Кто - то полоснул ее ножом в грудь.

Первый. Слабый удар. Красавица испугана, но не опасно ранена. Плохой удар, - точно ребенок или женщина.

Второй. Кто ты, красавица?

Альгиста. Берта.

Второй. Она Берту зовет.

Альгиста. Я - Берта.

Первый рыцарь. Королева?

Альгиста. Да.

Первый. Но королева с королем в опочивальне. Ты бредишь, красавица.

Второй. Она опять закрыла глаза.

Первый. Что же нам с нею делать?

Второй. Позовем сенешаля.

Первый. Хорошо - ли будет, если все сразу узнают эту темную и странную историю?

Второй. Что - же делать?

Первый. Постучимся к королю. Он нас похвалит за скромность. Может быть, эту красавицу или кого другого понадобится убрать без шума, чтобы никто и не узнал, что тут было.

Второй. Пожалуй, что и так.

Отходят от Альгисты. Альгиста громко стонет. По сцене пробегает Мальгиста, воля:

Мальгиста. Где дочь моя Альгиста? Альгиста, Альгиста, где ты?

Убегает. За сценою слышны ее вопли. Вбегают рыцари, женщины и пажы. На шум выходит король.

Король. Что здесь?

Восклицания, шум.

Альгиста. Господин мой Хлодоверг, спаси меня!

Король. Кто эта женщина?

Первый рыцарь. Она лежала здесь в темном углу, раненая кем - то. Мы спросили ее, она сказала нам, что она - королева Берта.

Король. Что она говорит! Королева в опочивальне покоится на моем ложе.

Альгиста, слабым голосом. Раздели, ушли. Одна осталась. Закрывала лицо. Но я ее узнала. Ударила меня кинжалом. Вытащила меня сюда. Рабыня моя Альгиста замыслила на меня злое.

К о р о л ь. Что ты говоришь, несчастная! Неужели с рабынею разделил я мое ложе!

А л ь г и с т а. Горе мне! Я умираю, я, дочь короля, я, супруга короля, я, юная и прекрасная, - а она, моя рабыня, рябая и хромая девка Альгиста будет королевою! Лежу на камнях, а рабыня моя на моем ложе!

К о р о л ь. Женщины, войдите в мою опочивальню, оденьте королеву, и приведите ее сюда, - и здесь королева уличит обманщицу, и правда воссияет ярче солнца.

М а л ь г и с т а, вбегая. Добрые люди, скажите, где моя дочь Альгиста?

К о р о л ь. Посмотри, не эта - ли твоя дочь, раненая кем - то?

М а л ь г и с т а. Альгиста, дитя мое, кто тебя обидел?

Бросается к Альгисте. Всматривается. Вскрикивает с громким криком. Отходит. Опять бросается на колени перед Альгистою.

М а л ь г и с т а. Милая госпожа моя Берта, что с тобою? Зачем ты лежишь здесь, на холодных камнях, полунагая? За что твой супруг отторг тебя от своего ложа?

А л ь г и с т а. Верная моя Мальгиста, какое горе! Какой стыд! Твоя дочь, раздевая меня, ударила меня кинжалом. Как мертвая упала я к ее ногам. Она вытащила меня сюда, бросила в темный угол, и сама ушла на мое ложе.

М а л ь г и с т а. О, горе мне! Безумная Альгиста, что ты замыслила!

Берта выходит из опочивальни, и женщины с нею.

М а л ь г и с т а. Несчастливая дочь моя, безумная Альгиста! Зачем подняла ты руку на свою госпожу?

Л и н г а р д. Так вот зачем она уверяла меня, что королева рябая и хромая!

П е р в ы й р ы ц а р ь. Когда? Что ты говоришь?

Л и н г а р д. Подожди, я все расскажу королю.

Б е р т а. Мальгиста, что ты говоришь! Или горе помутило твой разум? Вот лежит дочь твоя Альгиста, раненая кем - то.

М а л ь г и с т а. О, коварная! Ты - Альгиста, ты - дочь моя, а здесь лежит госпожа наша Берта. Убить ее ты замыслила, но она еще жива, и уличает тебя, преступница!

К о р о л ь. Кому - же верить?

Б е р т а. Я - Берта, дочь короля Коломана.

А л ь г и с т а. Я - королева Берта.

Б е р т а. Я с тобою венчалась, король.

А л ь г и с т а. Я с тобою венчалась, Хлодоверг.

Б е р т а. Я сидела с тобою за пиршественным столом.

А л ь г и с т а. Я, сидя за столом, просила: господин мой, поцелуй мои плечи.

Б е р т а. Я говорила эти слова.

А л ь г и с т а. Вслух?

Б е р т а. Я шептала их на ухо моему господину.

А л ь г и с т а. Как же я могла бы их услышать?

Б е р т а. Мальгиста научила тебя.

А л ь г и с т а. Никто меня не учил, я хотела, чтобы приласкал меня господин мой.

Б е р т а. Верните рыцарей, которые привезли меня, - они скажут...

А л ь г и с т а. Король, тебе рассказывали, конечно, послы моего отца, что я прекрасна?

К о р о л ь. Да. Разве взял бы я урода!

А л ь г и с т а. Король, смотри, какая я прекрасная, смотри, какая она рябая.

Б е р т а. Да, но я - королева, а ты, красавица Альгиста - моя служанка.

А л ь г и с т а. Смотри, король, у нее одна нога короче другой.

Б е р т а. Я - хромая, но королева.

А л ь г и с т а. Король, разве послы отца моего говорили тебе, что Берта - рябая и хромая?

К о р о л ь. Нет. Я и не взял бы в жены хромую и рябую, и не думал, что король Коломан меня обманет.

Альгиста притворяется потерявшею сознание.

М а л ь г и с т а, *склонясь над нею.* Милая моя госпожа!

Б е р т а. Сеть обмана, широкая сеть обмана раскинута надо мною. Кто поможет мне разорвать вязкие петли обмана? Кому крикну: помогите? Оставили меня жертвою обмана.

К о р о л ь. Вижу, кто из двух - обманщица. Но скажите, бароны и рыцари, как по - вашему, кто королева?

Р ы ц а р и. Эта прекрасная раненая дама.

К о р о л ь. Кто обманщица?

Р ы ц а р и. Эта рябая и хромая женщина.

К о р о л ь. Что сделать с нею?

М а л ь г и с т а. Король, прости мою дочь! Враг человека помутил ее мысли. За мою верность королеве прости мою дочь.

К о р о л ь. Уведите ее далеко в лес, и да будет над нею воля Господня. А ее мать...

А л ь г и с т а. Король, оставь при мне эту верную женщину. Видишь, родную дочь уличила она, - истинноверная душа!

К о р о л ь. Да будет, как ты хочешь, милая королева.

Б е р т а. Бедный король, ты поверил обману!

Берту уводят. Альгисту поднимают, и несут в опочивальню. Люди уходят. Слышен бесстрастный голос:

- Проходит ночь. День. Ночь. День. Ночи и дни. Годы.

Во мраке времен проходят быстро годы. Десять лет.

Действие второе

Те-же сени. Из средних дверей стремительно выходит Альгиста. На ней торжественный наряд королевы. Она беспокойно мечется по сеням. Мальгиста выходит за нею. Слышен конец песни.

И вот король поверил
Седому колдуну,
И выгнал он за двери
Любезную жену.
Обманутые славят
Отродье колдуна,
И королевством правят

Волшебник и она.
 А где же королева?
 Она в лесу глухом.
 Вернется - ль королева?
 О том спою потом.

Альгиста. Король заметил?
 Мальгиста. Нет, госпожа, - все заслушались песен захожего певца.
 Альгиста. Ты узнала его?

Мальгиста молчит.

Альгиста. Что - же нам делать?

Мальгиста. Он ничего не посмеет сказать. Не станет же он говорить, что король Коломан, отец Берты и его отец, - обманщик.

Альгиста. Мне страшно!

Мальгиста. Не бойся, милая дочь моя.

Альгиста. Нет, даже не страшно, - я устала. Я думала не то. Я верила, что люди хотят свободы и света. Как настойчиво, как хитро, ночью и днем, повторяла я королю одно и то же всеми словами, какие находила! Он мне верил, он, наконец, научился думать по - моему. Но он ничего не может сделать, кроме того, что делали его предки: воевать, судить, награждать. Ничего дерзкого. Господа хотят властвовать, - я это понимаю. Но народ, - все эти простые люди, земледельцы и ремесленники, о, как они хотят быть рабами! Только рабами!

Мальгиста. Все говорят, что при тебе король стал милостив к народу, щедр к своим слугам, справедлив для всех, прибегающих к его суду. Народ благославляет имя твое, милая королева наша Берта.

Альгиста. Прославляют имя Берты! Но откроется правда, узнает король мое имя, - прославит ли он сладкое имя Альгисты?

Мальгиста. Король не узнает.

Альгиста. Узнает.

Мальгиста. И узнает, да не поверит.

Альгиста. Идут.

Мальгиста отходит от нее, и становится за колонною. Альгиста становится впереди сеней, в полуоборот к средним дверям, так что ее лицо в тени. Из зала выходит король, принц Этельберт в одежде захожего певца, рыцари, дамы и пажы.

Король. Милая Берта, свет моих очей, зачем ты ушла от нас? Он спел нам еще две песни, одну лучше другой.

Альгиста. Велико искусство захожего певца. Кто бы из людей мог петь так сладко и так коварно? Не силою - ли нечистого беса внушены ему его хитрые напевы?

Король. По всему видно, что он - человек благочестивый.

Альгиста. Враг человека и в рясе приходит. У меня от его злых песен закружилась голова.

Король. Прости, милая Берта, - я думал, что тебе приятно. Певец, возьми это золото, и иди отдыхать. Хороши твои песни, велико твое искусство, и боюсь, не чародейная - ли в нем сила.

Этельберт. Моя сестра поет лучше, и если от моих песен ушла милостивая госпожа Берта с королевского светлого пира, то пение сестры моей утешит королеву.

К о р о л ь. Где же твоя сестра?

Э т е л ь б е р т. Здесь, ждет на дворе. Если позволишь, король, я приведу ее.

К о р о л ь. Приведи.

Э т е л ь б е р т, *проходя мимо Альгисты.* И девка Альгиста в королевах.

А л ь г и с т а. Сын обманщика идет с обманом на обман.

Э т е л ь б е р т. Бичу и розгам предадут прекрасное тело, и позорной смерти.

Уходит.

К о р о л ь. Что бормотал тебе захожий певец?

А л ь г и с т а. Непонятные слова. Он одержим нечистым духом, и ум его охвачен злыми, жестокими видениями. Мерещатся ему измены, обманы, кровь, муки и смерть. Напрасно велел ты ему позвать его сестру. Если и она такая же, наведут они на тебя, милый мой господин, и на меня, бедную, злые чары.

К о р о л ь. Так пусть им скажут, чтобы они не входили.

Но едва король начал говорить, по средней лестнице уже стремительно поднималась Берта, с мальчиком, и за ними Этельберт.

К о р о л ь. Милый певец, усладили наш слух твои песни. Верю, что еще искуснее и приятнее пение и голос твоей сестры, - но королева устала, и не может слушать песен. А ты, искусница, не досадуй, что напрасно ожидала своей очереди петь. Возьми это золото и удались, - может быть, мы с королевою призовем тебя завтра.

Б е р т а. Устала и я, королева Берта. Изгнанная тобою, милый супруг, потому что обманщице Альгисте поверил ты больше, чем мне, скиталась я долго по дремучим лесам, по крутым горам, по широким долам. Рысучие ветры меня оббевали, частые дожди меня мочили, красное солнце меня палило, колючие кустарники рвали мою одежду и царапали мое тело, о песок и о камни изранила я мои ноги. В поле под стогом родила я тебе, король, сына. Повила его нищая старуха, окрестила я его в бедной деревенской церкви, назвала его Карлом, и будет он королем великим. Возьми его, милый король, и меня не гони с твоего ложа.

А л ь г и с т а. Спела ты, певица, свою песню, хоть и не хотели тебя слушать. Ну что же, пой себе дальше, - о себе спела, обо мне пой.

Б е р т а. Ты - моя служанка Альгиста. Вон там, за столпом, прячется, бледная от злости и от страха, твоя мать Мальгиста.

Э т е л ь б е р т. Милая Берта, не унижай себя спором с рабынею. Король, узнай, что я - Этельберт, сын короля Коломана, брат твоей несчастной супруги Берты, которую ты изгнал, обманутый злою Альгистою.

А л ь г и с т а. Он - безумный, и сестра его - такая же.

Э т е л ь б е р т. Со мною рыцари, привезшие тебе десять лет назад Берту. Ты их узнаешь, и они скажут тебе правду.

Трубит в золотой рог. По средней лестнице всходят двенадцать рыцарей.

Э т е л ь б е р т. И вот, король, грамота от короля Коломана.

Подает королю грамоту. Король берет ее.

К о р о л ь. Канцлер, распечатай эту грамоту, и мы прочтем ее, как надлежит читать королевские послания, стоя на королевском нашем месте. А теперь ты, захожий певец, называющий себя принцем Этельбертом, скажи нам еще раз, утверждаешь - ли ты,

что вот эта женщина, пришедшая с тобою, - она то и есть прекрасная Берта, дочь короля Коломана.

Э т е л ь б е р т. Да, это - королева Берта, твоя жена, и дочь моего отца, короля Коломана.

А л ь г и с т а, *смеется.* Прекрасная Берта! Красавица! Смотри, король, какой у нее большой рот! Какая она рябая! И одна у нее нога длиннее другой.

Б е р т а. Ты все это хорошо помнишь, Альгиста, - да и тебе ли не помнить! Ты одевала и обувала меня.

Э т е л ь б е р т. Сестра моя была прекрасна, но злыми чарами по дороге сюда испортила ее Альгиста. Смотри, король, как сестра моя похожа на меня.

А л ь г и с т а. Такой же рыжий урод, как и она.

Э т е л ь б е р т. Однако, девушки моей родины, да и в других странах, засматривались на меня, и любая из них...

А л ь г и с т а. Золотом брякнешь, - распутная девка виснет на шею.

Э т е л ь б е р т. Король, допроси моих спутников. Может быть, ты припомнишь их лица.

К о р о л ь. Вернемся в наш королевский чертог, прочтем эту грамоту, рассмотрим дело, и решим его по совести. И грозен будет суд наш для замысливших обман.

Уходит в среднюю дверь. За ним все, кроме Альгисты и Мальгисты.

М а л ь г и с т а, *подходя к дочери.* Милая госпожа, иди на свое место рядом с королем. Ничего не бойся. - Не признавайся. - Король тебя любит, и только тебе поверит.

А л ь г и с т а. Останусь здесь. Я устала. И не хочу быть Бертою.

М а л ь г и с т а. Что ты говоришь, безумная! И себя, и меня погубишь.

А л ь г и с т а. Разве я не прекрасна? Разве я не была ему верна? Разве у меня нет ему сына? Видела ты? Притащили сюда чахлого выродка, а мой сын, мой сын - сильный, прекрасный, мой сын, о Хильперик!

М а л ь г и с т а. Видишь, все за тебя, милая дочь моя. Так не бойся, иди смело, займи свое место, - король только тебе поверит.

А л ь г и с т а. Настал час последнего испытания. Если он меня любит, если долгие дни и сладкие ночи нас навеки сковали, то он меня не отвергнет и увенчает Альгисту. Иду, открою мое имя.

М а л ь г и с т а. Безумная, невозможное ты замыслила.

А л ь г и с т а. Иду!

Идет к дверям в зал. Мальгиста ее удерживает. Краткая борьба.

А л ь г и с т а, *кричит.* Король, я - Альгиста!

Быстро входит в зал. Мальгиста бежит за нею.

За сценою.

К о р о л ь. Альгиста?

Шум. Отдельные возгласы.

А л ь г и с т а. Я - Альгиста. Вот, Хлодовер, я перед тобою, суди меня, как хочешь, казни или милуй, - но вспомни, вспомни, король, как была я тебе...

К о р о л ь. Молчи! Обманщица и рабыня опозорила мое ложе!

Р ы ц а р и и д а м ы. Обманщица! Рабыня! Смерть ей!

А л ь г и с т а. Милый король мой, Хлодовер, я была тебе верною женою.

К о р о л ь. Молчи. Позорной смерти...

А л ь г и с т а. Хлодовет, милый супруг мой Хлодовет...

К о р о л ь. Женщины, заставьте ее молчать.

Альгиста глухо вскрикивает. Шум, восклицания. Выделяется один голос.

К а н ц л е р. Замолчите! Король произносит свой грозный приговор.

К о р о л ь. Снять с обманщицы венец, ожерелье и одежду королевы. Ты, любезная королева Берта, займи свое место. Обманщицу позорною и лютою казнить смертию перед народом, - бичу и розгам предать, обнажив, ее тело, и сечь до смерти, и тело бросить в ров на съедение собакам. И мальчишку бить и повесить. А мы с тобою, королева, пойдем, и с высокого будем смотреть балкона на ее муки, и слушать ее вопли. Бейте обманщицу!

Заглушенные возгласы Альгисты. Вопли Мальгисты. Смех. Шум. Крики. Шум постепенно возрастает. Слышен грубый хохот. Рыцари, дамы, пажы, слуги и служанки начинают выходить из зала. В их толпе крики.

Р ы ц а р и, дамы, пажы, слуги и служанки. Обманщица уличена!

- Это - простая девка Альгиста.
- С нее сорвали все уборы и возложили на настоящую королеву.
- Где ее будут наказывать?
- Здесь на дворе, среди этого народа, который пришел смотреть на зрелище.
- Смотрите, ее уже раздевают.
- Обманщицу казнят сегодня - же.
- Лютою и позорною смертью.
- Ее засекут до смерти розгами и бичами из воловьей кожи.
- И ее мальчишку повесят.
- Я плюнул ей прямо в глаза!
- Я надавал ей пощечин!
- На ней одна рубашка, но мы ее сейчас сорвем.
- Ведут, ведут!

Из дверей зала выводят Альгисту. Все толпятся вокруг нее, хохочут, кричат, издеваются. Ее ведут по широкой лестнице вниз, в партер, где дверь замка. Сени окутываются мраком. Слышен вопль Мальгисты.

М а л ь г и с т а. Добрые люди, добрые люди, спасите дочь мою Альгисту!

Действие третье

Те же сени. Ночь. Слышен вой собак. Полная луна бросает ясную полосу света на верхние ступени и на край площадки, оставляя остальное место в тени. Сени сначала пусты. Потом по боковой лестнице медленно поднимается Мальгиста. Несет на плечах тело Альгисты, полунагое, едва прикрытое окровавленной и изорванной одеждою. Положила Альгисту на место, озаренное луною, села над нею, и плачет, тихо причитает.

М а л ь г и с т а. Дочь моя, дочь моя! Забили, замучали. Долго хлестали беспощадные бичи, и хохотали слуги и мальчишки. И умерла моя Альгиста. И бросили ее в ров замка на съедение собакам, - но псы не тронули ее, и выли над ее телом, выли в тоске над телом ласковой госпожи. И поднималась луна, и выли псы, и тоска моя восходила к небу.

Плачет, точно воет. Слышен вой собак. Мальгиста поднимается тихо, и уходит, причитая.

М а л ь г и с т а. К холодной луне и к ясному небу восходит моя тоска. Воют псы, нюхая кровь ласковой госпожи, - и я завою на месте, где в землю впиталась ее обильно пролитая кровь.

Ушла. Альгиста поднимается, зовет.

А л ь г и с т а. Спящие, встаньте!

Все тихо. Альгиста падает. Мальгиста возвращается. Несет ребенка. Положила его рядом с Альгистой. Села над ними, и плачет, причитает.

М а л ь г и с т а. И невинного не пощадили отрока. Избили, измучили, убили, бросили с матерью рядом. О, Альгиста, Альгиста, дочь моя!

Альгиста приподнимается и вскрикивает.

А л ь г и с т а. Спящие, встаньте!

Мальгиста склоняется над нею, спрашивает ее тихо.

М а л ь г и с т а. Дочь моя, милая, ты жива?

А л ь и с т а. В этот страшный час только мертвые живы.

За окном слышна переключка часовых. Кто - то поднимается по лестнице сбоку и заглядывает в сени. Замок мало-помалу наполняется тихими, все возрастающими, шорохами, шумами.

М а л ь г и с т а. Дочь моя, скажи мне, - ты не умерла? ты жива?

А л ь г и с т а. Близок час последнего испытания.

М а л ь г и с т а. Или из мертвых встала ты, разбуженная силами ворожащей в тихом небе или таинственным шопотом блуждающей около ночных распутий?

А л ь г и с т а. Смотри, - вот два пути, - он изберет один из них. Жива ли я, мертва ли я...

Медленно поднимается, и зовет.

А л ь г и с т а. Жив ли ты, мертв ли ты, сын мой Хильперик, встань.

Мальчик поднимается. В свете луны видны бледные лица Альгисты и мальчика, и окровавленные их одежды. Альгиста обращается лицом к дверям, ведущим в королевскую опочивальню, и кричит голосом громким и диким, наполняющим всю громаду здания.

А л ь г и с т а. Спящие, встаньте!

В замке слышен шум, смятение, крики, звон оружия. Через сени пробегают слуги, пажы, рыцари, женщины. Сени наполняются смятенным народом. Слышны восклицания.

С л у г и и с л у ж а н к и, п а ж и, р ы ц а р и, д а м ы.

- Кто здесь так громко кричал?
- Что случилось?
- Враги напали?
- Не мертвые ли встали?
- Не трубу ли архангела мы слышали, зовущую на страшный суд?
- Страшно!
- Дивные дела здесь творятся.
- Пролитая кровь вопиет к небу.
- Темно.
- Где факелы?

Кто-то вносит факел, потом другой, еще и еще. Люди с факелами беспорядочно мечутся по сеним. Иные факелы вставлены в кольца. Люди кричат:

- Смотрите, здесь Альгиста!
- Замученная королева встала!
- И ее сын.
- Горе нам, - не злое ли совершили мы здесь дело?

М а л ь г и с т а. Горе вам, - злое вы совершили здесь дело, прекрасный вы разбили сосуд, и многоценное пролили вино.

Возрастающим светом факелов все более освещаются сени. Альгиста и ее сын у края лестницы, остальные теснятся к стенам и колоннам. Выходят король, Берта и Этельберт. Хлодовег и Берта едва одеты, но на головах их короны. В руках у короля обнаженный меч. Шум затихает. Все, кроме короля, останавливаются неподвижно, молчат, и смотрят на Альгисту.

М а л ь г и с т а. Милая дочь моя, Альгиста, скажи ему сладкие слова любви.

А л ь г и с т а. Король, злое ты совершил дело, но моя любовь тебя прощает. Оставь эту чужую, иди за мною, иди к жизни светлой и свободной.

К о р о л ь. Кто ты? И зачем ты здесь? Если ты жива, сокройся от нашего праведного гнева. Если ты от мертвых встала, вернись к своему покою, и живущих на земле не тревожь ночными явлениями.

М а л ь г и с т а. Милая дочь моя Альгиста, зови его, чтобы он шел за тобою.

А л ь г и с т а. Милый господин и супруг мой Хлодовег, я - твоя Альгиста. Я люблю тебя, я пришла к тебе призвать тебя ко мне. Иди ко мне, иди за мною.

К о р о л ь. Ты меня обманула.

А л ь г и с т а. Я была верна тебе, я останусь верна тебе до конца.

Б е р т а. Король, убей волшебницу.

А л ь г и с т а. Хлодовег, скажи мне, любил ли ты меня?

К о р о л ь. Любил.

А л ь г и с т а. Скажи мне, любишь ли ты меня?

К о р о л ь. Люблю.

А л ь г и с т а. Иди же за мною.

К о р о л ь. Муки ли заслуженной тобою кары помрачили твой разум? Или воздвигнутая злыми чарами пришла ты к нам? Скажи нам, кто же ты? полночный призрак или живая Альгиста?

Б е р т а. Король, зачем же в руке твоей меч? Вонзи его железо в злое сердце обманщицы.

М а л ь г и с т а. Милая дочь моя Альгиста, очаруй его сладкими словами любви, таинственные скажи ему заклинания.

А л ь г и с т а. Господин мой, к тебе пришла я, - возьми меня так, как ты сам хочешь, живую или мертвою. Властью моей безмерной любви, силою моих нестерпимых мучений, над жизнью и над смертью торжествующею моею волею купила я у земли и у неба и у темного подземного мира твое тело и твою душу и твою полночную тень. Вот, я перед тобою, едва жива, едва мертва, дыханием едва дышу, тлением едва тлею, на страшном колеблюсь перекрестке, кровь моя в сырой земле, и голос мой к луне ворожащей, - и я зову тебя: иди ко мне, избери наш путь к жизни или смерти по своей воле, иди со мною живую, люби меня, - или останься здесь, но и здесь со мною, с мертвою мною. Люби меня, господин и супруг, навеки мой, люби меня.

К о р о л ь. Обманом ты взошла на мое ложе, ты похитила имя и честь королевы.

Б е р т а. Она - чаровница. Скорее пронзи ее мечом.

А л ь г и с т а. Когда ты меня любил, когда ты меня ласкал, когда ты нежные шептал мне слова, что нам были и блеск твоей короны, и твоя верховная власть! Не напоила ли я тебя всеми сладостями любви? Не всякую ли твою радость я прославила светлым моим веселием? Не всякую ли твою печаль я растворила в моих слезах? Не была ли я тебе ясным небом, и прохладною тенью, и птицей - щебетуньей, и звонко - лепечущим ручьем? Мои белые, мои голые руки легче королевского ложились ожерелья на твои утомленные плечи. Слаще фалернского вина были тебе знойные поцелуи моих алых губ. Ярче многоцветных алмазов и рубинов твоей короны сияли тебе мои очи. Не была ли я прекраснее всех королей? И не ты ли говорил, что я мудрейшая из жен, что слова мои падают, как золото, на легкий пепел речей старейших твоих вельмож?

К о р о л ь. Ты была прекрасна и мудра, и я тебя любил. Но минувшее не возвратно. Удались.

Б е р т а. Пронзи мечом.

А л ь г и с т а. Я не уйду от тебя. Мы соединены на веки тайною силою моей любви.

К о р о л ь. Вот жена моя, королева Берта, - под охраною верных в своей светлице почивает сын наш и наследник Карл, - тебе и твоему сыну нет места между нами.

А л ь г и с т а. А ты меня любишь?

К о р о л ь. Люблю.

А л ь г и с т а. Так пусть останутся здесь королева Берта и юный Карл. Отдай ему свою корону, иди за мною. Я открою тебе счастливый и вольный мир, я уведу тебя в долину меж дальних гор, где нет владык и рабов, где легок и сладок воздух свободы.

К о р о л ь. Безумны твои речи. Я - король.

Б е р т а. Убей.

А л ь г и с т а. Хлодовег, твоя судьба в твоих руках. Смотри, - гаснут факелы. Слушай, - за окном воют чуткие псы, обнюхивая на тонкой дорожной пыли неведомый след. Смотри, король, как все тихо, темно и неподвижно вокруг тебя. Слышишь, - они молчат, и только мои слова падают во тьму перед тобою.

К о р о л ь. Безумная, уйди. Пажи, уведите ее.

Все вокруг короля неподвижны, и смотрят на Альгисту.

А л ь г и с т а. Здесь только я, вся жизнь и вся смерть во мне, - а выбор твой, Хлодовег, мой милый господин и супруг. Приближается последний миг. Судьба не ждет. В последний раз говорю тебе: иди за мною, со мною иди к жизни, только со мною жизнь,

- а там, где цепенеешь ты, король, в безумии своей короны, в своей кровавой мантии,
- там смерть. Иди за мною, сними свой венец.

К о р о л ь. Я не пойду за тобою. Я - король. Удались, безумная.

Из-за окон слышны удары церковного колокола.

А л ь г и с т а. Час настал. Хлодовег, твой выбор сделан. Ты не уйдешь? Нет?

К о р о л ь. Нет.

М а л ь г и с т а. Холодным камнем среди камней стоит он перед тобою, Альгиста. Альгиста, змеиноокая дочь моя, страшными очаруй его словами, вечной обреки его неподвижности.

А л ь г и с т а. Холодным камнем среди камней стоишь ты передо мною. Каменей, король, холодным камнем стой, пока не изложет и тебя время.

Альгиста падает у ног короля. Ее сын падает на ее труп. Король и остальные стоят неподвижно. Слышен бесстрастный голос:

- Смотрите, - умерла Альгиста, умер Хильперик. Неутешная навеки над ними мать. Смотрите, - окаменел Хлодовег и бывшие с ним. Смотрите, - они стоят, уподобясь иссеченному из камня изваянию. Смотрите, - плоскою картиною становится зрелище окаменевшей жизни, и меркнет луна, и всякий свет бежит от этого места, и черным облаком смерти закрывается громада надменного чертога. И верьте, - Смертью побеждает Любовь, - Любовь и Смерть - одно.

К о н е ц

Примечание

Содержание этой трагедии заимствовано в общих чертах из предания о королеве Берте Длинноногой, матери Карла Великого. Имя короля изменено с намерением, чтобы оторвать эту трагедию от истории и даже от легенды, которая завязывается несколько иначе и кончается не совсем так, как у меня. Вот как изложена эта легенда в книге Г. Н. Потанина "Восточные мотивы", стр. 5 - 7:

"Французский король Пепин хочет жениться; пэры едут в Венгрию, в город Буду, и просят у венгерского короля его дочь. Король очень польщен этим сватовством, но боится, что Пепин отвергнет невесту, потому что она уродлива: у нее одна нога больше другой. Однако, пэры, хотя лично убедились в этом, остались при прежнем решении. Родители отпускают дочь с двумя служанками, старой и молодой; старая - Маргиста, молодая - ее дочь Альгиста. Невеста принята в Париже с почетом; наступает ночь, Берта должна идти на брачную постель. Маргиста высказывает опасение, как бы Пепин не убил ее; Берта смущена, Маргиста согласна послать вместо нее Альгисту, чтобы спасти принцессу. Берта проводит ночь в комнате Маргисты, а утром крадется в королевскую спальню, чтобы незаметно для короля сменить Альгисту. При ее входе Альгиста наносит себе рану ножом, и обвиняет Берту в желании убить ее. Король, принимающий Альгисту за Берту, возмущен и велит казнить мнимую Альгисту. Берта отвезена в лес и заблудилась в нем... Она долго бродит по лесу, наконец, выходит к дому мельника и поселяется у него. Король живет с Альгистой, не подозревая обмана, и приживает с ней двух сыновей. Родители Берты надумались посетить свою дочь, приезжают в Париж и видят на месте королевы Альгисту. Венгерский король подозревает, что подмена сделана по воле самого Пепина, но Пепин уговаривает тестя перед отъездом съездить на охоту. На охоте Пепин заблудился и очутился в доме мельника, у которого жила Берта и у которого были две дочери. Вечером Пепин просит мельника, чтобы он прислал ему на ночь одну из трех своих девиц. Мельник предоставил ему Берту; он устроил королю ночное ложе в телеге, прикрытой листьями... Тут Берта рассказала королю, кто она и как очутилась у мельника. По большой ноге Пепин убедился, что это была настоящая Берта, а та, которую он принимал за Берту, фальшивая. Он берет Берту в Париж, делает ее королевой, казнит ложную Берту и примиряется с родителями настоящей. От настоящей Берты рождается сын, который потому, что зачат в телеге, или потому, что родился в телеге Charro mano, это Карл."

НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ
Драматическая сказка в трех действиях

Действующие лица:**Король Политовский.****Королевы, его дочери, их двенадцать.****Юный поэт.**

Короли: **Свейский.**
                   Фряжский.
                   Басурманский.
                   Зельтерский.
                   Татарский хан.

Королевичи: **Дацкий.**
                   Эфиопский.
                   Американский.

Шут.**Скоморох и прочие****Скоморохи.****Генерал.****Старый боярин.****Другой боярин и прочие****Бояре и дворяне.****Архиерей и прочие****Архиереи.****Попы.****Дьяконы.****Игумны.****Пономари.****Богатый купец и прочие****Купцы.****Приказчик богатого купца.****Сухопарый лекарь.****Ярышка.****Юрист.****Хулиган.****Ласковая старушка и прочие****Старые старухи.****Знаток искусства.****Критик.****Человек с книжкой под мышкою.****Трудовик.****Намалеванный старик.****Молодые жены.****Гусляры.****Поэты.****Бабы-веселухи.****Простые люди.****Слуги короля Политовского.****Малявинские бабы.****Печаль юного поэта.****Сны.**

Действие первое

Во дворце короля Политовского пир. Пиршественный покой изукрашен. В глубине покоя пять ступеней, во весь покой шириною, ведут на высокое место, где длинный стол; за ним еще пять ступеней таких же на высочайшее место, где стол такой же. Внизу перед высоким местом направо и налево по длинному столу, одним концом к высокому месту, другим к стороне сеней, а середина покоя пустая, где бы входить. Перед покоем, где бывает оркестр, там сени, изукрашенные весьма, а где партер, там словно бы двор. За высочайшим местом дверь дубовая, красною медью кованая, к Политовскому королю в опочивальню. Над дверью полати неширокие, за перильцами на точеных столбиках, а входит на полати с двух сторон из сеней потайными лесенками; по той одной лесенке ход в королевнины светлицы, вверху, в тереме.

Сидят хозяева и гости. На высочайшем месте за столом король Политовский, по бокам его высокие гости, по три короля и по три королевича с каждого боку, все тринадцать в ряд, лицом к покою. На высоком месте за столом двенадцать королевен, все в ряд, лицом к королю и высоким гостям, а к почтенной публике спиною, - и почтенной публике то бы не в обиду сталось. За столами внизу сидят гости и гостьи, за каждым столом только с одной стороны, лицом к середине покоя; почетные гости к высокому месту поближе, а у кого чести меньше, те от высокого места подалее. В сенях стоит челядь дворцовая, и также гусяры, гудошники, свирельщики, вопленники, плясуны, бабы-веселухи и всякие другие забавники и забавницы. Им дают, что останется.

Во дворе народ пришел на пир смотреть, на своих харчах.

К о р о л ь. Короли и королевичи, отцы духовные, дворяне и купцы и простые люди! Я пригласил вас, чтобы вы дали мне совет или делом помогли в великом нашем горе.

К о р о л и и к о р о л е в и ч и, дружески.

- Это мы можем.
- По дружбе охотно.
- Только бы нам не было убытка.
- Со всем удовольствием.
- Мы вам, а вы нам.
- Взаимно, значит, и для политики.

Д в о р я н е, гордо.

- Мы не даром носим наши шпаги.
- Мы рады обнажить меч во славу короля.
- Только укажи, кого повоевать.

А р х и е р е и, смиренномудренно. Господу помолимся.

П о п ы, благоговейно. Господи, помилуй.

Д ь я к о н ы, елейно. Подай, Господи.

И г у м н ы, с возжелением. Рука дающего да не оскудеет.

П о н о м а р и, с упованием. Всякое даяние благо.

К у п ц ы, себе на ум, с расчетцем.

- Раскошелимся, это что говорить.
- На покупателя накинем, а тебе дадим.

- А ежели торговать повелишь безданно, беспощинно сибирскими соболями и заморскою бакалеей, так мы, Господи благослови, и еще понатужимся.

- Да, Господи, да мы ли не дадим!

- Мы от чистого сердца!

- Как перед Истинным.

Простые люди, *смирно*. Сиротским делом, сколько животов хватит.

Молодые жены, *с воздыханием*. Охо-хо-хошеньки!

Старые старухи, *с сокрушением*. Грехи тяжкие!

Гусляры и поэты, *с радостью*. А мы споем! Поют, что хотят.

Поют, что хотят.

Скоморохи, *с весельем*. А мы сыграем. Играют, кто во что горазд.

Бабы - веселухи, *с удалью*. А мы спляшем.

Пляшут по всякому.

Король. Все рады, все готовы. Хорошо быть королем. Только горе-то у меня бль-но великое. Разве что только всем миром обмозгуем.

Свейский король. Говори, не сомневайся, врагов тебе здесь нету, все соседи тебе други.

Фряжский король. Мы ста дальны, да вы ста нам любы. Говори, ништо.

Дацкий королевич. А мы послушаем.

Все, *с поклоном*. Послушаем.

Король. Горе мое в дочках. Вот их у меня двенадцать, все здесь перед вами, горят, как свечки, горе, говорю, мне с ними, горькое горе.

Пригорюнился. Королевы смеются, точно тростиночки по ветру шелестят.

Король, *с негодованием*. Горе, говорю, горькое с ними, а они, слышь, смеются. Я - слезы проливать, а они рукавами махать.

Королевы, *смеются, точно птички в роще заливаются, и говорят чинно и по порядку*:

- Како тако горе!

- Горе у нас и не ночевывало!

- Горе к нам и в окна не заглядывало!

- Горе и мимо наш дворец не хаживало!

- Разве мы не пригожи? - говорит самая красивая.

- Разве мы не хороши? - говорит самая добрая.

- Разве мы не румяны? - говорит самая здоровая.

- Разве мы не белы? - говорит самая тонкая.

- Разве мы матушкою не дrochenы? - говорит самая ласковая.

- Разве мы батюшкой не холены? - говорит самая нежная.

- Разве мы нянюшками не лелеяны? - говорит самая милая.

- Разве мы не послушны? - говорит самая веселая.

- Разве мы не забавны? - говорит самая послушная.

- Разве мы в ятях ошибаемся? - говорит самая грамотная.

- Разве мы не разумны? - говорит самая мудрая.

- Разве мы не рукодельницы? - говорит самая искусная.

К о р о л ь, *с укоризною*. Нет у меня жены, а у вас матери. Вам бы надо, милые дочери, меня веселить да радовать.

К о р о л е в н ы, *скромнехонько*.

- Мы рады тебя веселить.

- Разве мы не угождаем тебе?

- Мы и пригожи, мы и хороши, мы и румяны, мы и белы, мы и матушкой дрочены, мы и батюшкой холены, мы и нянюшками лелеяны, мы и послушливы, мы и забавливы, мы и в ятях не ошибаемся, мы и разумницы, мы и рукодельницы.

- Мы ли тебя не радуем?

К о р о л ь, *нахмурившись, точно бор перед грозой*. Радовали прежде, а теперь мне с вами горе.

К о р о л е в н ы, *плача, будто горлилки*.

- Государь ты наш батюшка, король Политовский, чем же мы тебя прогневали?

Как заплакали королевны, так и все женщины за столами и в сенях пригорюнились, плачут, горько рыдают, слезами обливаются. Короли и королевичи усами моргают, в красные шелковые платки сморкаются, а прочие гости въздыхают и сморкаются вежливенько, кто во что.

К о р о л ь, *гневно*. Замуж не идете, молодых людей гоните, никого не любите, все вас стали бояться.

К о р о л е в н ы, *рыдая, будто морские белые белуги*.

- Мы любим только тебя.

- Все другие в этой стране люди нам противны.

- Они - злые.

- Жестокие.

- Издеваются друг над другом.

- Живут насилнем.

- Каждый о себе заботится.

- И каждый хочет быть лучше другого.

К о р о л ь, *горестно*. Люди везде таковы. И вы такие же будете.

К о р о л е в н ы, *все в раз*.

- Никогда.

Ш у т, *бубном машет, гостей смешит, сам выговаривает*:

- Девушки хороши, красные пригожи, а откуда же берутся злые жены?

К о р о л е в н ы, *с упрямством*.

- Мы не хотим быть женами.

- Мы останемся девами.

- Мудрыми, - говорит мудрейшая.

- Прекрасными, - говорит прекраснейшая.

- Веселыми, - говорит самая веселая.

- Добрыми, - говорит самая добрая.

- Кроткими, - говорит самая кроткая.

- Непорочными, - говорит самая непорочная.

- Девами, - говорят все враз.

К о р о л ь. И еще горе мне с вами. Каждую ночь вы уходите, а куда? неведомо.

К о р о л е в н ы, *зардевшись, кисейным рукавом закрываются, тихо говорят*:

- По ночам мы спим.

- Сладко.
- Крепко.
- Видим сны.

К о р о л ь, *грозно*. Но я знаю, что вы уходите, что ни ночь.

К о р о л е в н ы, *не испугавшись*.

- Приди в нашу опочивальню в любую ночь.
- Ты увидишь нас тихо спящими.

К о р о л ь. Приходил не раз и видел на ваших постелях неживые ваши подобия.

К о р о л е в н ы.

- Это мы спали.
- Разве ты, отец, не заметил нашего дыхания?
- Не видел наших улыбок мирному сну?
- Не различил наших лиц?
- Это были мы.
- Разве здесь есть похожие на нас?

К о р о л ь. Какими чарами вы это сделали, не знаю. Но страх стоял над этими изголовьями и торопил уйти.

К о р о л е в н ы.

- Это - воображаемый страх.
- Он зародился от рассказов суеверных старух.
- Отвергнутые женихи слагают небылицы.

К о р о л ь. Отчего же каждую ночь изнашиваются ваши покрывала? Изорванные лежат они утром, - и каждый день шьют вам новые.

К о р о л е в н ы.

- Непрочная ткань рвется, - что жалеть о ней?
- Мы носим тонкие покрывала, - как им не изнашиваться скоро!
- И разве людям дано знать, кто изнашивает их покровы?

К о р о л ь. Дороги эти покрывала, и не след расточать казну на такое излишество.

К о р о л е в н ы.

- Твоя казна не истощится.
- Вся страна несет тебе деньги.
- Бедные женщины, которые ткут наши покрывала, кормятся этой работой.
- А также и те, кто их вышивает.

Ш у т. В рваных одеждах и босые, а вокруг них тощие дети.

Ч е л о в е к, *с книжкой под мышкою*. Оставили бы себе прибавочную ценность, или на себя потратили бы прибавочный труд. . .

С л у г и. Пошел, пошел! . . .

Человека с книжкой выгоняют.

Ш у т. В холодных хатах спят, а сами ткут багряницы.

К о р о л е в н ы.

- Глупый шут! уж если мы живем во дворцах, а они в лачугах, то у людей и не может быть иначе.
- Ведь не мы собираем подати.
- Не мы учредили строй и законы.
- Мы только подчиняемся пышным обычаям.
- Но в простых одеждах и босые ходили бы и мы охотно.

- Охотнее, чем в наших диадемах.
- Весело быть простыми и свободными.
- Плясать и горланить песни на престонародных базарах.
- Наш дворец - крепкий затвор.
- Вы, затворившие нас на затворы, золотите кольца наших цепей!
- Осыпайте алмазными нашими оковы!

К о р о л ь, *грозно*. Замолчите и отвечайте. Здесь, перед всеми, я вас спрашиваю, и отвечайте перед всеми. Хочу я узнать, куда вы по ночам уходите и что там делаете?

К о р о л е в н ы, *упрямо*.

- Мы никуда не уходим.
- Мы спим по ночам.

К о р о л ь, *печально*. Так они всегда отвечают мне, упрямые. Что же мне делать? Дочки, непослушные, но милые, уходите к себе, а мы будем вести мудрые речи о вас. Правду говорят за глаза, - в глаза только льстят или злословят.

Королевы одна за другою встают со своих мест, вереницей проходят перед королем, кланяясь ему низко и так, чтобы это выходило красиво и с покорностью. Кланяясь,

К о р о л е в н ы, *говорят отцу*.

- Прости, государь наш батюшка, да хранит тебя Господь многие лета!

К о р о л ь, *целует каждую в уста сахарные и каждой отвечает в особину, румяную щечку родительскою дланью треплючи*. Ступай себе с Богом, милая дочка, да будет над тобою наше родительское благословление отныне и до века нерушимое.

Потом одна за другою королевы кланяются гостям направо и налево, так, чтобы это выходило приветливо и с достоинством. Кланяясь,

К о р о л е в н ы, *говорят гостям*:

- Простите, дорогие гости и гостьи, в чем что мы не так, нас не корите, добром поминайте, живы здоровы бывайте, лиха избегайте, добра прибывайте и нас не забывайте!

Каждой отдельно гости направо и гости налево отвечают поклонами, все более глубокими по мере отдаления от короля, - от наклона головы королями до земного поклона простых людей.

Г о с т и и **г о с т ь и**, *отвечают каждой в особину*. Прости, милая королева, в чем мы тебе согрубли, и то ты нам не попомни, держи нас в добром воспоминаньице, сама, словно красная ягодка во темном бору красуючись, да хранит тебя Бог на многие лета, а мы твои гости, верные слуги и усердные богомольцы.

Королевы, выйдя в сени, перемигиваются. Бегут на полати, прячутся за точеными столбиками и подслушивают. Король же молчит ровно столько времени, сколько надобно, чтобы королевы дошли до своих светлиц в терему, а наверх поглядеть не догадается. Гости в ту пору пьют, едят, прохлаждаются, наверх потому же не взглянут.

К о р о л ь, *кряхтит*. Эх-эхе-хех!

Ш у т, *бренчит позвонками колпака*. Милостивые государыни и милостивые госуда-ри, помолчите, король говорить хочет.

Все замолчали и стали смотреть на короля. Один скоморох по верхам глядит.

К о р о л ь. Друзья мои, короли и королевичи многих стран, отцы духовные, дворяне и купцы, и простые люди, не сумеет ли кто из вас разгадать мне эту мудреную загадку, насчет того, куда мои дочки по ночам ходят и что они там, шальные, делают? Что покрывала-то рвут, казне-то убыток чинят не малый ведь! Кто разгадает, за того отдам любую дочь замуж да полцарства в приданое.

Пока король говорит, самая веселая королева, смеючись, из-за столбика точеного стол много высунулась, что скоморох, по верхам глядячи, ее увидел. Началась у них, во время последующих речей, очами переглядка и руками перемашка, словно бы так они разговаривали:

С к о м о р о х. А я тебя вижу.

К о р о л е в н а. Врешь, не видишь.

С к о м о р о х. Ан, вижу.

К о р о л е в н а. И видеть нечего, - нас тут нет.

С к о м о р о х. А и врешь, - все вы за точеными столбиками прячетесь, вся дюжина, - *показал пальцами.*

К о р о л е в н а. У, глазастый! противный!

С к о м о р о х. Один я вижу, все другие уши развесили.

К о р о л е в н а. Миленький, не выдавай!

С к о м о р о х. Ничего, будь спокойна, не выдам.

К о р о л е в н а. Ей-Богу, не выдашь?

С к о м о р о х. Вот те крест честной!

К о р о л е в н а. Я тебя поцелую в переносицу.

С к о м о р о х. Подари лучше синь кафтан, - мой-то поизносился.

К о р о л е в н а. Ладно.

С к о м о р о х. Да сапожки сафьяновые, - мои-то поистоптались.

К о р о л е в н а. Ладно.

С к о м о р о х. Да шапочку поярковую, - моя-то поистрепалась.

К о р о л е в н а. Ладно, - и будет с тебя, больше не проси.

С к о м о р о х. Ну-к что-ж! с меня и будет! много ли скомороху надо! Я не хулиган, я человек хороший.

Меж тем на вопрос короля гости чинно отвечают.

Б а с у р м а н с к и й к о р о л ь. Запереть их покрепче да приставить к ним евнухов побольше. Если хочешь, брат и друг, я пришлю тебе евнухов очень искусных.

К о р о л ь. Безобразие будет противно моим дочерям.

Е ф и о п с к и й к о р о л е в и ч. Бей их плетью, пока не признаются.

К о р о л ь. Бил бы, да то не в нашем обычае.

Т а т а р с к и й х а н. Припусти к ним шпионов.

К о р о л ь. Не хочу заводить в моей земле гнуса.

А м е р и к а н с к и й к о р о л е в и ч. Выдай их замуж.

К о р о л ь. Да не идут.

З е л ь т е р с к и й к о р о л ь. Это у них от глистов, - дай им слабительного.

К о р о л ь. Глистов у них и в заводе не было.

А р х и е р е й. Отпеть бы в терему молебн, окропить бы опочивальни их высочеств святою водою, окадить бы постели королевен росным ладаном.

К о р о л ь. На Бога надейся, а сам не плошай. Бог нам не скажет, куда мои дочки ходят, - тут надобен человеческий разум.

Г е н е р а л. Так как по моему рассуждению у их высочеств есть сообщники, то я полагал бы этих злодеев военным судом повесить.

Ш у т. Судом повесить, веревкой рассудить; генералы наши умны, годятся в игумны.

К о р о л ь. Не в том речь, что виноватого сечь, а в том, что где он. .

С у х о п а р ы й л е к а р ь. Дай мне осмотреть королевен, государь, - может быть, я сумею вылечить их от ночных прогулок и лунатизма.

К о р о л ь. Дочки мои здоровенькие, а тебе, клистирная трубка, смотреть их нечего да еще как бы не сглазил.

Я р ы ш к а, *таинственно*. Обыскать.

Т р у д о в и к, *меланхолично*. Только заснешь, а они тут как тут.

К о р о л ь. Резон, но не политика.

Б о г а т ы й к у п е ц. Я так полагаю - *поглаживая бороду* - что дело это, значит, денежное, а оно, то-есть, требует расхода и, например, того, издержек. Оно бы, я так полагаю - *поглаживая бороду* - можно бы с аукциону подряд сдать, то-есть, на поставку, значит, тех и прочих, к кому и куда, значит, оные персоны ходят. Но дабы избежать огласки, то я так полагаю - *поглаживая бороду* - что оно бы под рукою поспросить сподручнее, и, значит, с вольного торга я бы взялся, можно сказать, себе в убыток, только для королевского удовольствия, за полтора миллиона, значит, - *поглаживая бороду* - со всем удовольствием.

Ш у т. У этого дяди пошехонская поговорка, да зато американская складка.

К о р о л ь. Смотри, купец, кабы у тебя с этих денег мошна не лопнула. Больно ты лаком на мою казну.

Б о г а т ы й к у п е ц. Два процента скостим - *поглаживая бороду* - это мы можем.

К о р о л ь. Скости сто два процента, тогда подумаем.

Богатый купец считает на пальцах и думает.

Ю р и с т. В ночных прогулках их высочеств и не усматриваю состава преступления, а потому полагал бы оставить дело без последствий.

К о р о л ь. Твоими бы устами да мед пить.

Х у л и г а н. Наплевать!

К о р о л ь. Ась?

Х у л и г а н. Да ты, король, на это дело плюнь, - пусть ходят, куда хогят.

К о р о л ь. Проплюешься. Тут что ни плев - сто рублей, а то и более.

Богатый купец надумался. Ему кажется, что и за уступкою ста двух процентов подряд выгоден. Он крикает, поглаживая бороду, и хочет согласиться. Но его отдергивает.

П р и к а з ч и к, *и шепчет*. Брось, дядя, окромя убытков, других прибытков не предвидется.

Б о г а т ы й к у п е ц. Врешь?

П р и к а з ч и к. Как перед Истинным!

Л а с к о в а я с т а р у ш к а. И я их выпрошу, и я их вымолю, и они мне скажут.

К о р о л ь. Больно ты ласкова, бабушка, да ин беда, - не скажут они тебе, не таковыские.

Ю н ы й п о э т. Все диалоги, которые мы выслушали, являют собою точный символ извечной антиномии.

Ш у т. А ты антимоний не разводи, говори, прямо.

Ю н ы й п о э т. Скажу кратко, - никто не берется узнать, где бывают в таинственные ночные часы королевны, - я это узнаю.

К о р о л ь. Ладно, узнай. Не узнаешь в три ночи, на третье утро повешу. А узнаешь, твое счастье, - любую королевну бери замуж, а приданое дам, как обещал, от своего слова не попячусь. Только смотри, парень, не сдуру ли ты расхвастался? Лучше откажись, пока не поздно.

Ш у т. У нас петли мягкие, пеньковые, а вешальщики опытные.

Ю н ы й п о э т. Мы - мудрецы и поэты, хранители и провозвестники древнего обетования о преображении святой плоти, мы не даем пустых обещаний. Я сказал, - я сделаю.

К о р о л ь. Ну, сам смотри. В петле невесело будет, так на меня не пеняй. Милые гости, не обессудьте на моей хлеб-соли, а почтывать больше нечем.

Гости и гости вылезают из-за столов, кланяются королю и благодарят его. Король Политовский уходит, после него и все, кто куда, по чинам. Юный поэт остался один и размышляет.

Ю н ы й п о э т. Тщетно гордость, хулиган ума, говорит мне: “наплевать!” - благо-разумие покачивает вязаным колпаком и спрашивает: “что ты наделал?” И печаль моей души проснулась в своем алькове, - ах, милые альковы! - и зевая, рыдает: “увы, увы, квы!” свинья - печаль!

П е ч а л ь, *внезапно являясь, свирепо.* Сам свинья! И никакого нет алькова, а вот ты попляши.

Исчезла так же внезапно, как и появилась.

Ю н ы й п о э т. Что я наделал? Взятся узнать, а сам ничего не ведаю. Если не узнаю, ведь король меня повесит. А это очень неприятное положение. Или состояние? Положение - горизонтальное, состояние - вертикальное, а висеть? Не знаю. В моем мозгу, - кажется, это точно? сложились два стиха:

Когда меня повесят,
То чем меня утешат?
Виселицу украсят?
Но я не буду видеть.
Все девушки заплачут?
Но я не буду слышать.

Вот даже шесть стихов. Кажется, это не плагиат? Впрочем, ведь я живу в доисторические времена, сказочные, когда, по меткому выражению Некрасова:

Свободно рыскал зверь,
А человек бродил пугливо.

Все поэты, которым я мог бы подражать, будут жить после меня. Неприятное положение. Или состояние?

Стоит, - раскручинился, пригорюнился.

Н а м а л е в а н н ы й с т а р и к. Не сойти ли мне с картины?
не утешить ли мне малого?

Кряхтит и лезет из рамы.

Ю н ы й п о э т, *в восторге*. Вот - торжество искусства.
З н а т о к и с к у с с т в а, *вдруг явившись*. Это - фотография. Искусства здесь нет.

Впрочем, его уже и нет на сцене.

М а л я в и н с к и е б а б ы. А мы споем, пока старик вылезает.

Поют громко и пляшут шибко:

Горка ты горка,
Горушка крутая,
Травка шелковая!
Да по той ли горке
Мил удалый ходит,
Во скрипку играет,
Короля потешает.
Послушайте, люди,
Что в городе бают:
Парней продавают,
Купцы закупают, -
Девять на денежку,
Десятого в придачу.

Н а м а л е в а н н ы й с т а р и к. О чем, добрый молодец, призадумался?

Ю н ы й п о э т. Как мне, дедушка, не призадуматься? Взглянул я для короля прове-
дать, куда его дочери по ночам уходят, а сам ничего не ведаю.

Н а м а л е в а н н ы й с т а р и к. Да, это дело трудное! только узнать можно. Вот те-
бе шапка-невидимка, с ней чего не высмотришь! Да помни: как будешь спать ложить-
ся, королевны подалут тебе сонных капель испить; а ты повернись к стене и вылей в
постель, а пить не моги.

Ю н ы й п о э т. Да ведь они увидят.

Н а м а л е в а н н ы й с т а р и к. А ты им глаза отведи.

Ю н ы й п о э т. А как же отвести им глаза?

Н а м а л е в а н н ы й с т а р и к. А ты посмотри на потолок, да и зачитай грустным
голосом стихи:

Выхожу один я на дорогу.
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездой говорит.
В небесах торжественно и чудно.
Спит земля в сияньи голубом.

Девки - дуры, тоже засмотрятся, на потолке звезды увидят.

Ю н ы й п о э т. Да увидят ли?

Н а м а л е в а н н ы й с т а р и к. Верь в магию слов, и они поверят словам.

Ю н ы й п о э т. Спасибо тебе, дедушка.

*Старик лезет на прежнее место, юный поэт его подсаживает, и тут первому действию
конец.*

Действие второе

В терему опочивальни двенадцати королевен, одна за другою, разделенные арками; рядом, за стеною, малая каморка с одною кроватью для юного поэта. В стене между каморкою и королевниными опочивальнями - дырка, малая, проверчена буравчиком. Королевны, в длинных ночных одеждах, смотрят в окно.

К о р о л е в н ы. Вот идет наш страж.

Смеются, словно колокольчики звенят.

К о р о л е в н ы.

- И он ничего не узнает.
- А не открыться ли ему?
- Он - прекрасный, - *говорит самая прекрасная.*
- Он - белый, - *говорит самая тонкая.*
- Он - румян, - *говорит самая здоровая.*
- Он - стройный, - *говорит самая стройная.*
- Он - мудрый, - *говорит самая умная.*
- Он - хитрый, - *говорит самая искусная.*
- Он - добрый, - *говорит самая добрая.*
- Он - ласковый, - *говорит самая нежная.*
- Он - веселый, - *говорит самая смешливая.*
- Он - смелый, - *говорит самая бойкая.*
- Он - сильный, - *говорит самая сильная.*
- Он - гордый, - *говорит самая надменная.*
- Хорош-то он хорош, но и он, как и все.
- Выберет себе одну из нас в жены.
- Будет царить в своем уделе.
- Будет угождать людям.
- Будет славить земные очарования.
- Не пустит избранницы своей ни к другому человеку, ни к заклятому царю.
- Нет, утаимся от него.
- Опоем его сонным зелием.

Смеются, как бубенчики бренчат.

Ю н ы й п о э т, входит в каморку малую. Время к ночи подходит, - бормочет он, - летит на серых крыльях. Летучая мышь, взмахами мягких крыльев отсчитывая миги, - о миги! миги! - мечется туда и сюда, и засыпает вниз головою. Но я не засну. Вот моя кровать, и над нею скважина, - я провертел ее буравчиком. И мой взор острее буравчика.

*Взоры, как у мальчика,
Острее буравчика.*

Королевны в начале его речи ушли за сонным зелием. Осталась одна, сидит на кровати и, улыбаясь, прислушивается. Потом остальные королевны вернулись. У одной в руках кубок. Идут одна за другою в дверь к юному поэту, та, что с кубком, сзади всех. Каждая коро-

левна, входя, кланяется поэту и говорит, каждая со свойственной ее характеру интонацией.

К о р о л е в н ы.

- Здравствуй, милый поэт.
- Здравствуй, прекрасный поэт.
- Здравствуй, синеокий поэт.
- Здравствуй, русокудрый поэт.
- Здравствуй, мудрый поэт.
- Здравствуй, хитрый поэт.
- Здравствуй, добрый поэт.
- Здравствуй, веселый поэт.
- Здравствуй, ласковый поэт.
- Здравствуй, отважный поэт.
- Здравствуй, могучий поэт.
- Здравствуй, надменный поэт.

Ю н ы й п о э т, кланяется каждой отдельно и отвечает каждой.

- Здравствуй, милая королева.
- Здравствуй, прекрасная королева.
- Здравствуй, черноокая королева.
- Здравствуй, чернокудрая королева.
- Здравствуй, мудрая королева.
- Здравствуй, хитрая королева.
- Здравствуй, милостивая королева.
- Здравствуй, веселая королева.
- Здравствуй, нежная королева.
- Здравствуй, смелая королева.
- Здравствуй, могучая королева.
- Здравствуй, гордая королева.

Королевы встали в ряд и смеются, словно гусельки гудут. Юный поэт стоит перед ними и делает улыбку за улыбкою, перемежая их спокойным выражением лица.

К о р о л е в н ы, переглядываются и говорят одна другой:

- Угостим поэта вином!
- Угостим.
- Пусть выпьет за наше здоровье.

Приближаются к юному поэту одна королева с бокалом и говорит:

- Милый поэт, выпей это вино за наше здоровье и пожелай нам, чего сумеешь и как сумеешь.

Ю н ы й п о э т, берет бокал. Охотно выпью за ваше здоровье, милостивые и ласковые королевы. И от всей души желаю вам счастья столько же полного и широкого, сколь полон и широк дивный круг ваших совершенств, и столь же высокого, как эти звезды, поднимает бокал, там, в недостижимом небе, там, смотрите, где звезда с звездой говорит, где в небесах торжественно и чудно.

К о р о л е в н ы, смотрят вверх и повторяют в тихом восторге все вместе:

- Звезда с звездой говорит!
- В небесах торжественно и чудно!

В это время юный поэт выливает вино в свою постель.

Королевы, уходя одна за другою, говорят:

- Покойной ночи, поэт.

Юный поэт, отвечает каждой. Покойной ночи, королева.

Королевы, вернулись к себе. Говорят тихо:

- Мы смотрели на звезды, которых не было видно.

- Над нами был только потолок.

- Но мы видели, как в небесах торжественно и чудно.

- Мы слышали, как звезда с звездой говорит.

- Поэт очаровал нас только словами.

- Магией слов.

- А разве мы не учили этих слов в нашей хрестоматии?

- Но хорошо, что он выпил вино.

- А если не выпил?

- Нет, выпил.

- Он спит.

- Подождем, пока он заснет совсем крепко.

Королевы ложатся в свои постели. Поэт тоже. Тихо и темно. Юный поэт подсматривает. По опочивальням ходят Сны и навязываются королевам и юному поэту:

- Возьми меня на эту ночь.

- А ты меня.

- Или меня.

- Я - мирный сон.

- Я - безмятежный сон.

- Я - веселый сон.

- Я - страшный.

- Я - вещий.

- Я - крепкий.

- Я - глубокий.

- А я - кошмар, хорошенький, цепкий уродец.

Королевы и Юный поэт, отгоняют Сны и говорят им тихо:

- Не надо.

- Не хочу.

- Уйди.

- Не пушу.

- Иди к больным.

- Иди к усталым.

- Иди к печальным.

- Иди к умирающим.

Одна королева, встала, тихо говорит: - Сестры, пора.

Королевы.

- Пора.

- А он?

- Надо взглянуть.

- Надо войти к нему.

- Не всем.

- Пусть одна.
- Кто пойдет?
- Я, - *говорит самая бойкая.*

И пошла к юному поэту тихохонько. У дверей постояла, послушала, отворила дверь медленно, вошла к поэту. Юный поэт лег спокойно.

К о р о л е в н а, тихо шепчет ему. Милый поэт, ты спишь? Ты спишь в такую прекрасную ночь? Ты спишь в тот час, когда я пришла к тебе? Взгляни, - я красивая девушка, у меня голые, стройные руки. Все спят, только я одна не сплю, потому что я хочу, чтобы ты сказал мне ласковые слова. Я молодая и красивая девушка, у меня голые, белые плечи, и стопы ног моих обнажены, я печальна, я томлюсь странною тоскою. Многие говорили мне, что они меня любят, и они были молодые, прекрасные и знатные, но я не верю их любви. И сердце говорит мне, что еще никто меня не любил. . . Или я много сказала? Ты все-таки спишь? О, глупый поэт!

Слушает. Юный поэт лежит молча и неподвижно.

К о р о л е в н а, возвращается к сестрам. Он спит, - *говорит она им тихо,* - спит, спит крепко.

- Он не скоро проснется - *говорят другие королевны и смеются тихо, как былинки шелестят.*

- Пора, сестрицы, пора!
- Заклятой царь ждет нас.
- И его милые гости.
- И его милые гости.

Юный поэт подсматривает. Королевны надевают шитые покрывала. На постелях оставляют свои подобия. Мудрейшая из королевен отодвинула высокое изголовье своей кровати. Открылся ход. Королевны уходят одна за другою. Юный поэт надевает шапку-невидимку и крадется за ними. Все ушли, и только на королевниных кроватях остались неживые подобия спящих девушек. Тут второе действие и кончается.

Действие третье

Та же палата, что в первом действии. На высочайшем месте за столом король Политовский, от сна восстав, вкушает пития прохладные. Позади его стоят слуги ближние, про дела домашние докладывают с усердием. А внизу за столами бояре сидят, мед, пиво пьют, и о чем-то думают, и у всех большие бороды. А у дверей стоят шут и слуги. Входит из сеней юный поэт, останавливается перед высоким местом, королю челом бьет.

Ю н ы й п о э т. Здравствуй, король!

Вид у поэта очень гордый, и он кажется именинником.

К о р о л ь. Уследил ты моих дочерей?

Ю н ы й п о э т. Обещал - и сделал. Король! я уследил прекрасных королевен.

К о р о л ь. Куда же они ходят?

Ю н ы й п о э т. Прекрасные королевны ходят в подземное царство к заклятому королю, всю ночь там танцуют, исполняют танцы в стиле знаменитой Айседоры Дункан под музыку великих композиторов разных времен и народов.

К о р о л ь. Верные слуги, позовите моих дочерей!

С л у г и. Королевны сами идут.

Король ждет, пьет мед, и поэта потчует. Королевны вошли в сени. Засматривают в чертог, и тихо переговариваются.

К о р о л е в н ы.

- А юный поэт уже там.

- С нашим отцом сидит.

- Батюшка наш с ним ласков.

- Но он же не был с нами!

- Мы его там не видели!

- Когда мы спускались по лестнице, мне показалось, что кто-то наступил на мое платье, - *говорит самая хитрая*, - это примета была плохая, она вещала нам беду.

- Полно, ничего не будет, - *говорит самая смелая*, - просто, ты зацепила платьем за какой-нибудь гвоздь.

- Когда мы шли по той роше, где цветут золотые цветы, - *говорит самая чуткая*, - слышалось мне, что вся роша зашумела.

- Так бывает в той роше, - *говорит самая зоркая*, - когда сломят один цветок.

- В царстве заклятого царя все едино, - *говорит самая мудрая*, - страдание и ущерб в одном чувствуется всем живым в этом царстве.

- Ах, сестрицы, - *говорит самая робкая*, - это что-то недоброе нам сулило.

- Не бойтесь, - *говорит самая беззаботная*, - это у заклятого царя в чертогах музыка гремела, а не роша шумела.

Входят одна за другою в чертог. Каждая королевна отдельно низко кланяется королю, целует его руку, и говорит:

- Здравствуй, милый батюшка наш король, с добрым утром. Как почивать изволил, какие сны тебе, батюшка, снились, и изволишь ли ты быть в добром здравьи?

К о р о л ь, *целует каждую нежно в уста сахарные, треплет ласково по румяной щечке и милостиво отвечает каждой в особину*. - Здравствуй, милая дочка, прекрасная моя королевна. Почивал я крепко, сны видел хорошие, как ты, моя красная ягодка, с могучим и славным королевичем венчалась. Встал я весел и радостен, и здоровьем, по Божьей милости, крепок. А ты, ясочка моя ненаглядная, как почивать изволила, какие сны тебе, моей голубушке, снились, да и встала ли ты веселехонька, да и живешь ли ты здоровехонька?

К о р о л е в н а, *каждая королю так ответ держит, низко кланяючись, и отцову руку во второй раз целуячи*. - Благодарствую тебя, милый батюшка, на добром слове. Спала я крепко, на котором боку заснула, на том и проснулась, во всю долгую ноченьку ни разу не ворохнулась. А сны я видела все веселые, как тебе, батюшка, Бог дал победу над супостатами, королями чужими и над здешними крамольниками, как по улицам флаги развесили, народ бежит, ура кричит, в ладоши хлопает. А встала я, млада красна девица, веселехонька, а живу я, млада красна девица, по божьей милости и для твоей родительской радости, здоровехонька.

Так одна по одной отходят от короля, садятся на свои места, на высоком месте, и пьют китайский чай со сладким сахаром в накладку, Выборгским кренделем закусывают.

Король, *пьет мед, и дочерей допрашивает. А куда вы, дочки, нонче ночью ходили? а где вы, богоданные дочки, ночью нонче были?*

Королевы.

- Мы никуда не ходили, - *говорят враз шестеро.*
- Нонче ночью, - *прибавляет одна из них.*
- Мы нигде не были, - *говорят враз другие шестеро.*
- Ночью нонче, - *прибавляет одна из них.*

Король. А у заклятого царя не были? Вот юный поэт на вас показывает, уличить вас хочет, говорит, - всю ночь вы плясали очень весело, и в присядку, и по всякому.

Королевы.

- Где же ему, батюшка, уличить нас, когда он всю ночь мертвым сном проспал!
- Он все это во сне видел.
- Рядом с молодыми девушками снятся веселые сны.
- Как не присниться веселым пляскам, когда за стеною девушки о своих секретах шепчутся!

Смеются, словно стеклышки звенят.

Король, *с удивлением. Вот так девушки у меня выросли! Смеются, им и горюшка мало.*

Юный поэт. Фряжская пословица в русском переводе говорит: смеется хорошо, кто смеется последний.

Старый боярин. Пословица не мимо молвится.

Другой. Пословица до веку не сломится.

Шут. Глупая речь - не пословица.

Король. Однако, поэт, чем же ты докажешь, что они там были?

Юный поэт. Королевы хотели опоить меня сонным зелием, но я отвел им глаза, и вылил сонное зелие в мою постель.

Королевы.

- Он нас обманул!
- И поэты лгут!
- Поэты лгут, как все!
- Тьмы низких истин им дороже их возвышающий обман.

Юный поэт. Я шел за ними, а они меня не видели, - на мне была шапка-невидимка.

Вынимает шапку-невидимку, и демонстрирует ее, надевая и опять снимая. Слышны возгласы удивления.

Шут, *завистливо. Фокус!*

Юный поэт, *презрительно. Шут, в этой драме ты играешь самую скучную роль. Никто не смеется твоим шутовствам.*

Шут, *сердито. Я не шучу. Я - королевский шут, и говорю серьезно.*

Королевы.

- Какое искусство - сделаться ничтожным!
- Искусство, полезное для шпиона!
- Поэт, воображающий, что ты - тайновидец, ты - только шпион.

- Ты - тема для юмористического стихотворения.

- И для пародии.

- И для самой неприятной пародии, - дружеской.

Ю н ы й п о э т. Я шел за королевнами. Куда они, туда и я, как нитка за иголкой.

К о р о л е в н ы, смеючись, точно птенчики щебечуци.

- Старо!

- Неостроумно!

Ю н ы й п о э т. Мы вошли в потайной ход за кроватью мудрейшей из королевен. Когда мы проходили в той роще подземного царства, где растут золотые цветы, я сорвал один цветок. Вот он.

Вынимает из кармана золотой цветок. Цветок благоухает.

Ю н ы й п о э т. Вот и улика налицо, - цветок, вынесенный из подземного царства заклятого царя, - золотой цветок.

Б о я р е и с л у г и. Золотой цветок!

Ю н ы й п о э т. Благоуханный золотой цветок!

Б о я р е и с л у г и. Как хорошо пахнет этот цветок!

Ю н ы й п о э т. Виданы ли на земле такие цветы?

Б о я р е и с л у г и.

- На земле нет таких цветов.

- И не может быть.

К о р о л е в н ы.

- Злой поэт! Он погубил одно из прекраснейших цветений в царстве заклятого царя.

- Он оторвал этот цветок от родной почвы таинственного края.

- Из мира сладкой сказки он вынес его в свет земного дня! . . .

- Чтобы любовались им равнодушные люди.

- И скучные эстеты.

К р и т и к. Да, цветок этот представляет творение высокого искусства. Лепестки его отчеканены так строго, что кажется, что он благоухает. Вечный аромат творимой красоты исходит от него.

Ю н ы й п о э т. Вслед за королевнами пришел я во дворец заклятого царя. Пышность и красота этих чертогов превосходят все, что может дать самое изысканное и богатое воображение. Я еще не успел найти всех слов, достаточно великолепных и редких, которыми можно было бы предать обаяние этих чертогов. Описание их составит тему моей особой поэмы. Теперь же буду краток.

К о р о л ь. Да, друг, говори покороче, будет лучше.

Королевы печально смеются, словно в речке струйки плещутся.

Ю н ы й п о э т. Сам заклятой царь со своими придворными, - о, великолепие одежд! О, красота лиц! О, прелесть движений! - встретил прекрасных королевен. И казалось мне, что красота и прелесть их умножились весьма, - не дивно ли это?

Б о я р е и с л у г и.

- Дивно!

- Уж и так они красивы.

- Куда еще краше!

- Глазам не вынести такой красоты.

Ю н ы й п о э т. Заиграла музыка, - о, дивное очарование звуков! - и все, широким и свободным кругом, понеслись в легком танце, и я со всеми, невидимый, прекрасный, стройный и легкий.

Королевы смеются, словно жемчужинки раскатились.

Ю н ы й п о э т. Велел царь вино разливать и гостям разносить. Я, юный и прекрасный, и невидимый вами, смеющийся, чем бы плакать, королевны, взял с подноса один бокал, вино выпил, а бокал в карман сунул. Вот и другая улика.

Вынимает из кармана золотой кубок.

Б о я р е и с л у г и.

- Сияющий бокал!
- Что написано на нем?
- Буквы сияют, как пожары!

К о р о л е в н ы.

- Взял бокал, а знаешь ли его повеление?
- Прочитал ли его начертание?
- Или только теперь разберешь, по складам, его сияющую надпись?

Ю н ы й п о э т. Вы опять устремились в пляшущий круг, после слов заклятого царя:

Все цветы раскрыли глазки,
Рейте, вейте в легкой пляске,
Зачинайте ласки-сказки,
Забывайте сон дневной,
Там, под солнцем, только маски.
Здесь развязаны завязки,
Святы лики, сняты маски,
Все святое предо мной.
Рейте, сестры, в легкой пляске,
С вами вместе пляшут сказки
Под волшебницей луной.

- Вы плясали, а я стоял. Мне казалось, что царь еще не кончил и хочет говорить. Я стоял перед ним под серой шапкой-невидимкой и глядел прямо в его неизъяснимо-глубокие очи, и он сказал мне:

А ты, пришедший невидимо,
Земные возлюбивший дни,
Ищи меня неутомимо,
И в сердце грусть мою замкни.

И если память позабудет
(Цветы земные - из тафты),
Тебе цветок мой вечно будет
Напоминать, что видел ты.

И если в сердце замолчало
(Там диадемы - только жечь),

Напомнят блеск и звон бокала
Тебе таинственную весть.

Покинув царство зачатое,
Не верь святыне злого дня,
И начертанье золотое
Читай всегда: Люби Меня!

К о р о л е в н ы, *повторяют.*
- Люби Меня!

Смотрят одна на другую и говорят:
- Что же нам делать?
- Сознаемся?
- Да, признаемся.
- Теперь уже нельзя не признаться.

Отцу.
- Поэт сказал правду.

Поэту.
- Ты прочитал начертание золотого кубка.
- Но, поэт, понял ли ты его? - *спрашивает самая добрая.*
- Поймешь ли его когда-нибудь? - *спрашивает самая мудрая.*
- Но сохрани его, поэт!
- Передай новым поколениям этот золотой цветок и этот кубок с начертанием вечной заповеди.

К о р о л ь. Повелеваю вам, верные слуги, засыпать потайной ход в подземное царство зачатого царя.

С л у г и. Исполним, ваше величество.

К о р о л ь. А ты, поэт, выбирай из моих дочерей себе в жены, какая полюбится. Вот они проходят перед тобою.

Королевы послушны, идут одна за другою перед юным поэтом, а король приговаривает:

- Вот эта - самая красивая.
- А эта - самая румяная.
- А эта - самая белая.
- А эта - самая добрая.
- А эта - самая нежная.
- А эта - самая ласковая.
- А эта - самая милая.
- А эта - самая послушная.
- А эта - самая веселая.
- А эта - самая грамотная.
- А эта - самая мудрая.
- А эта - самая хитрая.

Все королевны прошли и сели допивать свой чай в накладку, а король юного поэта спрашивает:

- Которую же выберешь себе в жены?

Ю н ы й п о э т.

- Я выбираю себе в жены ту, которая по нраву поэтам наших дней.

Выбирает, какую хочет.

К о р о л ь. У меня не вино курить, не пиво варить, не приданое шить - все готово. Сейчас же честным пиром да и за свадебку.

Начинается великое ликование, а всей сказке тут пришел конец.

К о н е ц

МЕЛКИЙ БЕС
Драма в пяти действиях (6 картинах)

Действующие лица:

Передонов, Ардальон Борисыч, учитель гимназии. Смотрит угрюмо. Близорукый, маленькие, заплавленные глаза. Золотые очки. Лицо румяное, равнодушно-сонное. С течением пьесы он все чаще и постояннее выражает тупой ужас. Любит смотреть на свои золотые часы.

Варвара Дмитриевна Молошина, его жена, в первых трех действиях еще не венчанная с ним, и добивающаяся венчания. Одета нарядно, но безвкусно. Дома одевается кое-как. Набелена, нарумянена. Носит узкие башмаки на высоких каблуках, и потому походка неровная и неловкая. Часто ухмыляется и усмешка у нее наглая.

Недотыкомка, существующая только в воображении Передонова, тварь, неопределенных очертаний, принимающая по временам разные образы. Каждый раз, как она является, все на сцене становится, как бред, - освещение убывает, предметы кажутся странными и угрожающими, их очертания становятся человекообразными, люди изменяются, кажутся злыми, издевающимися над Передоновым, их лица и движения становятся чрезмерно пошлыми и вульгарными, и сами они тогда похожи на видения бреда, на карточные фигуры, на животных, - на ворожею, колдунью, или пиковую даму.

Марта, молоденькая девушка, живет у Вершиной. Не дурна. Руки сильные и большие. Ноги большие. Веснушки.

Владя, ее брат, гимназист, лет 14, похож на сестру.

Преполовенская, Софья Ефимовна.

Ершова, хозяйка дома, пьяная сапожница.

Клавдия, служанка.

Скучаев, городской голова.

Тишков, купец.

Авиновичкий, прокурор.

Верига, предводитель дворянства.

Хрипач, директор гимназии.

Г-жа Хрипач.

Гудаевский, нотариус.

Гудаевская.

Богданов, инспектор народных училищ.

Мачигин, учитель.

Скобочкина, учительница.

Крамаренко, гимназист.

Бенгальский, актер.

Городовой.

Фигуры всех мастей.

Миньчуков, исправник.

Унылая дама.

Пожилая дама.

Озлобленная дама.

Пьяный купчик.

Мещанин.

Курносая.

Гости в клубе.

В о л о д и н, Павел Васильевич, учитель ручного труда в городском училище, глупый молодой человек. Похож на барана, - волосы курчавые, лоб крутой, глаза выпуклые, светлые и тупые, говорит резким, дребезжащим тенорком, смеется точно блеет, потряхивает лбом, выпячивает губы. В бредовые минуты Передонова это сходство с бараном еще увеличивается почти до полной иллюзии.

Р у т и л о в, Платон Платонович, чиновник, шеголевато одетый, бледный, высокий, узкогрудый.

Л а р и с а, его замужняя сестра, полная, спокойная.

Д а р ь я, вторая сестра, высокая, тонкая, решительная, дерзкая.

Л ю д м и л а, третья сестра, самая красивая. Любит духи, наряды, все красивое.

В а л е р и я, младшая сестра, тоненькая, маленькая, хрупкая.

С а ш а Пыльников, гимназист, черноглазый, черноволосый, похож на девочку.

Г р у ш и н а, Марья Осиповна, молодая вдова с преждевременно опустившейся наружностью. Тонкая и стройная. Лицо в морщинках, но еще не лишенное приятности. Одет небрежно.

В е р ш и н а, Наталья Афанасьевна, вдова, землевладелица. Говорит тихо и быстро. Маленькая, худенькая, темнокожая, вся в черном, чернобровая, черноглазая. Курит папиросы в черешневом темном мундштуке. Часто улыбается. Движения легкие, быстрые и уверенные. Кажется Передонову.

Действие первое

Столовая в квартире Передонова. Обои испачканы и изодраны. Передонов завтракает. Варвара хлопочет около стола, готовится ему кофе.

В а р в а р а, *раздраженно*. Да еще что выдумала... это говорит, может быть, барин скушали. Они, говорит, на кухню зачем-то выходили, когда я в комнатах полы мыла, и долго, говорит, там пробыли.

П е р е д о н о в, *хмуро*. И вовсе не долго, я только руки помыл, а изюму я там и не видел.

В а р в а р а, *кричит*. Клавдюшка... Клавдюшка... вот барин говорит, что он и не видел изюма, значит, это ты его припрятала.

Клавдия показывает из кухни красное, опухшее от слез лицо.

К л а в д и я, *рыдающим голосом*. Не брала я вашего изюму, я вам его откуплю, только не брала я вашего изюму.

В а р в а р а, *сердито*. И откупишь, и откупишь... Я тебя не обязана изюмом откармливать.

П е р е д о н о в, *с хохотом*. Дюшка фунт изюму уплела...

К л а в д и я. Обидчики...

Уходит, хлопая дверь. Варвара подает Передонову кофе. Передонов наклоняет к стакану и нюхает. Варвара тревожится.

В а р в а р а, *пугливо*. Что ты, Ардальон Борисыч. Пахнет чем-нибудь кофе.

П е р е д о н о в, *угрюмо*. Нюхаю, не подсыпано ли яду.

В а р в а р а. Да что ты, Ардальон Борисыч... Господь с тобой... С чего ты это выдумал?

П е р е д о н о в, *бурчит*. Омегу набуровила.

В а р в а р а. Что мне за корысть травить тебя... Полно тебе петрушку валять... Я за тебя хлопочу, княжну прошу, чтобы дала тебе хорошее место, ты венчаться на мне обещал, - зачем же я травить тебя стану?

П е р е д о н о в. Нюхал долго. Успокоился.

В а р в а р а. Уж если есть яд, так тяжелый запах непременно услышишь... только поближе нюхнуть в самый пар. А княгиня твоя...

Клавдия вбегает радостно, бросая на стол смятую синюю оберточную бумагу.

К л а в д и я. Вот на меня говорили, что я изюм съела, а это что. Нужен мне очень ваш изюм, как же...

П е р е д о н о в. Ах, чорт...

В а р в а р а. Что это, откуда?

К л а в д и я, *злорадно*. У Ардальон Борисыча в кармане нашла. Сами съели, а на меня поклеп взвели... Известно, Ардальон Борисыч - большие сластуны, только чего ж на других валит, коли сами...

П е р е д о н о в. Ну, поехала... И все врешь... Ты мне подсунула... я не брал ничего.

К л а в д и я. Чего мне подсовывать... что вы, Бог с вами...

В а р в а р а. Как ты смела по карманам лазить... Ты там денег ищешь...

К л а в д и я. Ничего я по карманам не лазаю... Я взяла пальто почистить, - все в грязи.

В а р в а р а. А в карман зачем полезла?

К л а в д и я. Да она сама из кармана вывалилась, бумага-то что мне по карманам лазить...

П е р е д о н о в. Врешь, Дюшка...

К л а в д и я. Какая я вам Дюшка... Что-й-то такое, насмешники этакие... Чорт с вами, - откуплю вам ваш изюм, подавитесь вы им, сами сожрали - а я откупай. Да и откуплю, - совести, видно, в вас нет, стыда в глазах нет, а еще господа называется.

Уходит в кухню, плача. Передонов отрывисто хохочет.

П е р е д о н о в. Взъерепенилась как...

В а р в а р а. И пусть откупает... Им все спускать, так они все сожрать готовы, черти голодушные... Когда пекутся пирожки с вареньем, твои любимые, я из кухни выйти боюсь, - отвернись, украдет пирожек, а то больше.

П е р е д о н о в. Княгиня...

В а р в а р а, *волнуясь*. Что княгиня... Что такое княгиня?

П е р е д о н о в. А то княгиня, - нет, пусть она сперва даст инспекторское мне место, а уж потом я и женюсь. Ты ей так и напиши.

В а р в а р а. Ведь ты знаешь, Ардальон Борисыч, что княгиня обещает только тогда выхлопотать тебе инспекторское место, когда я выйду за тебя замуж. А то ей за тебя неловко просить, пока мы не венчаны.

П е р е д о н о в. Напиши, что мы уж повенчались.

В а р в а р а. Что ж врать... Ведь княгиня может справиться. Нет, ты лучше назначь день свадьбы. Да и платье пора шить.

П е р е д о н о в. Какое платье?

В а р в а р а. Да разве в этом затрапезе венчаться? Давай же денег, Ардальон Борисыч, на платье-то.

П е р е д о н о в. Себе в могилу готовишь.

В а р в а р а. Скотина ты, Ардальон Борисыч...

П е р е д о н о в. Варвара, знаешь, где я сегодня был?

В а р в а р а. Ну, где?

П е р е д о н о в. У Вершиной.

В а р в а р а. Нашел себе компанию, нечего сказать...

П е р е д о н о в. Видел Марту.

В а р в а р а. Вся в веснушках, рот до ушей, хоть лягушке пришей.

П е р е д о н о в. Да уж красивее тебя. Вот возьму, да и женюсь на ней.

В а р в а р а. Женись только на ней, я ей глаза кислотой выжгу. Ты думаешь, все эти девки, что за тобою вяжутся, молоденькие, так и хорошенькие. Они все дряни, я их всех красивее...

П е р е д о н о в. Ты себе все тело красишь.

В а р в а р а. Ну, и крашу, а все таки...

П е р е д о н о в. Плевать я на тебя хочу...

П е р е д о н о в. А вот и проплюну...

В а р в а р а. Не проплюнешь...

Встает и с тупым, равнодушным видом плюет ей в лицо.

В а р в а р а. Свинья...

Обтирается салфеткою. Передонов молчит.

В а р в а р а. Право, свинья. Прямо в морду попал.

В передней слышится блеющий, словно бараний голос.

П е р е д о н о в. Не ори - гости...

В а р в а р а. Ну, это Павлушка...

Володин входит с громким, радостным смехом.

В о л о д и н. Ардальон Борисыч, дружище... Ты дома кофеек распиваешь, а вот я тут как тут.

В а р в а р а. Клавдюшка, неси третью ложку... *Володину.* Мы только три держим - остальные спрятаны, а то еще украдут. За прислугой только не досмотри.

П е р е д о н о в. Ешь, Павлушка. А я, брат, уж теперь скоро в инспекторы пролезу - Варе княгиня обещала.

В о л о д и н, *хлопая Передонова по плечу.* А, будущий инспектор кофеек распивает..

П е р е д о н о в. А ты думаешь, легко в инспекторы вылезть. Донесут, - и крышка...

В а р в а р а. А что доносить-то...

П е р е д о н о в. Мало ли что? Скажут, что я Писарева читал, и ау...

В о л о д и н. А вы, Ардальон Борисыч, этого Писарева на заднюю полочку.

П е р е д о н о в. Ну, у меня, может быть, никогда и не было Писарева.

В о л о д и н, *хихикая.* А какие же это книжечки вон там стоят, Ардаша?

П е р е д о н о в. Хочешь выпить, Павлушка?

В о л о д и н. Ежели за компанию, то я всегда готов выпить, а так ни-ни...

П е р е д о н о в. Варвара, а где же водка?

Варвара, метнувшись из-за стола и виновато улыбаясь, быстро приносит водку в графине.

П е р е д о н о в. Выпьем.

В а р в а р а. Подожди, - Клавдюшка закуску принесет. *Кричит в дверь.* Копа, шевельсь... Объялась изюму...

П е р е д о н о в. Чего ждать... Время не ждет.

Разливает водку по рюмкам.

В о л о д и н. Со свиданием, за ваше здоровье... Варвара Дмитриевна...

В а р в а р а. Кушайте на здоровье, Павел Иванович.

Пьют и закусывают сладкими пирожками. Клавдия приносит закуску. Уходя, она не закрывает за собой двери.

П е р е д о н о в. Вечно двери настежь. Сквозняк. Простудиться можно.

В а р в а р а. Клавдюшка, дверь закрой. Что, за тобой швейцара ставить надо, барыня толстомясая.

Дверь с грохотом захлопывается. Передонов плещет остаток кофе на обои. Володин глядит с удивлением, тараща глаза.

В о л о д и н. Что это у вас обои...

Передонов и Варвара хохочут.

В а р в а р а. На зло хозяйке, мы скоро выедем. Только вы не болтайте.

В о л о д и н. Отлично.

Передонов подходит к стене и колотит по ней подошвами. Володин тоже лягает стену.

П е р е д о н о в. Мы всегда, когда едем, пакостим стены, пусть помнят.

В о л о д и н. Каких лепех насажали...

В а р в а р а. Иришка-то как обалдеет...

Все трое с хохотом плюют на стену, колотят по ней сапогами, рвут обои. Потом усталые, отходят.

В о л о д и н. Слушай, Ардальон Борисыч, что я хотел тебе сказать. Всю дорогу думал, как бы не забыть и чуть не забыл...

П е р е д о н о в. Ну?

В о л о д и н. Вот ты любишь сладкое, а я такое кушанье знаю, что ты пальчики оближешь.

П е р е д о н о в. Я сам все вкусные кушанья знаю.

В о л о д и н. Может быть, вы, Ардальон Борисыч, знаете все вкусные кушанья, которые делают у вас на родине, но как же вы можете знать все вкусные кушанья, которые делаются у меня на родине, если вы никогда на моей родине не были.

П е р е д о н о в. На твоей родине дохлых кошек жрут.

В о л о д и н. Позвольте, Ардальон Борисыч, это, может быть, на вашей родине изволят кушать дохлых кошечек, этого мы не будем касаться, а только орлов вы никогда не кушали.

П е р е д о н о в. Нет, не кушал.

В а р в а р а. Что же это за кушанье такое?

В о л о д и н. А это вот что, - знаете вы кутью...

В а р в а р а. Ну, кто кутьи не знает...

В о л о д и н. Так вот пшенная кутья, с изюмцем, с сахарцем, - это и есть орлы. Если вы хотите, чтобы все было, как следует, так вы дайте мне материал, а я вам и сварю.

П е р е д о н о в. Пусты козла в огород.

В о л о д и н. Если вы думаете, Ардальон Борисыч, что я у вас стяну сахарцу, так вы ошибаетесь, - мне вашего сахарцу не надо.

В а р в а р а. Ну, что там валят петрушку. Ведь вы знаете, у него всегда привереды. Приходите и варите.

П е р е д о н о в. Сам и есть будешь.

В о л о д и н. Это почему же?

П е р е д о н о в. Потому что гадость. Кутья... В покойники, что ли записать меня хочешь. Еще подсыплешь чего-нибудь.

В о л о д и н. Как вам угодно, Ардальон Борисыч, а только я вам хотел угодить, а если вы не хотите, то как хотите.

П е р е д о н о в. А как тебя генерал-то оторил...

В о л о д и н. Какой генерал?

П е р е д о н о в. Да, слышали, слышали...

В о л о д и н. Позвольте, Ардальон Борисыч, вы слышали, да, может быть не дослышали. Я вам расскажу, как все это дело было.

П е р е д о н о в. Ну, рассказывай.

В о л о д и н. Это было дело третьего дня, об эту самую пору. У нас в училище, как вам известно, производится в мастерской ремонт. И вот, извольте видеть, приходит Верига с нашим инспектором осматривать, а мы работаем в задней комнате. Хорошо. Я не касаюсь, зачем Верига пришел, что ему надо, - это не мое дело. Положим, я знаю, что он - предводитель дворянства, а к нашему училищу касательства не имеет, - но этого я не трогаю. Приходит и пусть. Мы им не мешаем, работаем помаленьку, вдруг они к нам входят, и Верига, извольте видеть, в шапке.

П е р е д о н о в. Это он тебе неуважение оказал.

В о л о д и н. Извольте видеть? И у нас образ висит. И мы сами без шапок, а он вдруг является этаким мамелюком. Я ему и изволил сказать тихо, благородно: "Ваше превосходительство, говорю, потрудитесь вашу шапочку снять, потому, говорю, как здесь образ". Правильно ли я сказал?

П е р е д о н о в. Ловко, Павлушка, так ему и надо...

В а р в а р а. Конечно, что им спускать... Молодец Павел Васильевич...

В о л о д и н. А он вдруг изволил мне сказать: всякий сверчек знай свой шесток... Повернулся и вышел. Вот как все дело вышло, и больше никаких.

П е р е д о н о в. А что тебе твой инспектор-то сказал?

В о л о д и н. Извольте видеть, какой он свинья... Вдруг говорит мне: как вы могли, говорит, генералу такие слова сказать? За это, говорит, вам по морде следовало дать. Конечно, я человек маленький, и если он хочет, чтобы я пошел извиниться, то извольте я пойду, - но только такие слова произносить даже очень нехорошо, и совсем не делает ему чести.

П е р е д о н о в. Ну, на тебе карамельку. Соси, утешайся...

Входит Преполовенская и Грушина.

П р е п о л о в е н с к а я. Мир вам и мы к вам. Принимайте гостей.

Г р у ш и н а. Давно не виделись, по вас соскучились.

В а р в а р а. А, Софья Ефимовна, Марья Осиповна. Сколько лет, сколько зим...

П р е п о л о в е н с к а я. Здравствуйте, Варвара Дмитриевна. Здравствуйте, Ардальон Борисыч... Какие там зимы, - вчера в стуколку играли все вместе.

В а р в а р а. Да уж это так говорится, для приятного разговора.

П е р е д о н о в. Здравствуйте... Садитесь, кофе пейте с пирожками. Варя для меня пекла, да мне не жалко.

Грушина и Варвара отходят к сторонке и шепчутся.

П р е п о л о в е н с к а я. Что это вы, Павел Васильевич, зачастили к Варваре Дмитриевне?

В о л о д и н. Я не к Варваре Дмитриевне изволил прийти, а к Ардальону Борисычу.

П р е п о л о в е н с к а я. Уж не влюбились ли вы опять в кого-нибудь. Ведь вы все невесту с приданным ищите.

В о л о д и н. Если я влюбился, Софья Ефимовна, то это ни до кого не касается, кроме меня самого и той особы, а вы таким манером выходите в сторонке.

П р е п о л о в е н с к а я. Смотрите, влюбите вы в себя Варвару Дмитриевну, кто тогда Ардальону Борисычу сладкие пирожки станет печь.

Володин выпячивает губы, поднимает брови, и не знает, что сказать.

Преполовенская. Да вы не робейте, Павел Васильевич - чем же вы не жених... И молоды, и красивы...

Володин. Может быть, Варвара Дмитриевна и не захотят.

Преполовенская. Ну, как не захотят. Уж больно вы скромны некстати.

Володин. А может быть, и я не захочу. Я, может быть, и не хочу на чужих сестрицах жениться. У меня, может быть, на родине своя двоюродная племянница есть.

Варвара. Что вы меня сватаете: Софья Ефимовна... Вот вы лучше нашу меньшую Геничку за Павла Васильевича сватайте.

Преполовенская. Зачем же я стану его от вас отбивать?

Передонов. Хочешь, к Адаменковой барышне тебя посватаю. Или все еще по Марте скучаешь. Целый месяц утешиться не можешь.

Володин. Что ж мне по Марте скучаться? Я ей честь честью сделал предложение, а ежели она не хочет, то что же мне? Я и другую найду. Разве уж для меня и невест не найдется... Да этого добра везде сколько угодно.

Передонов. Да, а вот Марта натянула тебе нос.

Володин. Уж не знаю, какого жениха они ждут. Хоть бы приданое большое было, а то ведь гроши дадут. Это она в тебя, Ардальон Борисыч, втюрилась.

Передонов. А я бы на твоём месте ворота дегтем вымазал.

Володин. Если поймают, так неприятность может выйти.

Передонов. Зачем самому? Найди кого-нибудь.

Володин. И следует, ей Богу следует. Потому, как ежели она в законный брак не хочет вступить, а сама с молодыми людьми до зари прогуливаться изволит, то уж это что-ж. Уж это значит, - ни стыда, ни совести нет у человека.

Преполовенская. Хорошие у вас яйца. Где вы их достаете?

Передонов. Это еще что яйца, - а вот в нашем имении у отца курица по два крупных яйца в день круглый год несла.

Преполовенская. Что ж такое? Эка невидаль... Нашли, чем хвастать... вот у нас в деревне была курица, так та несла в день по два яйца и по ложке масла.

Передонов. Да, да, и у нас тоже. Если носят другие, так и она несла. У нас выдающаяся была.

Варвара, смеясь. Петрушку валяют.

Грушина. Уши вянут, такой вздор вы несете.

Передонов. А коли вянут, оборвать их надо.

Грушина. Ну, уж вы, Ардальон Борисыч, всегда такое скажете...

Все смеются.

Володин. Если у вас уши вянут, Марья Осиповна, то вам их оборвать надо, а то нехорошо, коли они у вас совсем завянут, и так станут мотаться, туда-сюда, туда-сюда.

Показывает пальцами.

Грушина. Ну, уж вы туда же, сами ничего придумать не умеете, на готовенькое проаживаетесь.

Володин. Я и сам могу, Марья Осиповна. А только как мы в компании у будущего инспектора приятно время проводим, то отчего же не поддержать чужую шутку. А если это вам не нравится, то как вам будет угодно. Как вы к нам изволите, так мы к вам изволим.

Преполовенская. Уж Павел Васильевич за себя постоит.

Грушина что-то тихо говорит Преполовенской и Варваре. Те смеются. Варвара, отрезав кусок булки, и заслушавшись, держит нож в руке. Острие сверкает. Недотыкомка выглядывает из-за двери и скрывается. Передонову страшно.

Передонов. Варвара, положи нож.

Варвара. Чего кричишь... Испугал... Ведь вы знаете, у него все привереды.

Грушина, *продолжая рассказ.* Она князю и кричит: здравствуй, Жанчик... Это на улице-то...

Передонов. А вот я на вас донесу... Разве можно про таких знатных лиц такие глупости болтать...

Грушина. Да ведь я что-ж... Мне так рассказывали знакомые в Питере. За что купила, за то и продаю.

Передонов, *Володину.* Что, брат, завидно, небось. Да вот ты не будешь инспектором, а я буду.

Володин. Всякому свое, Ардальон Борисыч. Вы в своем деле специалист, а я в своем.

Варвара. А Наташка-то наша нас прямо к жандармскому поступила.

Передонов. Врешь...

Варвара. Ну, вот чего мне врать... Хоть сам поди к нему, спроси...

Грушина. Верно, верно, Ардальон Борисыч... Я сама ее видела на базаре.

Передонов. Тварь подлая. Мы ее выгнали, - воровала сладкие пирожки. Теперь наскажет жандармскому, чего и не было. *С ужасом смотрит на полочку над комодом, где лежат сочинения Писарева и "Отечественные записки".* Книги эти надо спрятать, а не то на меня донесут. А я их и не читал.

Преполовенская. Зачем же вы их держите, Ардальон Борисыч?

Передонов. Мне читать некогда. Мне время дорого.

Варвара. Мы и газет не выписываем. Новости знакомые скажут. А газеты денег стоят. Лучше проесть.

Передонов, *подходя к полочке.* Уж у нас такой город - сейчас донесут. Помогика, Павлушка...

Володин. То есть, как это Павлушка? По дружбе или как?

Передонов. По дружбе, по дружбе, только иди скорей...

Володин. Ну, если по дружбе, то я рад, я очень рад. Ты хороший человек, Ардаша, и я тебя очень даже люблю. А если бы не по дружбе, то это был бы другой разговор. А если по дружбе, то я рад.

Подходит к Передонову с серьезным и понимающим видом, и осторожно принимает книги. Себе Передонов берет пачку поменьше. Володину дает побольше, и идет к печке, а Володин за ним.

Володин. Куда же вы их спрячете, Ардальон Борисыч?

Передонов. А вот увидишь...

Грушина. Что это вы поташили, Ардальон Борисыч?

Передонов. Строжайше запрещенные книги. Сошлют, коли увидят.

Присевши на корточки перед печкой, сваливает книги на железный лист. Володин делает то же. Оба запикивают книги в отверстие топки. Володин сидит на корточках рядом с Передоновым, немного позади, и сохраняет глубокомысленное выражение, с выпяченными из важности губами.

В а р в а р а. Пошел валять петрушку...

Г р у ш и н а. Ой, голубушка Варвара Дмитриевна, вы так не говорите. За это большие неприятности могут быть, если узнают. Особенно, если учитель.

П р е п о л о в е н с к а я. А что, Ардальон Борисыч, гимназисты-то у вас плохо себя ведут.

П е р е д о н о в. Директор распустил. Они и в церкви шалят. Он тут же стоит и не замечает.

П р е п о л о в е н с к а я. А уж особенно те, которые на квартирах. Курят, пьют водку, ухаживают за девчонками, - форменное безобразие...

П е р е д о н о в. Это верно...

Г р у ш и н а. Квартирные хозяйки им потакают. Я хотела держать у себя гимназистов, а директор не позволил, хоть и Ардальон Борисыч за меня просил... Об вас, говорит, дурная слава. А то-то у других прелестно.

В о л о д и н. Хозяйки все нехорошие. Вот хоть моя. У меня с ней был такой договор, когда я комнату нанимал, что она будет давать мне вечером по три стакана молока. Хорошо, месяц, другой, так мне и подавали.

П р е п о л о в е н с к а я. И вы не опились, Павел Васильевич?

В о л о д и н. Зачем опиваться? Молоко - полезный продукт, я и привык три стакана выпивать на ночь. Вдруг, вижу, приносят два стакана. Это, спрашиваю, почему? Прислуга говорит, - Анна Михайловна говорит, просят извинить, что коровка у них нынче мало молока дает. А мне что за дело... Уговор дороже денег... У них совсем коровка не даст молока, так мне и кушать не дадут. Ну, я говорю, если нет молока, то скажите Анне Михайловне, что я прошу дать мне стакан воды. Я привык кушать три стакана, мне двух стаканов мало.

П е р е д о н о в. Павлушка у нас герой. Расскажи, как ты с генералом сцепился.

В о л о д и н. Я это уж изволил рассказывать. А теперь мы лучше стенки попачкаем, - это веселее.

Все радостно принимаются пачкать стены. Плюют на обои, обливают их пивом, пускают в стены и потолок бумажные стрелы, запачканные на концах маслом, лепят на потолок чертей из жеваного хлеба. Слышен общий нестройный гул голосов, из которого иногда выделяются чьи-то восклицания и взвизгивания Недотыкомки: "Ловко... Знай наших... А ну, кто выше плюнет... На пятак... Моя взяла.. Господа, рви обои, кто длиннее вытянет. - Складывайтесь по пятаку... кто длиннее вытянет, тот получает".

П р е п о л о в е н с к а я, П е р е д о н о в у. Я ведь знаю ваш вкус. Вы ягастых не долюбиваете. Вам надо выбирать себе под пару, девицу в теле. Вот хоть мою Геничку возьмите.

Передонов отмалчивается. Володин много выпил, и вдруг загрустил.

В о л о д и н. И зачем она меня родила? И что она тогда думала? Какова моя теперь жизнь? Она мне не мать, а только родительница. Потому как настоящая мать заботится о своем детище, а моя только родила меня, и отдала на казенное воспитание с самых малых лет.

П р е п о л о в е н с к а я. За то вы обучились, вышли в люди.

В о л о д и н. Нет, уж какая моя жизнь... Самая последняя жизнь, и зачем она меня родила.. Что она тогда думала?

Между тем в гвалте и сумятице слышится порой тонкое взвизгивание, и Недотыкомка мелькает, дразнит Передонова, а сама прячется за людей.

Передонов, *Преполовенской*. На свою мать жалуется, зачем она его родила. Не хочет быть Павлушкой. Мне завидует. Хочет на Варваре жениться и в мою шкуру влезть. Хоть бы женить его на ком-нибудь. Варвара с Павлушкой снюхалась, - уж это я заметил. Меня с ней окрутят, а как поедем на инспекторское место, отравить ерлами, похоронит за Павлушку, а Павлушка будет инспектором. Ловко придумали... Да я не прост...

Преполовенская, *шепчет*. Плюньте на Варвару, женитесь на моей Геничке...

В передней слышен шум. Передонов уставляет в дверь прищуренные глаза. На его лице - выражение ужаса.

Варвара, *маша рукой*. Ш-ш.. Тише...

Варвара подкрадывается к двери в залу, едва приоткрывает ее, заглядывает, потом, на цыпочках, растерянно улыбаясь, возвращается к столу. Из передней доносятся визгливые крики и шум.

Варвара. Ершиха пьяная-распьяная - Клавдюшка ее не пускает, а она в залу так и прет.

Передонов. Как же быть?

Варвара. Пойду в залу, чтобы она сюда не залезла.

Варвара наливает большую рюмку водки, - ставит ее на поднос, набирает на тот же поднос пирожков и кое-какой закуски, выходит с этим подносом в залу, и прикрывает за собой двери. Из-за задней двери слышен крик хозяйки, Ершовой.

Ершова. Нет, ты меня за свой стол посади. Что ты мне выносишь на подносе? Я на скатерти хочу. Я - хозяйка домовая, так ты меня почти. Ты не гляди, что я пьяная. Зато я честная, я своему мужу жена. Сестра... Знаем мы, какая ты есть сестра... А отчего к тебе директорша не ходит? А?

Варвара. Да ты не кричи.

Ершова. Как ты можешь мне указывать? Я в своем доме. Что хочу, то и делаю. Не хочу пирожков, хочу барских жамочек. Скусные жамочки господу жрут, и - их вкусные.

Варвара. Нет у меня никаких жамочек. Вот дают тебе пирожки, так и жри.

Ершова. Дай дорожку, ехидина.

Врываются в столовую, с треском распахивая дверь. Останавливается близ пирога, видит испачканные обои, и пронзительно свистит. Подбоченивается, лихо отставляет ногу, неистово кричит.

Ершова. А, так вы в самом деле хотите съезжать?

Варвара. Что ты, Ирinya Степановна, мы и не думаем. Полно тебе петрушку валять.

Передонов. Мы никуда не уедем, нам и здесь хорошо.

Ершова подступает к Варваре, размахивая кулаками. Передонов держится позади Варвары.

Передонов, *Володину тихо*. Сейчас подерутся. Потеха...

Ершова. На одну ногу стану, за одну дерну, пополам разорву.

Варвара. Да что ты, Ирinya Степановна... Перестань... у нас гости.

Ершова. А подавай сюда гостей... Гости-то твоих мне и надобно.

Меня вдруг речь и обращение, Ершова низко кланяется Преполовенской, причем едва не падает.

Ершова. Барыня милая, Софья Ефимовна... Простите вы меня, бабу пьяную. А только, что я вам скажу, послушайте-ка. Вот вы к ним ходите, а знаете ли, что она про вас говорит. И кому, кому-же? Мне, пьяной сапожнице. Зачем? Чтобы я всем рассказала, вот зачем.

Варвара. Ничего я о тебе не говорила.

Ершова. Ты не говорила. Ты, кость поганая.

Варвара. Ну, замолчи.

Ершова. Нет, не замолчу. Что вы будто раньше таскались, а потом замуж вышли.

Преполовенская. Благодарю покорно, не ожидала.

Варвара, Ершовой. Врешь...

Ершова сердито гукает, топает и машет рукой на Варвару. Обращается к Преполовенской.

Ершова. Да и барин-то этот про вас, матушка-барыня, Софья Ефимовна, что говорит... Ведь эта с его слов печатает поганым языком. Вот они какие есть самые мерзкие люди. Плюньте вы им в морды, барыня хорошая, ничем с такими расподлыми людьми возжаться.

Преполовенская, вся раскрасневшаяся, молча идет к двери в прихожую. Передонов идет за ней. Ершова подходит к столу и пьет наливку.

Передонов. Она врёт, вы ей не верьте. Я только раз сказал при ней, что вы - дура, да и то со злости, а больше ей Богу, ничего не говорил. Это она сама сочинила.

Преполовенская. Да что вы, Ардальон Борисыч... Ведь я вижу, что она пьяная, сама не помнит, что мелет. Конечно, разве порядочный человек про своих знакомых такие вещи станет говорить... Только зачем вы ей все это позволяете в вашей квартире.

Передонов. Вот поди знай, что с ней сделаешь...

Ершова. Эй, барин... Пойдем на двор, спляшем, если вправду съезжать не хочешь.

Тащит Передонова за рукав. Выходят, оба стремительно, приплясывая.

Варвара, Преполовенской. Ведь вы знаете, какой он дурак, что говорит - сам не знает.

Преполовенская. Ну, полноте, что вы беспокоитесь.. Мало ли что пьяная баба сболтнет... *Подходит к окну. Улыбается.* Да никак они пляшут... Ардальон-то Борисыч с Ершихой... На дворе вокруг груши...

Все в комнате смеются. Преполовенская открыла окно. Слышно, как Ершова, развеселившись, кричит во все горло.

Ершова, со двора Варваре. Эй ты, фря... Выходи плясать... Ай гнушаешься нашей компанией...

Варвара. Этакая язва поганая...

Ершова. Чорт с тобой... Уморилась... Посидим, барин, на травке, потом опять попляшем.

Володин. Эк их разбирает... Потеха...

В а р в а р а. Стерва проклятая... Муж у нее колпак, - прибил бы хорошенько...

В о л о д и н. Погоди же, хозяйюшка любезная, я тебе удружу... Давайте еще пачкать... Теперь уж все равно... сегодня сюда не вернется, - упаточится там на травке, пойдет спать.

Заливается блеющим смехом, прыгает бараном.

П р е п о л о в е н с к а я. Конечно, пачкайте, Павел Васильевич... Что ей в зубы смотреть... если и придет, так ей можно будет сказать, что это она сама с пьяных глаз так отделала.

Володин с хохотом принимается неистово прыгать вдоль стен, попирает их подошвами, и весь сотрясается при этом. Его визг и хохот наполняют весь дом. Входит Передонов.

П е р е д о н о в. Отвязалась. Пошла спать.

В о л о д и н. Еще напачкали. Ура...

В с е. Ура... Ура...

П е р е д о н о в. Павлушка, давай плясать...

В о л о д и н. Давай, Ардалоша...

П е р е д о н о в. Клавдюшка, верти аристон.

Входит Клавдия. С угрюмым выражением на лице вертит аристон. Передонов и Володин пляшут, нелепо вскидывая ноги.

П р е п о л о в е н с к а я. Расплясался, Ардальон Борисыч.

В а р в а р а. Уж и не говорите, - у него все причуды. Он у меня молодец и красавец.

П е р е д о н о в. Кадриль... Павлушка, бери даму. Приглашай Софью Ефимовну. А я с Марьей Осиповной.

В а р в а р а. Чего только не придумают.

Танцуют, - Передонов с Грушиной, Володин - с Преполовенской. Кричат, хохочут, дурачатся. Варвара в глубине комнаты приплясывает одна. из-за подола ее юбки порою, то справа, то слева, мелькает Недотыкомка, слегка повизгивая.

Г р у ш и н а. Ой, батюшка, голова закружилась. Не могу большс...

П е р е д о н о в. Ну, будет... Клавдюшка, убирайся. Ждет, пока закроется дверь за Клавдией, потом вытаскивает бумажник, отсчитывает несколько кредиток, и бросает их Варваре. Бери деньги, Варвара, шей себе платье. А мы с Павлушкой на бильярд пойдем играть.

Варвара подбирает разлетевшиеся по полу кредитки.

П р е п о л о в е н с к а я, тихо Володину. Эта на какое же платье так расщедрился Ардальон Борисыч?

В о л о д и н, тихо. Я так понимаю, что на подвенечное.

П р е п о л о в е н с к а я, тихо. Ну, это мы еще посмотрим, чья возьмет. Варваре. Пора уж и мне к домам, Варвара Дмитриевна.

В а р в а р а. Что ж так торопитесь... Посидели бы еще.

П р е п о л о в е н с к а я. Нельзя. Муж скоро придет, ждять будет.

Уходит Преполовенская, Передонов и Володин, а за ними, провожая их, и Варвара. За сценою слышны голоса. Грушина, оставшись одна, подходит к столу, и напихивает себе в

карманы, что попало: сахар, пирожки, куски колбасы... Потом отходит к окну. Входит Варвара.

В а р в а р а. Уж так я рада, что вы пришли, Марья Осиповна. Садитесь, кушайте. Налю уж я себе кофейку за компанию.

Г р у ш и н а. За компанию жид удавился.

В а р в а р а. Мой-то гусь опять был у Марфушки.

Г р у ш и н а. Это они его ловят. Еще бы... Жених-то хоть куда, особенно ей-то, Марфушке. Ей такого и во сне не снилось.

В а р в а р а. Уж и не знаю, право, как и быть. Ершистый такой стал, что просто страх. Поверите ли, голова кругом идет. Женится, а я на улицу ступай.

Г р у ш и н а. Что вы, голубушка, Варвара Дмитриевна, не думайте этого. Никогда он ни на ком, кроме вас, не женится. Он к вам привык.

В а р в а р а. Уйдет иногда к ночи, а я уснуть не могу. Кто его знает. Может быть, венчается где-нибудь. Иногда всю ночь так и промаешься. Все на него зарятся, - и Рутинские три кобылы, - ведь они всем на шею вешаются, - и Генька толсторожая. Преполовенчиха все вертится у нас. Так и мучит.

Г р у ш и н а. Ершиха-то ей сегодня как вывезла...

В а р в а р а. Ну, что ей, бесстыжей... Ей плюнь в глаза, оботрется, скажет, - Божья роса. Все старается поссорить меня с Ардальоном Борисычем. Володина подговаривает за меня свататься. А с чего я за Павлушку пойду. Он дурак, да и получает вчетверо меньше Ардальон Борисыча. Это все, чтоб свою сестрицу Геньку спихнуть за моего.

Г р у ш и н а. Да вы бы его окрутили поживее.

В а р в а р а. Мой-то дурак Ардальошка требует, чтобы я опять княгине Волчанской написала. Она, вы знаете, еще в прошлом году писала, что не станет за жениха просить, а только когда повенчается. То же и сама мне летом сказала, когда я к ней ходила. Да и то, как она обещает... При случае, мол, попрошу. Моему-то сокровищу этого мало. А чего я ей попусту писать стану. Она и не ответит, или ответит неладное. Знакомство-то не больно велико. Что домашней-то портнихой я у нее жила... Уж я на вас, как на каменную гору надеюсь. Помогите мне, голубушка, Марья Осиповна.

Г р у ш и н а. Да как же я могу помочь, душечка Варвара Дмитриевна. Уж вы знаете я для вас все готова сделать что только можно. Поворожу, не хотите ли?

В а р в а р а. Ну, что ваша ворожба. Знаю я... Нет, вы должны иначе помочь.

Г р у ш и н а. Как же?

В а р в а р а. Очень просто. Вы напишите письмо, будто бы от княгини, под ее руку, а я покажу Ардальон Борисычу.

Г р у ш и н а. Ой, голубушка, что вы... Как это можно... Как узнают все это дело, что мне тогда будет.

В а р в а р а. Вот я вам и письмо княгинино дам для образца.

Г р у ш и н а. Уж, право, не знаю. Как же это так. За подлог в тюрьму сажают.

В а р в а р а. Да уж я вам шелковое платье подарю мое старое. Вы мне только это сделайте.

Г р у ш и н а. Ну да уж ладно. Уж только что мне вас жалко. Была не была - рискну.

Берет письмо.

В а р в а р а. Уж я вам буду так благодарна...

Г р у ш и н а. Душенька Варвара Дмитриевна, какую я вам новость скажу... Вы просто ахнете.

В а р в а р а. Ну, какая там новость...

Г р у ш и н а. Нет, только подумайте, какие есть на свете низкие люди... На такие шутки идут, чтобы достичь своей цели...

В а р в а р а. Да в чем дело-то?

Г р у ш и н а. Да уж не знаю - говорить ли вам, вы, голубушка Варвара Дмитриевна, не тревожьтесь, - они ничего не успеют.

В а р в а р а, *испуганно.* Да что такое? Говорите, не мучьте.

Г р у ш и н а. Знаете, нынче поступил в гимназию прямо в пятый класс, один гимназист, Пыльников, будто бы из Рубани, потому что его тетка в нашем уезде имение купила, так вот он будто бы из той гимназии сюда и перевелся... к тетке поближе.

В а р в а р а. Ну, знаю, видела. Как же, если они с теткой приходили. Такой смазливый мальчишка, на девчонку похож и все краснеет.

Г р у ш и н а. Голубушка Варвара Дмитриевна, как же ему не быть похожим на девчонку, - ведь это и есть переодетая барышня...

В а р в а р а. Да что вы...

Г р у ш и н а. Нарочно это они так придумали, чтобы Ардальона Борисыча подловить. Видите ли, у этой барышни есть двоюродный брат, сирота, - он и учился в Рубани. Так мать-то этой барышни его из гимназии и взяла, я по его бумагам барышня сюда и поступила. И вы заметьте, они его поместили на квартире, где других гимназистов нет. Он там один, так что все шито крыто, думали, останется.

В а р в а р а. А вы как же узнали?

Г р у ш и н а. Голубушка Варвара Дмитриевна, слухом земля полнится. И так сразу стало подозрительно: все мальчишки, как мальчишки, а этот тихоня - ходит, как в воду опущенный... А по роже посмотреть, - молодец молодец должен быть, румяный, грудастый. И такой скромный - товарищи замечают, - ему слово скажут, а он уж и краснеет. Они его и дразнят девчонкой. Только они думают, что это так, чтобы посмеяться, не знают, что это правда. И представьте, какие они хитрые... ведь и хозяйка ничего не знает...

В а р в а р а. Как же вы-то узнали?

Г р у ш и н а. Голубушка Варвара Дмитриевна, чего я не узнаю... Я всех в уезде знаю... Как же, ведь это всем известно, что у них еще мальчик дома живет, таких же лет, как этот. Отчего же они не отдали их вместе в гимназию. Но все это вздор, это-то и есть и гимназист. И опять же известно, что у них была барышня, а они говорят, что она замуж вышла и на Кавказ уехала. И опять врут, - ничего она не уехала, а живет здесь под видом мальчика.

В а р в а р а. Да какой же им расчет...

Г р у ш и н а. Как какой расчет? Подцепить кого-нибудь из учителей. Мало ли у вас холостых... А то и так кого-нибудь. Под видом-то мальчика, она может и на квартиру прийти, и мало ли что может.

В а р в а р а. Смазливая девчонка-то...

Г р у ш и н а. Еще бы писаная красавица... Это она только теперь стесняется, а погодите, попривыкнет, разойдется, так она тут всех в городе закружит. И представьте, какие они хитрые. Я, как только узнала об этих делах, сейчас же постаралась встретиться с его хозяйкой... - или с ее хозяйкой, - уж как и сказать то, не знаешь.

В а р в а р а. Чистый оборотень... Тьфу... Прости Господи...

Г р у ш и н а. Пошла я ко всеношной в их приход, к Панителеймову. А она богомольная. Ольга Васильевна, говорю, отчего это у вас нынче только один гимназист жи-

вет. Ведь вам, говорю, с одним не выгодно. А она и говорит: да на что, говорит, мне больше, суета с ними. Я и говорю: ведь вы, говорю, в прежние годы все двух трех держали. А она и говорит, - представьте, голубушка Варвара Дмитриевна... - да они, говорит, уж так и условились, чтобы Сашенька один у меня жил. Они, говорит, люди не бедные, заплатили побольше, а то они, говорит, боятся, что он с другими мальчиками избалуется. Каково?

В а р в а р а. Вот-то пройдохи... Что ж вы ей сказали, что девчонка...

Г р у ш и н а. Я ей говорю: смотрите, говорю, Ольга Васильевна, не девчонку ли вам подсунули вместо мальчика?

В а р в а р а. Ну, а она что?

Г р у ш и н а. Ну, она думала, что я шучу, смеется. Тогда я посерьезнее сказала, - голубушка Ольга Васильевна, говорю, знаете, ведь говорят, что это девчонка. Но только она не верит. Пустяки, говорит, какая же эта девчонка? Я ведь, говорит, не слепая.

В а р в а р а. Да что же это такое? Совсем вы меня расстроили, Марья Осиповна...

Г р у ш и н а. Душенька, Варвара Дмитриевна, не бойтесь... мы ее выведем на свежую воду.

Внезапно раздается сильный стук палкою в окно. Обе вздрагивают. Рама окна распаивается. Слышен голос Передонова: "Варвара, дай денег. - У меня все вышли".

В а р в а р а, *ворчит.* Чорт проклятый, епитоха... Проигрался опять...

Действие второе

Городской сад. Слева беседка. Справа в глубине терраса ресторана. Посредине на аллее скамейка. На скамейке сидят Передонов, Рутлов и его сестры: Дарья, Людмила и Валерия. Передонов в застегнутом на все пуговицы пальто.

Рутлов. Что это ты, Ардальон Борисыч, нынче в фуражке с кокардою щеголяешь? Вот что значит, в инспектора-то метит человек.

Валерия. Вам теперь солдаты должны честь отдавать.

Передонов. Ну, вот глупости какие...

Дарья. Ты ничего не понимаешь, Валерочка... Какие же солдаты? Теперь только от гимназистов Ардальон Борисычу почтения гораздо больше будет, чем прежде.

Людмила, со смехом. Это за кокарду-то?

Передонов. Сама княгиня Волчанская обещала Варе, когда мы нынче ездили в Петербург. Уж это наверное. Как только, говорит, выдете за него замуж, так я ему сейчас же и выхлопочу место инспектора...

Людмила. Да как же вы на Варваре Дмитриевне женитесь. Ведь она вам сестра... Разве новый закон вышел, что и на сестрах венчаться можно.

Передонов. Она мне троюродная.

Рутлов. Да тебе самому княгиня обещала?

Передонов. Не мне, а Варе.

Рутлов. Ну вот, а ты и веришь. Сказать все можно. А ты сам отчего к княгине не явился?

Передонов. Пойми, что сначала Варя одна ходила, а потом мы вместе пошли, да не застали княгиню, всего на пять минут опоздали. Швейцар сказал, она в деревню уехала, через три недели вернется. А мне никак нельзя было ждать, - сюда надо было ехать к экзаменам.

Рутлов. Сомнительно что-то. Давно уж мы эти сказки слышали, а все толку нет никакого.

Сестры перешептываются и уходят.

Передонов. Конечно, я на всякой могу жениться, на какой захочу. Не одна мне Варвара.

Рутлов. Само собою... За тебя, Ардальон Борисыч, всякая пойдет.

Передонов. Только вот княгиня как же. Она разозлится, если я Варвару брошу.

Рутлов. А пусть княгиня тебе сначала место даст. Окрутиться всегда успеешь. А то как же зря, ничего не видя.

Передонов. Это верно. Я уж это Варваре говорил.

Рутлов. Ну, что ж она?

Передонов. Она говорит, что нельзя. Венчаться сначала надо. Иначе княгиня не согласна.

Рутлов. Ну, это твоя Варвара придумывает. Очень надо княгине все это разбирать... Нет, ты на своем настаивай. Место получишь, а потом и венчайся, с кем вздумаешь. Вот ты лучше из моих сестер выбирай. Барышни образованные, умные. Твоя Варвара им и в подметки не годится.

Передонов. Ну?

Р у т и л о в. Да уж верно. Всякие барышни, живые и веселые. Да и молоденькие, - самая старшая втрое моложе твоей Варвары Дмитриевны.

П е р е д о н о в. Ну, уж и втрое???

Р у т и л о в. Смотри не зевай, пока я жив, здоров и отсюда не уехал. Я тебя всегда моим сестрам нахваливаю. Я их так к тебе расположил, что каждая из них за тебя пойдет, если ты хоть немножко поухаживаешь. Теперь ты со своей Варварой попустился немножко, - бороду не подстригаешь, в мелочной лавочке духи покупаешь, так что они у тебя керосином пахнут, вот пуговица одна на ниточке висит. А если хоть чуть подтянешься, тряхнешь стариной, так в нашем городе лучше тебя и жениха не сыскать.

П е р е д о н о в. Да, в меня здесь все влюбляются.

Р у т и л о в. Ну, все не все. Вот ты и лови момент...

П е р е д о н о в. Мне бы, главное, не хотелось, чтобы она была сухопарая. Жирненькую бы мне...

Р у т и л о в. Да уж на этот счет ты не беспокойся. Они и теперь барышни пухленькис, а если не совсем вошли в объем, так это только до поры до времени. Выйдут замуж, и они раздобрют, как Лариса.

П е р е д о н о в. Да я бы, пожалуй, на твоей сестре женился, да боюсь, что Варя большой скандал устроит.

Р у т и л о в. Боишься скандала, так ты где-нибудь за городом венчайся, и никому ничего не говори. Явишься в один прекрасный день с молодой женой домой, и вся недолга. Хочешь, я это тебе устрою. С какую хочешь? Уж я любую уговорю. *Передонов хохочет.* Ну, идет, по рукам, что ли?

П е р е д о н о в. Донесет мерзавка.

Р у т и л о в. Ничего не донесет... Нечего доносить.

П е р е д о н о в. Или отравит.

Р у т и л о в. Да уж ты во всем на меня положишься. Я все так тонко обстрою тебе, что комар носу не подточит.

П е р е д о н о в. Я без приданого не женюсь.

Р у т и л о в. Чудак, да разве они бесприданницы? Ну, говори, которую же хочешь?

П е р е д о н о в. Уж выбирать, так Валерию. Мне надо самую молоденькую. Не на перестарке же мне венчаться.

Р у т и л о в. Перестарков у нас нет. Ладно, Валерию хочешь, так Валерию тебе высватаю. Она цветы любит. Вот мы зайдем в садоводство, нам цветов нарежут, букет свяжут, я от тебя Валерии поднесу. А то ты сам.

П е р е д о н о в. Тоненькая, субтильная... *Сосет карамельки.* Только ведь она - кокетка. Потребуется нарядов, обстановки.

Р у т и л о в. Так что ж? Не век тебе по-свински жить?

П е р е д о н о в. Я копил, а она живо растранижит. Да еще станет привередничать.

Р у т и л о в. Выдумал. Они у меня не избалованные девицы, с чего ей привередничать...

П е р е д о н о в. А за кухней, пожалуй, и не доглядит. А на кухне подсыпят мне яду, - Варя со злости подкупит кухарку.

Р у т и л о в. Придумал?

П е р е д о н о в. Уж слишком тонкая штучка - твоя Валерия... К ней не будешь и знать, как и подступиться. Как ее обругаешь...

Р у т и л о в. Да зачем тебе ее ругать...

Передонов. Иногда нельзя не обругаться. На службе неприятность получишь, придешь домой, а тут щи не досолены, жаркое пережарено, - как же не обругаться. Я всегда, как домой прихожу, сердитый бываю.

Рутилов. Это оттого, что твоя Варя не умеет дом поставить на приличную ногу.

Передонов. Твою Валерию, как толкнешь. Как на нее плюнешь. Изойдет слезами, осрамит на весь город.

Рутилов. Да зачем тебе ее толкать. Зачем на нее плевать?

Передонов. Нет, я свою Варю поколачиваю. А то и в морду ей плюну.

Рутилов. Мои сестры до этого себя не доведут.

Передонов. Нет, страшно с ней связываться. Вот Людмила так та проще. Не взять ли ее?

Рутилов. Ну что ж, бери Людмилу.

Передонов. Она веселая, слобная. В моем вкусе.

Рутилов. Людмила духи любит. Зайдем к Самсонову, я тебе помогу выбрать лучше флакон духов, - уж я знаю, какие ей понравятся. Ты и поднесешь.

Передонов. Только уж очень она любит хохотать. Засмеет, пожалуй.

Рутилов. Ну, вот выдумал тоже... Тебе с ней превесело будет.

Передонов. Я боюсь, когда надо мною смеются.

Рутилов. Да она не над тобою будет смеяться.

Передонов. Нет, страшно. Дарья, хоть и бойкая, а все же посolidнее и потише. А тоже красивая. Лучше взять ее.

Рутилов. Ну, ладно, Дарья сладкое любит. Зайдем к Пастухову, купим ей ананас.

Передонов. Только уж очень она быстрая и дерзкая.

Рутилов. Да, она долго думать не любит, и себя в обиду не даст.

Передонов. Она меня затормошит. И что я тут с тобою путаюсь... Пойдем лучше на бильярд играть. А жениться на Дарье я не хочу. Затормошит она меня.

Рутилов. Да, что ты, Ардальон Борисыч. Ведь ты уж совсем решился.

Передонов. У быка есть рога.

Рутилов. Ну, есть, так что же из этого?

Передонов. Ну, а я не хочу быть быком.

Рутилов. Ты, Ардальон Борисыч, и не будешь никогда быком, потому что ты - форменная свинья.

Передонов. Врешь...

Рутилов. Нет, не вру, и могу доказать.

Передонов. Докажи.

Рутилов. погоди, докажу.

По алее с визгом пробегают Недотыкомка. Передонов вздрагивает.

Передонов. Ты меня нарочно сегодня над дурманом водил, одурманил, чтобы с сестрами окрутить. Мало мне одной ведьмы, - на трех разом венчаться.

Рутилов. Чудород... Да как же я-то не одурманился?

Передонов. Ты средство знаешь. Ты, может быть, через рот дышал, а в нос не пускал. Или слова такие говорил. А я ничего не знаю.

Рутилов. Ардальон Борисыч, а у тебя есть пятак?

Передонов. Есть, да тебе не дам.

Рутилов, с хохотом. Если у тебя есть пятак, так как же ты не свинья.

Недотыкомка, пробегая мимо. Свинья, свинья, свинья.

Передонов, *в ужасе хватаясь за нос, бормочет.* Врешь... Какой у меня пятак... У меня человечья харя.

Рутлов. Что ты за Варвару так уцепился. Ты думаешь, хорошо тебе будет, если через нее ты получишь место. Она тебя оседлает.

Передонов. Врешь. Ведь она для себя старается. Вот только я боюсь, что она потом с Павлушкой спутается. Она мне завидует. Вот ты за него сосватай свою сестру.

Рутлов. Мои сестры - барышни с гонором: Они за столяра не пойдут.

Передонов. Он не просто столяр. Он - учитель ручного труда. Да мне все равно, за кого его сосватать. Только бы он против меня не злоумышлял. Адаменко за него пойдет, как ты думаешь?

Рутлов. Ну, едва ли?

Передонов. Что мы тут сидим на одном месте... Еще простудишься пожалуй. Пойдем пиво пить.

Уходят в ресторан; по аллее тихо проходят Варвара и Грушина.

Грушина. Уж я для вас расстаралась. Никто не различит. Совсем княгинин почерк.

Варвара. Ну вот, наконец-то. А то я уж ждала. Ждала, да и жданки потеряла. А только как же конверт? Если он спросит, что я скажу?

Грушина. Да уж конверта нельзя подделать - штемпеля.

Варвара. Так как же?

Грушина. Душечка, Варвара Дмитриевна, да вы скажите ему, что конверт в печку бросили. На что нам конверт?

Варвара. Только бы он повенчался. Тогда уж я не стану для него бегать. Нет, я буду сидеть, а он пусть для меня побегает.

Грушина. Вот нагуляете тогда жиру, - ведь он любит жирненьких.

Из ресторана выходят Передонов и Скучаев, разговаривая, тихо проходят по аллее взад и вперед, и потом садятся на скамейку.

Передонов. У меня к вам есть дело.

Скучаев. С удовольствием. Чем могу служить?

Передонов. Вы, Яков Аникиевич, как городской голова, первое лицо в городе, так мне надо поговорить с вами. Про меня в городе всякий вздор мелют, чего и не было, наплетут.

Скучаев. На чужой роток не накинешь платок. А впрочем, в наших палестинах, известно, кумушкам что и делать, как не язычки чесать.

Передонов. Говорят, что я в церковь не хожу, а это неправда. Я хожу. А что на Ильин день не был, так у меня тогда живот болел, а то я всегда хожу.

Скучаев. Это точно. Это могу сказать, - случилось вас видеть. А впрочем, ведь я не всегда в вашу церковь хожу. Я больше в монастырь езжу. Так уж это у нас в роду повелось.

Передонов. Всякий вздор мелют. Говорят, будто я и гимназистам гадости рассказываю. А это вздор. Конечно, иногда расскажешь на уроке что-нибудь смешное, чтобы оживить. У вас у самого сын гимназист... Ведь он вам ничего такого про меня не рассказывал?

Скучаев. Это точно, ничего такого не было. А впрочем, ведь они мальчишки прехитрый народ, - чего не надо, того и не скажут. Оно, конечно... мой еще мал, сболтнул бы по глупости, - однако, ничего такого не сказывал.

Передонов. Ну, а в старших классах они сами все знают. Да я и там худых слов не говорю.

Скучаев. Уж это такое дело... Известно - гимназия - не базарная площадь...

Передонов. А у нас уж такой народ - того наблекочут, чего и не было. Так вот я к вам обращаюсь, - вы городской голова. И еще про меня худо говорят, что я с Варварой живу. Говорят, что она мне не сестра, а любовница... А она мне, ей Богу, сестра, только дальняя, четвероюродная. На таких можно венчаться. Я с ней и повенчаюсь.

Скучаев. Так-с, так-с, конечно. А впрочем, венец делу конец.

Передонов. А раньше нельзя было. У меня важные причины были. А я бы давно повенчался. Уж вы мне поверьте.

Скучаев. Я вам верю. Если так, то это действительно другой разговор. А то, признаться сказать, сомнительно было, как это вы с вашей, с позволения сказать, подругой, не венчавшись, живете. Оно сомнительно, знаете потому - ребятенки - острый народ: они перенимают, если что худое. Доброму их трудно научить, а худое само. Так оно, точно сомнительно было. А впрочем, кому какое дело, - я так об этом сужу. А что вы ко мне обращаетесь, так это мне лестно, потому что мы хоть и лыком шиты, дальше уездного училища свету не видали, ну, а все-таки, почтен доверием общества, третий срок головой хожу, так мое слово у господ горожан чего-нибудь да стоит.

Передонов. Вы - городской голова, так вы можете сказать, что все это вздор.

Скучаев. То есть это на счет чего же?

Передонов. А вот, если в учебный округ донесут, что я в церковь не хожу, или так другое что; так вот, если приедут и спрашивать будут.

Скучаев. Это мы можем. Это уж вы во всяком случае будьте благонадежны. Если что, так уж мы за вас постоим, - отчего же за хорошего человека слова не замолвить. Хоть адрес вам от думы поднесем, если понадобится. Это мы все можем, или примерно, звание почетного гражданина, - отчего же? Понадобится - все можно.

Передонов. Так уж я буду на вас надеяться. А то директор все меня притесняет.

Скучаев. С-с... скажите... Не иначе, как так надо полагать, что по наговорам. Николай Васильевич, кажется, основательный господин, - даром никого не обидит. Как же, по сыну вижу. Серьезный господин, строгий, поблажки не дает, и различек не делает, - одно слово основательный господин. Не иначе, что по наговорам. С чего же у вас с ним контры?

Передонов. Мы с ним во взглядах не сходимся. И у меня в гимназии есть завистники. Все хотят быть инспекторами. А мне княгиня Волчанская обещала выхлопотать инспекторское место. Вот и злятся от зависти.

Скучаев. Так-с, так-с... А впрочем, что же это мы сухопутный разговор делаем... Пойдемте посидимте на террасе, чего-нибудь выпьем, да закусим. Вот там Андрей Петрович сидит, - он вам что-нибудь под рифму скажет. *Идут с Передоновым на террасу ресторана.* А вам бы в другое ведомство перейти следовало.

Передонов. В какое же ведомство? Если бы у меня протекция была.

Скучаев. Хоть бы в духовное, например. Андрею Петровичу, наше нижайшее.

Здоровается с Тишковым.

Т и ш к о в. Слышу приятные слова, - идет городской голова. Якову Аникиевичу нижайшее почтение, просим принять наше угощение. Желая здравия г-ну учителю, лености гонителю, шалунов мучителю. Эй, малый...

С к у ч а е в. Постой, постой, хлеб соль вместе, водочка врозь. Малый, подвинься-ка ты ко мне. *Тихо заказывает что-то официанту; тот уходит и через несколько времени возвращается с водками и закусками.* Так вот, Ардальон Борисыч, в духовное бы вам. Если взять духовный сан, то священник из вас вышел бы серьезный, обстоятельный. Я могу посодействовать. У меня есть преосвященные хорошие знакомые.

П е р е д о н о в. Нет, я не хочу в попы, я ладону боюсь. Меня тошнит от ладона, и голова болит.

С к у ч а е в. В таком разе в полицию тоже хорошо. Поступите, например, в станочные. На вас, позвольте узнать, какой чин?

П е р е д о н о в. Я статский советник.

Т и ш к о в. Статский заливчатский, выпьем.

С к у ч а е в. Вот как... Скажите, какие вам большие чины дают. И это за то, что ребят обучаете?

Т и ш к о в. Ребят обучаете и чины хватаете.

С к у ч а е в. Скажите, что значит наука. А впрочем, хотя по нынешним временам иные господа нападают на науку, а без науки не проживешь. Вот я сам, хоть только в уездном учился, а сына в университет направлю.

Т и ш к о в. Направляет сына к получению чина, - вот и выпить причина.

С к у ч а е в. Через гимназию, известно, почти силком ведешь прутком, а там и сам пойдет. Я его, знаете, сечь никогда не секу.

П е р е д о н о в. Балуете его.

С к у ч а е в. Нет, зачем баловать. Как только он у меня заленится, или как в чем проштрафится, возьму его за плечи, подведу к окну, - там у нас в саду березы стоят. Покажу ему березу, - это, говорю, видишь? Вижу, папенька, вижу, говорит, больше не буду. И точно, помогает, заправится мальчуган, будто его и в самом деле постегали. Ох, дети, дети...

Т и ш к о в. Есть дети, что хорошо и без плети. Учитель, по такой причине выпьем.

П е р е д о н о в. Я еще одну выпью, только мне уж пора идти.

С к у ч а е в. Не торопитесь, посидите.

Т и ш к о в. Посидите, компанию поддержите.

П е р е д о н о в. Нет, мне пора.

Т и ш к о в. Ему пора, - ждет сестра.

П е р е д о н о в. У меня дела.

Т и ш к о в. У кого дела, тому от нас хвала.

С к у ч а е в. Не смею задерживать.

Передонов уходит.

С к у ч а е в, *Тишкову.* Зря болтают на человека...

Т и ш к о в. Зря болтают, правды не знают.

С к у ч а е в. Он ничего, парень душевный и выпить не дурак.

Т и ш к о в. Если выпить не дурак, значит, парень так и сяк.

С к у ч а е в. А что с мамзелью вяжется, так это что же?

Т и ш к о в. От мамзели клопы в постели.

С к у ч а е в. Кто Богу не грешен, царю не виноват.

Т и ш к о в. Все грешим, все любить хотим.

С к у ч а е в. А он хочет грех венцом прикрыть.

С к у ч а е в. Грех венцом прикроют, подерутся и завоюют.

С к у ч а е в. Как он ко мне подошел, я было думал, будет в долг просить: дал бы, но не больше полутораэта. А впрочем, не просил.

Т и ш к о в. Денег не просил, деликатно укатил.

С к у ч а е в. А впрочем, ровно бы мы с ним из пустого в порожнее переливали. Беда с этими учеными, - не поймешь их; в книгах-то ему все ясно, а вот как из книги нос вытащит, так и сам завязнет, и других завязит.

Т и ш к о в. Сам завязнет, и других соблазнит.

С к у ч а е в. А не пора ли к домам?

Т и ш к о в. Вы по домам, и мы по вашим стопам.

Скучаев подзывает официанта, расплачиваются и уходят. Передонов, возвращаясь из-за беседки, встречается с городовым, который лениво плетется по аллеям. Передонов вздрагивает, так что чуть-чуть не роняет папиросу, которую собирался закурить. Робко подходит к городовому.

П е р е д о н о в. Г-н городской, здесь можно курить?

Г о р о д о в о й. Т.е., ваше благородие, это на счет чего?

П е р е д о н о в. Папиросочку, вот одну папиросочку можно выкурить?

Г о р о д о в о й. Насчет этого никакого приказания не было.

П е р е д о н о в. Не было?

Г о р о д о в о й. Никак нет, не было. Так что, господа, которые курят, это не велено останавливать, а чтобы раз решение вышло, об этом не могу знать.

П е р е д о н о в. Если не было, так я и не стану. Я - человек благонамеренный. Я даже папироску брошу. Ведь я - статский советник.

Комкает папиросу, бросает ее на землю и поспешно отходит от городского. из-за угла беседки слышится блеющий смех Володина. Володин догоняет Передонова.

В о л о д и н. Ардальон Борисыч... Будущий инспектор... то-то я смотрю, кто это знакомый с фараоном разговаривает. Со спины как будто будущий инспектор. Подхожу, - так и есть. Здравствуйте, Ардальон Борисыч.

Пока он говорит, Недотыкомка юлит около его ног. Передонов тупо смотрит на Володина.

П е р е д о н о в. Что ты лягаешься, Павлушка?

В о л о д и н. Я не лягаюсь, Ардальон Борисыч, а здороваюсь с вами за руку. Это, может быть, у вас на родине ногами лягаются, да и то не люди, а, с позволения сказать, лошадки.

П е р е д о н о в. Еще боднешь, пожалуй.

В о л о д и н. У меня, Ардальон Борисыч, еще рога не выросли, а это, может быть, у вас рога вырастут раньше, чем у меня.

П е р е д о н о в. Язык у тебя длинный, мелет, чего не надо.

В о л о д и н. Если бы так, Ардальон Борисыч, то я могу и помолчать.

П е р е д о н о в. Что это у тебя котелок на затылке?

В о л о д и н. Так как тепло, Ардальон Борисыч, то я его и не надвигаю на лоб. А знаешь, что я тебе скажу, Ардальон Борисыч? Я уговорил Черепнина, и он на днях вымажет Марте ворота дегтем.

Передонов молчит, соображает что-то, потом вдруг угрюмо хохочет. Володин перестает осклабляться, принимает скромный вид, поправляет котелок, поглядывает на небо и помахивает тросточкой.

В о л о д и н. Хорошая погода, а к вечеру, пожалуй, дождик соберется. Ну, и пусть дождичек, - а мы с будущим инспектором дома посидим.

П е р е д о н о в. Не очень-то мне дома сидеть можно. У меня нынче дела, надо в город ходить. Визиты делать. А то на меня врут. Я ко всем важным лицам схожу. С городским головой я уж говорил. Он за меня.

В о л о д и н. У меня, Ардальон Борисыч, нынче тоже есть дела. Я Мишеньке Адаменко нынче уроки изволю давать по ручному труду. 30 целковых в месяц, позвольте вас поблагодарить за вашу рекомендацию.

П е р е д о н о в. 30 рублей с тебя много. Ну да уж ладно, получай, только мне не завидай.

В о л о д и н. Они барышня богатая, и заплатить могут. Завтра я им покажу рисунки для рамок, очень изящные, они мне, может быть, закажут. А может быть, и кофейком угостят.

П е р е д о н о в. Вот погоди, приду к ней тебя сватать. Только ты и сам не зевай.

В о л о д и н. Барышня со мною даже очень любезна, и я так понимаю, что я ей понравился.

Радостно смеется и прыгает.

П е р е д о н о в. Не лягайся... Распрыгался, как баран. Погоди еще, натянут тебе нос. А вот инспектор народных училищ идет, надо ему сказать кое про кого.

Уходит влево. Володин садится на скамейку, Передонов скоро возвращается с Богдановым.

П е р е д о н о в. У вас одна учительница в красной рубашке ходит.

Б о г д а н о в. Что, что вы говорите? Кто, кто такая?

П е р е д о н о в. Да вот горластая-то, толстуха-то эта, как фамилия, не помню.

Б о г д а н о в. Горластая. Горластая - это Скобочкина, да?

П е р е д о н о в. Ну вот, эта самая.

Б о г д а н о в. А как же, как же так? Скобочкина, в красной рубашке, а? Да вы сами видели?

П е р е д о н о в. Видел. Да она, говорят, и в школе так шеголяет, на уроках сарафан надевает, совсем, как простая девка, босиком ходит, так и уроки дает.

Б о г д а н о в. А, скажите. Надо, надо узнать. Так нельзя, нельзя. Уволить за это следует, уволить. Она всегда такая была.

Проходит гимназист Красаренко. Кланяется Передонову.

П е р е д о н о в. Что, черныш, огарыш, будешь на уроках шалить? Досталось. Да еще вот погоди, отцу скажу, как ты в церкви себя ведешь. Зачем в церкви улыбался? Ну, иди, нечего стоять. *Когда Крамаренко ушел, Богданову.* Он из мешан. Дворянам я выговарю. Нельзя же всем одинаково. Я всегда в канцелярии справляюсь. И он негодяй. Его директор против меня подговаривает.

Б о г д а н о в. Да за что вы?

Передонов. Не сам. Через сыновей. Распустил гимназию. Я бы их подтянул. Вот этот черныш - он певчий. А певчие - все негодяи. У него дискант хороший, так он думает, что и в церкви можно шептаться и смеяться. Я третьего дня к его отцу ходил. У него отец умный. Так его при мне выдрал розгами... А знаете, ваш Мачигин шапку с кокардою носит. Я его сегодня здесь видел, - вот бы вы его пробрали за это. Забарнизал.

Богданов. Не имеет права, никакого права не имеет.

Передонов. Не имеет права, а носит. Их подтянуть надо, я вам давно говорил. А то всякий мужик сиволапый кокарду носить станет, так это что ж будет.

Богданов. Как же это он смеет, а? Я ему запрещаю, строжайше запрещаю.

Передонов. Вон он там прогуливается. Соломенную шляпу надел, в городе не смеет с кокардой ходить, а в свою школу приедет и напялит.

Богданов. Юноша, г-н Мачигин. Пожалуйста-ка сюда.

Мачигин, подходя. Здравствуйте, Сергей Потапыч.

Богданов. Как же это вы, юноша, а? Что это вы такое выдумали? а?

Мачигин. В чем дело, Сергей Потапыч?

Поигрывает соломенную шляпою, пошаливает левою ножкою. Передонов и Володин садятся на скамейку, и слушают, молча.

Богданов. Как же, как же это вы, юноша, кокарду носите, а? Как это вы решились посягнуть, а?

Мачигин. Что ж такое? Разве я не в праве?

Богданов. Да разве же вы чиновник, а? Какой вы чиновник, а? Алфавитный регистратор, а?

Мачигин. Знак учительского звания.

Богданов. Носите палочку в руках, палочку, вот вам и знак учительского звания.

Мачигин. Помилуйте, Сергей Потапыч, что же палочка? Палочки всякий может, а кокарда для престижа.

Богданов. Для какого престижа? Какой вам нужен престиж, а? Вы разве начальник?

Мачигин. Помилуйте, Сергей Потапыч, в крестьянском малокультурном сословии это сразу возбуждает прилив почтения, - гораздо ниже кланяются.

Богданов. Да нельзя, юноша, никак нельзя.

Мачигин. Помилуйте, Сергей Потапыч, учитель без кокарды, что британский лев без хвоста, - одна карриатура.

Богданов. Причем тут хвост, а? Какой такой хвост, а? Куда вы в политику заехали, а? Разве это ваше дело о политике рассуждать, а? Нет, уж вы кокарду снимите, сделайте Божескую милость. Нельзя, как же можно, сохрани Бог, - мало ли кто может узнать. Ведь вот вы теперь без кокарды, а? Без кокарды, как знаете, что меня можете встретить. Сами чувствуете, что нельзя.

Мачигин. Так как мы сельские учителя, то нам и нужна сельская привилегия, а в городе мы стоим зауряд интеллигентами.

Богданов. Нет, уж вы, юноша, знайте, что этого нельзя, а если я еще раз услышу, тогда мы вас уволим.

Продолжая разговор, уходят.

В о л о д и н. Носить кокарду... Скажите, помилуйте... Разве он чины получает? Как же это можно...

П е р е д о н о в. Тебе тоже нельзя носить кокарду.

В о л о д и н. Нельзя и не надо. А только я тоже иногда надеваю кокарду. Но ведь только я знаю, где можно и когда. Пойду себе за город, да там и надену. И мне удовольствие, и никто не запретит. А мужичек встретится, все-таки почтения больше.

П е р е д о н о в. Тебе, Павлушка, кокарда не к рылу, и ты по песку не ерзай; ты меня запылил своими копытами.

В о л о д и н. Я, Ардальон Борисыч, изволю носить полуботинки шевровые, а копытов у меня нет. А если вас беспокоит, что я палочкой по песочку вензеля пишу для своего удовольствия, то извольте, я могу и перестать.

П е р е д о н о в. Вот еще бы на Рутиловых барышень надо донести. Они в церковь только болтать и смеяться ходят. Намажутся, нарядятся, да и пойдут. А сами ладан крадут, да из него духи делают, - от них всегда вонько пахнет.

В о л о д и н. Скажите, помилуйте...

П е р е д о н о в. Зачем по земле тень ползет?

В о л о д и н. Это от тучи.

П е р е д о н о в. Страшно. А пыли-то сколько...

В о л о д и н. Это, Ардальон Борисыч, от ветра. Ветерок дует, а пыль и носится по ветру.

Недотыкомка катается по траве и повизгивает.

П е р е д о н о в. А вот Недотыкомка, - бегает по траве, жрет ее. Зачем здесь трава?

В о л о д и н. Завсегда здесь травка расти изволит.

П е р е д о н о в. Беспорядок, - выполоть ее надо. Смотри-ка, на дереве ветка закаркала и полетела. Пойдем отсюда поскорее.

Встает и идет поспешно. Володин - за ним. Навстречу идет Вершина, а зади нее - Марта и Владя.

В е р ш и н а. Ардальон Борисыч, куда вы? Посидите с нами.

П е р е д о н о в. Сгинь, пропади, колдунья... Чур меня, чур.

В е р ш и н а. Что это вы, Ардальон Борисыч?

П е р е д о н о в. А, это вы... А я вас не узнал.

В о л о д и н. Ардальон Борисыч, будьте здоровы, до свиданья, а уж я пойду.

П е р е д о н о в. Вечером ко мне приходи.

Володин уходит.

В е р ш и н а. Это хорошая примета, что вы меня не узнали. Значит, я скоро буду богата.

П е р е д о н о в. Ну да, чего вам богатеть... Будет с вас и того, что есть.

В е р ш и н а. А вот я двести тысяч выиграю.

П е р е д о н о в. Нет, это я выиграю двести тысяч.

В е р ш и н а. Я в один тираж, а вы в другой.

П е р е д о н о в. Ну, это вы врете. Это не бывает в одном городе два выигрыша. Говорят вам, я выиграю.

В е р ш и н а. Что же мы стоим? Посидимте в беседке.

П е р е д о н о в, *входя за Вершиною в беседку.* Скоро соседями будем.

В е р ш и н а. Переезжайте. Отчего же?
 П е р е д о н о в. Далеко от гимназии.

Садится, выбирая такое место, чтобы спину защищал столб.

В е р ш и н а. Да ведь вы там давно живете. Уже несколько лет.

П е р е д о н о в. Я хозяйкою недоволен. Она пьянствует, шумит на дворе, беспокоит меня, а у меня нынче нервы слабы стали, - все неприятности. И она ужасно дерзкая.

В е р ш и н а. Ну, хозяйка дерзкая оттого, что ваша... сестрица уж слишком пылкая особа.

Передонов нахмуривается. Тупо смотрит перед собою, полусонными глазами. Вытаскивает из кармана карамельку, очищает ее от бумажки и принимается жевать. Взглядывает на Марту. Вытаскивает горсть карамелек. Протягивает их сначала Вершиной, потом Марте. Те берут по одной.

П е р е д о н о в. На-те, хорошие бомбошки, дорогие, тридцать копеек за фунт плачены. Да вы больше берите. У меня много и хорошие бомбоши, - я худого есть не стану.

В е р ш и н а. Благодарю вас, я не хочу больше.

М а р т а. Благодарю вас, я не хочу больше.

П е р е д о н о в. Ну, как не хотеть. На-те...

Из горсти берет одну карамельку себе, остальные высыпает на колени к Марте. Марта, молча, улыбается, наклоняя голову. Передонов вытаскивает из кармана еще одну карамельку и протягивает ее Владе.

П е р е д о н о в. Ну, на-те уж и вам одну.

В л а д я. Покорно благодарю, Ардальон Борисыч.

П е р е д о н о в. Пива сколько бутылок сегодня выдули?

В л а д я. Я не пью пива.

Вершина шепчет что-то Марте. Марта переглядывается с Владей, и они оба уходят.

В е р ш и н а. Что вы не женитесь? Чего еще ждете, Ардальон Борисыч? Варвара ваша вам не пара, извините, прямо скажу.

П е р е д о н о в. Здесь для меня и нет пары.

В е р ш и н а. Не скажите? Здесь есть много лучше ее, и за вас всякая пойдет.

П е р е д о н о в. Всякой мне не надо.

В е р ш и н а. Не о всякой и речь, да вам ведь не за приданым гнаться, - была бы де-вущка хорошая. Вы сами получаете достаточно, слава Богу.

П е р е д о н о в. Нет, мне выгоднее на Варваре жениться. Ей княгиня Волчанская протекцию обещала. Она даст мне хорошее место. А потом и директором сделают. Я генералом буду.

В е р ш и н а. Уж слишком вы полагаетесь на слова вашей сестрицы. Ну, а скажите, она много старше вас. Конечно, это - не мое дело, а только со стороны жалко, что такой хороший молодой человек должен жить не так, как бы он заслуживал по своей красоте и душевным качествам. Да вы и без протекции далеко пойдете. Неужели не оценит начальство? Что же вам за Варвару держаться?

П е р е д о н о в. Вот Рутиловых мне сватают. Веселые барышни.

В е р ш и н а. Ну, уж не из Рутиловых же барышен вам жену брать, - они легкомысленные, а вам надо жену степенную.

Передонов. Это верно. Я вертушку да хохотушку не возьму.

Вершина. Вот бы взяли мою Марту. Хорошая девушка. Она у меня уж близко года живет. Как я моего покойника похоронила, так и взяла ее, да ее брата. У них большая семья, и все дети хорошие. Марта и Владя домой на день едут, на праздник, - вот бы и вам с ними погостить в деревне, у ее отца. За ними работник в тележке приедет.

Передонов. Тесно.

Проходят Марта и Владя. Вершина показывает им рукою на скамейку, - они садятся.

Вершина. Ну, вот тесно... Отлично разместитесь. Ведь не далеко, всего шесть верст проехать. Разместитесь удобно. Вы с Мартою на заднем сиденьи, а Владя с работником на переднем.

Передонов. Не поеду. Тесно. Четверо, да еще вещей наберут с собой.

Вершина. Ну, если вы думаете, что тесно, то Владя и пешком может идти.

Владя. Конечно, пешком дойду в полтора часа отлично.

Передонов. Трясти будет. Я боюсь тряски.

Вершина. Тележка хорошая, на рессорах. Вот зайдите ко мне, сами увидите.

Выразительно смотрит на Марту и что-то шепчет ей. Марта краснеет, откашливается, решается заговорить с Передоновым.

Марта. Как учится Владя?

Передонов. Плохо. Ленился. Ничего не слушает.

Вершина. Как же тебе не стыдно лениться, Владя? Такой большой мальчик... Этаким стыд... Что же ты думаешь? Что из тебя выйдет?

Владя. Что ж только год начался, я еще успею.

Марта. С самого начала надо учиться.

Передонов. Да и шалит. Вчера так развозились, точно уличные мальчишки. Да и груб, - мне дерзость сказал на днях.

Владя. Никакой дерзости, а я только правду сказал, что вы в других тетрадках ошибок по пяти прозевали, а у меня все подчеркнули, и поставили два, а у меня лучше было написано, чем у тех, кому вы три поставили.

Передонов. И еще вы мне дерзость сказали.

Владя. Никакой дерзости, а я только сказал, что инспектору скажу, - что же мне зря двойку...

Вершина. Владя, не забывайся. Чем бы извиниться, а ты опять повторяешь. Забыл, что я тебе говорила.

Владя. Извините, я только хотел, чтобы вы поправили.

Вершина. Молчи, молчи, пожалуйста. Терпеть не могу таких рассуждений, терпеть не могу. Тебе делают замечание, ты и молчи. Надо будет отцу сказать, чтобы наказать тебя построже. Видно, моих наказаний не боишься.

Передонов. Высечь надо.

Марта, краснея. Высечь надо.

Передонов. Вот поеду с вами к вашему отцу, и скажу, чтобы вас при мне высекли, да хорошенько. Ну, хорошо, Марта Станиславовна, я поеду с вами. Погулять там у вас денек.

Владя. Правда, если вы думаете, Ардальон Борисыч, что тесно будет, то я могу пешком пройти.

Передонов. Нечего подлизываться. Если вас отпустить одного, вы еще убежите куда-нибудь. Нет, уж, мы вас свезем к отцу.

Вершина. Они все боятся отца. Он у них очень строгий. Да и я им потачки не даю.

Передонов, *смотрит на Марту, с удовольствием замечает, что она сконфужена.* Да вы, не думайте, я не про вас говорю. Я знаю, что вы будете хорошая хозяйка.

Вершина. Все польки - хорошие хозяйки.

Передонов. Ну да, хозяйки. Сверху чисто, а юбки грязные. Ну да зато у вас Мицкиевич был. Он выше нашего Пушкина. Он у меня на стене висит. Прежде там Пушкин висел, да его снял, - он нехороший человек был. На дуэли дрался. Это грешно.

Владя. Ведь вы - русский, что же вам наш Мицкиевич? Пушкин - хороший, и Мицкиевич - хороший.

Передонов. Мицкиевич выше. Русские - дурачье. Один самовар изобрели, а больше ничего. *Щурит глаза на Марту.* У вас много веснушек. Это некрасиво.

Марта. Что ж делать?

Владя. И у меня веснушки.

Передонов. Вы мальчик. Это ничего: мужчине красота не нужна. А вот у вас, Марта Станиславовна, нехорошо. Этак вас никто и замуж не возьмет. От веснушек надо огуречным рассолом мыть лицо.

Марта. Благодарю вас, Ардальон Борисыч, за совет. Непременно так сделаю.

Передонов, *Владе.* Вы что улыбаетесь. Вот погодите, приедем с вами к отцу, так будет вам для праздника дерища отличная. Что вы на меня глазеете. На мне узор нет. Или вы сглазить меня хотите.

Владя. Извините, я так. Ненарочно.

Вершина. А вы разве верите в сглаз?

Передонов. Сглазить, конечно, нельзя, это мужицкое суеверие. А только ужасно невежливо уставиться и рассматривать.

Вершина. Уж вы, Ардальон Борисыч, его извините за это. Это он на вас потому смотрел, что хотел догадаться, правду вы говорите, или только шутите.

Передонов. А вот узнает, как я с его отцом поговорю. Вам надо хорошенько учиться. Ведь вы бедные.

Вершина. Да, конечно, не богаты: но только все-таки они уж не так бедны. То имение, которое их отец держит в аренде, приносит ему порядочный доход. Хоть и не роскошно, а прожить можно.

Марта. У нас на всех есть кое-что отложено.

Передонов. Ну да, я знаю, что вы бедные. Дома-то босые ежеденком ходите.

Владя. Мы это не от бедности.

Передонов. А что же, - от богатства что ли?

Владя. Вовсе не от бедности. Это для здоровья очень полезно, - закалять здоровье, - и приятно летом.

Передонов. Ну, это вы врете. Богатые босиком не ходят. У вашего отца много детей. Сапог не купишься. Ну, пока прощайте, - я тут в саду одного нужного человека вижу, - надо поговорить. *Передонов выходит из беседки и бормочет.* Везде доносчики. Никак их не накрыть.

Навстречу Передонову выходит Крамаренко. Смотрит на него решительно и злобно. Встречаются и останавливаются один против другого.

Передонов. Чего толкаешься, черныш дрянный? Вот сейчас к отцу отведу.

Крамаренко. Подлец... *Усмехается, повертывается, чтобы уйти. Сделав три шага, останавливается, оглядывается.* Этакий - подлец... Гадина...

Плюет и уходит. Передонов угрюмо смотрит за ним. Входит Рубовский. Подходит к нему, здоровается и что-то ему нашептывает.

Вершина. Ты у меня смотри, Владя. Я тебе говорила, чтобы ты не смел сердить Ардальона Борисыча... Ты своей сестре счастья не хочешь. Смотри, я и без отца с тобой расправлюсь. А ты, Марта, уж очень скромничаешь. Надо побольше разговаривать с ним. Да полюбезнее.

Марта. Я стараюсь, Наталья Афанасьевна. Только я его боюсь очень. Вот Мурин...

Вершина. Мурин... Только Мурина и невест, что вы... И если Мурин стал к нам часто ходить. Так ты это может быть, напрасно на свой счет принимаешь...

Передонов. Г-н инспектор народных училищ второго района Рубанской губернии, его высокородие, статский советник Передонов... Вот как... Знай наших... Его высокопревосходительство, г-н директор народных училищ Рубанской губернии, действительный статский советник Передонов. Шапки долой... Вон... В отставку подавайте. Я вас подтяну...

Дремлет. На небо набегают темные тучи. В саду сильно темнеет. Недотыкомка юлит около Передонова, и заливается гнусным, визгливым смехом.

Передонову снится.

Сон.

Слышны звуки нелепой музыки. В ней что-то скрипучее механическое. Выбегает толпа девушек, одетых нарядно, пестро и безвкусно. Все они толстые румяные, похожие на кукол: пляшут и визжат, но слов не разобрать. Входят три девицы Рутилковы, одетые также нелепо. Они гораздо толще, чем на яву.

Передонов. Будет плясать, убирайтесь. А вам три ведьмы, что надо?

Плясуньи расходятся по сторонам. К Передонову подходит Дарья и низко кланяется.

Дарья. Ардальон Борисыч, сделайте милость, осчастливьте меня, - возьмите меня замуж.

Передонов. А чем ты мне угождать будешь?

Дарья. Я вам буду блины печь, превкусные, горячие, только не подавитесь. Пирожки буду печь сладкие, с черносмородинным вареньем, - только не объестьтесь.

Передонов. Пошла прочь, перестарок.

Дарья горько плачет и отходит. Приближается Людмила, кланяется еще ниже.

Людмила. Ардальон Борисыч, ваше высокородие, г-н инспектор, будьте благодетелем, заставьте век за вас Бога молить, осчастливьте меня, возьмите меня замуж.

Передонов. А ты чем угождать мне будешь?

Людмила. А я каждое утро буду по городу ходить, все сплетни собирать, а потом вам стану рассказывать. И кто на вас донести собирается, все разведывать стану. А про вас буду говорить только самое хорошее, как вы самые умные запрещенные книги читаете.

Передонов. Пошла прочь, хохотушка.

Людмила заливается горькими слезами и отходит. Приближается Валерия, кланяется Передонову в ноги.

В а л е р и я. Ардальон Борисыч, милостивец, ваше превосходительство, г-н директор и кавалер всех орденов, Льва и Солнца и Почетного Легиона; сделайте мне великое благодеяние, осчастливьте меня вашей милостью, возьмите меня замуж.

П е р е д о н о в. А угождать мне чем станешь?

В а л е р и я. Сама буду вам вицмундир чистить. И вы насчет того не сомневайтесь, чтобы плюнуть или побить. Сколько вашей милости будет угодно. Спорить и прекословить не буду; и по начальству рапорт подам с неимением с моей стороны препятствий. И все ваши любимые кушанья по Варвариной поваренной черной книге.

П е р е д о н о в. Пошла прочь, вертушка. Еще отравишь...

Валерия рыдает громко и отходит. Девушка и Недотыкомка визжат и пляшут. Входит Варвара, хитро и злобно ухмыляясь.

В а р в а р а. Позабыл про княгиню Волчанскую. Она - колдунья. Ей сто лет. Она все знает и все может.

Становится светлее, призраки сна понемногу рассеиваются. Варвара стоит перед Передоновым.

В а р в а р а. Да никак ты заснул здесь, Ардальон Борисыч. То-то видно, с Марфушкой весело было.

П е р е д о н о в. Вот и весело. Веселее, чем с тобою.

В а р в а р а. Сидят там в беседке, как две кикиморы. Сама-то Вершина давно ли овдовела, а сама спит и во сне видит - замуж выйти. Спасибо Павлушка сказал, где ты. Пока ты с Марфушкой возжался, я ответ от княгини получила.

П е р е д о н о в. А ты разве ей писала?

В а р в а р а. Ну, вот валяет петрушку. Ведь сам же велел написать...

П е р е д о н о в. Ну, что же она пишет?

В а р в а р а. Вот письмо. Читай сам.

Роется в своей сумочке, достает письмо, и отдает его Передонову. Передонов жадно читает его.

П е р е д о н о в. Ловко... Вот это я понимаю... Как женится, так и место получит. Ай да княгиня.. Пойду дразнить Марту.

Быстро идет к беседке. Варвара садится на скамейку вместе с подошедшим к ней Володиным.

Тихо разговаривают.

П е р е д о н о в, *Вершиной.* Вот вы все сомневались, а вот сама княгиня пишет. Вот почитайте - сами увидите.

В е р ш и н а. А где же конверт?

П е р е д о н о в. Я не знаю, надо спросить. Варя, Варя, поди-ка сюда...

В а р в а р а. Ну, что еще? *Подходит.* Здравствуйте, Наталья Афанасьевна. Что, он вам хвастался?

В е р ш и н а. Здравствуйте, Варвара Дмитриевна.

М а р т а. Здравствуйте, Варвара Дмитриевна.

В а р в а р а. Здравствуйте. Гуляете. Женишка высматриваете? *Передонову.* Какой конверт?

П е р е д о н о в. Конверт от княгини, что письмо сегодня принесли.

В а р в а р а. Вот, я сожгла. На что мне его. Что ж собирать, что ли конверты, лекцию составлять. Так ведь деньги за конверты не платят. Это только за бутылки в кабаке деньги назад дают.

П е р е д о н о в. Княгини тоже бывают всякие. Знаем мы. Может быть, эта здесь живет княгиня.

В е р ш и н а. Странно. Как это вы, Варвара Дмитриевна, неосторожны. Деловое письмо и вдруг без конверта. Все ж-таки по штемпелю было бы видно, когда послали письмо и откуда.

Продолжая разговор, уходят. Скоро Варвара возвращается с Грушиною.

В а р в а р а. Я это еще вчера придумала, на всякий случай. Как ночью-то не спится, так чего-чего не передумаешь.

Г р у ш и н а. Ой, голубушка, Варвара Дмитриевна, я и от одного письма вся дрожу, все боюсь. Увижу пристава близко дома, - так вся и сомлею, - думаю, за мной идут, в тюрьму сажать хотят.

В а р в а р а. Начали дело, так уж надо кончать. А то что ж один болтун... Через вашу сестру всего проще. Ведь она еще в Петербурге живет.

Г р у ш и н а. Живет то, живет, да только...

В а р в а р а. Мы здесь письмо напишем, в конверт вложим, а тот конверт в другой, и пошлем вашей сестре. Она письмо-то наше, во втором конверте, в ящик опустит, оно сюда и придет со штемпелем. Утру я им нос, поганкам.

Г р у ш и н а. Голубушка, Варвара Дмитриевна, а что Ардальон-то Борисыч подумает, - с чего это княгиня расписалась так, письмо за письмом.

В а р в а р а. Я все придумала. Скажу моему дураку, что написала княгине письмо, благодарность. А княгиня будто и ответит, что есть в виду места, пусть бы скорее венчался, пока их не заняли.

Г р у ш и н а. Ой, страшно...

В а р в а р а. Да уж вы знаете, я вас хорошо поблагодарю.

Продолжая разговор, уходят. В саду опять темнеет. Слышен приближающийся визг Недотыкомки: стремительно проходит, почти бежит Передонов. Его лицо выражает безумный страх. Недотыкомка кружит около него.

Н е д о т ы к о м к а. Обманут.. Оплетут... Околпачут... Все врут, все завидуют, все хотят тебя погубить.

Действие третье

Картина первая

У Коковкиной. Чайный стол. На стуле ранец. Коковкина и Саша пьют чай. Приходит Людмила.

Л ю д м и л а, целуясь с Коковкиной. Я к вам по делу, милая Ольга Васильевна. Но это потом, а пока вы меня чайком согрейте. Холод, ветер, лужи, по лужам листья плавают.

К о к о в к и н а. Какая вы нарядная, Людмила Платоновна... Да и легонечко вы же оделись...

Л ю д м и л а. Я холода не боюсь. Сегодня все утро у себя в саду босиком ходила. Ай, какой у вас юноша сидит.

Саша краснеет, неловко кланяется.

К о к о в к и н а. Это мой новый жилец, Саша Пыльников.

Людмила садится за стол. Коковкина наливает ей чай.

Л ю д м и л а. Слышали, Ольга Васильевна, Передонов-то ходит по всем здешним начальникам, жалуется, что против него враги интригуют.

К о к о в к и н а. Да что вы говорите...

Л ю д м и л а. Как же. Был у Вериги, у исправника, у прокурора, у Кириллова. Очень ему хочется инспектором быть. Вам скучно, голубушка, - что вы все дома с этим кисленьким гимназистом сидите... Вы бы хоть к нам когда-нибудь заглянули.

К о к о в к и н а. Ну, где уж мне... Стара я уж стала в гости ходить.

Л ю д м и л а. Какие там гости;.. Придите и посидите, как у себя дома, вот и все. Этого младенца пеленать не надо? *Задорно толкает Сашу.* Углан какой... А вы побеседуйте с гостьей...

К о к о в к и н а. Он еще маленький. Он у меня скромный.

Л ю д м и л а, с усмешкою, глядя на Сашу. Я тоже скромная.

С а ш а, смеясь. Вот еще... Вы разве скромная... *Людмила хохочет.* Да нет же, я ведь хотел сказать, что вы бойкая, а не скромная, а не то, что вы не скромная.

Чувствуя, что выходит не ясно, мешается и краснеет.

Л ю д м и л а, хохоча. Какие он дерзости говорит... Это просто прелесть что такое...

К о к о в к и н а, ласково поглядывая на Сашу и на Людмилу. Законфузили вы совсем моего Сашеньку.

Людмила, изогнувшись кошачьим движением, гладит Сашу по голове. Он смеется застенчиво, звонко, увертывается из под руки, и убегает к себе в комнату.

Л ю д м и л а. Голубушка, Ольга Васильевна, сосватайте мне жениха.

К о к о в к и н а. Ну, вот, какая я сваха.

Л ю д м и л а. Чем же вы не сваха, право. Да и я чем же не невеста? Меня вам не стыдно сватать.

Подпирает руками бока, приплясывает перед Коковкиной.

К о к о в к и н а. Да ну вас... Ветренница вы этакая.

Л ю д м и л а, смеясь. Хоть от нечего делать - займитесь.

К о к о в к и н а, улыбаясь. Какого же вам жениха-то надо?

Л ю д м и л а, быстро. Пусть он будет, - будет брюнет, голубушка, непременно брюнет. Глубокий брюнет. Русский, как я сама. И вот вам образчик ваш гимназист, - такие же чтобы были черные брови и очи с поволокой, и волосы с синим отливом, и ресницы густые, синевато черные ресницы. Он у вас красавец, право, красавец. Вот вы мне такого.

К о к о в к и н а. Такого у нас, пожалуй, и не сыщешь.

Саша возвращается.

Л ю д м и л а. Ну, что же, вы все уроки учите. Книжки-то читаете какие-нибудь.

С а ш а. Читаю и книжки. Я люблю читать.

Л ю д м и л а. Сказки Андерсона.

С а ш а. Ничего не сказки, а всякие книги. Я историю люблю. Да стихи.

Л ю д м и л а, строго. То-то стихи. А кто у вас любимый поэт?

С а ш а, убежденно. Надсон, конечно.

Л ю д м и л а. То - то... Я тоже Надсона люблю, но только утром, а вечером я, миленький, наряжаться люблю. А вы что любите делать?

С а ш а, глянув на нее. Я люблю ласкаться.

Л ю д м и л а, обнимая его за плечи. Ишь ты, какой нежный... Ласкаться любишь... А поласкаться любишь... *Саша хихикает.* ...в теплой водице.

С а ш а. И в теплой, и в холодной.

Л ю д м и л а. А мыло вы какое любите?

С а ш а. Глицериновое.

Л ю д м и л а. А виноград любите?

С а ш а, со смехом. Какая вы... Ведь это разное... а вы те же слова говорите. Только меня вы не подденете.

Л ю д м и л а, смеиваясь. Вот еще, нужно мне вас поддевать.

С а ш а. Да я уж знаю, что вы пересмешница.

Л ю д м и л а. Откуда вы это взяли?

С а ш а. Да все говорят.

Л ю д м и л а, притворно строго. Скажите, сплетник какой. *Саша смущен.* Людмила роется в его ранце. Можно посмотреть.

С а ш а. Сделайте одолжение.

Л ю д м и л а. Где же тут твои единицы и нули, показывай.

С а ш а, обидчиво. У меня таких прелестей не бывало пока.

Л ю д м и л а, решительно. Ну, это ты врешь, - уж у вас положение такое - колы получать... Припрятал, поди. *Саша, молча, улыбается.* Латин да греки, то-то они вам надели...

С а ш а. Нет, что ж... Скучновато зубрить, да ничего, у меня память хорошая. Вот только задачи решать - это я люблю.

Л ю д м и л а. Приходи ко мне завтра после обеда.

С а ш а, краснея. Благодарю вас; приду, если Ольга Васильевна отпустит.

Л ю д м и л а. Знаешь, где я живу. Придешь?

С а ш а, радостно. Знаю. Ладно, приду.

Л ю д м и л а, строго. Да, непременно приходи, ждать буду, слышишь?

С а ш а. А если уроков много будет?

Л ю д м и л а. Ну, вот пустяки. Все же приходи. Авось на кол не посадят.

С а ш а, *посмеиваясь*. А зачем?

Л ю д м и л а, *подпрыгивая, поддергивая юбочку, напевая*. Да, уж так надо. Приходи, кое-что тебе скажу... Приходи, миленький, серебрянный позолоченный...

С а ш а, *смеясь*. А вы сегодня скажите.

Л ю д м и л а. Сегодня нельзя. Да и как сказать тебе сегодня. Ты завтра тогда и не придешь, скажешь незачем.

С а ш а. Ну ладно, приду непременно, если пустят.

Л ю д м и л а. Вот еще... Конечно, пустят... Нешто вас на цепочке держат... Ольга Васильевна, ведь вы его пустите завтра ко мне.

К о к о в к и н а. Пушу, пушу, пусть сходит, поразвлечется. А то знакомых-то у него в городе нет, а из товарищей много сорванцов, - боюсь я, чтобы он к ним часто ходил.

Л ю д м и л а. Кто-то к вам пришел. Да никак Передонов. Ну, простите, Ольга Васильевна, уж я пойду. Терпеть не могу этого господина.

К о к о в к и н а. Пришел, видно, гимназиста наведать.

Л ю д м и л а. Ну, достанется вам, Сашенька. До свидания, Ольга Васильевна. До свидания, Саша. *Целует Сашу в лоб, и поднимает руку к Сашиным губам для поцелуя. Улыбается лукаво и нежно*. И через кухню пойду. Проводите меня, миленький. До извозчика.

К о к о в к и н а. До свидания, Людмила Платоновна. Не забывают нас.

Людмила и Саша уходят через кухню. Коковкина выходит в переднюю: скоро возвращается с Передоновым.

П е р е д о н о в. Вот я пришел посмотреть нашего гимназиста, как он тут живет.

К о к о в к и н а. Да не жалуется. У меня просторно. Да и он у меня скромный. Уж так повелось, что ко мне всегда ставят скромных мальчиков. Вот вареньем угощает меня, старуху, - из деревни тетя прислала. Мы по очереди ставим варенье, - вчера я, сегодня он. Я вам налью стакан чаю.

П е р е д о н о в. Нет, я не хочу. Я по службе. Мне чай распивать некогда.

С а ш а, *входя, кланяется Передонову*. Здравствуйте, Ардальон Борисыч.

П е р е д о н о в. Здравствуйте.

Угрюмо смотрит на Сашу.

К о к о в к и н а. Простите, Ардальон Борисыч, там меня моя Аннушка зачем-то зовет по хозяйству. Я на минутку, сейчас вернусь.

Выходит. Саша тоскливо смотрит за ней. Передонов садится рядом с Сашей и обнимает его.

П е р е д о н о в. Что, Сашенька, хорошо ли Богу помолилась? *Саша стыдливо и испуганно глядит на Передонова, и молчит*. А, что, хорошо?

С а ш а. Хорошо.

П е р е д о н о в. Ишь ты румянец какой на щечках... Признавайся ка, ведь ты девчонка. Шельма, девчонка...

С а ш а. Нет, не девчонка. Чем я похож на девчонку? Это у вас гимназисты такие, придумали дразнить за то, что я дурных слов боюсь. Я не привык их говорить, мне ни за что их не сказать. Да и зачем говорить?

П е р е д о н о в. Маменька накажет?

С а ш а. У меня нет матери. Мама давно умерла. У меня тетя.

Передонов. Что ж, тетя накажет?

Саша. Конечно, накажет, если я стану гадости говорить. Разве хорошо.

Передонов. А откуда тетя узнает?

Саша. Да я и сам не хочу. А тетя мало ли как может узнать? Может быть, я сам проговорюсь.

Передонов. А кто из ваших товарищей дурные слова говорит? *Саша молчит.* Ну, что ж, говорите. Вы обязаны сказать, нельзя покрывать.

Саша. Никто не говорит.

Передонов. Вы же сами сейчас жаловались.

Саша. Я не жаловался.

Передонов. Что же вы отпираетесь?

Саша. Я только объяснил вам, отчего меня некоторые товарищи дразнят девчонкой. А я не хочу на них фискалить.

Передонов. Вот как? Это почему же?

Саша. Да, нехорошо.

Передонов. Ну вот я директору скажу, так вас заставят.

Саша, *глядя на Передонова гневно загоревшимися глазами.* Нет, вы, пожалуйста, не говорите, Ардальон Борисыч...

Передонов. Нет, скажу. Вот вы тогда увидите, как покрывать гадости. Вы должны были сами сразу пожаловаться. Вот погодите вам достанется. Вы зачем сидите, когда вам преподаватель выговор делает?

Саша встает и в замешательстве тербит пояс. Входит Коковкина.

Передонов, *злобно.* Тихоня-то ваш хорош, нечего сказать...

Коковкина пугается, торопливо подходит к Саше, садится рядом с ним.

Коковкина, *боязливо.* А что такое, Ардальон Борисыч? Что он сделал?

Передонов, *с угрюмой злобой.* Вот у него спросите.

Коковкина, *трогая Сашу за локоть.* Что такое, Сашенька? В чем ты провинился?

Саша, *плача.* Я не знаю.

Коковкина. Да что такое? Что с тобой? Что ты плачешь?

Передонов. Его там в гимназии дурным словам учат, а он не хочет сказать, кто. Он не должен укрывать. А то и сам научится гадостям, и других покрывает.

Коковкина. Ах, Сашенька, Сашенька, как же это так? Разве можно? Да как тебе не стыдно?

Саша, *рыдая.* Я ничего, я ничего не сделал дурного. Они меня за то и дразнят, что я не могу худых слов говорить.

Передонов. Кто говорит худые слова?

Саша, *с отчаянием.* Никто не говорит.

Передонов. Видите, как он лжет. Его наказать надо хорошенько. Надо, чтоб он открыл, кто говорит гадости, а то на нашу гимназию нарекания пойдут, а мы ничего не можем сделать.

Коковкина. Уж вы его извините, Ардальон Борисыч, - как же он скажет на товарищей. Ведь ему потом житья не дадут.

Передонов. Он обязан сказать. От этого только польза будет. Мы примем меры к их исправлению.

Коковкина, *нерешительно.* Да ведь они его будут бить.

Передонов. Не посмеют, если он трусит, пусть по секрету скажет.

Коковкина. Ну, Сашенька, скажи по секрету. Никто не узнает, что это ты сказал.

Саша молча плачет. Коковкина привлекает его молча к себе, обнимает и долго шепчет ему на ухо. Он отрицательно качает головой.

Коковкина. Не хочет.

Передонов, *свирепо.* А вот розгой его пробрать, так заговорит. Принесите мне розгу, я его заставлю говорить.

Саша. Ольга Васильевна, да за что же?

Коковкина, *обнимая Сашу, нежно и строго.* Ну, довольно реветь, никто тебя не тронет.

Передонов. Как хотите, а только я тогда должен директору сказать. Я думал по-семейному. Ему же лучше бы. Может быть, и вам, Сашенька, - прожженный. Еще мы не знаем, за что его дразнят девчонкой. Может быть, совсем за другое. Может быть, не его учат, а он других развращает.

Передонов сердито идет из комнаты, за ним Коковкина. Останавливаются у дверей.

Коковкина, *Передонову, укоризненно тихо.* Ардальон Борисыч, как же это вы так мальчика конфузите нивесть за что... Хорошо еще, что он не понимает наших слов.

Передонов, *сердито.* Ну, прощайте. А только я скажу директору. Это надо расследовать.

Уходит; Саша грустно сидит у окна. Коковкина гладит его по голове.

Саша. Я сам виноват. Проболтался, за что меня дразнят, а он и пристал. Он самый грубый. Его никто из гимназистов не любит.

Действие третье

Картина вторая

Новая квартира Передонова. Варвара и Володин разговаривают.

Варвара. Всем визиты делает. У предводителя был, у исправника, и председателя земской управы, - уж не знаю, у кого только не был.

Володин. Так как Ардальон Борисыч изволит с директором быть вроде как в ссоре, то он и желает заручиться в случае чего.

Входит Передонов. Тоскливый и злой.

Передонов. Успел... Сговариваешься, как бы меня околпачить. За одно с Варварой. Везде у меня враги.

Варвара. Ардальон Борисыч, у нас-то какое приключение. Кот сбежал.

Передонов. Ну? Зачем же вы его отпустили?

Варвара. Что ж мне за хвост его к юбке пришить, что ли?

Володин хихикает. Передонов садится на стул у стола, опускает голову, комкает конец скатерти, и задумывается. Недотыкомка юлит под столом, повизгивает и шепчет.

Недотыкомка. Знаешь, куда он пошел. К жандармскому.

Передонов. К жандармскому пошел. Вымурлычит все, что знает. Да и того примякает, чего и не было. Беды...

Володин. Это уж завсегда коты изволят на старую квартиру сбегать, потому, как кошки к месту привыкают, а не к хозяину, кошку надо закружить, как переносить на другую квартиру, и дороги ей не показывать, а то беспрременно убежит.

Передонов. Так ты думаешь, Павлуша, что он на старую квартиру сбежал?

Володин. Беспрременно так, Ардаша.

Передонов. Ну, так выпьем, Павлушка.

Володин. Это можно, Ардаша. Выпить завсегда даже очень можно.

Передонов. А кота надо достать оттуда.

Варвара. Сокровище. Вот после обеда пошлю Клавдюшку.

Передонов. Я тебя на улице видел, Павлушка.

Володин. А я вас, Ардальон Борисыч, не изволил видеть.

Передонов. Врешь. Ты бараном оборачивался. Думал, не узнаю.

Володин. Ардальон Борисыч, посудите сами, как же я мог барашком обращаться. А куда же мой костюмчик и моя тросточка девались. Это, может быть, на вашей родине бараны в котелках изволят прогуливаться, а я таких барашков никогда не изволил видеть.

Передонов. Чего злоумышляешь? Много ли тебе надо? Слушай, Павлушка, - если ты не станешь мне вредить, то я тебе буду леденцов покупать по фунту в неделю, самый первый сорт, - соси себе за мое здоровье.

Володин. Я, Ардальон Борисыч, вам вредить не согласен, а только мне леденцов не надо, потому, как я их не люблю.

Варвара. Полно тебе Петрушку валять, Ардальон Борисыч... Чем он тебе может навредить?

Передонов. Напакостить всякий дурак может.

Володин. Если бы, Ардальон Борисыч, так обо мне понимаете, то одно только могу сказать: благодарю покорно. Если вы обо мне так, то что я после этого должен делать. Как это я должен понимать, в каком смысле?

Передонов. Выпей водки, Павлушка, и мне налей.

Володин, молча, храня обиженный вид, принимается наливать водку из графина в рюмки. Недотыкомка кружит около стола и хохочет.

Недотыкомка. Наворожит, наворожит...

Варвара. Как же это, Ардальон Борисыч, ты не боишься от него водку пить? Ведь он ее, может быть, наговорил, - вот он что-то губами разводит.

На лице Передонова изображается ужас. Он схватывает налитую рюмку, и выплескивает из нее водку на пол.

Передонов. Чур меня, чур, чур... Заговор на заговорщика, - злому языку сохнуть, черному глазу лопнуть. Ему карачун, меня чур перечур... *Показывает Володину кукиш.* На-т-ка, выкуси... Ты хитер, а я похитрее.

Володин. Это вот вы, Ардальон Борисыч, всякие волшебные слова знаете и произносите, а я никогда не изволил магией заниматься. Я вам ни водки, ни чего другого не согласен наговаривать, а это, может быть, вы от меня моих невест отколдовываете.

Передонов. Вывез... Мне не надо твоих невест, я могу и почище взять. У меня много невест. Вот сейчас пойду венчаться. Вернусь утром с женой, а тебя, Варвара, вон. Последний раз сегодня ночуешь.

Володин. Вы моему глазу лопнуть наговорили, только смотрите, как бы у вас раньше очки не лопнули.

Передонов, испуганно хватаясь за очки. Что мелешь? Язык-то у тебя, как помело...

Варвара. Не ехидничайте, Павел Васильевич. Ишь, ехидник какой... Кстати зачуражился, Ардальон Борисыч...

Володин. Недаром я сегодня во снах видал, что меня медом мазали. Помазали вы меня, Ардальон Борисыч.

Варвара. Еще не так вас бы надо помазать.

Володин. За что же, позвольте узнать? Кажется, я ничего такого.

Варвара. За то, что язык у вас скверный. Нельзя болтать, что вздумается, - в какой час молвится.

Передонов. Варвара, вошел кто-то в переднюю. Ни за чем не смотришь, ничего не видишь.

Варвара, крадучись, подходит к двери, глядит в нее, и так же тихо возвращается.

Варвара. Почтальон. Надо ему водки дать, - опять письмо принес.

Передонов. Что ж, мне водки не жалко.

Варвара. Почтальон, иди сюда.

Почтальон входит в горницу. Роеся в сумке, притворяясь, что ищет письмо. Варвара наливает большую рюмку водки, отрезывает кусок пирога, и дает все это почтальону. Почтальон подает письмо Варваре.

Почтальон. Вам - с. Покорнейше благодарю.

Выпивает, крикает; захватывает пирог и уходит.

Передонов. Ты думаешь, Павлушка, это был почтальон.

Володин. А кто же, Ардальон Борисыч?

Передонов. Рыжий Валет. Он меня на днях под здоровый ремиз подвел. Опять, пожалуй, подведет. Да нет, я ему кукиш показал.

Володин. А мы и не видели.

Передонов. В кармане.

Варвара, передавая нераспечатанное письмо Передонову.

Варвара. На, прочти, Ардальон Борисыч. Кажется, опять от княгини. Расписалась, а толку мало. Чем писать, дала бы сразу место.

У Передонова дрожат руки. Он разрывает конверт и быстро читает письмо. Потом вскакивает с места, машет письмом и вопит.

Передонов. Ура... Три инспекторских места... Любое можно выбирать... Ура... Варвара, наша взяла...

Володин. Ура...

Передонов. Ура...

Пляшет и кружится в комнате. У него неподвижно красное лицо, тупые глаза. Похож на большую, заведенную в пляс куклу. Варвара ухмыляется.

В а р в а р а. Ну, вот ты не верил, что без конверта. Хорошо, что это при тебе принесли, а то я, пожалуй, опять бы конверт куда-нибудь запсотила.

П е р е д о н о в. Не скули, Варвара. Теперь - решено - венчаемся. Русскую, Варвара.

Хватает Варвару за плечи и вертит ее вокруг стола, топоча ногами. Они пляшут.

В о л о д и н. Будущий инспектор трепака откалывает...

П е р е д о н о в. Пляши, Павлушка...

В о л о д и н, увидев выглядывающую из-за двери Клавдию. А, ты... Все вместе... Распостешим будущего инспектора.

Хохоча и ломаясь, пляшет с Клавдией.

Р у т и л о в, в дверях. Картина...

П е р е д о н о в. Клавдюшка, пошла вон... Платон Платонович, дружище... здравствуй. А у меня радость. Смотри - письмо.

Р у т и л о в. Покажи, покажи, что за письмо...

П е р е д о н о в. Читай.

Показывает письмо, не выпуская его из рук.

Р у т и л о в, читая письмо. Везет же человеку...

П е р е д о н о в. При мне почтальон принес... Сам я распечатывал. Уж тут, значит, без обмана.

Прячет письмо в бумажник, бумажник прячет в сюртук, сюртук застегивает и строго и значительно смотрит на Рутилова.

Р у т и л о в. Что ты с ним чичкаешься?

П е р е д о н о в. На всякий случай... Кто вас знает... Еще стянете.

Р у т и л о в. Чистая Сибирь, у тебя это дело.

П е р е д о н о в. Вот я буду инспектором. Вы тут киснуть будете, а у меня под началом два уезда будут. А то и все три. Ого -го. Я, брат, и тебя вытащу.

Мало по малу собираются гости.

П е р е д о н о в. Марфушка - то...

Хохочет.

Г р у ш и н а. Что вы заржали, Ардальон Борисыч?

П е р е д о н о в. Партанович, гимназист, своей сестре Марте платье подпалит, - я ему посоветовал это сделать.

Г р у ш и н а. Станет он палить, нашли дурака.

П е р е д о н о в. Конечно, станет. Братья с сестрами всегда ссорятся. Когда я маленьким был, так всегда своим сестрам пакостил, - маленьких бил, а старшим одежду портил.

Р у т и л о в. Не все же ссорятся. Вот я с сестрами не ссорюсь, и никогда не ссорился.

П е р е д о н о в. Что ж ты с ними, целуешься, что - ли?

Р у т и л о в, спокойно. Ты, Ардальон Борисыч, свинья и подлец, и я тебе оплеуху дам.

Передонов. Ну, я не люблю таких шуток. У нее, у Марты, только и есть одно платье черное.

Варвара. Вершина ей новое сошьет. К свадьбе все приданое сделает, красавица, инда лошади жахаются.

Преполовенская я. Пора и вам венчаться. Чего ждете, Ардальон Борисыч? Уж если письмо получили, так тут что раздумывать...

Варвара. Да, уж ваша Геничка пусть другого жениха подождет.

Преполовенская я. Что вы, Варвара Дмитриевна. Мы об этом и не думали. Мы всегда за вас были.

Передонов. Я решил венчаться, только мы с Варварой не знаем, как венчаться надо. Что-то надо сделать, а я и не знаю что.

Преполовенская я. Вот, дело нехитрое... да если хотите, мы с мужем вам все устроим, вы только сидите и ни о чем не думайте.

Передонов. Хорошо, я согласен. Только, чтоб все было хорошо и прилично. Мне денег не жалко.

Преполовенская я. Уж все будет хорошо, не беспокойтесь.

Передонов. Другие из скупости покупают тонкие обручальные кольца, серебряные позолоченные, а я так не хочу, а чтоб настоящие золотые. И я даже хочу вместо обручальных колец заказать обручальные браслеты - это дороже и важнее.

Все смеются.

Преполовенская я. Нельзя браслеты, кольца надо.

Передонов. Отчего нельзя?

Преполовенская я. Да уж так, не делают.

Передонов. А, может быть, и делают. Это я у попа спрошу. Он лучше знает.

Рутилов. Уж ты, Ардальон Борисыч, обручальные пояса закажи.

Передонов. Ну, на это у меня и денег не хватит. Я не банкир. А только я на днях во сне видел, что венчают, и на мне атласный фрак, и у нас с Варварой золотые обручальные браслеты. А сзади два директора стоят, над нами венцы держат, и аллилуйю поют.

Володин. Я сегодня тоже интересный сон видел. А к чему он - не знаю. Сижу это я, будто, на троне, в золотой короне, а передо мной травка, а на травке барашки, все барашки; все барашки, бе - бе - бе... Так вот все барашки ходят, и так головой делают, и все этак бе - бе - бе.

Грушина. Ну, что же дальше?

Володин. Ну, и все барашки, все барашки, а тут я и проснулся.

Передонов. Барану и сны бараньи. Важное кушанье - бараний царь.

Варвара. А я сон видела, так это при мужчинах нельзя рассказывать.

Грушина. Ах, голубушка, Варвара Дмитриевна, вот-то в одно слово... И у меня тоже...

Рутилов. Расскажите - мы мужчины скромные, вроде дам.

Грушина. Нет, что вы, что вы... Ни за что нельзя.

Передонова дразнит Недотыкомка. Она прячется близко, показывается иногда, высовываясь из под стола, из-за двери, и опять прячется. Как будто ждет чего - то.

Преполовенская я. В шафера кого звать будете?

Передонов. Рутилова, да Павлушку позову. Да еще одного надо найти.

В а р в а р а. Да куда их так много?

П е р е д о н о в. Тебе, Варвара, одного будет, а мне двух надо. Мне одного мало, - надо мною трудно венец держать. Я - большой человек. И ты мне, Варвара, теперь каждый день своих румян давай.

В а р в а р а. Зачем же это?

П е р е д о н о в. Мне надо каждый день подкрашиваться, а то еще подумают, что я дряхлый, и не назначат инспектором.

В а р в а р а. Ну что ж, подкрашивайся. Мне-то что... Только венчайся скорее.

П е р е д о н о в. Сам Верига красится, чтобы помоложе быть. Не могу же я с белыми щеками венчаться. И ты мне свой корсет дай.

В а р в а р а. Да ты, Ардальон Борисыч, в мой корсет не влезешь.

П е р е д о н о в. Надо было раньше купить; ничего не подумают.

В а р в а р а. Да кто же мужчины носят корсет. Никто не носит.

П е р е д о н о в. Верига носит.

В а р в а р а. Так Верига - старик, а ты, Ардальон Борисыч, слава Богу, мужчина в соку.

П е р е д о н о в. Конечно, я еще лет полтора ста проживу.

В о л о д и н. За ваше здоровье, Ардальон Борисыч... Полтора ста лет прожить, да двести на карачках проползать.

Недотыкомка выползает из под стола. Визжит. В комнате темнеет. Все гости становятся похожими на призраки и понемногу исчезают, заменяясь бредовыми образами.

П е р е д о н о в. Я тебя знаю. Ты, как только за меня замуж выйдешь, так на меня и донсешь, чтоб от меня отделаться. Будешь пенсию получать, а меня на Петропавловске смелют.

В а р в а р а. Петрушку валяешь. Шел бы спать. И гости давно ушли, а ты все колобродишь, не спишь.

Она уходит. Гостей уже нет. На сцене образы бреда Передонова. Неясные страшные фигуры - короли, дамы, валеты: сначала они шепчутся, прячутся от Передонова. Потом становятся смелее, бегают, возятся, дразнят Передонова, кажут ему языки, корчат страшные рожи, растягивая рты.

К о р о л и, д а м ы, в а л е т ы.

- Директор Ардальон Борисычу козни строит. Директор г-на Передонова в ложке воды утопит.

- Утопит. Как пить дать, утопит.

- Он приказывает гимназистам не почитать Ардальона Борисыча.

- Показывать языки г-ну Передонову...

- Вот так...

Около Передонова кружатся десятки и девятки, показывая ему языки.

- Вот и другие в городе лица, которые враждебны Ардальон Борисычу.

- Есть, например, Володин. Все повторяет "будущий инспектор".

- Ясное дело - завидует.

- Ведь бывали же случаи, что люди присваивали чужое имя, и жили себе в свое удовольствие.

- И еще Рутиловы. Вершина со своей Мартой, сослуживцы из зависти, - все рады повредить г-ну Передонову.

- А как же можно повредить такому хорошему человеку, как Ардальон Борисыч...

- Ясное дело, опорочат его в глазах у начальства, выставят человеком неблагонажным.

Пиковая дама с папироскою во рту, от которой распускается густой дым, принимает вид Вершиной и проходит перед Передоновым.

- Женились бы на моей Марте, я бы от вас всех врагов околдовала.

Недотыкомка. А что теперь твоя Варвара делает.

Передонов. Не знаю.

Варвара, из спальни. Ложись спать, Ардальон Борисыч. Что ты впотьмах бродишь?

Недотыкомка. Слышишь, спать тебя посылает... как только ты заснешь, она колдовать на картах станет. Видишь, всех мастей тут ходят.

Передонов. Я карты отниму, к себе под подушку спрячу.

Недотыкомка. Она и без карт умеет.

Передонов. Как без карт.

Недотыкомка. Вот под кроватью кот жметя и сверкает зелеными глазами. На его шерсти можно колдовать... Глядя кота в темноте, чтобы сыпались искры.

Передонов. А ты здесь зачем, тварь?

Недотыкомка. Меня Варвара подсвистывает по ночам тихим свистом. Ты думаешь, она храпит, а это она меня подзывает на твою погибель.

Доносчик, из-за стены. Ты меня не видишь, а я тебя вижу, и о всем донесу.

Передонов. Накрою.

Доносчик. Убегу.

Передонов. Убью.

Доносчик. Нас много, целая армия. Одного убьешь, всех не убьешь.

Короли, дамы и валеты.

- Ты у Вершиной чаю не пей, - отравит.

- Отравить всего легче, - сам выньешь, и не заметишь.

- Яд сладкий бывает. А домой придешь, - и ноги протянешь.

- Ты думаешь, спроста ума у тебя Рутилов курит.

- Вот погоди, спичку заронит, дом сожжет, и ты сгоришь.

- А Володин-таки умеет бараном оборачиваться. Это тоже не спроста.

- Здесь нехороший город.

- И люди здесь злые, скверные.

Пиковая дама. Хороший мужчина, пойдем со мной.

Передонов. Пошла прочь.

Пиковая дама. Нет, ты меня не гони. Я - княгиня Волчанская. Я тебя очень люблю. Хорошенький мужчина, папашка, пойдем со мной.

Передонов. Убирайся.

Пиковая дама. Очаровательный кавалер, не скупитесь пожалуйста, поставь мне хоть полбутылочки портвейну. Куда же ты, папашка? Да, нет, шарлатан, ты от меня не уйдешь.

Передонов. Пошла, пошла прочь, проклятая...

Варвара, выходя из спальни. Что ты орешь, Ардальон Борисыч? Спать не даешь.

При свете свечи, которую Варвара держит в руках, призраки бреда бледнеют и понемногу исчезают. Передонов боязливо озирается.

Передонов. Пиковая дама ко мне лезет в тиковом капоте.

Варвара. Пил бы меньше, так и не мерещилась бы всякая чертовщина. Пойдем в спальню, - я тебе капель дам.

Действие четвертое

У Рутиловых: все четыре сестры сидят за столом. На коричневой скатерти бутылка шерибреда. Кругом нее тарелки с яблоками, орехами, халвой. Лариса ест яблоко, отрезая ножичком по ломтику, и посмеивается.

Дарья громко поет. На сестрах легкие цветные платья, оставляющие руки обнаженными. Людмила босая, у остальных сестер сандалии надеты на босые ноги. Людмила часто подходит к окну.

Д а р ь я.

Где делось платье, где свирель?
Нагой нагу влечет на мель.
Страх гонит стыд, стыд гонит страх.
Пастушка вопиет в слезах;
Забудь, что видел ты.

Л а р и с а. Какие глупые слова... Откуда ты выкопала эту песенку, Дашенька?

Д а р ь я. А мне нравится. Вот тебе и весь сказ.

В а л е р и я. Ей старый песенник попался.

Д а р ь я. Оговариваете, так я и не допою до конца.

В а л е р и я. Людмилочка все еще ждет своего Сашку.

Л ю д м и л а. Он обещал и сегодня притти.

Д а р ь я. Да уж видно, что не придет. Всегда приходит раньше.

Поет.

Мне мокротно молоденьке,
Нигде места не найду.

Л ю д м и л а. А, ну вас... Отстаньте... Саша вижу, что не придет. Что же вы смеетесь?

Плачет.

Д а р ь я. Охти мне...

Л ю д м и л а, всхлипывая, тихонько говорит. Старая корга, противная... не пустил: его, держит, чтоб он греков учил.

Д а р ь я. Да и он-то глупый, уйти не умеет.

В а л е р и я. С малюсеньким связалась.

Л ю д м и л а. Всю эту ночь мне снились такие знойные сны.

Л а р и с а. Расскажи, Людмилочка.

Л ю д м и л а. Мне снилось сначала, что я лежу в душно-натопленной горнице, и одеяло сползает с меня и обнажает мое горячее тело. И вот чешуйчатый змей вполз в мою опочивальню, и поднимается, ползает по дереву.

Д а р ь я. Откуда тут дерево взялось?

В а л е р и я. Что же дальше?

Л ю д м и л а. Не помню. Потом приснилось мне озеро в жаркий летний вечер, под тяжело -надвигающимися тучами, - и я лежала на берегу нагая, с золотым гладким венцом на лбу.

Л а р и с а. Как Леда, как белая Леда, мать красоты.

Л ю д м и л а. Пахло теплою застоявшейся водою и тиною, и изнывающей от зноя травую, - и вода была темная, зловеще спокойная, и по воде плыл белый лебедь, силь-

ный, царственно-величавый. Он шумно бил крыльями по воде, и с громким шипением приблизился, обнял меня. Стало сладко, томно и жутко. И наклонилось надо мной Сашино лицо на шее лебеда.

Д а р ь я. Ну, конечно, я так и знала, что без Саши и сон не в сон.

В а л е р и я. А у змея, у кольчатого.

Л ю д м и л а. Что у змея?

В а л е р и я. Тоже было Сашино лицо?

Л ю д м и л а. Да, Сашино лицо. До синевы бледное, с темными загадочно-печальными глазами. И синевато черные ресницы ревниво закрывая их чарующий взор, спускались тяжело, страшно. Я просыпалась и опять засыпала, и опять видела сон.

В а л е р и я. Ну, Людмилочка, рассказывай дальше, не останавливайся.

Л ю д м и л а. Потом приснилась мне великолепная палата с низкими, грузными сводами.

Л а р и с а. И Саша был?

Л ю д м и л а. Да. И краше всех был Саша. Когда он целует мои руки, - здесь и до самого локтя, и выше, - я чувствую близко его стройное, сильное тело.

Д а р ь я. Охота плакать. Из-за молокососа глаза покраснели. Вот-то уж, можно сказать, чорт с младенцем связался.

Л ю д м и л а. Кто это чорт?

Д а р ь я. Да ты, Людмилочка. Даром, что молодая, а толькоко...

Л ю д м и л а, *странно-звонящим голосом*. Глупости...

Л а р и с а. Сестрицы, не ссорьтесь...

Д а р ь я, *досадливо*. Да чего в нем интересного, скажи пожалуйста...

Л ю д м и л а, *с улыбкою, задумчиво и медленно*. Какой он красавец...

В а л е р и я. А он чистый...

Л ю д м и л а. Много ты понимаешь, маленькая... *Тихо и мечтательно*. Я вовсе не так его люблю, как вы думаете. Любить мальчика лучше, чем влюбиться в пошлую физиономию с усиками. Я его невинно люблю. Мне от него ничего не надо.

Д а р ь я. Не надо, так зачем же ты к нему льнешь. Ну, не дуйся, ведь мы не со зла говорим.

Обнимает Людмилу. Людмила плачет, прикинув к Дарьиному плечу.

Л ю д м и л а. Я знаю, что уж тут мне не на что надеяться, но хоть бы немножко приласкал он меня, хоть бы какнибудь.

Д а р ь я. Ну, что, тоска... Не понимаю, о чем ты плачешь? Ну, уроков сегодня было побольше, и не пришел, а если так тебе хочется его сейчас видеть, - пойди к Коковкиной, да и приведи его сюда.

Л ю д м и л а. А и правда. Если он сегодня не придет, я сама за ним завтра схожу. Сестрицы, а про маскарад вы что слышали? Правда, что его актеры устраивают?

Л а р и с а. Да. В клубе. За лучшие костюмы призы давать будут.

В а л е р и я. А какие призы?

Л а р и с а. Говорят, только врут, кажется, - будто за лучший мужской костюм - велосипед, а за дамский - корову дадут. Наряжайтесь, сестрицы, корову получить можете.

Д а р ь я. Нужна нам очень корова...

Л ю д м и л а. Да и кто будет присуждать призы... Какой у них вкус?

В а л е р и я. Воображаю.

Л ю д м и л а. А я, знаете, сестрицы, что придумала. Нарядить Сашу в женское платье, послать его в маскарад, и чтоб приз ему дали.

Д а р ь я. Вот это будет весело.

В а л е р и я. Воображаю.

Л а р и с а. Правда, это будет забавно. Провести всех в городе. Только почему же вы думаете, что ему дадут приз?

Д а р ь я. Ну, уж если мы за дело возьмемся, то добьемся своего...

Л ю д м и л а. Что ж, сестрицы, согласны?

Д а р ь я. Да, я, конечно... А ты, Валерочка?

В а л е р и я. Мне что ж... Людмилочкин дружок. Да я что ж? Я не прочь помочь... Только он не посмеет.

Д а р ь я. Ну, вот, почему не посмеет? Мы сделаем так, что никто не узнает.

Л ю д м и л а. Мы его нарядим Гейшей.

Д а р ь я. Идет... Гейша, так Гейша...

Сбрасывает с ног сандали, пляшет и поет.

Уходи, немилый, прочь...

Я - разбойницкая дочь.

Ты и молод и пригож,

Только мне ты нехорош;

Не хочу любить купца,

Полюблю я молодца,

Что гуляет здесь и там,

По веселым кабачкам.

Людмила громко хохочет, Лариса улыбается и снимает сандали. То же делает Валерия. Все сестры пляшут и поют.

С е с т р ы.

Сестры милые, бегите.

Сестры милые, сплетите

Цепь из тесно-сжатых рук;..

Вот сплелись мы в пестрый круг,

И в весельи легком нашем

Мы, улыбчивые, пляшем,

Рады радости своей.

Сестры милые, скорей...

Во время их пляски входит Саша. Останавливается у порога, и смотрит на пляшущих.

Л ю д м и л а. Вот он... Хорош... Заставляет ждать...

С а ш а, целуя руки сестрам. Некогда было раньше. Все уроки. Учить надо было.

Л а р и с а. Да никак ты надушился, Саша.

Д а р ь я. Помадой разит.

В а л е р и я. Терпеть не могу помад. Барышня помаженная.

Л ю д м и л а. Пожалуйста, не смей помадиться.

С а ш а. Ну, ладно, не буду... Строгости какие. Душитесь вы духами, и вы, Людмилочка, и Дашенька, и Валерочка, и Лариса Платоновна...

Л ю д м и л а. То духи, а то помада... Глупый... Нашел сравнить. Я никогда не помажусь. Зачем волосы склеивать? Духи совсем не то. Дай-ка я тебя надушу. Желаете?

С а ш а, улыбаясь. Желают.

Л ю д м и л а. Сейчас я духов тебе принесу.

Уходит.

Д а р ь я. Нравится тебе, как мы одеты?

С а ш а. Очень нравится.

Д а р ь я. Вот скоро маскарад будет. Слышал?

С а ш а. Слышал.

Д а р ь я. Мы хотим нарядить тебя барышней, под маской никто не узнает, - да только боимся, что ты струсишь.

С а ш а. Ничего не струшу... И это будет превесело.

Д а р ь я. Весь город обманем. Только ты не проболтайся.

С а ш а. Ни за что...

Радостно смеется и прыгает.

Л ю д м и л а, возвращаясь с пульверизатором и флаконом духов. И пожалуйста, остригись; что хорошего локоны носить. Лошадей прическою пугать...

С а ш а. Ну, ладно, остригусь. Ужасные строгости... У меня еще коротенькие волосы, в пол-дюйма, еще инспектор мне о волосах не говорил.

Л ю д м и л а. Я люблю остриженных молодых людей, заметь это. И я тебе не инспектор, меня надо слушаться.

Брызгает на Сашу духами.

Д а р ь я. А знаете, мы ему костюм сделаем. Вот я вам покажу образчик, пойдем ко мне.

Уходит с Ларисой и Валерией.

С а ш а. Какие странные...

Л ю д м и л а. А ты на руку попробуй.

С а ш а. Какой душный запах...

Л ю д м и л а. Это цикламен. Три духа живут в цикламене. Сладкою амброзией пахнет бедный цветок, - это для рабочих пчел.

С а ш а. Для рабочих пчел?

Л ю д м и л а. Сладкая амброзия и над ней гудят пчелы, это - его радость. И еще он пахнет нежною ванилью, и уж это не для пчел, а для того о ком мечтают.

С а ш а. О ком мечтают?

Л ю д м и л а. И это его желание, - цветок и золотое солнце над ним.

С а ш а. Амброзия, ваниль, - пчелкам, желанному, а третий дух цикламена?

Л ю д м и л а. Слушай. Третий его дух, - он пахнет нежным, сладким телом, для того, кто любит, и это, - его любовь.

С а ш а. Радость, желание, любовь.

Л ю д м и л а. Его любовь, бедный цветок и полдневный тяжелый зной. Пчела, солнце, зной, - понимаешь, мой светик.

С а ш а. Пчела, солнце, зной.

Л ю д м и л а. Он радуется нежный и солнечный цикламен, он влечет к желаниям, от которых сладко и стыдно, он волнует кровь. Понимаешь, мое солнышко, когда сладко, и радостно, и больно, и хочется плакать. Понимаешь? Вот он какой...

Целует Сашу.

С а ш а. Три духа живут в цикламене.

Л ю д м и л а. А уж и красив ты, Саша.

С а ш а. Тоже придумаете. Это вот ты красивая и нарядная.

Л ю д м и л а. Разве нарядная? Видишь - босая.

С а ш а. Уж ты всегда нарядная.

Л ю д м и л а. И ты все хорошеешь, Саша...

С а ш а, *застенчиво смеясь*. Придумаете тоже... Я же не барышня... Чего мне хорошееть?

Л ю д м и л а. Лицо прекрасное.

С а ш а. Еще войдет кто.

Л ю д м и л а. Кому входить... Да мы пойдем в мою комнату, в дверь никто не попадет, даже сестрицы не увидят.

С а ш а. Ну, не надо, Людмилочка.

Л ю д м и л а. Глупый, отчего не надо?

Вдруг плачет.

С а ш а. Что же вы плачете, милая Людмилочка?

Людмила порывисто бросается перед Сашей на колени, целует его руки, и страстно шепчет.

Л ю д м и л а. Милый кумир мой...

Уходят в Людмилину комнату. Входят Дарья и Валерия

Действие пятое

Маскарад в общественном собрании (городском клубе). В глубине сцены, за широкою аркою, танцевальный зал. Перед ним - гостиная. Справа - часть столовой, со столиками. Слева - площадка выходной запасной лестницы, наглухо отделенная от гостиной и полуосвещенная. Обстановка зала, столовой и гостиной производят впечатление неопрятности и заношенности. Потолки невысокие. Стены закоптелые, как и потолки; кривые люстры кажутся громадными, тяжелыми, отнимающими много воздуха. У дверей полинялые занавесы. Гостей много. Почти все наряжены в разные, по большей части, самодельные и нелепые костюмы. Много мужчин под хмельком. То здесь, то там собираются толпы, слышатся восклицания и смех, - ходят за наряженными, костюмы которых привлекают общее внимание.

Г о с т и.

- Это зачем же мне дали два билетика?

- Ну, вот, будто не читали в афишах?

- Я приезжий.

- Видите, это для присуждения призов. Один билетик розовый, вы дадите той маске, у которой лучший женский костюм.

- Значит, я должен выбрать, какой мне больше понравится, тому и отдам?

- Вот, вот.

- Себе можно взять.

- Зачем себе?

- А если, по моему, мой костюм, самый лучший?

- А, вот что... Ну что ж, конечно, ведь спрашивать не станут, кому вы свой отдали.

Хоть оба себе оставьте.

- Вот, придумали тоже.

- Да, право...

- Ну, и приз...

- Да, вначале-то говорили, что даме дадут за лучший костюм корову, а мужчине - велосипед.

- Вот это я понимаю... Вот это призы.

- А, срам сказать, - всер даме, альбом - мужчине.

- Стоило тратиться на костюмы.

- Это просто насмешка, такие призы...

- Должны были сразу объявить.

- Это только у вас возможно делать такие вещи с публикой.

- Ну, все-таки какой-нибудь приз, а получить лестно.

Д а р ь я, *наряжена турчанкой.* И вовсе не лестно. Хоть бы и корову дали, - нужна она мне?

Л ю д м и л а, *наряжена цыганкою.* Да и кто будет присуждать призы... Какой у них вкус?

Д а р ь я. Ну, смотрите же, помните уговор, - все билетики, которые нам дадут, Саше передать.

В а л е р и я, *наряжена испанкою.* Да уж ладно. Людмилочкин дружок...

Л ю д м и л а. Ты, Саша, смелее. За нас не прячься. Никто тебя не узнает.

С а ш а, *наряжен гейшою*. Да я и не боюсь. Только как бы парик не свалился.

Л ю д м и л а. Не свалится. Иди в залу, показывайся всем. Смотрите ка, уж на него за-
сматриваются.

В а р в а р а, *наряжена кухаркою*. Что же это у вас за костюм, Марья Осиповна?

Г р у ш и н а, *в очень легкой одежде*. Диана.

В а р в а р а. Что же вы ошейник не надели?

Г р у ш и н а. Зачем мне ошейник?

В а р в а р а. Да как же? Собакой Дианкой вырядиться вздумали.

Г р у ш и н а. Ну, вот придумали. Вовсе не Дианка, а богиня Диана. Да разве я на со-
баку похожа?

В а р в а р а. Голо уж очень.

Г р у ш и н а. Зато все мужчины так за мной и тянутся.

В а р в а р а. А что же складок так много?

Г р у ш и н а. Конфект напихать можно для моих чертенят.

Л ю д м и л а, *брату, проходя*. ...Смело открылась и какое красивое тело... А на коже
- блошьи укусы, ухватки грубые, слова пошлые.

Р у т и л о в. Снова поруганная телесная красота.

П е р е д о н о в. Ты думаешь, Платон Платонович, этот маскарад для чего затеяли?
Нарочно, чтобы меня подловить.

Р у т и л о в. Зачем же ты сюда пришел? Да еще и не замаскировался, в сюртуке.

П е р е д о н о в. Чтобы видеть самому, какие злоумышления затеваются.

*Нотариус Гудаевский изображает дикого американца. В волосах - петушьи перья, маска
медно-красная с нелепыми зелеными разводами, кожаная куртка, клетчатый плед через
плечо, кожаные высокие сапоги с зелеными кисточками. Он машет руками, прыгает, хо-
дит гимнастическим шагом, вынося далеко вперед сильно согнутое голое кольцо. Кричит
зычно.*

Г у д а е в с к и й. Гайавата... Маловато... Ай да вата... Томагавк... Уф... уф... уф...
Мокасины... Апельсины... Керосины... Ориноко... Око...

*Гудаевская наряжена колосом. Пестрое платье из зеленых и желтых лоскутьев. Во все
стороны торчат натыканые повсюду колосья. Они всех задевают и колют. Ее дергают,
ощипывают.*

Г у д а е в с к а я. Свины. Нахалы... Царапаться буду...

Г о с т и.

- Откуда она столько колосьев набрала?

- С лета запасла.

- Каждый день в поле воровать ходила.

Г у д а е в с к а я. Врешь... Не тронь... Укушу... Американец, двинь ему в морду...

Б е з у с ы й ч и н о в н и к. Неужели вам не нравится костюм колос?

С к р о м н ы й г о с т ь. Да как вам сказать...

Б е з у с ы й ч и н о в н и к. Честное слово, это лучший костюм. Вы ей хотите отдать
ваш розовый билетик?

С к р о м н ы й г о с т ь. Да я, право, еще не знаю.

Б е з у с ы й ч и н о в н и к. Давайте мне, я ей передам.

*Вырывает из рук скромного гостя билетик и убегает. Скромный гость стоит в нерешит-
ельности.*

Унылая дама, наряженная ночью. Дайте мне ваш билетик.
Передонов. Что за вы... Билетик тебе? Рылом не вышла.

Ночь сердито ворчит и отходит.

Гости.

- Медведица, медведица идет... Умора...
- Поднести бы ей водочки...

Учительница Скобочкина наряжена медведицей. На плечах - медвежья шкура. На голове сверх полумаски положена медвежья голова, как шлем. Сложение дюжее, голос зычный. Ходит тяжело и рывкает на весь зал.

Скобочкина, Передонову. Я тебя съем, доносчик.
Передонов. Караул...

Бежит, натякивается на Гудаевского.

Гудаевский. Белолицый брат, доносчик, бойся моего томагавка.

Бежит в зал. Хохот. Скобочкину окружают купчики. Ведут к буфету.

Гости.

- Мадам медведица, дозвольте угостить вас водочкою.
- Марья Потаповна, г-жа Топтыгина, опрокиньте шкалик.
- Берет... берет...
- Поглядите ка, медведица водку дует...
- А ведь ей, пожалуй, приз дадут.
- Ну где там... Есть и получше маски...
- Вон она рюмку за рюмкой дует. - Охмелеет.
- Да уж не без того...
- Какие ей билетики дадут, она и те растеряет.
- Это вы правильно. Пьяная баба уж известно.
- Бабу подпойть не трудно.
- Не стоит ей и билетиков давать, - все равно проворонит.
- Глядите, глядите, какой молодец...
- Ну, и дюжий парень... А руки-то... Вот так мускулы... Этот облапит, - необрадуешься.

Проходит актер Бенгальский, одетый древним германцем. За ним толпятся дамы.

Дамы.

- Какой богатырь... Душка... Восхищение...
- Ах, взглянуть бы на личико...
- Ах, какая прелесть... А вы знаете, кто это?
- Кто - актер Бенгальский.
- Я сразу узнала, только не хотела говорить.
- Обожаемый... Несравненный...
- Вы ему, конечно, отдадите билетик.
- Конечно, ему. - Я ему уже, отдала свой билетик.

Гости.

- Да уж лучше актеру давать.

- Я тоже думаю лучше актеру или актрисе давать. А то, если кто из наших голучит приз, так хвастовством замучат.

- Истинная правда... Уж у нас такой город...

Г у д а е в с к и й. Гайавата... Бледнолицые братья... давайте мне ваши билеты, если хотите курить со мной трубку мира.

Г о с т и.

- А вы знаете, как Каштанова наряжена.

- Да разве она здесь?

- Здесь. - А говорили, у нее сын болен.

- Ну, актриса посмотрит на сына... Нет... это я верно знаю, что она здесь... Сам сейчас с ней разговаривал.

- Да что вы... Кокетничает напропалую.

- А как наряжена-то.

- Да вон, глядите гейша...

- Как она мила... Очаровательна...

- Господа, господа, собирать билетки гейше.

- Гайавата... Колос лучше гейши...

- Гайавата, кому дороги интересы искусства, сыпьте билетки гейше.

- Интересы искусства припшел...

- А вы не толкайтесь...

- А это что за голышка...

- Вот так-так...

- Ну и выголилась...

- Гайавата... Головата...

- А ванпостищи-то у нее какие...

- А спина-то, спина...

- А спина-то, спина, до самого пояса голая...

- Да никак на ней и рубашки нет...

- Ну, какая там рубашка...

- Эх, вы, батенька, чего хватились...

- Кому дороги интересы искусства...

Д а м ы.

- Что за безобразие...

- Какая неприличность...

- Возмутительно...

- Но чего же смотрят старшины...

- Надо протестовать...

- Мы протестуемся...

- У меня здесь дочь барышня...

П ь я н ы й к у п ч и к. А вы бы, сударыня, вашей дочке барышне не велели смотреть, а мы желаем. Потому что интересы искусства. Что у вас дочка барышня, это нам нисколько даже не трогательно, и наплевать.

П о ж и л а я д а м а. Нахал... Я с вами говорю...

П ь я н ы й к у п ч и к. Между прочим, маменька, такие слова никак невозможно произносить в публичном месте, - мирочка у нас - человек строгий, и не позволяет.

П о ж и л а я д а м а. Я не желаю с вами разговаривать.

Пьяный купчик. При взаимном желании. Адью-с... Вашей дочке, барышне наилучшие пожелания. И не сердитесь, маменька, потому, как я человек - пьяный, и еще выпить желающий.

Пожилая дама. Что здесь за публика... Это Бедлам какой-то...

Гости.

- Лорнет растопырила...
- Столичная барыня...
- Здешняя публика ей не по носу...
- Ехала бы в Париж... Там бы тебе показали виды.
- Именно, брат, почище наших.
- А между прочим исправнику дамочки пожаловались.
- Исправник идет...
- Голышку одевать...

Миньчук ов. Сударыня, прикрыться надо.

Грушина. А что ж такое? У меня ничего неприличного не видно.

Миньчук ов. Сударыня, дамы обижаются...

Грушина. Наплевать мне на ваших дам...

Миньчук ов. Нет, уж, сударыня, вы хоть носовым платочком грудку да спинку потрудитесь прикрыть.

Грушина. А если я платок засморкала.

Миньчук ов. Уж как вам угодно, сударыня, а только, если не прикроетесь, удалить придется.

Грушина. Очень даже нехорошо с вашей стороны так притеснять бедную вдову...

Где я стану закрываться?

Миньчук ов. Пожалуйте в дамскую уборную...

Грушина. Чорт знает, что такое... объявили костюмированный бал, а костюмироваться нельзя, как хочешь.

Тишков. Я билетик мой отдам прелестнейшей из дам.

Саша, приседая. Хи-хи... Благодарю...

Тишков. Все от вас, сударыня, в ажитации, а сами вы какой будете нации?

Саша. Японка.

Тишков. Имею честь говорить с японкой, барышней тонкой. Позвольте угостить шампанским.

Саша. Не пью.

Тишков. Не пьете, значит, не живете в заботе, с чем имею честь поздравить?

Володин пляшет в присядку.

Старшина. Не извольте безобразничать. Так нельзя-с.

Володин. Ну, если нельзя, то я и не буду.

Мещанин. А я желаю разделявать...

Пляшет трепака с ожесточением.

Старшина. Послушайте, нельзя-с... Потрудитесь прекратить. Вам ли я говорю, милостивый государь?

Гости.

- Ну, этого не легко унять.
- Старшина-то, аж покраснел, сердяга...

- Покраснеешь с таким субъектом.
- Лакеев кликнул.
- Давно бы так.
- Выводит.
- И по делом...

М е щ а н и н. По какому праву? За свой полтинник?

Его выводят. Володин провожает, кривляясь, осклабясь, приплясывая...

Г о с т и.

- Новая маска... Ужасно оригинальная...
- Ну, эта кажется, получше всех будет...
- Ай да маска...

Шум, хохот, одобрительные восклицания. Все теснятся взглянуть на новую маску. Среди толпы проходит тощий длинный, в заплатанном, засаленном халате, с веником под мышкой, с шапкой в руке. На нем картонная маска, - глупое лицо с узенькою бороною, с бачками, а на голове фуражка.

М а с к а. Мне сказали, что здесь маскарад, а здесь и не моются.

В о л о д и н. Приз, поди, получит.

Грушина показывает Володину пару персиков, шепчет.

- Сама промыслила.

В о л о д и н. В буфете.

Г р у ш и н а. Да.

В о л о д и н. Ну... Пойду и я, коли так...

Г р у ш и н а. Ну, вот я и закрылась... А кавалеров все-таки у меня больше, чем у этих дамочек.

Г о с т и.

- Веселая дама Дуанка...
- Из буфета, да и опять туда же...
- А что ей и делать?

Л ю д м и л а, *подходя к Передонову.* Барин мой милый, дай я тебе погадаю.

П е р е д о н о в. Пошла к черту... Испугала... из под земли выскочила...

Л ю д м и л а. Барин хороший, золотой мой барин, дай мне ручку левую. По лицу вижу, богатый будешь, большой начальник будешь.

П е р е д о н о в. Ну, смотри, да только хорошо, гадай. Мне место нужно. Княгиня обещала, да все не дает, не могу дожидаться.

Л ю д м и л а. Княгиня в тебя влюбилась. Она все для тебя сделает, - только враги против тебя интригируют.

П е р е д о н о в. А где княгиня? Правда, что она в наш город приехала?

Л ю д м и л а. Правда, правда, яхонтовый мой барин. Ай, барин мой бриллиантовый... врагов у тебя много.

П е р е д о н о в. Это я и сам знаю. Не даром нож с собою взял, - в кармане держу.

Л ю д м и л а. Донесут на тебя, плакать будешь, умрешь под забором.

П е р е д о н о в. Ах, ты тварь...

Выдергивает руку. Людмила проворно скрывается в толпе. Недотыкомка, которая все время неясным обликом маячила около Передонова, теперь является в своем настоящем виде, визжит, катается, издевается над Передоновым.

Недотыкомка. Донесут... Погубят... Отравят... А то в Петропавловске на мельнице смелют, и в Неву высыплют.

Рядом с Передоновым садится Валерия. Смотрит на него притворно ласково.

Валерия.

Я испанка молодая.

Я люблю таких мужчин,

А жена твоя худая,

Мой прелестный господин...

Передонов. Врешь, дура...

Валерия.

Жарче дня и слаше ночи

Мой севильский поцелуй,

А жене ты прямо в очи

Очень глупые наплюй.

У тебя жена Варвара,

Ты - красавец Ардальон.

Вы с Варварою - не пара, -

Ты умен, как Соломон.

Передонов. Это верно ты говоришь. Только как же я ей в глаза плюну. Она княгине пожалуется, и мне места не дадут.

Валерия. А на что тебе место? Ты и без места хорош.

Передонов. Ну да, как же я могу, если мне не дадут места?

Маска, *обмахиваясь веником.* Вот так банька.

Передонов. Вон там у него Недотыкомка. Позеленела, шельма.

Недотыкомка, *юлит около Передонова.* Я здесь. Я от тебя никуда не уйду.

Становится мглисто и кошмарно. В зале танцуют. Слышен топот, смех. Проносятся уродливые пары и отдельные маски.

Недотыкомка. Ты не зевай. Сегодня все решится.

Танцующие мчатся мимо Передонова. Кажутся ему злыми. Издевающимися над ним.

Варвара. Ардальон Борисыч, ты бы нас с Павлом Васильевичем ужином угостил. А то теперь нечего смотреть-то будет. Сейчас будут призы присуждать, уж старшины в кабинет пошли.

Передонов. Я угощу, мне не жалко, только чтобы Павлушка не злоумышлял.

Садятся за один из столиков. Заказывают ужин.

Передонов. Зачем ножи?

Варвара. Нельзя без ножей.

Передонов. Китайцы едят же палочками.

Варвара. Ну, будет тебе, Ардальон Борисыч. Вот так выдумал на днях, что ножи наговорены, да нашептаны, так мы целую неделю из-за этого не жарили мяса, щи да кашу варили. Одичали, как вегетарианцы. Наконец самому надоело.

В о л о д и н. Здесь некому ножичков наговаривать, Ардаша. А без вилочки и без ножичка неудобно кушать.

П е р е д о н о в. Ну, вы как хотите, а я ложкой буду. Как раз сам на нож нарежешься. Да я не дурак, у меня свой нож есть.

Хлопает себя по боковому карману.

В а р в а р а. Еще бы... Врагов-то у тебя много, как раз зарежут... Да и как тебе не завидовать... Не у всякого есть княгиня. Уж наверное на тебя донесли, обнесли тебя перед начальством да и перед княгиней.

П е р е д о н о в. Как же мне быть... Беды...

В о л о д и н. А вы, Ардальон Борисыч, ничего не бойтесь, все обойдется по хорошему.

Во время этого разговора шум в клубе понемногу затихает. Музыка не играет. Гости ходят, тихо разговаривая. В залах - жуткое ожидание. Передонову кажется, что согляда-таи сторожат его, проходят мимо, смотрят на него украдкой. Он боязливо озирается.

П е р е д о н о в. Варя, а княгиня, пожалуй, недовольна мной.

В а р в а р а. Может быть, и недовольна. Зачем всем хвастался? И письмо княгинино потерял.

П е р е д о н о в. Разве она не могла прислать на свадьбу образа или калача?

Х р и п а ч. Поужинаем.

Г - ж а Х р и п а ч. Пожалуй... О, нет, после...

Х р и п а ч. А что?

Г - ж а Х р и п а ч. Там сидят Передоновы. Она начнет разговаривать.

Х р и п а ч. Да, неприятная компания.

Г - ж а Х р и п а ч. Она жалкая и бесконечно низменная. С нею никак невозможно быть в равных отношениях. В ней ничто не корреспондирует ее положение.

Х р и п а ч. Она - вполне корреспондирует мужу. Жду с нетерпением, когда его от нас возьмут. Он производит впечатление совершенно сумасшедшего человека.

Г - ж а Х р и п а ч. Неужели он еще ходит в гимназию?

Х р и п а ч. Нет. Мне удалось его сказать больным и сидеть дома.

П р е п о л о в е н с к а я, *Вершиной.* Да она сама мне проболталась.

В е р ш и н а. Неужели? Вот какая глупая. Дело сделала, а концов в воду спрятать не сумела.

П р е п о л о в е н с к а я. Под хмельком дело было. После свадьбы она с радости часто стала накачиваться. Особенно с Грушиной они, как сойдутся, так и начинают наливкою упиваться.

В е р ш и н а. И неужели она вам так-таки прямо сказала как они надули Передонова.

П р е п о л о в е н с к а я. Нет, всего-то она не сказала, настолько-то хитрости есть, да и Грушина в соседней комнате с Володиным о чем-то болтала, - а так намеками. Но как только она стала плести, да подмигивать, так меня словно осенило. Ну, думаю, как было, сразу не догадаться... А я то, чем бы ему, дураку, глаза открыть, еще помогала им свадьбу устроить.

В е р ш и н а. А с чего это они за городом венчались?

Преполовенская я. Ну, все таки, знаете, им неловко было: Сколько лет в городе жили, и все она за сестру шла, а тут вдруг венчаться. Никому и говорить не хотели, когда венчаются, даже от шаферов до самой последней минуты в секрете держали.

Вершина. А что же это их уличные мальчишки при въезде в город после венца встретили, да всякой дрянью забросали.

Преполовенская я. Ну, это я думаю, та же Грушина мальчишек подговорила. Гадкая баба... ей бы только скандал устроить... А уж как они венчались... один срам.

Вершина. Воображаю.

Преполовенская я. Ардальон Борисыч не то пьян с утра был, не то сильно не в духе.

Вершина. Просто с ума сходит человек.

Преполовенская я. Похоже на то. Его венчают, а он зевает, бормочет, Варвару толкает, ворчит, что пахнет ладаном, воском, мужичьем. А и не было в церкви почти никого, кроме нас. Только какие-то две три старушенки да сестры Рутиловы. Обернется Ардальон Борисыч к Рутилону, да и жалуется, чуть не в слух: твои, говорит, сестры все смеются, печенку смехом просверлят.

Вершина. Что ж, они в самом деле смеялись?

Преполовенская я. Ну, где там... Станут они в церкви смеяться. Так перешептывались, Людмила с Валерочкой хихикали иногда.

Вершина. На такого безобразника глядя, и не хочешь, да засмеешься.

Преполовенская я. Сидят здесь, ужинают втроем.

Вершина. С Володиным все Ардальон Борисыч. Неразлучные.

Преполовенская я. Это он боится выпустить Володина с глаз, чтобы тот с Варварой не сговорился его погубить. Все врагов боится.

Вершина. Боюсь, как бы у них худо не кончилось. Все ждет места, все не дожидется, - в ярость придет, уколошит Варвару с пьяных глаз.

Передонов. Кто это сюда заглядывает? Уж не княгиня ли?

Варвара. Не знаю. Может быть, и княгиня.

Передонов. Подслушивает.

Варвара. Может быть, и подслушивает.

Передонов. Я пойду, посмотрю.

Проходит по гостиной.

Варвара. Пусть поищет. Прежде он меня мучил, - а теперь я его помучу.

Рутилон, Вершиной. Вон Передонов ходит. Мрачный, как сыч. Высматривает соглядатаев. Одурачила его Варвара.

Вершина. Я очень рада. Так ему и надо.

Рутилон. Вот-то уж по делом.

Вершина. Я, как он мне письмо показал, сразу догадалась, то дело не чисто. Я и рада была, а то он повадился к нам, на мою Марту поглядывал. Но моя Марта лучше жениха нашла - за Мурина выходит.

Рутилон. А мы думали, Мурин за вами ухаживает.

Вершина. Уж пусть лучше Марта выходит. Она - девушка небогатая, да и семья у них большая. А я, слава Богу, человек обеспеченный. Я еще хочу на воле пожить.

Гимназисты.

- Вон Передонов ходит. Подойдемте. Что нибудь ляпнет глупое.

- Нет, от него уж лучше подальше. Кроме грубостей и сальностей от него ничего не услышишь.

- Да, забавно.

- Не в моем вкусе.

- Ах, ты цирлих манирлих. Да что это с ним? С перепою, или совсем с ума спятил?

- Мне верный человек говорил, в канцелярии бумагу видел, - директор донес попечителю округа, что Передонов сошел с ума. Говорят, что оттуда пришлют комиссию его освидетельствовать, а потом уберут из гимназии.

- Жаль парня... Кончившие говорят, что прежде он хороший учитель был...

- Говорят. Только знал мало, и леноват всегда был, к урокам не готовился. Тетрадки просматривать Рутилова нанимал.

- Нашел грамотея...

- То-то он в последнее время единицы да двойки зря лепил.

- Пойдем хоть лимонаду выпьем. Пивка нельзя.

Р у т и л о в. Что, Варвара Дмитриевна, новенькие письма от княгини еще не готовы?

В а р в а р а. Какие такие письма?

Р у т и л о в. Да уж знаем...

В а р в а р а. А знаете, так помалкивайте.

Р у т и л о в. А зачем это Ардальон Борисыч сегодня к жандармскому ходил? Опять на кого-нибудь доносец. Хоть бы вы его воздержали, - ведь и подло, и глупо.

В а р в а р а. А уж и правда, есть здесь такие личности на кого следовало бы донести.

Р у т и л о в. Например?

В а р в а р а. Да уж мы знаем.

Р у т и л о в. А вы знаете, что жандармский делает с доносами Ардальона Борисыча?

В а р в а р а. Откуда же мне знать. Я сплетни не собираю.

Р у т и л о в. Уж будто бы...

В а р в а р а. Это вот ваши сестрицы по городу ходят узнают, где что.

Р у т и л о в. Вот, вот, только им и дела. Ну, а все-таки как вы думаете, доносы-то куда идут.

В а р в а р а. Известно куда, - по начальству. Там разберут.

Р у т и л о в. Нет, Варвара Дмитриевна, жандармский-то все доносы, которые ему Ардальон Борисыч приносит, прямо к директору направляет. Уж очень нелепо, совсем ерундистые.

В о л о д и н. Если он поставлен за порядком следить, и ему доносят, а он не изволит внимания обращать, а только пересмеивает, то я не знаю, как это надо понимать, в каком смысле...

Р у т и л о в. Да ерунда зеленая... На пиковую даму вдруг донос...

В о л о д и н. Пиковые дамы тоже всякие бывают, Платон Платонович. Это надо понимать.

Р у т и л о в. Однако, что-то долго наши старшины заседают. Интересно, кому-то приз достанется.

Среди гостей мало по малу начинаются сердитые разговоры, нетерпеливый ропот.

Г о с т и.

- Кому вы думаете, приз дадут. Думаете, нашим. А кому? Да, актерам. Вот вы увидите.

- Актеру, да актрисе уж это верно, как в аптеке.

Передонов. Варвара, ты с кем тут шушукалась?

Варвара. Да вот Рутилов подходит.

Передонов. А княгиня не была?

Варвара. Не видела.

Володин. Если княгиня изволит здесь быть, так она беспрерывно в маске, и ее не узнать.

Передонов. И дома у нас возле соглядатаи сидят. И здесь от них не уйдешь. Ты, Варька, меня не бережешь.

Варвара. Сокровище... С пьяных глаз тебе нивесть что мерещится.

Передонов. Вон там из-за двери валет подсматривает. Глаз сверкнет, злой и острый. А вон кот идет.

Володин. Это, Ардаша, кто-то изволит замаскироваться котом, а настоящих котов здесь нет.

Передонов. А вот под стульями по углам Недотыкомка бегают. Повизгивают.

Володин. Отчего же, Ардаша, мы ее не видим? Какая-то она из себя будет?

Передонов. Грязная, вонючая, противная и страшная.

Володин. Зачем же она здесь?

Передонов. Она для меня прикатилась. Раньше никогда и нигде ее не было. Ее сделали и наговорили. Вот она и живет, мне на страх и на погибель. Следит за мною обманывает, смеется. Ты думаешь, она всегда одинаковая. Нет. То она по полу катается... то прикинется тряпкою, лентою, веткою, флагом, тучкою, собачкою, столбом пыли на улице. Везде ползет и - бежит за мной. Измаяла, истомила меня своей зыбкой пляской. Хоть бы кто нибудь избавил меня от нее.

Володин. А как же, Ардаша, от нее избавить тебя можно, мы с Варварою Дмитриевною сделаем, что надо.

Передонов. Словом каким-нибудь, или ударить ее наотмашь. Да нет здесь у меня друзей. Никто не пойдет спасать. Надо самому исхитриться, пока не погубила ехидная.

Варвара. Чего только не придумает... Сочинил какую-то Недотыкомку, и все она ему мерещится, и всякие шутки он с ней выкидывает. На днях намазал пол клеем, чтобы Недотыкомка прилипла. Я не знала, хожу себе. Да что такое, думаю, подошвы прилипают. Смотрю я, весь пол в клею.

Передонов. Вон шестерка с семеркой идут.

Володин. Это, Ардаша, гимназисты.

Передонов. А вон восьмерка. Хвост-то у нее какой. А Недотыкомка хрюкает. Небось к какому-нибудь начальнику не посмела бы забраться. Не пустят. Лакеи швабрами заколошмятят.

Володин. Да тебе, Ардальон Борисыч, кажется.

Передонов. Не все же кажется... Есть же и правда на свете. Убью, зарежу, законопачу...

Торопливо идет в гостиную.

Варвара. Побесись... Злитесь... Думает, что я его обманула, и злится.

Володин. А вдруг Ардальон Борисыч с ума изволит сойти.

Варвара. С ума не сойдет, - сходить дураку не с чего. Да мне что ж... Пенсию дадут, проживу.

Г р у ш и н а. Душечка Варвара Дмитриевна, погуляемте.

Уходят.

Р у т и л о в. Что, Павел Васильевич, с чего это у вас такая дружба с Ардальон Борисычем? Где один, там и другой.

В о л о д и н. Потому, как Варвара его обманула, а он молвит, что один я ему верный друг, он ко мне и вяжется.

П е р е д о н о в. Княгиня здесь, я ее видел.

Р у т и л о в. Какая же она?

П е р е д о н о в. Желтая. Все лицо в морщинах. Горбатая клыкастая, злая. Все за мной таскается.

Р у т и л о в. Красавица...

П е р е д о н о в. Ей двести лет. И она хочет, чтобы я опять с ней снюхался. До тех пор и места не хочет дать.

В о л о д и н. Скажите, чего захотела... Старбень этакая...

П е р е д о н о в. Все мне шпионов подсылает. Да, я не прост: Там у меня за обоями уже один запрятан. Вот ужо другого под полку заколочу. Вон у меня в квартире слышал из-за обоев.

В о л о д и н. Нет, не слышал.

П е р е д о н о в. Нос у тебя заложило. Недаром у тебя нос покраснел. Гниет там, за обоями.

В зале и гостиной становится шумно. Звонят в колокольчик. В гостиную выходят судьи конкурса: Верига, Авиновицкий, Кириллов и другие старшины клуба. Становятся у арки, отделяющей гостиную от зала, и выжидают, когда шум затихнет. Толпа в гостиной и в зале сдвигается с шумом и криками к судьям. После шума, произведенного этим передвижением, и после нескольких отдельных выкриков вдруг становится тихо.

А в и н о в и ц к и й. Приз, альбом, за лучший мужской костюм, по большинству полученных билетиков, господину в костюме древнего германца.

Высоко поднимает альбом и сердито смотрит на столпившихся гостей. Бенгальский в костюме древнего германца, пробирается через толпу. На него смотрят враждебно. Даже не дают дороги.

У н ы л а я д а м а, в костюме ночи. Не толкайтесь, пожалуйста.

Г о с т и.

- Приз дали, так уж и вообразил о себе, что дамы перед ним расстилаться должны.

- Гайавата... Подловато...

Б е н г а л ь с к и й. Если сами не пускаете...

Кое-как добирается до судей. Берет альбом из рук Вериги, музыка играет туш. Звуки музыки покрываются бесчисленным шумом. Бенгальского окружают, дергают его.

Г о с т и.

- Негодяй... Украл приз... Снимите маску.

- Сами себе присуждают...

Бенгальский молчит. Стесняется пустить в ход силу, чтобы пробиться сквозь толпу. Альбом стесняет его движения. Гудаевский схватывается за альбом. В то время кто-то срывает с Бенгальского маску.

Г о с т и.

- Актер и есть.
- Как говорили, так и вышло...

Б е н г а л ь с к и й. Ну, актер, так что же из этого? Ведь вы же сами давали билеты...

Г о с т и.

- А маскарад-то кто устраивал?
- Подсыпать билетов своему можно.
- Билеты вы ведь сами печатали.
- Своя рука владыка.
- Столько и публики нет, сколько билетов роздано.
- Он полсотни билетов в кармане принес.

Б е н г а л ь с к и й. Это подло так говорить. Проверьте, кому угодно, - по числу посетителей можно проверить.

В е р и г а. Господа, успокойтесь... Никакого обмана нет. Ручаюсь за это: число билетов проверено по входным.

В толпе слышны голоса старшин и благоразумных.

Г о с т и.

- Господа, успокойтесь...
- Чорт с ним, - пусть подавится альбомом.
- Стоит из-за альбома шуметь...
- Ну, его ко всем дьяволам...
- Господа, интересно, кому они дамский приз дали?
- Кому веер?
- Господа, помолчите минутку.

В е р и г а. Господа, наибольшее число билетиков за дамский костюм получено дамою в костюме гейши, которой и присужден приз, веер. Гейша, пожалуйста сюда. Веер ваш; господа, покорнейше прошу вас, будьте любезны, дорогу гейше.

Музыка играет. Сашу, подталкивают, пропускают, выводят вперед. Верига с любезною улыбкою вручает ей веер, и говорит что-то, но его слова не слышны, - опять начинается сильный шум. Саша приседает, говорит что-то невнятное, хихикает, поднимает пальчик. В зале и гостиной поднимается неистовый гвалт. Слышны свистки. Все стремительно надвигаются на Сашу.

Г у д а е в с к а я. Приседай, подлянка...

Саша бросается к выходу. Его не пускают.

Г о с т и.

- Застаньте ее снять маску...
- Маску долой...
- Лови ее, держи...
- Срывайте с нее маску...
- Отнимите веер.

Г у д а е в с к а я. Знаете ли вы, кому приз? Актрисе Каштановой. Она чужого мужа отбила, а ей - приз. Честным дамам не дают, а подлянке дали.

Бросается на Сашу, пронзительно визжа и сжимая кулаки. За ней на Сашу нападают и другие. Саша отчаянно отбивается. Веер сломали, вырвали, бросили на пол, топтали,

толпа с Сашей в середине бешено мечется по зале, сбивая с ног зазевавшихся наблюдателей. Рутиловы и старшина клуба не могут пробиться к Саше. Саша визжит пронзительно, царапается и кусается. Маску крепко поддерживает-то правой, то левой рукой.

О з л о б л е н н а я   д а м а. Бить их всех надо.

Г р у ш и н а. Щиплите ее, щиплите подлянку...

Мачигин, держась за нос, из которого капает кровь, выскакивает из толпы.

М а ч и г и н. Прямо в нос кулаком двинули.

Г о с т ь. Ловко... Это, брат, она по-японски действует...

Какой-то свирепый молодой человек, вцепившись зубами в гейшин рукав, разрывает его до половины.

С а ш а. Спасите.

Володин выбирается с трудом из толпы. В его руках - рукав от гейшина платья. Повязывает им себе голову.

В о л о д и н. Пригодится.

Гримасничает, хохочет, с диким визгом пляшет над обломками веера. Передонов смотрит на него с ужасом.

П е р е д о н о в,   В е р ш и н о й. Пляшет. Радуетя чему-то. Так он на моей могиле спляшет.

В е р ш и н а. Рано еще вам о могиле думать.

Саша вырывается из толпы. Бежит к дверям. Гудаевская схватывает его за платье. Сашу опять окружают.

Г о с т ь. За уши, за уши дерут...

Слышен Сашин визг. Бенгальский, уже переодевшийся в сюртук, пробирается к Саше. Берет его на руки. Несет через гостиную в столовую.

Г о с т и.

- Негодяй... Подлец... Держите его...
- Понес свою сообщницу...
- Все это - одна шайка.

Б е н г а л ь с к и й. Я не позволю с женщины сорвать маску. Что хотите, делайте, - не позволю.

Вбегает в столовую. Верига становится перед дверью в столовую. Задерживает толпу, меж тем, как Бенгальский поспешно проносит Сашу через столовую.

Б е н г а л ь с к и й,   о ф и ц и а н т, пробегая мимо их. Живей, пальто, халат, простыню, что-нибудь, - надо барыню спасать.

Два официанта бегут за ним.

В е р и г а. Господа, вы не пойдете дальше.

Г у д а е в с к а я. Отойдите, пропустите... Мужу. Взял бы да и дал ей оплеуху, - чего зевал, фалалей...

Г у д а е в с к и й. Неудобно было зайти, - Павлушка под локтем вертелся.

Г у д а е в с к а я. Павлушке бы в зубы, ей в ухо, чего церемонился.

Толпа напирает на Веригу, который стоит, молча, с решительным видом. На площадке лестницы показывается Бенгальский и Саша.

Бенгальский. Снимите маску. В маске хуже узнают. Теперь на улице все равно темно.

Саша, снимая маску. Как вас благодарить... Чтобы со мной было, если бы вы меня не вытащили.

Бенгальский. А вы молодец, барыня. Что же я вас не знаю. Вы приезжая? Здешних-то я всех знаю. Надо вас поскорее домой доставить. Скажите мне ваш адрес, я возьму извозчика.

Саша. Никак нельзя. Никак нельзя. Я один... я одна дойду, вы меня оставьте.

Бенгальский. Ну, как вы так дойдете по такой слякоти на ваших деревяшках. Надо извозчика.

Саша. Нет, я добегу, ради Бога отпустите.

Бенгальский. Клянусь честью, никому не скажу. Я не могу вас отпустить - вы простудитесь. Я взял вас на свою ответственность, и не могу. И скорее скажите, - они могут вас и здесь вздуть. Ведь вы же видели, - это совсем дикие люди... Они на все способны...

Саша, всхлипывая. Ужасно, ужасно злые люди... Отвезите меня пока к Рутиловым, я у них переночую.

Бенгальский. Хорошо. Эге, да ты мальчишка...

Саша. Ради Бога...

Бенгальский. Да уж не скажу никому, не бойся. Мое дело тебя доставить на место, а больше я ничего не знаю. Однако, ты отчаянный. А дома не узнают?

Саша. Если вы не проболтаетесь, никто не узнает.

Бенгальский. На меня положись. Во мне, как в могиле. Сам был мальчишкой, шутки выкидывал.

Спускаются по лестнице. В гостиной Вершина подходит к Передонову.

Вершина. Я хочу открыть вам правду.

Передонов. Наплевать мне на вашу правду.

Вершина. Не скажите... Мне вас ужасно жалко, - вас обманули.

Официант, Вериге. Уехали-с, ваше превосходительство.

Верига. Ну-с, господа, теперь я не препятствую.

Толпа шумно вырывается в столовую. Слышны крики. Потом гости показываются и на площадке лестницы.

Вершина. Вы понадеялись на протекцию, но только вы слишком доверчиво поступили. Вас обманули, а вы так легко поверили. Письмо-то написать всякому легко. Вы должны были знать, с кем имеете дело. Ваша супруга - особа неразборчивая.

Передонов. Княгиня меня за нос водит. Ей на меня Володин наговаривает. А вот и нож на него припас, - будет он меня знать.

Вершина. Письмо-то, вы думаете, княгиня писала. Да теперь уж весь город знает, что их Грушина сфабриковала по заказу вашей супруги. А княгиня и не знает ничего. Спросите, все знают, - они сами проболтались. А потом Варвара Дмитриевна и письма у вас утащила и сожгла, чтобы улики не было.

Передонов. Обманули, да нет, княгиня знает. Вы врете про княгиню. Она знает. Она за мною все подсматривает. В колоду карт влезла, пиковой дамой обернулась. Я ее в печку бросил. Жег, да не дожег, - отплевалась.

Вершина. Видите, как это вас расстроило. Да и до кого ни коснись, всякий бы расстроился. Такого благородного молодого человека, как вы, обманули такие низкие люди, пользуясь вашей доверчивостью. Но вы не огорчайтесь. Вы можете дело поднять, и их в тюрьму посадить.

Передонов. Обманули...

Быстро отходит от Вершиной. Ему навстречу идет курносая баба, с темными щеками и блестящими зубами.

Курносая. Квасок затереть, пироги свалять, жареное зажарить...

Передонов. Пошла к чорту...

Курносая скрывается.

Передонов, Володину. Бабы какие-то шляются тут, Варвара не смотрит. Курносая ко мне уж приходила утром; в спальню затесалась, в кухарки наниматься. Теперь опять пристала, - найми, да найми... А на что мне курносая кухарка?

Володин. Бабы по улице изволят ходить, а к вам они никакого касательства не имеют, и мы их к себе за стол не пустим.

Передонов. Друг ты мне или враг?

Володин. Друг, друг, Ардаша.

Варвара. Друг сердечный, таракан запечный.

Передонов. Не таракан, а баран.

Меж тем в зале и гостиной пустеет. Кто уехал, кто сел ужинать. В столовой становится шумно. Недотыкомка визгливо смеется, манит Передонова в гостиную.

Недотыкомка. Поди сюда, поди ко мне.

Передонов. Подожди, ну мы с тобой, Павлуша, будем пить, только вдвоём. И ты, Варвара, пей, - вместе выпьем, вдвоём.

Володин. Ежели и Варвара Дмитриевна с нами выпьет, то уж это не вдвоём выходит, а втроем.

Передонов. Вдвоём.

Варвара. Муж да жена - одна сатана.

Недотыкомка. Поди ко мне.

Передонов. Ну, вы тут пейте, а я сейчас вернусь. *В гостиной.* Чего тебе надо?

Недотыкомка. Ну что ж ты забыл, для чего нож принес?

Передонов. Ну, чего тебе еще надо? Отстанешь ли ты от меня?

Недотыкомка. Ты спичку зажги, ты меня напусти, недотыкомку огненную, но несвободную, на эти тусклые и грязные стены. Тогда, насытись истреблением, пожрав это здание, где совершаются такие страшные и непонятные дела, я оставлю тебя в покое. И будешь ты опять счастлив и весел.

Передонов озирается. В гостиной нет никого. Передонов идет в угол, зажигает спичку, подносит ее к портьеру снизу, у самого пола, и ждет, пока загорится портьера. Огненную становится Недотыкомка, и ползет по портьеру, тихонько, но радостно взвизгивая. Передонов идет в столовую.

Не дотыкомка. Дверь закрой... А его уकोкошь поскорей... а то убежит, беды тебе наделает.

Передонов входит в столовую, закрывает за собой дверь, садится опять к столику. Показывает Володину на боковой карман сюртука.

Передонов. Видишь, Павлушка...

Володин. Вижу, Ардаша, - новенький сюртучек.

Передонов. Тут, брат, у меня есть такая штучка, что ты, Павлушка, крикнешь.

Володин. Крикнуть, Ардаша, я всегда могу. Кря... Кря... Очень даже просто...

Пожар в гостиной разгорается.

Володин. Околпачили тебя, Ардаша...

Передонов. Я тебя околпачу...

Выхватывает из кармана нож, бросается на Володина, и ударяет его ножом по горлу. Роняет нож. Володин визгливо кричит без слов. Быстро слабеет. Валится на Передонова, прерывисто визжа и умирает. Передонов и Варвара в ужасе визжат. Дверь в гостиную распахивается. Врывается дым и огонь.

Гости.

- Человека убили...

- Зарезали...

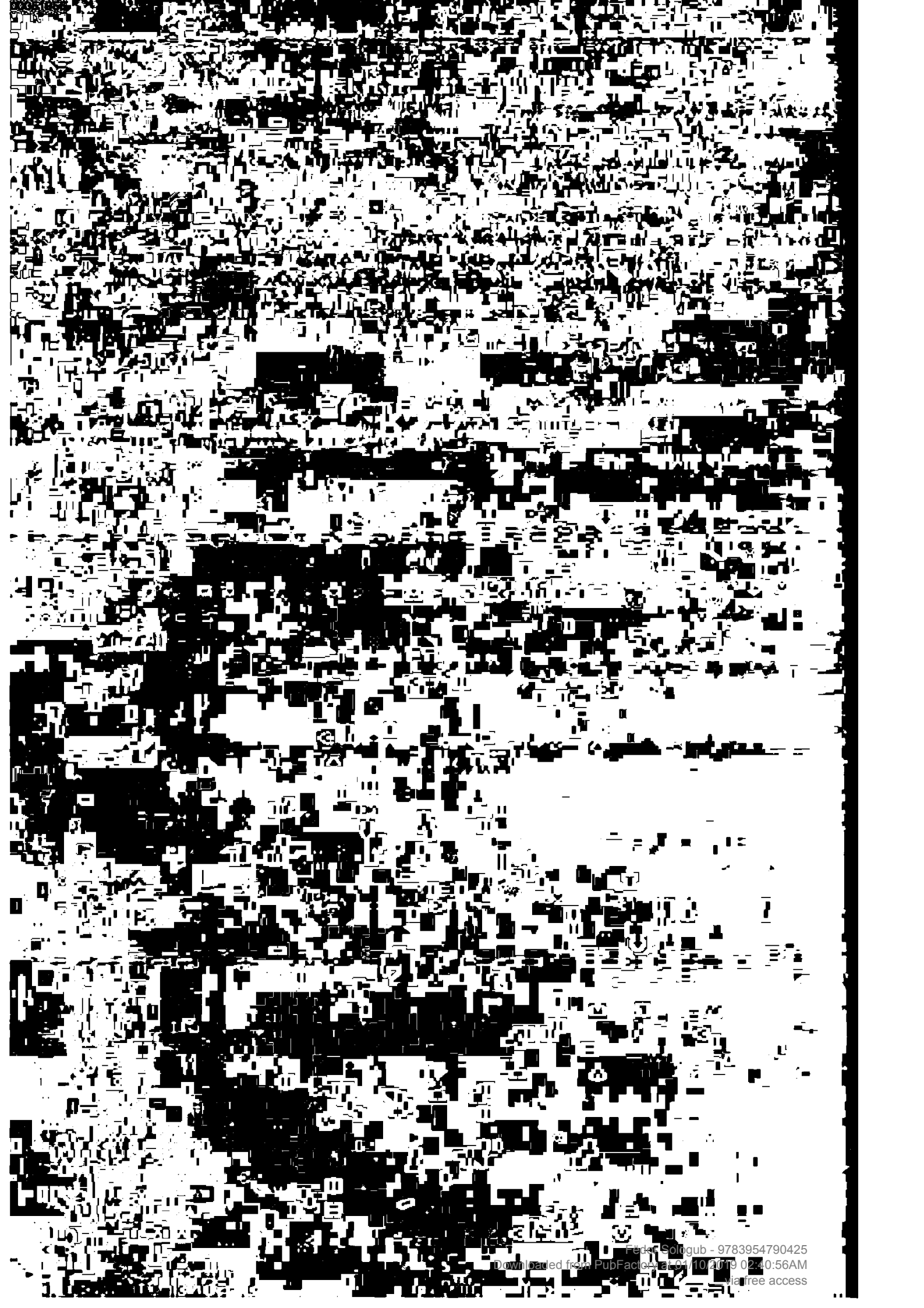
- Пожар...

- Спасайтесь...

- Господа, здесь произошла трагедия, - зовите городского.

Сквозь дым и пламя видно, как в зале мечутся в смятении оставшиеся там маскированные. В столовой смятение возрастает. Валятся столики, трещит стойка буфета, - дав-ка.

К о н е ц

ЗАЛОЖНИКИ ЖИЗНИ
Драма в пяти действиях

Посвящается Анастасии Чеботаревской.

Действующие лица:

Михаил.

Катя.

Лилит (Елена Лунагорская).

Алексей Иванович Чернецов.

Мария Петровна Чернецова.

(родители Михаила)

Константин Федорович Рогачев.

Клавдия Григорьевна Рогачева.

(Катины родители)

Владимир Павлович Сухов.

Мужик.

Бонна.

Дети, мальчик и девочка.

Действие первое

I.

Жаркий летний день клонится к вечеру. От речки не веет прохладой, - она так мелка, что ее можно легко перейти в брод.

Дворянская усадьба близ деревни. Сразу видно, что ее хозяева - хозяева плохие, и что средств и возможностей у них мало. Сад когда-то был красив, - красив он и теперь, но запущен. Видны углы оранжереи и парников, - но все это имеет довольно жалкий вид. В саду малина и крыжовник, яблони и груши. Из-за зеленеющих деревьев виден помещичий дом, в котором живут Катя и ее родители. Перед домом - большая открытая терраса.

На террасе сидят подростки, - Катя и Михаил, влюбленные друг в друга.

Катя - девушка лет шестнадцати. Очень милая на вид. Щеки у нее румяные, глаза голубые. Она очень загорелая. Шея, плечи и руки у нее открытые, ноги босые. Платье на ней светлое, легкое, недлинное и простое покроем, но очень красивое, и сидит оно на ней так, словно все складки его расположены мудрым художником, творящим красоту из простой ткани.

Она здоровая и очень веселая. Любит посмеяться и несложно пошутить, подразнить кого-нибудь. Она любит свой дом, усадьбу, деревню, поля и леса и видимо наслаждается близостью к природе. Движения ее уверенны и легки, - чувствуется, что она умеет упорствовать и стремиться к достижениям, и что вместе с тем в ней много приспособляемости и гибкости. В каждом движении ее сказывается, что ее безотчетно радует ощущение жизни, молодости и наивной красоты, разлитое в природе и в ней самой, - и видно, что все впечатления бытия для нее свежи и первоначальны. Потому вся она производит впечатление чистоты и наивной детской мудрости. Михаил - мальчик лет восемнадцати. Перешел в последний класс гимназии. Учится хорошо. У него ясный и холодный ум и сильная воля. Он упрямо держится раз избранного пути. Случайное в жизни мало его отвлекает, - он настроен скорее трагически. В отношениях к людям он мягок, уступчив и добр. Манеры у него неловкие, угловатые, как у очень самолюбивого подростка; иногда он кажется грубым и дерзким, но грубость эта только внешняя. В нем еще очень много детской наивности и ребячества, самого зеленого. Он не только прилежно учится, но и сам читает много и выработал себе определенное мировоззрение. Он склонен к мечтательности и считает это своим недостатком; эта мечтательность, и в самом деле, стоит в некотором противоречии со свойствами его трезвого ума. Его влюбленность в Катю и радует его, и смущает. Ему досадно и то, что он, плебей, пролетарий, влюбился в эту красивую представительницу иного класса, которому он никак не может симпатизировать. Но он надеется, что из Кати выработается хорошая пролетарка и полезная работница.

Михаил высок, тонок и строен. Лицо у него худощавое, загорелое и смуглое. Глаза черные, смотрят пристально и упорно, с напряженным выражением. Брови густые, черные, почти сросшиеся. Одет он в светло-серую коломанковскую блузу, и вообще имеет вид обыкновенного провинциального гимназиста. Теперь он заметно-взволнован и нервен. Любуясь друг другом с веселою детскою нежностью, сквозь которую просвечивает почему-то грусть, они сидят у стола, покрытого скатертью кустарной работы с наивным, но очень милым рисунком вышивки. На столе перед ними тарелка с малиною, блюдечко с мелким сахаром и два пустые блюдечка, на одном из которых две чайные ложки. Старуха, лица которой не видно, но в которой нет ничего таинственного и символического, потому что это - только старая ворчунья няня, только что поставила на стол кувшин с молоком, и уходит в дверь, ведущую в дом.

Катя заглядывает в кувшин, делает недовольную гримасу, и говорит:

- Ой, как мало молока! Точно кот наплакал.

Слышен ворчливый голос уходящей:

- Будет с тебя, баловница.

Катя накладывает ягоды на блюдечко Михаилу, потом себе. Наливает молока, и они принимают есть ягоды, весело разговаривая.

К а т я. Я малину страсть как люблю! Как сестру родную.

Смеется.

М и х а и л. Малина хороша. Но я больше люблю крыжовник.

К а т я. И я люблю крыжовник.

Катя быстро срывается с места и бежит куда-то через сад. Легкий бег ее, как полет, и песок дорожек весело смеется под ее ногами.

М и х а и л. Катя, куда ты помчалась?

Катя издали звонко кричит:

- Сейчас я тебе крыжовнику принесу.

Михаил, оставшись один, задумчиво помешивает ложечкою в блюде. Лицо его становится мрачным и решительным. Издали доносится снова Катин голос.

Катя за сценою кричит нараспев:

- Вот и крыжовник, вот и крыжовник, жовник, жовник, жовник!

Михаил вздрагивает, выпрямляется и принимает беспечный и веселый вид, что ему, однако, плохо удастся. Катя бежит обратно. В ее руках деревянная лакированная чашечка с крыжовником. На бегу Катя кладет в рот несколько ягод крыжовника.

К а т я. Вот тебе, ешь, наслаждайся. Великолепный крыжовник!

И она с удовольствием ест крупные ягоды.

М и х а и л, строго. А зачем ты его с кожицей ешь? Это - гадость.

К а т я. Ничего не гадость. С кожицей гораздо вкуснее.

М и х а и л. Этого не может быть.

К а т я. Попробуй, если твои принципы тебе позволяют. Сам увидишь.

Она говорит насмешливые слова необидным тоном и весело смеется. Ее смех звонок, но не громок, и когда слушаешь его, вспоминаются золотые легкие колокольчики. Михаил хочет нахмуриться, но неожиданно для себя смеется. Быстро целует Катю.

К а т я, быстрым полушопотом. А зачем ты меня целуешь?

М и х а и л, так же. Вкусно!

К а т я. Еще увидят.

Притворяется испуганною, и с комическим ужасом оглядывается, но не выдерживает этой роли, и смеется.

М и х а и л, весело. Ну, ты, кажется, не очень-то боишься. Ест крыжовник, по ее примеру, с кожицей. А и правда, с кожицей вкуснее. А над принципами смеяться нелзя.

К а т я. О! Нельзя! Вот еще! Смеяться не грешно над тем, что кажется смешно.

М и х а и л. Мало ли что кажется!

К а т я, скороговоркою. Хочу, и смеюсь. Хочу, и смеюсь. Кому какое дело!

М и х а и л. Все-таки с кожицей крыжовник есть вредно.

К а т я. А мне полезно. Что в рот полезло, то и полезно.

М и х а и л. Кожица ягоды может засесть в червеобразном отростке слепой кишки, и от этого может случиться аппендицит. Болезнь неприятная и опасная.

К а т я. Может, может! Страсти какие! Мало ли что может! Вот пойду в лес, а меня змейка-скоропейка может ужалить.

М и х а и л. А зачем ты все лето босиком ходишь?

К а т я. Мне нравится, вот зачем.

Михаил смотрит на Катю задумчиво, и меланхолически улыбается. Говорит с искусственной веселостью:

- Это ты у Лилит научилась босиком ходить.

К а т я. О, у Лилит! Нет, у деревенских баб, а не у Лилит.

Лицо ее хмурится на минуту, и эти слова звучат ревниво. Вдруг она обнимает Михаила, и говорит страстно:

- Я тебя так люблю, как еще никогда нигде никто никого не любил.

Целуются торопливо.

М и х а и л, вздрагивая. Кто-то идет.

К а т я. Папа идет.

Оба замолкают в чувстве неловкости, и отодвигаются друг от друга.

II.

Через сад на террасу входит Рогачев. За ним идет мужик, без шапки, очень грязный и лохматый; останавливается в саду перед террасою. Рогачев почему-то с первого взгляда производит впечатление прогорающего помещика, каков он и есть. Манеры у него барские, и разговор, как у провинциального сеньора, с оттяжкой, а движения суетливые, в глазах беспокойная ласковость, и в мыслях путаница и суета. Он любит приятности жизни, и на всякую работу смотрит, как на доuku. Он обладает тою степенью приспособляемости, которая помогает людям его типа держаться кое-как на поверхности жизни и при случае играть кое-какую роль в обществе. На свою судьбу и на свои дела он смотрит легкомысленно, и всегда находится в обаянии сладких надежд.

Роста он выше среднего. Тонок, прям и ловок. Борода, полуседая, расчесана на двое. Он одет в светло-серый летний костюм. На голове соломенная шляпа, в руке тросточка, слишком тонкая для деревни.

В чертах Катина лица много сходства с отцом, - но у Кати все живее, сильнее и красивее выражено.

М и х а и л, вставая. Здравствуйте, Константин Федорович.

Р о г а ч е в, сухо. Здравствуйте, Миша.

М у ж и к. Явите Божескую милость.

По его тусклым глазам и по унылой фигуре видно, что он уже несчетное число раз повторил эту нудную фразу и готов еще повторять ее без конца. Но лицо его злое, и в тягучем звуке голоса порою прорываются злобные нотки.

Р о г а ч е в, *досадливо отмахиваясь от мужика.* Ну, подожди до будущей недели. Получу и отдам.

М у ж и к. Да я уж сколько раз приходил к вашей милости!

Р о г а ч е в. Ну, иди, иди. Не до тебя.

Мужик повторяет тупо и упрямо:

- Явите Божескую милость.

Рогачев ворчит:

- Какой грязный мужик!

Уходит в дом.

III.

Мужик поднимается на нижнюю ступеньку перед входом на террасу, и говорит Кате:

- Барышня, скажите папеньке, что как до зарезу нужно.

К а т я. Хорошо, скажу. Ты бы, голубчик, пришел завтра.

М у ж и к. Главная причина, никак не способно. То есть так нужно, такая нужда!

К а т я. Ты бы на кухню пошел.

М у ж и к. Может быть, будет милость какая? Уж я тут подожду.

Стоит, и тупо смотрит на окна помещичьего дома.

М и х а и л, *негромко.* Он своих денег просит, потому и стоит без шапки.

Детям обоим неловко. Они едят ягоды и говорят в полголоса.

К а т я. У нас денег мало, а ягод много. Ешь, не хочу.

М и х а и л. Вы можете продавать ягоды.

К а т я. Да неужели?

М и х а и л. Правда, можете.

К а т я. Представь себе, мы так и делаем! Мы даже грибы продаем. Да толку мало, и денег мало. Только, по-моему, лучше много ягод, чем много денег.

М и х а и л, *с улыбкою.* Ну, едва ли!

К а т я, *убежденно.* Правда! Ты сам подумай: если у тебя много ягод, ты их можешь есть, когда хочешь и сколько хочешь.

М и х а и л, *улыбаясь.* Мило!

К а т я. А если у тебя много денег, а хочется просто на просто ягод, простых, лесных, садовых, так их не всегда и на деньги купишь.

Оба смеются, так, просто, не ее словам, а тому, что весело.

М у ж и к, *угрюмо и негромко.* Смейся, смейся!

Катя хмурится и смотрит на мужика сердито. Мужик пятится в сад.

IV.

Из дома выходит суетливою и взволнованною походкою Рогачев, и досадливо говорит мужику:

- Ты все еще здесь?

М у ж и к. Куда ж мне идти! Я за своими деньгами пришел. Идти мне некуда.

Рогачев растерянно повторяет:

- Он все еще здесь! Нет, вы на него поглядите!

М у ж и к. Явите Божескую милость.

Р о г а ч е в. Экземпляр! Чудовище обло, огромно, озорно, стозевно и вояй.

М у ж и к. Явите Божескую милость.

Р о г а ч е в. Удивительно бедный лексикон у этих людей! Твердить одно и то же с упорством, достойным лучшего применения.

М и х а и л, *насмешливо.* Элоквенции не обучался. Не пожелал пройти полного курса гуманитарных наук.

Рогачев смотрит на Михаила досадливо, и говорит:

- Что-то вы к нам уж очень зачастили, Миша.

М и х а и л. Что ж, вам жалко малины? Или крыжовника?

Катя смотрит на Михаила укоризненно, и качает головою.

Р о г а ч е в. Удивительный у вас вкус к резкостям, Миша!

М и х а и л, *густо краснея.* Извините.

Р о г а ч е в. Не можете же вы серьезно думать, что мне жалко какой-то там малины! Какие глупости! А кстати, Миша, не найдется ли у вас три рубля? Сумма, из-за которой меня преследует этот настойчивый гражданин.

К а т я, *краснея, с укором.* Папа!

М и х а и л. Я с удовольствием.

Хочет вытащить кошелек.

V.

В это время из дома стремительно выходит Рогачева. Это - невысокого роста дама, наклонная к полноте. Чопорная, важная и трогательная. Лучеобразные морщинки в углах ее глаз и весь склад ее лица говорят о доброте бестолковой и бесполезной. А все ее движения, связанно-величественные и совсем не идущие к ее коротенькой и благодушной фигуре, показывают, что она заряжена большим количеством самомнения, и что она очень уверена в своем дворянском превосходстве над людьми иных положений. Но так как она одета с большим вкусом, то ее претензии кажутся оправданными и вся она производит впечатление любезной и серьезной барыни. Она любит и умеет занимать деньги, - делает она это с истинно-барскою непринужденностью. Вообще, когда она просит чего-нибудь, то кажется вполне естественным и несомненным ее право на то, чтобы все ей помогли и услуживали.

М и х а и л, *вставая и кланяясь.* Здравствуйте, Клавдия Григорьевна.

Р о г а ч е в а, *очень сухо*. Здравствуйте, молодой человек. Давно не видались. *Мужик*. Ты все еще здесь?

М у ж и к. Явите...

Р о г а ч е в а. Нахал!

М у ж и к. Божескую милость.

Р о г а ч е в а, *стремительно подходя к Мишашу*. Нет ли, Миша, у вас трех рублей, заплатить этому нахалу?

Мишаш сконфуженно вынимает кошелек, и говорит:

- Да, вот у меня есть как раз одна трехрублевка.

Р о г а ч е в а, *любезно*. Пожалуйста. Ну вот, большое вам спасибо, Миша. Завтра я вам непременно отдам. Константин Федорович, вот возьми, отдай этому субъекту.

Уходит так же стремительно, как и пришла.

VI.

Рогачев рассматривает трехрублевку с некоторым сожалением: надо отдать.

К а т я. Давно ли, папа, ты получил сто двадцать рублей, а уж опять у тебя нет денег.

Р о г а ч е в. Сто рублей - не деньги. Это - маленькие деньги. Вот три рубля, когда их нет, вот это - большие деньги. Ну, гражданин Аким, получай, твое счастье.

Мужик, благоговейно принимая деньги негнуцимися, корявыми пальцами, бормочет:

- Спаси тебя Господь! Дай тебе Господи доброго здоровья!

Рогачев, посвистывая и помахивая тросточкою, уходит в дом.

М у ж и к, *кланяясь Кате*. Спаси тебя Христос, барышня! Дай тебе Господи доброго здоровьица, и женишка хорошего. *Неторопливо уходя, бормочет*. Жрет ягоды с лоботрясом.

VII.

Катя спрашивает Мишаша:

- Ты последние деньги отдал?

М и х а и л. Да мне сейчас не нужно.

Катя, ласкаясь к Мишашу, говорит:

- Миша, скажи, что ты во мне любишь? Что ты больше всего любишь?

М и х а и л. Твой смех. Он точно золотой колокольчик.

К а т я, *тихо*. А еще что?

М и х а и л. Твою радость. Ты рада жизни, и солнцу, и ветру, и дождику рада, - ну, всему, всему. И когда ты приходишь, все вокруг звенит и смеется от радости.

К а т я, *еще тише*. А еще что?

М и х а и л. А еще твои босые ножки. Они такие загорелые, и такие тонкие, как у лесной царевны, летающей по воздуху на легких, легких крыльях. А когда она идет по земле, былинки и песчинки приникают к ее ногам, и целуют ее босые ноги, и шепчут ей с кроткою, нежною любовью: ты - наша, ты - земная, но когда ты с нами, земля наша превращается в земной рай, невинный и счастливый.

Катя улыбается мечтательно и весело.

Михаил тихо привлекает ее к себе. Они целуются долго и нежно. Михаил спрашивает:

- А ты, Катя, что во мне любишь?

Катя отвечает весело:

- Я? Что люблю? Вот, придумал. Да я все люблю.

Михаил. А что-нибудь особенно любишь?

Катя, улыбаясь. Люблю.

Михаил. А что?

Катя. А вот то. Это самое.

Михаил. Ну, скажи, не шали.

Катя смотрит на Михаила внимательно, и говорит серьезно:

- Я люблю в тебе то, что ты - такой серьезный. И у тебя этот вихор упрямый такой милый. Ни за что его не пригладишь. Ты - серьезный и забавный такой.

Михаил, улыбаясь. Что же тут забавного?

Катя. Ты иногда вот так находишься и думаешь, как Марий на развалинах Карфагена.

Смеется.

Михаил. Вот, вот. Так меня и нарисовала Лилит.

Михаил вынимает из бокового кармана в блузе записную книжку, достает из нее небольшой рисунок на листке бумаги, и показывает его Кате.

Катя всматривается, весело смеется, и говорит:

- Похож, похож, как две капли воды.

Но вдруг она сердито хмурится, и досадливо кричит:

- Противная Лилит! Как она смеет!

Плачет.

Михаил, лаская и утешая Катю, говорит:

- Ну, полно, что ты! Что ж тут обидного!

Катя. Как она смеет! Я никому не позволю тебя обижать.

И вдруг опять смеется.

Михаил. Стрекоза!

Катя. Пожалуйста! Я уж не стрекоза, мне уже шестнадцать лет.

Михаил, улыбаясь, передразнивает:

- Шестнадцать лет!

Катя. Противненький, не смей смеяться надо мною!

Михаил. Если бы я был поэтом, я написал бы о тебе такую поэму, каких еще никто не писал.

Катя. О, такую скучную?

Смеется.

Михаил. Ах ты, стрекоза!

Катя напевает:

- Стрекоза, стрекоза, коза, коза! Стрекоза, рикоза, коза, аза!

Кружится по террасе, легкая и веселая, и потом садится рядом с Михаилом и обнимает его.

М и х а и л. Как хорошо нам будет вместе с тобою, Катя! Я буду работать. Я буду строить, - мосты, дороги, высокие башни. Из железа, камня и стали я буду строить, как не строили раньше. Новая красота будет в том, что я построю, - красота линий таких легких и таких простых. Очарование взоров повиснет на паутине стальных канатов, и люди прославят имя мое, и я приду к тебе увенчанный и славный, - потому что все это я сделаю для тебя, сильный силою моей любви к тебе. Только моим ремеслом будет все это, что я построю из камня, железа и стали, - а призванием моим будет вместе с тобою строить жизнь новую, счастливую, свободную, не такую, как эта. Легкую жизнь и простую, как мост, повисший над бездною на паутине стальных канатов.

К а т я, *с восторгом*. Жизнь новую, счастливую, свободную! О, и я буду строить ее с тобою вместе! Как хорошо ты говоришь, Михаил! Да, это - правда, жизнь надо строить, как строят дома и храмы.

Михаил взволнованно ходит по террасе, потом останавливается перед Катей, и говорит:

- По закону, мы уже могли бы повенчаться.

К а т я, *грустно*. Они смеются.

М и х а и л. Катя, ты еще поговори со своими родителями...

К а т я. Говорила.

Михаил продолжает:

- И, как только я поступлю в Институт, так мы и повенчаемся.

К а т я. Говорила. Они только смеются. Да ведь и твои родители против.

Они оба грустны. Проходит краткий миг печального молчания. Михаил задумчиво смотрит на аллею сада, и говорит:

- Сегодня я сам скажу. Будь, что будет. А если откажут, мы умрем. Да?

Катя отвечает ему тихо:

- Да. А ты принес яд?

М и х а и л. Да, принес.

К а т я, *боязливо и задумчиво*. Мне кажется, что я никогда не умру.

М и х а и л. Нет, уж, верно, придется нам умереть.

К а т я. Скорее умру, чем тебя разлюблю. А он хорошо действует, твой яд?

М и х а и л. Действует моментально. Не успеешь проглотить, и уж готово.

К а т я. О! Это не хорошо!

М и х а и л. А ты бы хотела долго мучиться?

К а т я. А вдруг они увидят, что мы умираем, и расскаются, и согласятся! Тогда можно принять противоядие, и живо живо повенчаться, чтобы они и опомниться не успели. А если моментально, так это неудобно.

М и х а и л. Одно из двух, - или умирать, так уж серьезно, или так только слова говорить.

Катя молча плачет.

М и х а и л. Что же ты плачешь?

Катя молчит.

М и х а и л, *ревниво*. Тебе жалко расстаться с Суховым?

К а т я. Миша, ты на меня не сердись. Ведь умирать-то всякому страшно, так как же не поплакать!

Катя плачет. Михаилу жалко ее. Утешает, лаская тихо и молча.

VIII.

Внезапно входит Рогачева. Михаил вздрагивает, вскакивает, отходит от Кати, задевает за стул, и роняет его.

Р о г а ч е в а. Миша, у вас невозможные манеры.

М и х а и л. Я не очень об этом сожалею. Я не готовлюсь быть светским шаркуном, как этот развязный и глуповатый Сухов.

Р о г а ч е в а, *неприятно*. Кем же вы хотите быть? Охотником в американских прериях? Как у Майн-Рида или у Купера?

М и х а и л, *сухо*. Нет, я просто хочу быть полезным и дорогим работником. Я буду инженером.

Р о г а ч е в а. Ну, что ж, это выгодно. Только до этого вам еще далеко. Учиться много надо. А Сухов наверное будет предводителем дворянства. Он очень милый, и вам не следует бранить его.

IX.

Входит Рогачев. Он смотрит на Мишу с притворным выражением удивления, и говорит:

- А я думал, Миша, что уж вы ушли.

М и х а и л. Мне надо с вами поговорить.

Р о г а ч е в. Послушаем.

Садится и закуривает папиросу. Вид у него легкомысленный и веселый.

М и х а и л. Я люблю Катю.

Р о г а ч е в. Утешил!

К а т я, *решительно*. И я люблю Михаила.

Р о г а ч е в а, *укоризненно*. Очень хорошо, нечего сказать! Есть чем похвастаться!

Р о г а ч е в. А сколько вам лет, Миша?

М и х а и л. Восемнадцать. Я, правда, еще очень молод. Но это ничего не значит. Я уже и теперь зарабатываю уроками. Через год я буду студентом. Студенты многие женатые. Одним словом, я прошу Катиной руки. Мы подождем год, и когда я буду студентом, мы повенчаемся.

Р о г а ч е в а. Восхитительно!

Рогачев и Рогачева смеются.

Р о г а ч е в. Ромео и Юлия, трогательная драма!

Р о г а ч е в а. Вы, Миша, доучитесь сначала, а уж потом думайте о таких глупостях. Вы еще мальчик, и ничего не имеете.

М и х а и л. Я люблю Катю, и не могу без нее жить.

Р о г а ч е в а. Она еще совсем девочка, и вам не следует кружить ей голову. А тебе, Катя, стыдно!

К а т я. А тебе, мама, не стыдно было, когда ты полюбила папу?

Р о г а ч е в а. Так ведь мне тогда не шестнадцать лет было!

М и х а и л. Значит, вы мне отказываете?

Р о г а ч е в. А вы что думали? И вы уж лучше бы к нам не ходили. Хорошего мало.

К а т я. А три рубля у него взяли!

Р о г а ч е в а, *строго.* Катя, не говори глупостей! Его деньги не пропадут. Ну, пойдем, Константин Федорович. С ним нечего разговаривать, надо сказать его родителям.

Рогачев и Рогачева уходят.

X.

Катя и Михаил смущенно смотрят друг на друга. Заря пылает на небе, и бросает пламенеющий отсвет на их смущенные лица.

К а т я, *растерянно.* Ну вот, конечно. Что же нам теперь делать? Да уж видно, одно остается.

Из-за сцены слышен голос Чернецова:

- Михаил здесь?

XI.

Входят Чернецов и Чернецова.

Чернецов - земский врач. Ростом мал, худощавый и весь серенький. Его крылатка слишком широка. В руках у него толстая суковатая палка. Он носит синие очки. Курит очень много. Угрюм, вдумчив и принципиален. Любит играть в шахматы. Веселенькие стишки, которые он любит цитировать, странно противоречат угрюмости его лица. Говорит низким голосом, а стихи читает искусственным басом. Чернецова - тоже, как и муж, мала и суха. Волосы, уже начинающие седеть, у нее острижены довольно коротко, и вьются. Она носит светло-синие очки. Курит еще больше, чем муж, и еще принципиальнее его. Одетая всегда в черном. На голове - канотьерка с черною лентою. Смотрит серьезно и вдумчиво, и, когда она слушает кого-нибудь молча, то кажется, что она не одобряет того, что слышит.

Катя и Михаил смущенно молчат.

Ч е р н е ц о в. Ну вот и я. Здравствуйте, Катя. Ваш папа дома?

К а т я. Здравствуйте, Алексей Иванович. Папа дома. Здравствуйте, Мария Петровна.

Ч е р н е ц о в а. Мой Алексей Иваныч дня без шахматов прожить не может.

Ч е р н е ц о в:

Жар свалил, повеяла прохлада.
 Длинный день покончил ряд забот,
 По дворам давно загнали стадо,
 И косцы вернулись с работ.

Чернецова. Я удивляюсь, Алексей Иваныч, что ты так любишь цитировать буржуазные стишонки. Точно ты не знаешь настоящих, хороших стихов.

Чернецов. Иду я сегодня утром мимо речки, и вижу очень живописную картину: Екатерина Константиновна, приподнявши юбочки, переходит речку в брод. Коленки открытые, на лице блаженство, в руке большой букет цветов, и вообще очень живописно.

Чернецова. Алексей Иванович, ты должен был отвернуться.

Чернецов. Принципиально ты права. Я и отвернулся. Сначала я думал, что это - глупенькая Лилит. Гляжу, - а это - наша умненькая Катя.

Катя убегает, смеясь.

ХII.

Чернецова. А ты, Михаил, все с Катей?

Михаил. Я ее люблю.

Чернецов. Напрасно. Ты - мальчик умный, а она - девочка пустынькая, малоразвитая и буржуазная.

Михаил. Она - прелесть и один восторг! И какая же она буржуазка! Она не похожа на кисейную барышню, и из нее выйдет хорошая пролетарка.

Чернецов. Из чего ты это заключаешь?

Михаил. Да вот, например, она босая все лето ходит.

Чернецов. Ты, Михаил, очень наивен.

Но бойся, путник смелый,
В ее попасться сеть,
Иль кончик ножки белой
Нечаянно узреть.

Михаил. Она посмотрит, - и все словно радуется. Да нет, вы не можете этого понять.

Чернецов. Где уж нам!

О мечтатель! Наслаждайся
Блеском красоты,
Но остерегайся
Углекислоты.

Михаил. Почему же углекислота?

Чернецов. Да уж так написано. Из песни слова не выкинешь.

Михаил. Я ее люблю.

Чернецов. Углекислоту? Напрасно.

Михаил. Я люблю Катю.

ХIII.

Катя возвращается, и несет цветы в двух зеленых вазах из обожженной глины.

Чернецова. Откуда у вас эти цветы? У вас таких, кажется, не было.

Катя. Я стащила у Лунагорских.

Чернецова. Стащили! Разве это можно!

К а т я. Ну, они не рассердятся.

Ч е р н е ц о в а. А вы признаете частную собственность на продукты труда?

К а т я. Да ведь и вы, Мария Петровна, против частной собственности. Ведь вы - марксистка.

Ч е р н е ц о в а. Я отрицаю частную собственность только на орудия производства, а не на продукты труда.

К а т я. Все равно.

Ч е р н е ц о в а. Далеко не все равно.

Ч е р н е ц о в:

Ходит птичка весело
По тропинке бедствий,
Не предвидя от сего
Никаких последствий.

Ч е р н е ц о в а. Меня возмущает эта беспринципность.

К а т я. Лунагорские очень богаты. Что им сколько-нибудь цветочков!

Ч е р н е ц о в а. Легкомыслие и полнейшая беспринципность. И зачем вы всегда заставляете Михаила быть с вами?

К а т я. Он сам.

М и х а и л. Я сам.

Ч е р н е ц о в а. Видите, как он повторяет ваши слова.

К а т я. У него и своих слов много.

Ч е р н е ц о в а. Он еще совсем мальчик, и вы напрасно кокетничаете с ним.

К а т я, с реверансом. Я еще тоже девочка. Мне где же еще кокетничать! Я едва умею лепетать.

Ч е р н е ц о в а. Вы, Катя, ужасно легкомысленны, и в вашем возрасте это даже странно. Можно не удивляться вашей беспринципности, - это не от вас зависит, - но такое легкомыслие!

Катя делает реверанс, и уходит через сад. Проходя за куртинами, говорит, как цыплят скликаая:

- Принцып, цып, цып, цып!

М и х а и л. Катя, что ты делаешь?

К а т я. Мои принципы зову, - может быть они найдутся. Цып, цып, цып, принцип! Цып, цып, цып!

Приплясывая и напевая эти слова, убегает в глубину сада.

Ч е р н е ц о в а. Она плохо воспитана.

М и х а и л. Мама, я с тобою не согласен. Воспитана - то она не плохо, - только совсем не по-нашему.

XIV.

Из дому выходят Рогачевы. Здравуются с Чернецовыми. Слышны обычные фразы приветствий:

- Здравствуйте, Мария Петровна.

- ... Клавдия Григорьевна.

- ... Алексей Иваныч.

- ... Константин Федорович.
- Как поживаете?
- Как ваше здоровье?
- Благодарю вас, ничего.
- Отлично, благодарю вас.
- Что новенького?
- Ну, что у нас может случиться нового!

XV.

Возвращается и Катя. Улучив минуту, когда старшие, занятые обрядом приветствий, на них не смотрят, Михаил и Катя торопливо целуются. Эти беглые поцелуи особенно заманчивы для них, потому что в них есть элемент опасности.

Теперь, когда родители Михаила и Кати сошлись вместе, ясно выступает разница между этими двумя по-разному интеллигентными семьями, семьей помещиков и семьей интеллигентных пролетариев. Все легко и даже легкомысленно у Рогачевых, - все тяжело, даже веселость, у Чернецовых.

Р о г а ч е в а, язвительно. Покорно вас благодарю, Мария Петровна.

Ч е р н е ц о в а. За что же это?

Р о г а ч е в а. За сына.

Р о г а ч е в. Ваш сынок обнаруживает легкомысленные поступки.

Ч е р н е ц о в. Это прискорбно. А в чем дело?

Р о г а ч е в. Да вот, молодой человек просит руки нашей Кати.

Чернецовы и Рогачевы смеются, и укоризненно смотрят на Михаила и Катю. Говорят все вместе.

Ч е р н е ц о в. Принципиально я против ранних браков.

Ч е р н е ц о в а. Вы меня простите, Клавдия Григорьевна, я вас уважаю, но я думаю, что моему сыну надо искать невесту из пролетарской семьи.

Р о г а ч е в а. Семья тут не при чем, Мария Петровна.

Ч е р н е ц о в. Рано, рано, Михаил.

Р о г а ч е в. У него ни кола, ни двора, - вы меня извините, Алексей Иванович, - а за ней что? Земля заложена и перезаложена.

Р о г а ч е в а. Нынче уж нет детей. Такой мальчик, - и вдруг! Извольте радоваться!

Ч е р н е ц о в а. Совсем еще девочка, - и вдруг!

Р о г а ч е в, примирительно. Это - детское. Не стоит об этом спорить. Сыграемте лучше в шахматы, Алексей Иванович.

XVI.

Смеясь и разговаривая все вместе, Рогачевы и Чернецовы уходят в дом.

Катя плачет. Михаил что-то шепчет ей.

По дорожкам сада медленно проходит Лилит, девочка лет пятнадцати, высокая и тонкая. Лицо у нее смуглое, худое, некрасивое. Глаза очень большие, черные, с длинными ресницами: брови черные, лежат красивыми дугами. На голове цветы, белые и желтые, полу-

кругом положенные спереди. Пестрая и странная, но очень красивая одежда, короткая, до колен открывающая стройные, босые, загорелые ноги. Движения у Лилит медленные и странные. Она почти никогда не смеется.

Лилит подходит к террасе, всматривается, и говорит без выражения:

- Здесь плачут.

К а т я. Лилит пришла.

Оттирает слезы, и сходит в сад. Целуется с Лилит. Они тихо разговаривают.

XVII.

На террасу выходит Чернецов и говорит Михаилу:

- Нет ли у тебя, Михаил, трех рублей?

М и х а и л, *в замешательстве.* Трех рублей?

Ч е р н е ц о в, *смущенно.* Видишь ли, принципиально я, конечно, против того, чтобы брать у тебя деньги, заработанные тобою. Но видишь ли, вышло так, что мне до зарезу надо где-нибудь достать три рубля. Такой случай. Нет ли у тебя трех рублей?

Пренебрегая капиталом,
Искал сокровищ для души,
Всю жизнь стремился к идеалам,
А увидал одни шиши.

Так-то вот, - и не хочешь, да попросишь.

Михаил смущенно вынимает кошелек и говорит:

- Нет ничего. Вот, пусто.

Ч е р н е ц о в. На нет, конечно, и суда нет. Но только я не понимаю, куда ты тра-тишь. У тебя вчера еще были деньги.

М и х а и л. Папа, ты забываешь, что у меня могут быть свои потребности.

Ч е р н е ц о в. Потребности! Довольно странно. Тебе еще рано. И ты бы мог со мною посоветоваться прежде, чем иметь потребности. Если не доверяешь мне, как от-цу, то посоветовался бы со мною, как с врачом.

Михаил краснеет багряно, и говорит звенящим голосом:

- Папа, ты меня не так понял. Это - цинично, то, что ты говоришь.

Ч е р н е ц о в. Ну, ну, не кипятись, пожалуйста. Так нет? Этакая досада!

Идет к двери, бормоча:

- Ах, иной у неба
Просит только хлеба,
А другому нужен
И обед и ужин.

В дверях останавливается, и говорит:

- А там Сухов приехал. Не люблю этого жирного франтика. Зубы скалит, все принципиальное осмеивает, а у самого только два принципа, - не зевай, и угождай сильным мира сего. Карман себе набьет, и карьеру сделает. Ловкач!

Уходит.

XVIII.

Катя, проходя с Лилит мимо террасы, услышала эти слова, и опечалилась. Говорит тихо:
- Опять Сухов.

Михаил на террасе один задумчиво следит за Катей.

Лилит спокойно отвечает Кате:

- Вселый и любезный Сухов.

К а т я. Он веселый, и умеет рассмешить, а мне с ним невесело. Он милый, но я его не люблю.

Л и л и т. Сухов - милый? Нет, он - злой хищник. У него уши мохнатые, глаза зеленые, а когти он прячет.

К а т я. И так ты его нарисовала?

Л и л и т. Да.

К а т я. Покажи.

Л и л и т. Хорошо. У меня дома. Приди. Я покажу.

К а т я. Ты и на меня нарисуешь карикатуру? Я тебя боюсь.

Л и л и т. Я не страшная.

К а т я. А зачем ты карикатуры рисуешь на Михаила?

Лилит останавливается перед Катей, становится перед ней на колени, и говорит просительно:

- Прости!

Смотрит на Катю снизу вверх пристально, и стоит в позе молящей. Катя испугана; говорит:

- Что ты делаешь, Лилит! Зачем это! Встань!

Л и л и т. Прости.

К а т я, со страхом. А ты не будешь на Михаила карикатур рисовать?

Л и л и т. Не буду. Прости.

Катя торопливо и с волнением говорит:

- На меня можно, на всех можно, на него нельзя.

Л и л и т. Не буду. Прости.

К а т я. Я тебя прощаю, Лилит.

Л и л и т. Благодарю.

Поднимается медленно, и целует Катю.

К а т я. Ты странная. Ты меня испугала. У меня сердце бьется. Зачем ты стала на колени?

Л и л и т. Я не знаю. Ты не сердись.

XIX.

За дверью на террасу слышен в доме веселый и шумный разговор. Выходят на террасу, продолжая разговаривать, Рогачева и Сухов. Сухов - невысокого роста молодой человек, довольно полный, жизнерадостный. Лицо красивое, веселое и невыразительное. Одет эле-

гантно. У него большое и доходное имение в этой губернии. Где-то служит; служба у него очень необременительная, но видная. Имеет все шансы на то, что на ближайших выборах пройдет в предводители дворянства.

С у х о в, *продолжая*. Ну и можете себе представить, окатило буквально с головы до ног.

Хохочет.

Р о г а ч е в а, *со смехом, ласково*. Какой кретин! Боже мой, какая глупость!

Видно, что она сама влюблена в Сухова, - так нежно смотрит на него.

Михаил, выходя из своей задумчивости, смотрит на Сухова мрачно.

С у х о в, *здороваясь с Михаилом*. А, строитель Сольнес! Серьезен и строг, как всегда.

М и х а и л. Вы, должно быть, любите дразнить глупых птиц. Но я вам не индюк.

С у х о в. Охотно верю вам на слово. Нет людей серьезнее гимназистов. Жаль, жаль, что вы еще не целый инженер.

М и х а и л. Почему вы об этом жалуете?

С у х о в. Кое-что строю. Так, пустячек, больше для забавы и для извода денег.

Р о г а ч е в а. Ну, это вы так только говорите. Вы хоть и молодой, а отличный хозяин.

Сухов, и за ним Рогачева спускаются с террасы в сад. Лилит отходит в глубину сада, и останавливается в тени большого дерева. Катя идет навстречу Сухову.

С у х о в. А вот и Катя. А мы вас ищем, ищем. Ну, дайте ваши лапки. Можно поцеловать?

К а т я. Нельзя.

С у х о в. Нет, мне-то можно.

Целует ее руки.

К а т я. Вы дерзкий. Я вам говорю, нельзя.

С у х о в. А я говорю, можно. Вы, Катя, моя невеста, а я - ваш жених. Это решено и подписано, правда?

К а т я. Смотрите, не ошибитесь.

С у х о в. А вы смотрите, не занозите ножки.

Р о г а ч е в а. Она у меня еще такой наивный ребенок.

С у х о в, *глядя на Лилит*. Откуда ты, прелестное дитя?

Р о г а ч е в а. Это - наша соседка. Лилечка Лунагорская. Славная девочка, хотя немножко избалованная.

С у х о в. А, Лилит! Да мы с вами знакомы.

Лилит, стоя в отдалении, говорит очень спокойно:

- Я вовсе не девочка.

С у х о в, *со смехом*. Не девочка? А кто же ты? Мальчик в юбочке?

Л и л и т. Я - сказка. Смотри, какие у меня широкие глаза. Я - сказка лесная, лунная.

С у х о в. Иди к нам.

Л и л и т. Нет, я уйду в лес. Я тебя боюсь.

Убегает.

XX.

С у х о в. Очаровательная дикая девочка. Такая некрасивая, но интересная очень! Странная.

Р о г а ч е в а. Она очень мило рисует.

Михаил говорит с тихим злорадством, притворно-любезным голосом:

- Лилит и на вас, Владимир Павлович, карикатуру нарисовала: глаза зеленые, уши острые и мохнатые, зубы острые, а когти спрятаны.

Сухов хохочет, и весело говорит:

- Вот так красавец!

Р о г а ч е в а, *досадливо краснея*. Какая дерзкая, избалованная девочка! Я бы ее... Да вы, Миша, сочинили?

М и х а и л. Нет, я сказал правду. Я - плебей, и не усвоил благовоспитанной манеры лгать.

Сухов наконец почувствовал яд насмешки, и рассердился, но не показывает этого, и говорит спокойно и любезно:

- Все это мило в малом количестве и на большом расстоянии. Смотрите, Катя, не подражайте очень этой дикарке. Не стоит, милая Катя.

К а т я, *с досадою*. О, милая! Я не хочу быть для вас милою.

Сухов говорит тоном легкой шутки:

- Милые бранятся, только тешатся. А не стоит, Катя, потому, что вас то я не отпущу в лес.

М и х а и л. Вы испугали милую сказку Лилит, и жизнь моя, Катя, боится вас, потому что вы - хищник.

Рогачева строго смотрит на Михаила.

С у х о в. Какое красноречие! Вы, молодой человек, слишком трагически смотрите на вещи.

М и х а и л. А вы, зрелый человек, смотрите на них драматически.

С у х о в. Ого, драматически! Я думал, вы скажете, - комически. Я, мой друг, и драмам, и трагедиям предпочитаю оперетку. Я хочу быть лет через двадцать министром, и потому всего усерднее хожу в балет. Дррраму предоставляю вам, серьезнейший из гимназистов.

М и х а и л. Теперь вы ломаете фарс, а драма ваша еще впереди.

С у х о в, *притворяясь испуганным*. Ой, ой, ой, не пугайте! Какие страсти!

Р о г а ч е в а, *любуясь Суховым*. Вас не испугаешь.

С у х о в. Боюсь очень огорчить вас, Катя, но должен все-таки вам сказать, что сегодня я никак не могу пробыть у вас долго. Лучше и не просите...

К а т я. Да я и не прошу.

С у х о в. ... Сейчас уезжаю.

К а т я. Я очень рада. Приезжайте поскорее туда, куда-нибудь от нас подальше.

Показывает рукою вдаль, и смеется.

Р о г а ч е в а. Катя, как это грубо! Как тебе не стыдно!

К а т я, *досадливо*. Очень стыдно, - только того, что я никак не могу его отвадить. Он ни на что не обидится. Что ему ни скажи, он притворится, что услышал любезность. Дипломат! Быть ему послом в Париже!

Сухов хохочет.

Рогачева говорит укоризненно и строго:

- Катя! Ты себе очень много позволяешь.

С у х о в. Не будем ссориться, Катя. Ведь мы друзья. И вы угадали, что меня вам не обидеть. Очаровательные дерзости идут к вашей сельской простоте и к загорелым, как у крестьяночки, ручкам и ножкам. А будет время, и к вам так же пойдут любезные слова, которые будет мило говорить жена предводителя.

К а т я, *запальчиво*. Мой, он не будет предводителем!

С у х о в. Или, по крайней мере, не долго останется им. Нет, Катя, будущее мы оставим в покое, а теперь лучше скажите мне, что вы хотите, чтобы я вам привез. Ведь и маленькие деревенские девочки с босыми ножками любят маленькие подарочки. Я приеду послезавтра.

XXI.

Тихо разговаривая, на террасу выходят Рогачев и Чернецов.

Катя смотрит на Сухова, угрюмо хмуря брови, и после недолгого молчания говорит быстро и невесело:

- Привезите мне какую-нибудь очень веселую книжку. Такую, которую можно дать даже умирающему, чтобы он смеялся.

Сухов смотрит на нее, не понимая, и не знает, что сказать.

Рогачева говорит строго:

- Катя, не говори глупостей.

Чернецов, вполголоса:

- Вынимает новое
Он серебрецо,
Но она суровое
Делает лицо.

С у х о в. Стишки собственного сочинения?

Ч е р н е ц о в. Нет, я этим не занимаюсь.

Искать по старым книжкам
Веселеньких стишков.
Из папки ребятишкам
Вырезывать коньков,
Плясать, да так, чтоб скука
Бежала с чердака, -
Ой-ли, вот вся наука
Бедняги чудака.

Произносит и эти стихи таким унылым басом, что все улыбаются.

С у х о в. Веселенькие стишки, правда! Ну, что ж, Катя, я поищу вам такую книжку. Клавдия Григорьевна, позвольте откланяться. Мне пора.

Р о г а ч е в. Нет, нет, как хотите, без ужина я вас не отпущу. Чем Бог послал.

Р о г а ч е в а. Пожалуйста, Владимир Павлович! Когда еще вы домой попадете! У нас уж накрыто. Пожалуйста!

Ч е р н е ц о в. А мы к домам.

Рогачев и Рогачева, увиваясь около Сухова, и вместе с ним уходя в дом, не замечают Чернецова

XXII.

На террасе остаются Чернецов и Михаил.

Ч е р н е ц о в. Пора, пора, Михаил, пора домой.

М и х а и л. Я ухожу.

Чернецов идет к двери в дом, и говорит:

- Попрощаться надо с хозяевами. Видишь, и Катя ушла.

И она, надев мантилью,
Затворила свой балкон;
Закурив свою мантилью,
Спать уходит нежный дон.

- Так-то, братец, пора.

Уходит в дом, и за ним уходит туда же Михаил.

XXIII.

Холодеющий воздух тих и ясен.

Через сад медленно проходит Лилит. В догорающих лучах зари лицо ее пламенеет. Капельки росы дрожат на ее ногах. Лилит останавливается у террасы за липою. Из дому выходят Чернецов, Чернецова и Михаил, и идут через сад.

Чернецов говорит тихо:

- Не люблю этого франта. Не люблю. И ты его не любишь, Михаил. Ты из ревности, а я принципиально не люблю.

Ч е р н е ц о в а. Принципиально говоря, этот субъект и не может быть иным. Это - естественный продукт своей среды.

Ч е р н е ц о в. Ты не совсем права. Из этой среды все ж таки выходили...

Лилит тихо подходит к Михаилу, - он идет позади своих родителей; Лилит дотрагивается до его руки. Михаил останавливается. Чернецов и Чернецова уходят; они, увлеченные своим разговором, не заметили, как подошла Лилит, и не видели, как отстал от них Михаил.

XXIV.

Тихо спрашивает Лилит:

- Михаил, ты ее любишь?

Михаил отвечает:

- Люблю.

Л и л и т. Ты ее любишь. Я сегодня стояла перед ней на коленях. Я поцелую, склонюсь до земли, ее ноги. Не бойся, Михаил, я не убью ее. Я не ревную. Все, что ты любишь, для меня свято.

Тихо уходит.

Михаил зовет негромко:

- Лилит!

Лилит не отвечает и уходит.

М и х а и л. Лилит! Какая ты странная!

XXV.

Заря догорела. Сумерки сгущаются.

Из дому выходит Катя.

В прохладе и прозрачности ясного вечера отчетливо слышит Михаил, как скрипнула ступенька террасы, как на дорожке шелестят песчинки под босыми Катиными ногами. Сладостно холодея от восторга и печали, Михаил улыбается Кате.

Катя молча обнимает Михаила, плачет, и говорит:

- Я не разлюблю тебя никогда, никогда. На жизнь и на смерть мы с тобою вместе.

М и х а и л. Вместе. Умрем вместе. Я не могу жить без тебя. Лучше умереть. Все в этой жизни так противно.

К а т я. Я не хочу умирать, Миша!

М и х а и л. Что же нам делать?

К а т я. Я еще так мало жила. Я еще хочу жить. Не надо смерти. Брось тот яд, который ты принес.

М и х а и л. Катя, разве страшно умереть вместе? Как умер этот день, и мы умрем. Разве тебе страшно умереть со мною?

К а т я. Я хочу жить. Счастья хочу, и победы над жизнью. Мы молоды и сильны, и победим. Разве не мы хозяева жизни? Разве не нам принадлежит завтрашний день, когда мы будем сильны и свободны?

М и х а и л. Катя, ты же сама говорила, что нам надо умереть! Соглашалась со мною. А как до дела дошло, так ты и на попятный двор. Трусиха!

К а т я. Я не трусиха. Умереть не страшно. Никакой храбрости не надо. Для жизни больше надо храбрости.

Видно, что Михаил обиделся. Тяжелая пауза. Катя в замешательстве. Порывается сказать что-то, и не знает, как начать.

Михаил долго и сурово молчит. Наконец говорит угрюмо:

- Я могу и один.

К а т я, *плача*. Глупый, не надо! Не надо умирать. Разве для того пришли мы на эту землю, чтобы умереть так рано? А где же та красота, которую ты должен повесить над безднами на паутине из стальных канатов? А где та жизнь новая, прекрасная, свободная, счастливая, которую мы с тобою должны создать? Михаил, прекрасный мой, мы должны жить.

Склоняется к его коленям, и целует его руки. На сцене совсем стемнело.

М и х а и л. Тогда уйдем отсюда вместе.

К а т я. Нам еще учиться надо. Куда же мы пойдем? Я тебе только мешать буду. В годы борьбы и достижений ты должен быть один и работать, а я буду ждать. Тридцать лет готова ждать, как в английском романе.

Плачет и смеется.

М и х а и л. Я поступлю в Институт, ты на курсы.

К а т я. Я - маленькая глупая девочка. Книги - хорошо. Ах, как много в них хорошего! Учиться, узнавать - какая в этом радость! Но это и такой большой, большой труд. Если я буду сидеть у тебя на коленях, как же ты будешь учиться? Мы будем ждать.

М и х а и л. Чего ждать?

К а т я. Пока мы будем сильными.

За сценою слышен голос Чернецова:

- Михаил, где же ты?

М и х а и л. Я буду сильным. Я буду сильным. Я вернусь к тебе победителем. Если мы не сумели умереть, мы будем жить, - и победим.

Порывисто целует ее, и убегает.

XXVI.

Катя плачет долго, и напевает тихо, сидя на ступеньке террасы, и покачиваясь:

- Если б, сердце, ты лежало
 На руках моих,
 Все качала бы, качала
 Я тебя на них,
 Словно мать дитя родное
 С тихою мольбой, -
 И затихло б, ретивое,
 Ты передо мной.
 Но в груди моей сокрыто,
 Заперто в тюрьму,
 Ты доступно, ты открыто
 Одному ему.

XXVII.

Входит Лилит. Говорит негромко:

- Катя, не плачь. Не стоит плакать. Хочешь, я тебя утешу?

Поднимается луна. Катя быстро встала со ступеньки, и прислушивается. Тихий голос Лилит кажется ей чужим и незнакомым.

Робко и тихо спрашивает Катя:

- Кто это? Кто здесь!

Л и л и т. Это я, Лилит.

К а т я. Ах, Лилечка! Я тебя не узнала.

Л и л и т. Ты подремли, я тебя утешать буду, песенку спою.

К а т я. Чем ты меня утетишь?

Л и л и т. Смотри, какие у меня большие глаза, какие у меня тонкие руки. Смэтри, какая сказка я, тихая, лесная. Сядь здесь на ступени, и дремли.

Усаживает Катю на ступеньки террасы, сама садится у ее ног и нежно гладит ее руки.

Напевает тихо:

- Острою секирой ранена береза,
По коре серебристой покатались слезы.
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй,
Рана не смертельна, вылечишься к лету,
Будешь красоваться, листьями убрана,
Лишь больное сердце не залечит раны.

Склоняется тихо, и целует Катины ноги.

Катя сидит неподвижно, как зачарованная, и говорит, - и страх слышен в ее голосе:

- Лилит, что ты делаешь? Не пугай меня, сказка моя милая, мечта моя лунная.

Зачем ты целуешь мои босые ноги? Они в пыли.

Л и л и т. Ведь и я его люблю.

К а т я. Ты? Михаила?

Быстро встает.

Лилит осталась у Катиных ног и отвечает ей:

- Да. А он на меня и смотреть не хочет. А ведь я же не плачу!

К а т я. О, ты его любишь! Ты смеешь его любить!

Л и л и т. Глупая, чего же ты сердишься? Ведь я тебе не мешаю. Люби его, люби моего милого.

К а т я. Ты не смеешь его любить! Он мой.

Л и л и т. И пусть будет твой. И возьми его. Я ведь ничего не требую. Я только люблю.

К а т я. Никому его не отдам.

Конец первого действия.

Действие второе

I.

Прошло четыре с половиною года. Конец декабря. Зимний день, морозный, белый, ясный. Рогачевы живут в городе, и Катя еще у родителей, хотя им и хочется поскорее выдать ее замуж.

Рогачевы влчат странное существование людей, проживающих последнее. Рогачев служит по выборам. Получает жалованье, которое кажется ему ничтожным. К службе он относится небрежно, да и ладить с людьми не умеет. Им недовольны, и вторично не выберут.

Имение, конечно, в упадке, - обременено долгами, не раз назначалось к продаже, но пока Рогачевым удавалось кое-как спасать имение. Теперь окончательное разорение близко, и Рогачевы мечтают выдать Катю замуж за Сухова, надеясь, что он поможет им освободить имение хоть от части долгов.

Городская квартира Рогачевых обставлена старыми вещами, вывезенными из имения, дорогими и интересными. Нет нагромождения вещей, и вся обстановка обличает хороший, строгий вкус.

Катя выросла, похорошела. Ей уже двадцать лет. Она - сильная и здоровая девушка. Теперь она обвевана мечтами, и все время находится в мечтательно-эротическом настроении. Она уже не такая смешливая, как прежде, но все еще веселая и жизнерадостная. Ей жалко родителей, и хочется спасти имение, но она верит в победу свою над жизнью.

Михаила она любит по-прежнему нежно. Темная страстность томит ее, но сближения с Михаилом она боится, - боится помешать ему стать сильным, и свободным, истинным господином жизни.

Посредине комнаты Катя стоит одна. В ее руках красиво-переплетенная книга, - собрание стихов Зинаиды Гиппиус. Стоя лицом к только-что раздвинувшемуся занавесу, Катя говорит, читая название стихотворения:

- Любовь - одна.

Прижимает открытую книгу к груди, и смотрит прямо перед собою. Мечтательная и немного испуганная улыбка на ее губах, и кажется, что стена перед ней развеялась, и что она глядит в глаза многих, в темноте широкого театра ожидающих ее слов. Потом она опять поднимает раскрытую книгу, и медленно, громко читает волнующие ее слова:

Единый раз вскипает пеной,
И рассыпается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет: любовь - одна.
Мы негодуем, иль играем,
Иль лжем, - но в сердце тишина,
Мы никогда не изменяем:
Душа одна, - любовь одна.
Однообразно и пустынно,
Однообразием сильна,
Проходит жизнь... И в жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.
Лишь в неизменном - бесконечность,

Лишь в постоянном - глубина.
 И дальше путь, и ближе вечность,
 И все ясней: любовь - одна.
 Любви мы платим нашей кровью,
 Но верная душа верна,
 И любим мы одной любовью...
 Любовь одна, как смерть одна.

II.

Рогачева, ничуть не изменившаяся за эти годы, выходит и говорит Кате:

- Я думала, Катя, ты с кем-нибудь разговариваешь. А это ты стенкам стихи читаешь. Нашла занятие!

Катя смотрит на мать, словно разбуженная, и говорит:

- Каким стенкам? Разве там стена?

Р о г а ч е в а. А что же там?

Катя мимо стен комнаты всматривается во что-то, чего не видит ее мать, делает широкий жест, и говорит:

- Там люди, там жизнь!

Р о г а ч е в а. Ну, пусть там, за стеною, люди, - нам-то что до них! Много их, всяких людишек.

Катя рассеянно улыбается и опять стоит молча, не глядя на мать, всматриваясь во что-то далекое, - и кажется, что раскрываются перед ней неизмеримые дали жизни.

Рогачева бестолково и взволнованно мечется вокруг нее, заходит то с одной стороны, то с другой, старается заглянуть в Катину лицо сбоку, но почему-то не решается стать перед ней, между ее неподвижным взором и темными ее видениями.

Наконец она говорит досадливо и робко:

- Катя! Катя! Ну, куда ты смотришь? Что ты в стену-то уставилась? Что мать пугаешь?

Катя поворачивается к матери и говорит:

- А здесь мама, папа, милая старушка няня, - маленький мир. Маленький мир, но липкий. Глупое сердце привязчиво. Свой домик, свои вещицы, старые, милые, своя земля, - какое глупое сердце! Тропинки, по которым я босиком ходила, земля родная. Ах, маленький мир! Милый, тесный, замкнутый в себе. И для тебя, маленький, я должна что-то сделать, успокоить их, которые ждать не могут. Ты взял меня в плен, и не выпускаешь.

Р о г а ч е в а. Стихов начиталась. Ах, Катя, Катя!

К а т я. Что, мама?

Р о г а ч е в а. Ты, Катя, похорошела, выровнялась. Тебе замуж пора выходить.

К а т я. Скучно, скучно, мама! И ты, мама, и отец, оба вы теперь только об этом со мною и говорите.

Услышав, что Катя говорит понятными ей словами, Рогачева успокоилась, села и говорит:

- Да как же не говорить-то, если это - правда! Конечно, пора! И есть за кого, слава Богу.

К а т я. Ах, старички мои милые, скучно мне с вами!

Во все время разговора с матерью Катя беспокойно переходит с места на место, то сядет, то опять встанет. Книгу она положила на стол, но иногда возвращается к ней, рассеянно перелистывает ее, и опять оставляет. То вещь какую-нибудь переставит с места на место, то в зеркало посмотрится.

Р о г а ч е в а. Что ты, Катя, все твердишь, - скучно да скучно! Почему же тебе, Катенька, милая моя, с нами скучно уж так?

К а т я. Да вот потому, что однообразные вы очень и слабые.

Рогачева, начиная кипятиться, горячо говорит:

- Что значит слабые? Чего же ты от нас хочешь? Что нам делать? Горы ворочать? Гор никто не ворочает.

К а т я. Да, гор никто не ворочает. Вы - милые, но уж очень слабые.

Р о г а ч е в а. Заладила одно - слабые! Вот обвинение странное!

К а т я. Да я, мама, не обвиняю.

Р о г а ч е в а. Не может же твой отец омужичиться, и гроши из земли выколачивать, точно какой-нибудь кулак деревенский! У него не такой характер. Да он, наконец, не так и воспитан.

Катя, рассеянно улыбаясь, говорит тихо:

- Да, совсем не так.

Рогачева, помолчавши немного, и пытливо глядя на Катю, говорит мягким, убеждающим тоном:

- Выходила бы ты, Катя, за Владимира Павловича. Человек он хороший, добрый, простой, сердечный. Стоит на хорошей дороге. Молод, богат. Тебя он любит.

К а т я. Любит, любит! Ах, мама!

Р о г а ч е в а. Всякое твое желание он исполнит. И отцу поможет обернуться. Сама знаешь, какие наши дела плохие. Того и гляди, продадут с молотка наше имение.

К а т я. Захочу, выйду, захочу, нет. Зачем мне Сухов? Я Михаила люблю.

Р о г а ч е в а, *наставительно.* А ты и об отце подумай.

К а т я. Папа служит.

Р о г а ч е в а. Что его служба! Гроши дает. Имение не сегодня, завтра, за долги продадут.

К а т я. Продадут! Милые старички мои, плохие вы хозяева! Что мне делать с вами!

Р о г а ч е в а. Из твоего Михаила еще нивесть, что будет, - какой-то он, прости Господи, блаженный. А Сухов тут вот весь перед глазами.

К а т я. Да, на десятки лет заведен прочно.

Р о г а ч е в а. И тебе, Катя, над ним смеяться грешно. Он тебя любит.

К а т я. Любит! Мне то что?

Единый раз вскипает пеной,
И разбивается волна,
Не может сердце жить изменой.
Измены нет, - любовь одна.

Стихи приводят Рогачеву в нервное настроение. Она говорит испуганно:

- Катя, ты опять видела Михаила?

К а т я. Да, я видела его у Лунагорских. Я говорила с ним долго, долго.

Вздыхает счастливо, улыбается и говорит радостно:

- Он сегодня обещал прийти к нам.

Р о г а ч е в а. Зачем?

К а т я. Такие редкие встречи и такие сладкие!

Р о г а ч е в а, *сердито*. Зачем он придет? По-моему, нечего ему у нас делать.

К а т я, *решительно*. Я его пригласила.

Р о г а ч е в а. Напрасно.

К а т я. Я люблю, я хочу, - ах мама, ты этого не понимаешь!

Р о г а ч е в а. Ты много понимаешь! Ничего хорошего из этого не выйдет.

К а т я. Мой милый, мой прекрасный Михаил! Он никогда не сделал ничего не-
должного. Он - благородный, чистый. Он слишком благородный. Он лучше меня.

Р о г а ч е в а, *с досадою*. Ну, еще бы!

К а т я. Я люблю, люблю его! Когда он будет сильным, я приду к нему, и ничто меня не удержит. Посадите меня в темницу, - двери железные сломаю. Снимите с меня одежды, - голая пойду к нему по шумным улицам.

Р о г а ч е в а, *укоризненно*. Постыдись, Катя! Что ты говоришь! Какие порочные у тебя мечты!

К а т я. Не называйте нашу любовь порочною. Она чище, чем то, что вы мне готовите с этим Суховым.

Р о г а ч е в а. Катя, Катя, ведь только на тебя все наши надежды.

В ее руках появляется платок, и она делает с его помощью демонстрацию плача.

К а т я. Ах, все то же, то же, то же. Надоело!

Р о г а ч е в а. Хорошо тебе так говорить, а нам-то какво! На старости лет своего угла лишиться и остаться без куска хлеба.

К а т я. Но ведь я не люблю Сухова. Я люблю Михаила.

Р о г а ч е в а. Любовь до гроба, - с милым рай и в шалаше, - ах, все эти глупости давно пора забыть. Какая там любовь! В жизни не о любви думать приходится, а о том, как семью устроить.

К а т я. Какой злой демон придумал семью, это подлое учреждение, где все у всех в рабстве! И не на кого пенять, - так издавна повелось, все это, глупое, но все же трогательное, жестокое, но милое.

III.

Входит Рогачев. Он не изменился почти нисколько. Имеет такой же легкомысленно-бодрящийся вид потертого судьбою, но ничему не научившегося человека. Только в бороде прибавилось несколько седых волос, но борода подстрижена и причесана волосок к волоску. Одет очень тщательно и модно.

Р о г а ч е в. Мама с дочкой, а тему разговора угадываю.

К а т я. Да, папа, все о том же.

Р о г а ч е в. И мы все капризничаем.

Катя молча подходит к окну и останавливается, полуотвернувшись от родителей.

Р о г а ч е в. Делай, как знаешь, Катя, но помни, что только на тебя вся наша надежда.

К а т я, улыбаясь. И ты, папа, хочешь, чтобы я сделала хорошую партию.

Р о г а ч е в. Я хочу тебе добра, Катя.

К а т я. А если мне еще с вами хочется жить, дома, с тобою и с мамою?

Р о г а ч е в. Живи, конечно. Разве же мы тебя вынуждаем? Только скоро у нас у самих ничего не останется.

К а т я. Ты так уверен, папа, что на выборах твоя партия провалится?

Р о г а ч е в. Какая там партия! Это мне все равно, я - не партийный человек. А только второй раз меня не выберут.

К а т я. Зачем же ты, папа, держишься этих людей?

Р о г а ч е в. Не могу же я быть со всякими радикальными болтунами! Мы должны поддерживать добрые дворянские традиции. А не выберут меня потому, что я горяч, и ладить со всякою дрянью не умею. Если я вижу, что он - прохвост, я это ему прямо и говорю. Не выберут, знаю. Да если бы и выбрали, все равно, - на земле так много долгов, что долго нам ее за собою не удержать.

К а т я. Ты, папочка, слишком барин. В тебе мало делового человека.

Рогачев говорит легкомысленным и веселым тоном:

- Нельзя ли без критики! Молоды еще вы, милая барышня, для того, чтобы делать наставления убеленному сединою отцу!

Катя нежно обнимает его и говорит с улыбкою:

- Извините, не буду! Только я совсем уж не так молода. Я все знаю.

Р о г а ч е в а. Катя, можно Бог знает что подумать!

Р о г а ч е в. Что же ты, например, знаешь?

К а т я. Я знаю, что муж, за которого выходят без любви, это ведь то же, что для мужчины, для юноши - проституция. Да еще первый муж!

Р о г а ч е в. Что за глупости!

Р о г а ч е в а. Катя, как тебе не стыдно говорить такие гадкие слова!

Катя, танцует, кружится по комнате, и напевает:

- Единый раз вскипает пеной,
И разбивается волна.

Убегает.

IV.

Р о г а ч е в а. Не уговорить мне ее! Уж очень она влюблена в Михаила. Не выйдет она за Сухова.

Р о г а ч е в. Ну, как не выйти! Выйдет. Сухов богат, молод, красив, любезен. Всякая вышла бы за него. Студиозус ему не соперник, хоть его маменька и уверяет, что учащаяся молодежь - гордость и надежда страны. Ну, Клавдия, я ухожу. Надо у Неле-ниных побывать.

Уходит и за ним идет Рогачева. Комната некоторое время пуста. Доносятся веселые молодые голоса.

V.

Входят Катя и Михаил.

Он в форме студента одного из высших технических учебных заведений. Красивый, стройный молодой человек двадцати двух лет. Держится спокойно и более уверенно, чем в первом действии. На лице, холодном и спокойном, явственно выражение твердой воли. Но видно, что еще он не собрал всех своих сил и не достиг совершенного самообладания. Иногда маска холодного спокойствия спадает с его лица, и под ней открывается лик волнующегося, невинного и страстного юноши.

На жизнь Михаил смотрит, как на борьбу и на подвиг. Катю любит он неизменно; для нее он сберег свою чистоту, и она для него является залогом великих обещаний. Мечта о ней манит его к трудным достижениям, и для нее он хочет строить новую жизнь, как строят мосты и храмы.

В своей обычной жизни Михаил и Катя далеки один от другого, - он учится в столице, она живет здесь, в губернском городе. Встречаются они не часто. Их поцелуи и объятия еще невинны по-детски.

К а т я. Я так редко тебя вижу. Ты уже несколько дней в городе, а встречаться с тобой приходится то в гостях, то в театре. Наконец-то собрался прийти! Отчего ты не приходишь к нам чаще?

М и х а и л. Милая моя Катя, твои родители и так смотрят на меня косо. А если я поважусь ходить к вам часто, так они, пожалуй, попросят и совсем не ходить.

К а т я. О, посмели бы они это сделать!

Михаил и Катя сели рядом, смотрят друг на друга с грустной нежностью и говорят.

М и х а и л. Вот, они предсказывали, что наша детская любовь исчезнет. Но проходят годы, и каждый прожитый день расширяет и углубляет мою любовь.

К а т я. Нашу любовь! Наша любовь - святыня, и мы будем ее хранить всегда.

М и х а и л. Я люблю только тебя. Я и весь мир только через тебя понимаю. И что хочу делать, все для тебя. Строить легко и дерзко, в простоте соединений и линий открыть высокую красоту, железную сквозную мечту поставить над безднами мечту о тебе, единственная моя!

К а т я. Ты - счастливый! Живешь, мечтаешь, а мы... живем, не живем. Как тени на стене... Михаил, а что я тебя спрошу, ты мне скажешь?

М и х а и л. Конечно, скажу, все, что ты спросишь. Если, конечно, сам знаю.

К а т я. Ты, Миша, не сердись.

М и х а и л. Да на что же?

К а т я, волнуясь. Видишь, как бы это тебе сказать... ну, я знаю, ты меня любишь. Ну, конечно, ты мне не изменишь. Но я же знаю, ну, ведь это у всех бывает, это, это, такое нечистое, грубое. Миша, Миша, скажи...

Михаил, словно заражаясь ее волнением, говорит страстно:

- Нет, Катя, нет, нет. Этого не было, не было. Милая Катя, верь мне, этого не было.

К а т я. Михаил, прости. *Плачет.* Я знаю, ты - чистый, благородный, а я - гадкая. У меня скверные мысли.

М и х а и л. Мы должны быть чистыми.

К а т я. Темная сила влечет меня, - и я, как слепая бабочка. Я не понимаю, что во мне, что со мною.

М и х а и л. Милая моя, жизнь моя, Катя!

К а т я. Так люблю! Могу ли быть женою? Смею ли? Твоей женою. Мне кажется иногда, что я не стою тебя. Ты лучше меня, чище меня, ненаглядный мой!

М и х а и л. Поверь мне, Катя, обуздывать мою страстность, подавлять в себе все эти дикие желания, - чего мне это стоит! Иногда я спрашиваю себя, - да во имя чего я это делаю? Но я гоню от себя эти искусительные мысли. Я хочу быть чистым, я не хочу осквернить моей любви к тебе неистовыми порывами, потому-что я так люблю тебя! Все нежнее с каждым днем. И нежность моя к тебе так велика, что она гасит во мне жгучее пламя чувственности.

Катя мечтательно смотрит в даль, опять раскрывшуюся перед ней, и говорит:

- Да, вот ты опять уедешь, и опять я не увижу тебя долго, долго! И только мечтать о тебе буду, - днем и ночью сладко мечтать. И ждать!

М и х а и л. Зачем же ты останешься здесь? Сколько раз я звал тебя с собою.

К а т я. Мои старички с такою надеждою смотрят на меня.

М и х а и л. Для отживающих отдавать свои лучшие годы, - Катя, милая моя Катя, не ошибаешься ли ты?

К а т я. Нет, не только для них. Правда, мне жаль их, и нашего имени жаль, моей земли родной, - но не то, не то! Не это главное.

М и х а и л. А что же?

К а т я. Расточать в серые будни то, что зацветет праздничным цветом? Нет, этого я не хочу. Бегать по грошовым урокам, чтобы кое-как прожить, и из-за этого кое-как учиться, и сделаться заурядным строителем, - к этому тебя тащить? Нет, этого я не хочу. **М и х а и л.** Обо мне ты не думай. Я силен, здоров и настойчив. Я многое могу.

К а т я. О тебе не думать? Хорошо, так обо мне подумай. Ты должен вести меня к победе, к жизни свободной, светлой, счастливой, к жизни, которую мы радостно со-творим из грубого материала этого косного бытия, - так радостно, что она вся засияет и заблещет, преображенная нашей волей.

М и х а и л. Так, милая Катя, так, - не забывай этой нашей задачи.

К а т я. К этому празднику должен ты меня вести. Но куда же ты поведешь меня теперь? На чердак на двадцатой линии Васильевского острова, или в жалкую конуру где-нибудь в грязном переулке на Песках?

Михаил смотрит на Катю с удивлением, и укоризненно спрашивает:

- Что ты говоришь, Катя?

К а т я. Милый, я боюсь этой жизни. Я боюсь, что все мечты наши поблекнут под пылью мелких ссор, и смех мой, - помнишь? золотые колокольчики, ты так называл мой смех, - мой легкий смех перевьется, опутается хриплым, простуженным кашлем.

М и х а и л. Нет, Катя, это не так. Все лишения легко преодолееет гордая, молодая воля.

Катя говорит рассеянно:

- Сначала труд жизни, потом радость ее.

М и х а и л. Ах, Катя, радость нельзя отложить до завтра.

К а т я. Милый, милый!

Подходит к роялю, рассеянно берет несколько аккордов из Периколы, и поет:

- Навски твоя Перикол,
Но больше страдать не могу.

М и х а и л. Какие циничные слова! Певичка бросает своего милого, потому что ее подпоили и оболестили хорошим обедом!

К а т я. А мне, ты думаешь, легко? Но ты, Михаил, должен мне все простить, что бы я ни сделала, потому что я люблю только тебя.

М и х а и л. Что ты хочешь сделать, Катя?

Катя со слезами на глазах повторяет стихи:

- Единый раз вскипает пеной,
И разбивается волна.
Не может сердце жить изменой.
Измены нет - любовь одна.

Михаил тревожно спрашивает:

- Катя, ты замышляешь что-то?

К а т я. Милый, милый!

Целует и ласкает Михаила. Потом, услышав шаги в соседней комнате, отходит к окну, задумчиво глядит на улицу и тихо говорит:

О, вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги!
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!

VI.

Рогачева входит с озабоченным видом и говорит:

- Ищу, ищу... А, здравствуйте, голубчик.

Михаил подходит к Рогачевой и целует ее руку.

Р о г а ч е в а. Не могу найти моего кошелька. Не в твоей ли, Катя, комнате я его оставила? Пойщи, милая.

Катя выходит.

VII.

Р о г а ч е в а. Сколько расходов в городе, не приведи Бог! Уж я очень экономная хозяйка, а все-таки концы с концами трудно сводить. Сегодня Константин Федорович достанет денег, а пока... Кстати, Миша, если вы при деньгах, не можете ли вы мне дать до завтра десять рублей?

М и х а и л. С удовольствием.

Совершенно так же, как в первом действии, Михаил вынимает из кошелька десятирублевку и подает ее Рогачевой. Рогачева берет ее с такими же, как тогда, словами:

- Пожалуйста! Ну вот, большое вам спасибо, Миша. Я вам непременно завтра отдам.

М и х а и л. Пожалуйста, не беспокойтесь. Мне так скоро эти деньги не понадобятся.

Рогачева садится на диван, принимает доверчивый вид и говорит Михаилу:

- Голубчик, скажу вам откровенно, - мы в долгу, как в шелку. Одна надежда на Катю.

Михаил садится близ нее и говорит невесело:

- Вам хочется выдать ее за богатого.

Р о г а ч е в а. Владимир Павлович в нес влюблен, и это для нее во всех отношениях превосходная партия. А вы, Миша, никогда богатым не будете.

Михаил улыбается и спрашивает:

- Почему вы так думаете, Клавдия Григорьевна?

Р о г а ч е в а. У вас кто ни попроси, вы всем даете. А зачем? Я то вам отдам, непременно отдам из первых же хозяйских денег, а вот мужу моему вы не давайте. Он ни за что не отдаст. Не любит он платить долги.

М и х а и л. Глуп ваш Сухов, и Катя его не любит.

Р о г а ч е в а. Она еще так молода. Полюбит, когда привыкнет.

М и х а и л. Если захочет привыкать.

Р о г а ч е в а. Послушайте, Миша, я так давно вас знаю, я ведь вас еще совсем мальчишкой помню, так что я имею право, надеюсь, говорить с вами откровенно.

М и х а и л. Конечно. И я это очень ценю.

Р о г а ч е в а. Вы милый, хоть и угловатый немного.

М и х а и л. Благодарю.

Р о г а ч е в а. Не за что. Уж вы меня, старуху, извините. Я, поверьте мне, душевно была бы рада, если бы Катя вышла за вас. Но ведь вы, голубчик, сами понимаете, что это невозможно.

Михаил с внезапною, простодушно-юношескою грубоватостью говорит:

- Ну, все одна и та же песня, которую и слушать досадно!

Р о г а ч е в а. Вы, Миша, очень раздражительны, и это, право, нехорошо.

М и х а и л. Извините. Но я не понимаю, право...

Р о г а ч е в а. Да ведь у вас, голубчик, ни кола, ни двора. Родители помогать вам не могут, - не из чего. Чем же вы жить будете, если повенчаетесь?

М и х а и л. Надеюсь, что я способен работать.

Р о г а ч е в а. Голубчик, я же в этом не сомневаюсь. Но подумайте о своей будущности. Вам надо курс кончать. А теперь много ли вы уроками достанете! А потом вам надо делать карьеру. И кто знает, какие перед вами откроются возможности! Слишком ранняя женитьба может связать вам руки.

М и х а и л. Я не понимаю, на что вы намекаете, Клавдия Григорьевна.

Р о г а ч е в а. Да прямо сказать, вам может представиться другая партия. Да и вообще жена вас во всех отношениях свяжет. Вам только лет тридцати пора будет жениться. А ведь вы с Катей почти погодки. Ей тогда уже двадцать восемь лет стукнет. Не может же она до таких лет сидеть в девицах.

М и х а и л. И старше выходят замуж.

Р о г а ч е в а. Да ей-то какая крайность! У нее хороший жених есть. Неужели вы ей счастья не желаете?

М и х а и л. А в чем, по-вашему, счастье?

Р о г а ч е в а. Голубчик, не будемте философствовать. Ей пора замуж. Смотрите, она, как ошалелая, ходит, да стихи читает. А если, замуж выйдя, над каждым грошем трястись придется, так уж плохое это счастье!

Услышав знакомые в соседней комнате голоса, Рогачева суетливо встает с дивана, и говорит:

- Миша, пройдемте в столовую, - там подали чай.

Уходят.

VIII.

Комната несколько времени пуста. Все слышнее за другою дверью голоса, и наконец оттуда входят Катя и Сухов.

Сухов почти такой же, как в первом действии, только чуть-чуть пополнел. У Сухова в руках небольшой футляр.

К а т я. Могли бы, Владимир Павлович, и не являться так часто.

С у х о в. Если бы не дела, поверьте, Катя, я бы всю жизнь рад был сидеть у ваших ног.

К а т я. Покорно благодарю! По-моему, это очень скучно.

С у х о в. А главное, невозможно. Дела. Так вот, за невозможностью быть самому всегда с вами, позвольте мне вручить вам этот простенький браслетик.

Раскрывает футляр. Что-то многоцветное переливается в нем радужными огнями.

К а т я. О! Это очаровательно! Но с чего вы вздумали, что я это возьму? Отдайте это вашей невесте.

С у х о в. Слушаю-с! Ваше желание для меня закон. А так как моя невеста - вы, Катя, то я и подношу вам эту ничтожную вещицу. Она мала, но да будет она залогом моего большого и искреннего чувства к вам.

К а т я. Какой вы странный, Владимир Павлович! Зачем вы хотите, чтобы я вышла за вас замуж? Ведь вы же знаете, что я вас не люблю!

С у х о в. Я вас люблю, Катя.

К а т я. Этого мало.

С у х о в. Дитя, что вы понимаете в этом? Я вас люблю, - а меня вы полюбите.

Катя говорит задумчиво:

- А если никогда не полюблю?

С у х о в. Что ж, сердцу не закажешь! Не полюбите, тогда я силою держать вас около не стану. Вы свободны.

В голосе Сухова звучит заносчивая самоуверенность.

Катя усмехается невесело, смотрит, любясь, на браслет с какой-то задумчивой грустью, кладет его на стол, оставив футляр открытым, и говорит невесело:

- Какая же это будет свобода, если я буду вашей женою! Вот, уже и наручник вы для меня принесли, - цепь золотая, осыпанная драгоценными, сверкающими камнями, но все же цепь.

С у х о в. Таковую цепь не трудно разорвать. Время теремов миновало. Если бы вам вздумалось вернуть себе свободу, я не сделаю вам никаких затруднений, поверьте мне. Я смиренно прошу от вас теперь только того, что вы можете мне дать сейчас: вашей руки. А ваше сердце я сам завоюю, и в этом уж моя ответственность, если все старания мои окажутся неудачными.

И опять тот же заносчиво-самоуверенный и легкий тон, граничащий с тоном легкой шутки.

Катя смотрит мечтательно перед собою, в милые дали былого, и говорит тихо:

- Земля моя родная, милая, - мать земля сырая, - тропинки, по которым я босоножая ходила, - невинные полевые цветочки, - портреты дедов и певучая рояль, - и старички мои усталые...

Вздыхает глубоко, и, как разбуженная от милого сна, обращается опять к Сухову:

- Так вот, как только я захочу от вас уйти, вы меня отпустите, да? Обещаете?

С у х о в. Обещаю. Самое торжественное обещание даю.

Катя протягивает руку Сухову и спрашивает:

- Честное слово?

Сухов говорит радостным и уверенным тоном:

- Честное слово! Оставляю вам все права, а на себя беру только обязанность быть вашим верным и преданным другом и слугою.

Улыбается, радостно смотрит Кате в глаза, и целует ее руку.

К а т я. Смотрите же, вы дали честное слово. Потом не пеняйте на меня, если я воспользуюсь вашим обещанием.

С у х о в, *шутливо*. Моим торжественным обещанием! Вот, поистине, странный договор!

К а т я. Станный, не странный, но вы дали слово.

С у х о в. И я его сдержу, можете быть уверены.

Катя задумчиво подходит к окну. Невесело смотрит на улицу.

Сухов подходит к Кате, осторожно заглядывает ей в лицо и спрашивает:

- Милая Катя, что же вы мне скажете?

К а т я. Пока ничего, Владимир Павлович. Вы не должны меня так торопить. Скажу потом. Скоро скажу. Может быть, скажу да, может быть, нет.

IX.

Входят, тихо разговаривая, Рогачева и Михаил. Слышны слова.

Р о г а ч е в а. Поверьте моей опытности, Миша.

М и х а и л. Опыт, опыт! Не далеко ушли бы мы с опытом прежних поколений. Мы создадим новую жизнь.

Р о г а ч е в а. И все это переменим, не так ли? А, Владимир Павлович. Как я вам рада!

Сухов целует руку Рогачевой и говорит с притворною скромностью самоуверенности:

- Если я вам еще не надоел.

Р о г а ч е в а. О, что вы говорите! Как вы можете это думать! А это что? Какая прелесть!

Берет со стола браслет и любуется им. Сухов не может удержать самодовольной улыбки.

Катя отвечает невесело:

- Это - подарок Владимира Павловича. Цепочка мне на руку.

Рогачева. О, какой вы милый, Владимир Павлович! Вы ее балуете. Она, право, не стоит таких дорогих подарков, моя девочка капризная. Она еще молода для такой роскоши.

Сухов. Молодость и красота не нуждаются в уборах, конечно, - и этот маленький подарочек, мне кажется, достаточно скромн.

Рогачева. Милый Владимир Павлович, право, я не знаю, как и благодарить вас за то внимание, которое вы оказываете моей дочурке.

Сухов. Это я благодарен Екатерине Константиновне за то, что она была так мило-стива, и не отвергла моего подарка.

Михаил стоит в стороне и смотрит хмуро. Катя подходит к Рогачевой, говорит с ней тихо, и обе они уходят, меж тем, как Сухов подходит к Михаилу поздороваться.

Х.

Сухов. Михаил Алексеевич! Какая приятная встреча!

Михаил молча пожимает ему руку.

Сухов. Вчера я видел вас в театре, но не удалось подойти. Не правда ли, было очень мило в общем?

Михаил. Вы сегодня, Владимир Павлович, в очень хорошем настроении.

Сухов. По обыкновению.

Михаил. Сегодня вы чему-то особенно радуетесь. Можно полюбопытствовать, чему?

Сухов. Если хотите, да, я радуюсь.

Михаил. Чему же?

Сухов. Моему счастью.

Михаил. Вас назначили вице-губернатором.

Сухов. О, да вы - злой! Нет, до этого еще далеко. Мое счастье ближе.

Михаил, ревниво. В этом доме?

Сухов. Да.

Михаил. Вы уверены?

Сухов. Екатерина Константиновна почти обещала мне.

Михаил. Почти! Вот вы чему радуетесь! И вас ничто не останавливает?

Сухов. Не сердитесь на меня, голубчик. Я вас очень уважаю. Но ее я люблю, и уступить не могу.

Михаил. А я могу вам уступить? Я ее люблю, и она меня любит.

Сухов. В этом, как и всегда в жизни, кто силен, тот и прав. Да и что такое первая любовь? Она, как первый снег, - растает, забудется. Впрочем, что же нам спорить? Решение зависит от Екатерины Константиновны.

Так разговаривая, они отходят в глубину сцены.

XI.

В это время, продолжая начатый разговор, выходят Катя и Лилит. Лилит еще выросла, и потому кажется тоньше, чем прежде. На ее смуглом лице яркое румянец от мороза. Глаза блестят радостно и немного дико. Ее движения, как и прежде, медленны, но теперь они красивы и изысканы. Одета в темное, очень красивое платье, простое покроем без украшений.

Слышны слова:

К а т я. Чтобы не омрачить нашей любви неизбежностью этих прозаических вздохов, я готова принести эту жертву, отдать эти годы.

Л и л и т. Эти годы пройдут...

Сухов подходит к Лилит и говорит ей:

- Милая художница, когда же вы нам покажете вашу новую картину?

Лилит пожмает руку ему и Михаилу и говорит:

- Я еще только учусь. Здравствуй, Михаил.

С у х о в. Ученица, подающая большие надежды. Но отчего так непонятно то, что вы рисуете?

Лилит спокойно отвечает:

- Мне самой понятно.

С у х о в. Ну, этого мало.

Разговаривая, Сухов и Лилит выходят.

XII.

Катя медленно подходит к Михаилу. Лицо ее грустно, но спокойно. День вечерет. Сумеречные тени возникают в углах и ширятся понемногу.

М и х а и л. Ты так решила, Катя? Ты будешь женою Сухова?

К а т я. Да, Михаил.

М и х а и л. Разве ты его полюбила?

К а т я. Нет, Михаил. Я люблю только тебя. Любила и буду любить только тебя. Только тебя.

М и х а и л. Катя, Катя, подумай, что ты делаешь!

К а т я. Михаил, не осуждай меня. Так надо.

М и х а и л. Зачем?

Катя говорит волнуясь, почти плача:

- Мне тяжело, Михаил, но я на верном пути. Я не могу иначе. Верь мне, я верна только тебе. Иду к другому, но верная душа верна. Мы никогда не изменяем. Душа одна, - любовь одна. Пламя, горящее в моем теле, тобою зажжено. Что-то темное, чувственное увлекает меня. Я, как слепая бабочка. Но через слабость мою, через падение мое иду к силе, к победе, к тебе! А ты для меня - единственный. Милый мой, прекрасный мой Михаил, верь мне!

М и х а и л. Катя, я тебе верю.

К а т я. Теперь мы расстанемся. Мы сделаем все, чего хотят от нас люди, милые и страшные люди этого дня, наши случайные владыки. Как оброк, как дань, отдадим им эти наши годы, мы, еще слабые, еще пленные, еще бедные заложники жизни. Сегодня мы еще в плену, а завтра, завтра мы победим, мы будем сильны, мы будем господами жизни. И тогда легко, легко я стряхну эти глупые цепи, и приду к тебе, мой милый, прекрасный мой Михаил.

М и х а и л. Я тебе верю. Хочу верить. В душе моей отчаяние. Но отчаяние мое светлое. Оно светлее радости.

Катя, обняв Михаила, плачет.

За окнами сгущаются сумерки.

М и х а и л. Жизнь моя, ты отходишь от меня! За темную даль тяжелых лет отходишь ты от меня. Мое отчаяние велико, но и радостно оно, как счастье. Бог страстил вершины счастья и горя, - вот, теперь, в горький час разлуки я понял это мудрое древнее слово.

К а т я. Михаил, будь сильным! Милый мой, прекрасный Михаил!

М и х а и л. Да, Катя, я буду сильным.

К а т я. Мы победим, Михаил. Верь, что мы победим. Будущее - наше.

М и х а и л. Я буду беспощадно-сильным.

К а т я. Теперь пора. Расстанемся. Пора, пора.

Катя обнимает Михаила и, плача, долго целует его. Михаил молча ласкает ее, проводя рукою по ее волосам и спине, и шепчет ей нежные слова утешения. Наконец Катя отрывается от этих горьких лобзаний и быстро идет к двери. Навстречу ей выходит Лилит.

К а т я. Лилит, милая Лилит, утешь его, как меня утешала.

Порывисто обнимает и целует Лилит и уходит.

XIII.

В комнате становится все темнее. За окном на улице зажгли фонарь. Свет от него, слабый и странный, падает в комнату, - и из открытых направо и налево дверей тянутся полосы света.

Лилит подходит к Михаилу, и говорит ему тихо и спокойно:

- Михаил, так надо.

М и х а и л. Что тебе, Лилит?

Л и л и т. Михаил, глупый, что же ты тоскуешь?

М и х а и л. Я не тоскую, Лилит. Во мне радость, потому что я люблю Катю, и она от меня ушла. Но ты этого не поймешь.

Л и л и т. О, не пойму! Глупый! Я тебя люблю, сегодня и всегда, когда ты захочешь, а она любит тебя в далеком, в победе над жизнью. А мне и жизни не надо. Так, живу немножко, вечерняя, ночная. Луну люблю, и свет фонарей электрических на улице, и кабачки, где музыка. Рисовать люблю, - и тебя люблю, потому что ты любишь другую.

М и х а и л. Ты - странная и милая, Лилит.

Л и л и т. Я - радостная нынче, мечта светлая и тихая.

М и х а и л. Отчего же ты не смеешься, не улыбаешься?

Л и л и т. Моя радость - тихая и грустная, как те царевны мечтательного рая, которых я пишу, - светлые, в черных хитонах.

М и х а и л. В твоей радости - безумие и забвение. И на твоих картинах лунный свет, а не солнечный, - но картины твои все-таки прекрасны.

Л и л и т. Я не люблю солнца, я люблю луну. Я - лунная Лилит, как та, которая была создана раньше Евы, та, которая первая любила Адама. И вот теперь...

М и х а и л. Ты все мечтаешь, Лилит.

Лилит продолжает:

- ... Опять тихо, опять темно, опять я тебя люблю.

М и х а и л. Хочешь, Лилит, я провожу тебя до твоего дома?

Л и л и т. Пойдем вместе, Михаил.

М и х а и л. Куда?

Л и л и т. Сначала пойдем в кабачек. Там весело.

М и х а и л. Нет, Лилит, сегодня я не хочу веселья.

Л и л и т. Мы сядем в сторонке, пивка немножко выпьем, музыку послушаем, погрустим и посмеемся. А потом пойдем вместе.

М и х а и л. Куда?

Л и л и т. Михаил, возьми меня с собою.

М и х а и л. Милая, добрая Лилит, я не тебя люблю. Бесконечная нежность к тебе в моем сердце, но я не тебя люблю, милая, безумная Лилит!

Прячась за портьерою, Катя слушает их разговор.

Л и л и т. А я люблю тебя, Михаил. Дай мне быть около тебя эти годы. А когда ты скажешь мне, - уйди, Лилит, - я уйду.

М и х а и л. Если ты, Лилит, так хочешь, - что ж, приходи ко мне, живи со мною. Но помни, я ее люблю, и всегда буду любить, а тебя не полюблю.

Л и л и т. Я буду помнить, Михаил. И в безнадежности есть счастье.

М и х а и л. И когда я скажу тебе, - уйди, Лилит, - ты уйдешь.

Л и л и т. Да, я только пока у тебя побуду.

М и х а и л. Милая, безумная Лилит, какая печаль тебя ждет!

Л и л и т. Печаль - хорошо.

М и х а и л. Ты будешь плакать?

Л и л и т. Лилит никогда не плачет. У Лилит нет слез. Ну, что ж, идем в кабачек? Там хорошо, там музыка играет. Или у тебя денежков нет? Ты им последние отдал? Да ведь мы немножко. Я тебе своих дам.

Вынимает маленький кошелечек, высыпает на ладонь несколько серебряных монеток, подает их Михаилу, и говорит:

- Пойдем в кабачок, пропьем пятачок.

М и х а и л, улыбаясь. Немного у тебя денежек, Лилит. Ну, ничего, у меня еще осталось достаточно. Пойдем, Лилит, моя милая лунная мечта. Погрустим, помечтаем с тобою, пока не придет за мною жизнь моя. Пойдем, милая Лилит.

Л и л и т. Купи мне розу. За гривенник. Купишь, милый?

М и х а и л. Куплю, Лилит.

Михаил и Лилит уходят.

XIV.

Выходит Катя. Тихо идет по комнате. Дойдя до выходной двери, опускается на колени, опирается на стул рукою, плачет, и, не отводя глаз от двери, за которою скрылся Михаил, говорит те же стихи:

*- Единый раз вскипает пеной,
И разбивается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет, - любовь одна.*

Склоняется головою на стул, и плачет по-детски неудержимо.

Конец второго действия.

Действие третье

I.

Прошло еще восемь лет. Михаил стяжал себе своими постройками известность и состояние. Он много работает. Только что кончил постройку своего дома.

С Михаилом живет Лилит, - доживает последние дни своего грустного счастья, лунного, мечтательного, таинственного.

Дом Михаила прост и прекрасен, как и все, что он делает. В доме нет лишних вещей, и те, которые есть, производят впечатление мудрой согласованности и красоты.

Перед зрителями открывается комната, очень высокая. Задняя стена этой комнаты закрыта большим зеленовато-белым занавесом на бронзовом толстом пруте. Занавес слегка просвечивает, словно за ним скрыта широкая арка в ярко-освещенный покой; оттуда доносятся легкие звуки грустной музыки, - кто-то искусный играет на рояли лунную сонату Бетховена.

С правой стороны комнаты - одно, очень широкое, окно, из которого льются потоки ясного лунного света. На левой стороне - камин, в котором пылают угли. На левой же стороне, у занавеса, стоит высокий бронзовый семисвечник.

В комнате трое: Михаил, Чернецов и Лилит.

Михаил сидит у камина. Михаилу теперь тридцать лет. Он очень красивый, сильный и спокойный; это его спокойствие даже кажется иногда чрезмерным. У него небольшая борода, черная, подстриженная ровно. На нем домашний, красивый и удобный наряд несовременного покроя.

Рядом с Михаилом сидит Чернецов. Постарел, но не изменился. Курит папиросу за папиросою.

В глубине комнаты, направо, у занавеса, там, где он яснее всего освещен смешением лунного света и света просвечивающего, Лилит, в черном хитоне, босая. Ее тонкие руки обнажены. Она очень бледна и тонка, и в лунном свете кажется неживою. На лице ее лежат тусклые тени утомление и печали.

Она пляшет медленно и грустно, - и когда она пляшет, кажется, что луна светит только на ее пляску, что только для нее невучая плачет рояль. Когда ее пляска уносит ее от окна к мерцанию желтых семи свеч, она останавливается и говорит о том, что мечтается ей. Она говорит тихо, без внешнего пафоса и без замедления слов. И тогда яр-

ко-раскаленные угли камина бросают на ее лицо, и на ее спокойные руки, и на ее легкие ноги, и на длинные складки ее черного хитона красноватый, зловещий отблеск. Все ее движения сдержанны и спокойны, и голос ее холоден и тих.

Во время ее пляски Михаил и Чернецов тихо разговаривают. Только иногда отдельные фразы их разговора слышны.

М и х а и л. Так-то, отец, жестокая жизнь!

Ч е р н е ц о в. Жестокая, Михаил.

Я книгу взял, восстав от сна,

И прочитал я в ней:

“Бывали хуже времена,

А не было подлей”.

Лилит останавливается перед семисвечником и говорит:

- Я - первозданная Лилит, первая жена человека, та, которую он отверг.

Пляшет.

М и х а и л. Самая большая грусть моей жизни - то, что я расстаюсь с Лилит.

Л и л и т. Я была создана в предрассветных сумерках. Весь день томилась я жаждою встречи. Мечтою и тайною обвитая, под луною тихою и грустной пришла я к моему милому, в его наглядеться глаза, с его душою мою слить душу, лунные рассказать ему сказки, с ним вместе погрузиться в забвение грубого бытия.

Пляшет.

М и х а и л. Лилит - моя сказка. А от сказки уходят к жизни.

Л и л и т. Но восстали на меня буйные земные силы, и возникла иная, и прогнал меня милый мой.

Пляшет.

Ч е р н е ц о в. Я отдаю тебе справедливость, Михаил, но принципиально не могу согласиться. Нет, не могу, как хочешь.

Л и л и т. Но не забыл он меня, и не забудет. В томные часы изнеможения и печали я легкою тенью проходила перед ним, недостижимая и желанная.

Пляшет.

М и х а и л. Я никогда не забуду Лилит.

Л и л и т. И, когда пришел его смертный час, душу его я вынула, и отнесла ее в царство теней.

Пляшет.

М и х а и л. Нет, отец, Катя должна уйти от Сухова. Она - моя, и теперь уже навсегда.

Л и л и т. И вот я живу нескончаемые века, и прихожу к нему в часы мечтаний сладостных и лунных и в темные минуты смертной истомы.

Пляшет.

М и х а и л. Так надо, отец.

Л и л и т. И когда восходит луна, к ней мои простираю руки, и о ней говорю и мечтаю.

Пляшет.

Музыка замолкла. Лилит подходит к Михаилу и спокойно смотрит на него.

М и х а и л. Милая мечтательница! Как ты хорошо танцуешь! Благодарю тебя за твой радостный труд, за это очарование нашим взорам. Отдохни, посиди здесь, у камина.

Отходит к окну, стоит задумчивый, освещенный луною, и потом уходит.

II.

Лилит садится у камина и молча глядит на пылающие угольки. Чернецов тихо берет ее руку. Лилит поднимает на него грустный взгляд.

Чернецов:

- Я скажу тебе всю правду,
Дай лишь на руку взглянуть.
Берегись, тебя твой милый
Замышляет обмануть.

Л и л и т. Нет, меня он не обманет.

Чернецов. Почему ты все про эту древнюю Лилит вспоминаешь?

Лилит опять смотрит на огонь и говорит тихо:

- Я о себе вспоминаю, о своем далеком и вечном. Когда Катя ушла от Михаила, и Михаил взял меня к себе, я молилась, чтобы дал мне Бог только хоть семь лет счастья. И он услышал меня, и дал мне семь лет, и еще один год из милости. И вот, прошли все мои сроки, и я должна уйти.

Чернецов. Зачем же тебе уходить, Лилит?

Л и л и т. Зачем? Ах, не даром называют меня безумною! Я только семь лет вымолила. Вот они и прошли, и прошел лишний год, данный мне из милости.

Чернецов. Что же Михаил тебе сказал?

Л и л и т. Он сказал: скоро она, жизнь моя, придет ко мне, и тогда ты, Лилит, уйди. Тогда уйди. Так же это и было решено с самого начала.

Чернецов. Это нехорошо с его стороны. Очень нехорошо.

Лилит с умоляющим жестом обращается к Чернецову и говорит:

- Нет, не вините его. Не надо. Сердцу не прикажешь. Любовь свободна, как ветер, пустынный и холодный одним, и благодатный для других.

Чернецов. Все-таки Михаил очень виноват перед тобою.

Л и л и т. Никто не виноват. Разве есть виноватые?

III.

Разговаривая, входят Михаил и Чернецова. Лилит опять молча смотрит на огонь камина. Чернецов так же молча курит.

Чернецова. Михаил, я тебе удивляюсь.

М и х а и л. Напрасно, мама.

Чернецова. Я не понимаю, Михаил, как можно в наши тяжелые дни тратить время на любовь и на красоту!

М и х а и л. А на что же и тратить время? На вражду и на уродство?

Ч е р н е ц о в а. Все время следует целиком посвятить созидательной общественной работе.

М и х а и л. Работе время, потехе час.

Ч е р н е ц о в а. И во всяком случае, к чему же эти твои безумные траты на обстановку?

М и х а и л. Мама, я люблю вещи. Плохой бы я был строитель, если бы я сам не любил вещей. И я достаточно много работал, так что могу позволить себе это невинное удовольствие - окружить себя вещами.

Ч е р н е ц о в а. Ты еще не уплатил своего долга народу, - это раз. А второе, - на стоимость этих вещей можно было бы основать общепольное предприятие, при чем, конечно, форма и условия этого предприятия могли бы быть определены тобою в соответствии с назревшими потребностями той или другой местности.

М и х а и л. Ах, мама, потребности той или другой местности всегда будут назревать, а я владею только немногими годами для личного счастья.

Ч е р н е ц о в а. Как можно думать о личном счастье, когда вокруг так много всякого горя!

М и х а и л. Милая мама, первый общественный долг всякого человека - быть счастливым и сильным. Только сильные и счастливые построят счастливый и разумный мир.

Ч е р н е ц о в а. По моему мнению, ставка на сильных - не лучший способ выигрывать. А куда же деваться слабым и несчастным?

Ч е р н е ц о в а. Ну, не ворчи, старуха. Пойдем-ка лучше чай пить с сухарями. Это нам по зубам.

Чернецовы уходят.

IV.

М и х а и л. Лилит, ты всегда любила черный цвет?

Л и л и т. Всегда.

Отходит от камина и останавливается перед Михаилом, спокойная и покорная.

М и х а и л. Он к тебе почему-то идет, этот цвет печали.

Л и л и т. Это - цвет последней свободы.

Слышен легкий стук в дверь.

Лилит вопросительно взглядывает на Михаила и потом говорит:

- Войдите.

V.

Входит Катя, в светлом городском платье, красивом, сшитом по моде завтрашнего дня.

Катя уже восемь лет замужем за Суховым. У них двое детей, мальчик и девочка. Катя прекрасна, весела и сильна. Все в том городе, где живет Михаил, и где Сухов занимает видное положение, считают ее примерною женою и нежною матерью.

После нескольких лет разлуки встретила она недавно с Михаилом, и отдалась ему спокойно, легко и радостно, как счастью обещанному, хотя еще тайному, и потому неполному. И вот ныне достигло своего зенита ее двойное бытие, - бытие жены одного и страстной любовницы другого. Она часто приходит к Михаилу, - и все сильнее томит их обоих то, что еще скрывают они свою любовь. Открыто порвать с мужем она еще колеблется, хотя Михаил настаивает на этом. Когда Михаил и Катя вместе, они кажутся достигшим полного возможного на земле совершенства, образцами красоты человеческой в ее наиболее общем выражении.

Отношения между Катей и Лилит, как и прежде, представляют смешение дружбы и вражды, и обе они, как жизнь и мечта. Теперь, когда одна из них нарядно одета, и другая в черном хитоне для танца, эта противоположность между ними совершенно ясна.

Катя смотрит на Лилит с боязливою злостью, и потом принуждает себя к любезной и дружеской улыбке. Лилит идет навстречу Кате, и смотрит на нее с обычным, простодушным спокойствием. Они целуются.

К а т я. У вас никого нет?

М и х а и л. Никого чужих.

Целует Катину руку.

Лилит идет к двери.

К а т я. Куда же ты, Лилит?

Л и л и т. Там его родители. Я к ним пойду.

К а т я. Когда я прихожу к Михаилу, ты, Лилит, всегда уходишь.

Л и л и т. Это тебя и сердит и радует.

К а т я. Зачем же ты уходишь?

Л и л и т. Мы занимаем его по очереди. Когда-нибудь будет иначе.

Уходит.

VI.

Катя и Михаил, оставшись одни, страстно целуются.

К а т я. Мой милый, мой гениальный строитель!

М и х а и л. Катя, что же, говорила ты наконец с Владимиром Павловичем?

К а т я. Нет еще.

М и х а и л. Почему? Чего ты ждешь?

К а т я. Он так любит своих детей.

М и х а и л. Это - не причина. Пусть они ему и остаются. Я не хочу больше скрывать нашу связь.

К а т я. Мне жаль его.

М и х а и л. Ты, может быть, успела его полюбить?

К а т я. Нет...

Грусть ложится на Катино лицо, и тихо говорит она:

- Мне почти страшно, когда я думаю, что все эти годы могли бы и не быть, и что это мое двойное бытие - только ошибка. Как-будто я поступила по какому-то старому и уже обветшалому обряду. Зачем-то вошла я в царство призраков, и вывела оттуда живых детей. Я их люблю, а иногда боюсь их, как чего-то недолжного.

Михаил говорит решительно и настойчиво:

- Я хочу, чтобы все это было кончено.

К а т я. Но ты, Михаил, должен сделать еще один шаг, самый трудный.

М и х а и л. Какой?

К а т я. Достроить свой дом.

Эти слова Катя произносит медленно и значительно, словно означает ими что-то большое.

М и х а и л. Мой дом достроен. Для тебя строил я его. Только для тебя. Он светел и прекрасен, и теперь он достроен.

К а т я. Достроен!

Смотрит на Михаила с выражением тревоги и нерешительности, и говорит:

- Я боюсь, Михаил, что ты слишком привязался к Лилит.

М и х а и л. Не будем говорить о ней. Она уйдет.

К а т я. Когда же?

М и х а и л. Ты ревнуешь?

К а т я. Да. Отпустил бы ты ее поскорее.

М и х а и л. Она сама уйдет. Не заботься об этом, Катя. Я всегда верил твоей любви, - веришь и ты. Сквозь долгие годы пронесли мы нашу любовь, - и теперь ничто не омрачит ее.

К а т я. Я не люблю картин, которые пишет Лилит. Такая грусть в них, и так они далеки от жизни! Смотришь на них, и такое ощущение, словно не можешь вздохнуть. Неживая луна, и странные, неживые женские фигуры. И земля на этих картинах - не наша родная земля, не та, которая так нежна и так сурова под ногами, и небо - не наше небо.

М и х а и л. Как знать! Может быть, земля Лилит и небо Лилит лучше нашей земли и нашего неба.

К а т я. Может быть. Но мне никакого нет дела до ее мечтательных стран. Я люблю эту нашу землю, это небо и эту жизнь.

М и х а и л. Лилит думает, что недостойна любви эта жизнь.

К а т я. Разве не от нас зависит сделать эту жизнь достойною любви? Послушай, Михаил, я хочу говорить с Лилит. Говорить откровенно.

М и х а и л. Зачем?

Не удивление звучит в этом вопросе, а словно какой-то укор. Словно хочет Михаил сказать: не надо.

Катя отвечает ему решительно и настойчиво:

- Я хочу сказать Лилит, что люблю тебя, всегда люблю, как прежде.

Михаил говорит спокойно:

- Она это знает.

Катя с выражением упрямства говорит:

- И все-таки я хочу сказать ей об этом. Я хочу знать, что она мне скажет.

М и х а и л. Хорошо, делай, как знаешь.
 К а т я. Позови ее, Михаил, и оставь нас одних.
 М и х а и л. Подожди ее здесь.

Уходит.

VII.

Катя подходит к камину и задумчиво останавливается перед ним. Совсем так же, как незадолго до этого Лилит, она смотрит на угли. Цвет ее лица, рук и платья пламенеет в пылании углей, и глаза ее блестят.

Катя говорит тихо:

- Какая странная жизнь! Какая странная!

VIII.

Входит неторопливо Лилит. Тихи шаги ее необутых ног, а складки ее черного хитона колеблются величественно, и вся она похожа на безумную царицу полночной, таинственной страны.

Катя, почувствовав за своей спиной приближение Лилит, быстро идет к ней навстречу. Странно различные, как будто бы ни в чем не похожие одна на другую, они сходятся молча.

Лилит спокойно ожидает, что скажет ей Катя.

Катя словно не находит слов, и движение рук ее выдает волнение. Тогда начинает говорить Лилит:

- Ты любишь Михаила. Ты опять любишь его.

Катя отвечает ей нетерпеливо:

- Да, люблю, люблю.

Л и л и т. Он победил, - и ты возвращаешься к нему.

Холоден, спокоен, почти безвыразителен тон ее слов, - и тем больше жальют они Катю.

Катя говорит быстро и гневно:

- Он не мог не победить.

Л и л и т. Ты уже дала Михаилу минуты счастья.

К а т я. Тебе-то что, безумная Лилит!

Гневом и тоскою дышат быстрые Катины речи, и мрачен блеск ее взоров.

Лилит смотрит на нее пристально и говорит:

- Поэтому теперь тебе надо уйти от мужа.

К а т я. О, Лилит, ты слишком много заботишься обо мне и о Михаиле. Мы сами сумеем устроить свою судьбу. Но ты зачем остаешься здесь? Он тебя не любит.

Л и л и т. Я это знаю. Он меня не обманывал никогда. Я никогда не думала, что моя жизнь с Михаилом будет долгою. Я знала, что он меня оставит, когда придешь ты. Оставит для тебя.

К а т я. Тебе разве трудно уйти от Михаила? Детей у тебя нет.

Л и л и т. Какие же дети! Я - не женщина, я - сказка.

К а т я. Годы прошли, такие длинные для меня, такие ненужные и докучные, - и каждый прожитый день только распял мою любовь к Михаилу.

Л и л и т. Да, ты любишь Михаила.

К а т я. Я знаю, он любит меня. Но еще не знаю, что для него лучше, остаться ли с тобою, или со мною жить. Если так для него и для тебя будет лучше, я готова опять уйти от него.

Л и л и т. Михаил всегда и во всем верен. Он любит только тебя.

К а т я. А иногда мне кажется, что ты, Лилит, вредно влияешь на Михаила. Эта мечтательность, эта экзальтация! Хоть бы эта комната! Какой траурный вид! Точно взято с одной из твоих картин. Недостает только гроба и катафалка. Я думаю, для него это вредно.

Л и л и т. Все мы в жизни вредны друг для друга. Но ты не бойся, - я уйду.

К а т я. Ты говоришь, - уйду. Однако, ты не уходишь! Почему же ты не уходишь? Чего же ты ждешь?

Л и л и т. Я уйду от Михаила в тот самый день, когда ты уйдешь от своего мужа и вернешься к Михаилу.

К а т я. Ты должна уйти раньше, Лилит.

Л и л и т. Зачем? Эти несколько дней отчего не побыть мне с ним? Я беру только то, что ты бросаешь. Я ничего ни от кого не отнимаю.

К а т я, *угрюмо*. Какое смирение!

Л и л и т. Не сердись, Катя. Не стоит.

К а т я. Ты хочешь показать Михаилу, что приносишь себя в жертву. Но это неправда. Я принесла в жертву эти восемь лет, а не ты. Моя измена Михаилу была только внешняя, и он знает это. Чтобы в тяжелые годы борьбы он был свободен и спокоен, я ушла от него. Но он верил в меня, и знал, что я вернусь к нему, как только он позовет меня. Я притворствовалась эти годы, чужою жила жизнью, подобием жизни, и была, как неживая, - ласкала нелюбимого мужа, улыбалась постылым людям, немилому рождала мужу детей, и носила личину нежной матери, верной жены, любезной хозяйки, очаровательной дамы. И все это я делала только для Михаила. Только его любя, я совершила этот обряд пустой жизни. В этом был подвиг мой, моя жертва, мое двойное бытие. И оно приходит к концу.

Л и л и т. Не надо говорить о жертвах. И ты, Катя, не будь такую гордою. Не стоит.

Катя смотрит на Лилит угрюмо, смеется тихо и потом говорит:

- Я знаю, на что ты надеялась.

Л и л и т. Знаешь? Так скажи мне. Я сама не знала этого, и не знаю. На что же я надеялась?

К а т я. Ты надеялась, что Михаил привяжется к тебе, что он тебя полюбит, и оставит у себя, а меня отвергнет.

Л и л и т. Может быть. Мало ли на что мы надеемся! Мало ли о чем мечтаем! Жаждем чуда, - и нет для нас чуда. Бедные мы!

Острою жалостью к себе и к Лилит пронизано Катино сердце. И говорит Катя:

- Лилит, правда, бедные мы.

Обнимает Лилит и плачет.

Л и л и т. Не плачь, Катя, не надо. Ты придешь к нему, веселая и счастливая, а я уйду. Не плачь, утешься, верь.

К а т я. Будет, будет счастливая жизнь!

Конец третьего действия.

Действие четвертое

I.

Прошел один день.

Комната в доме Сухова. Обстановка безукоризненная. Ни один предмет не оскорбляет строгого вкуса, но кажется, что и любимых предметов здесь нет. Ничего индивидуально-го, особенного, обличающего пристрастие к чему-нибудь. Как-будто хозяева этого дома живут здесь только временно, - правда, тратя большие деньги на обстановку и на приличный образ жизни, но совсем не заботясь о завтрашнем дне. И потому многие предметы кажутся не употребляемыми, поставленными только потому, что так принято и красиво.

Катя одна. Стоит посреди комнаты, словно ждет чего-то. Потом медленно и спокойно идет к столу, садится и раскрывает книгу.

Рогачева осторожно входит и вкрадчиво говорит:

- Катя, ты одна?

К а т я. Как видишь, мама, одна.

Закрывает книгу.

Р о г а ч е в а. Ну вот, и превосходно. Катя, я должна поговорить с тобою серьезно. Надеюсь, ты выслушаешь меня внимательно.

К а т я. Мама, этот разговор, может быть, не так уж необходим.

Р о г а ч е в а. Нет, Катя, это очень важно.

Катя говорит со скучающим видом:

- Я слушаю, мама.

Р о г а ч е в а. Катя, опомнись, пожалей себя! Что ты делаешь?

Катя принужденно улыбается и говорит:

- Что же я особенного делаю?

Р о г а ч е в а. Твое поведение занимает весь город.

К а т я. Весь город всегда занимается чужими делами.

Р о г а ч е в а. Только Владимир Павлович еще ничего не знает. Но каково ему будет узнать это! Ведь это же скандал!

К а т я. Ах, мама! Что ты называешь скандалом?

Р о г а ч е в а. Ты каждый день бываешь у Михаила Алексеевича. Наконец, уж ни для кого не секрет, что ты им увлечена. Только бедный Владимир Павлович ни о чем не догадывается. Он так доверчив!

К а т я. Он узнает.

Р о г а ч е в а. Подумай, Катя, ведь ты замужем, ты - мать. Твой муж занимает такое положение в обществе...

К а т я. На что мне это положение?

Рогачева, не слушая, продолжает:

- ... При положении твоего мужа, если ты не порвешь с Михаилом немедленно, ведь это же будет скандал на весь свет!

Катя отвечает равнодушно:

- Пусть говорят, что хотят, - мне-то что!

Р о г а ч е в а. Катя, неужели тебе не жаль бедного Владимира Павловича?

К а т я. Мама, ведь вы все знали, что я люблю Михаила. Вам захотелось очень, чтобы я вышла за Владимира Павловича. Вот, я сделала по-вашему. Но я и его не обманывала. Я тогда же сказала ему, что уйду от него, когда захочу.

Р о г а ч е в а. Но вы с ним так хорошо жили! Все думали, что ты любишь своего мужа.

К а т я. За что ж мне было его ненавидеть? Но любить! Нет, я его не любила, никогда не любила.

Р о г а ч е в а. Ты была с ним так ласкова!

Катя говорит с досадою и раздражением:

- Да, да, была. О, темная страстность, какую дорогою ценою мы за нее расплачиваемся! Но это наконец пора кончить.

Р о г а ч е в а. А твои дети, Катя! Подумай о твоих несчастных детях. Неужели тебе их не жаль!

К а т я. Несчастные! Чем они несчастны, эти маленькие? Вздор какой! Я уйду из этого дома к Михаилу. Уж не могу я больше терпеть этого притворства.

Рогачева восклицает с пафосом:

- Катя, ты этого не сделаешь! Нет, не сделаешь! Я этого не допущу! Пока я жива, ты этого не сделаешь!

К а т я. Милая мама, как можешь ты мне в этом помешать?

Рогачева говорит повышенным голосом, делая забавно-торжественные жесты:

- Я лягу перед тобою на пороге этого дома, и только через мой труп ты уйдешь отсюда!

II.

Крадущейся походкою входит бонна. Она высокая, костлявая, сухая девица лет тридцати, из обруселых немок, "вполне приличная", как говорится в газетных объявлениях. Лицо у бонны длинное, сухое, желтое, постное, но сладкое. Глаза рыбы, с застывшим выражением тупого любопытства. Уши торчат. Нос длинный и острый. Светлые, жиденькие волосы причесаны гладко. На плоском лбу совершенно явственно написано: сплетница. И даже все боннино платье шумит сплетней.

Рогачева вздрагивает и застывает в неловко-торжественной позе. Бонна говорит кисло-сладким голосом:

- Извините, пожалуйста, Екатерина Константиновна.

Катя спрашивает досадно:

- Что такое? Что вам надо?

Б о н н а. Простите, Екатерина Константиновна, я думала, вы одни. Я хотела насчет Павлушиных башмаков. Но это не к спеху. Извините.

Уходит.

III.

К а т я. Эта дура за мною подсматривает и подслушивает.

Р о г а ч е в а. Женщина в твоём положении должна вести себя так, чтобы за ней нечего было подсмотреть и подслушать.

Она сбита с высокого тона, и переходит на слезливый:

- Катя, хоть родителей своих пожалей, меня и своего бедного отца.

Катя, смеясь и плача, обнимает мать и говорит ей укоризненно и нежно:

- Милая мама, смешная моя старушка, скучно мне говорить с тобою.

Рогачева говорит слезливо:

- Владимир Павлович так много для нас сделал!

Катя быстро уходит. На пороге встречается с Суховым, но не останавливается.

IV.

Сухов очень располнел. Имеет вид любезного, деятельного, счастливого и самодовольного человека. Любит выразиться красноречиво и кругло, - думает, что искусство произносить речи скоро может ему пригодиться. Иногда он даже увлекается своим красноречием. На службе он поставлен очень хорошо, и его всегда имеют в виду, когда думают о замещении какой-нибудь высшей должности. Он по-прежнему совершенно уверен во всем своем, - в своем положении, в своем богатстве, в своей жене. Когда ему осторожно намекают на ухаживания Михаила за Катей, он не обращает на это внимания. И только в последние дни начинает смутно беспокоиться.

Сухов говорит, останавливаясь на пороге:

- Катя, куда ты? У меня Михаил Алексеевич... Ушла.

Входит и спрашивает Рогачеву:

- Что это с ней, Клавдия Григорьевна?

Рогачева отвечает тихо, с таинственным видом:

- Владимир Павлович, вы не находите, что Михаил Алексеевич слишком зачастил?

Уходит за Катей.

Сухов говорит, растерянно разводя руками:

- Да? Вы думаете? Разве...

V.

Входит Михаил.

С у х о в. Михаил Алексеевич, отчего вы не купите автомобиля?

У Сухова на лице растерянность и недоумение. Но скоро он овладевает собою и опять берет спокойный и любезный тон.

М и х а и л. Нет, я не люблю автомобилей. Вообще, не люблю ничего автоматического.

С у х о в. А вот граммофон - очень хорошо.

М и х а и л. Нет, не нахожу, Владимир Павлович. Механизм вместо живого голоса - это очень нехорошо. Мертвое подобие жизни, безжизненное повторение одного и того же.

С у х о в. Я думал, что вы, как инженер, наоборот, все это любите.

М и х а и л. Я люблю только рабочие машины.

С у х о в. Я слышал, - вас, Михаил Алексеевич, можно поздравить с назначением?

М и х а и л. Это еще не совсем решено.

С у х о в. Толкуйте! Напрасно вы так скромничаете. Я очень рад за вас. Разопьем шампанского.

М и х а и л. Я хочу сказать, что у меня совсем нет желания взять это место. Вернее, что я откажусь.

Сухов спрашивает с легкой насмешкой:

- По принципу?

Михаил отвечает спокойно:

- У меня так много дела. Не стоит мне брать на себя занятия административные. Мне канцелярская деятельность не по вкусу. Я только люблю строить.

Сухов смотрит на него, снисходительно усмехаясь, и говорит:

- Право, позавидую вам, Михаил Алексеевич. Все у вас еще впереди, и в то же время вы на вершине силы. Все возможности открыты перед вами.

М и х а и л, *рассеянно*. А вы, Владимир Павлович?

С у х о в. А я? Что ж, я счастлив. Но моя жизнь уже сделана, уже я собираю осенние плоды, мирно и успокоенно, и почти механически подвигаюсь вперед.

М и х а и л. И этим вы счастливы?

С у х о в. Да. Я счастлив так, что даже побаиваться начинаю.

М и х а и л. Чего же вам бояться?

С у х о в. Как Поликрат, я бы перстень выбросил судьбе в жадную пасть моря, да боюсь, отдаст, вернет. Но я утешен тем, что со мною рука об руку идет верная подруга жизни. Пора и вам избрать себе жену по сердцу.

Михаил отвечает, загадочно улыбаясь:

- Мой выбор уже сделан.

С у х о в. Лилит? Мы как-то не серьезно смотрим на эту связь. Она к вам не подходит. Вы - человек живого дела и трезвого ума, она - экзальтированная мечтательница. Все равно, рано или поздно вам придется с ней расстаться.

М и х а и л. Так вы советуете мне теперь же оставить Лилит?

С у х о в. Она слишком странная. Она молчит, когда надо что-нибудь сказать, или говорит что-то непонятное. Когда все вокруг нее смеются, она даже не улыбнется. Это хорошо было в детские годы, а теперь дико очень.

М и х а и л. Теперь она не рисует карикатур.

С у х о в. Да, но ведь я не потому.

М и х а и л. А если я все еще люблю Екатерину Константиновну?

Сухов смеется, и говорит:

- А вы, Михаил Алексеевич, еще не забыли этой юношеской истории?

М и х а и л. Иногда мы все возвращаемся к прежним годам и вспоминаем. Верное же сердце и не забывает первой любви. Я не забыл.

Встает, протягивает руку Сухову, и говорит:

- Теперь мне пора. Прощайте, Владимир Павлович.

С у х о в. Вы очень торопитесь, Михаил Алексеевич. Посидели бы. Катя сейчас выйдет.

М и х а и л. Простите, не могу. Мой привет Екатерине Константиновне.

С у х о в. Буду рад навестить вас на-днях.

Михаил уходит. Сухов провожает его.

VI.

Катя возвращается. Прислушивается к их голосам. Стоит неподвижная посредине комнаты, и опять только бледность лица и движение рук выдают ее волнение.

Входит Сухов и говорит ей улыбаясь:

- Загордился наш строитель Сольнес.

Катя, вспыхивая, говорит с неожиданной страстностью:

- Ему есть чем гордиться!

Сухов внимательно смотрит на нее и говорит:

- Я не понимаю, Катя, - ты стала какою-то нервной и беспокойною.

К а т я. Да? Ты находишь?

Она говорит это очень рассеянно, и кажется, что она думает о чем-то другом, что не выходит у нее из головы.

С у х о в. Меня это беспокоит очень, Катя. Может быть, тебе сегодня...

Он хочет сказать: нездоровится, но Катя нервно перебивает его, и говорит быстро и сухо:

- Чем же ты недоволен? Чего я не сделала? Я родила тебе мальчика и девочку. Я продолжила твой род.

С у х о в. Катя, отчего ты говоришь со мной так холодно?

Катя старается подавить свое волнение и принужденно-спокойным голосом говорит:

- Так холодно? Нет, я этого не хотела. Я не хотела сказать тебе неприятное.

С у х о в. Не хотела, конечно. Я тебе верю. А остальное, - я знаю, что моя славная, милая женушка любит пофилософствовать. Но это не мешает ей быть превосходной хозяйкою.

К а т я. Конечно, я это и хотела сказать.

С у х о в. Ты - моя милая, славная женка.

Он подходит к ней и хочет поцеловать ее руку.

Катя быстро отходит от него, и говорит решительно:

- Все это кончилось, и я напоминаю тебе наш договор, тогда, перед свадьбою.

Сухов останавливается, ошеломленный, посредине комнаты, и говорит:

- Что ты говоришь, Катя?

К а т я. Я была тебе верною женою. Теперь довольно с меня. Я люблю Михаила и ухожу к нему.

С у х о в. Катя, Катя, что же ты со мною делаешь?

К а т я. Я тебя не люблю. Как же я могу жить с тобою!

С у х о в. А эти восемь лет? Ведь ты же меня любила?

К а т я. Что же я в этом понимаю? Что я могла понять?

С у х о в. Кажется, непонятного мало.

К а т я. Как слепая бабочка... Ах, да я же вам говорила, что не люблю вас.

С у х о в. Катя, мне больно.

К а т я. Зачем же вы меня брали? Я вас не обманывала.

С у х о в. Я думал, что это было только детское увлечение. Я думал, что с годами это пройдет.

К а т я. Любовь одна, как смерть одна.

С у х о в. Притом же он сошелся с другою.

К а т я. Он любит только меня.

Сухов спрашивает гневно:

- А эта несчастная дурочка Лилит была для вас только ширмою?

К а т я. Удел слабых - обманывать и таиться. У каждого есть своя пора слабости и своя пора силы.

С у х о в. Так внезапно... Я совсем подавлен всем этим, что ты мне сказала.

К а т я. Ты знал, что я тебя не люблю. Я не скрывала.

С у х о в. Ты - подлая. Ты ограбила мою душу!

К а т я. Ты сам этого захотел. Я тебе говорила...

С у х о в. Долгие годы ты играла комедию. Подлая, подлая! Ты взяла у меня все, а когда твой любовник разбогател, ты идешь к нему. Подлая, подлая!

К а т я. Ты дал мне слово, что отпустишь меня.

С у х о в. Я так верил в тебя!

К а т я. Вернее, в себя. В свою силу, в свою власть. Верил во власть традиционных слов и понятий.

С у х о в. Я верил в тебя, потому что восемь лет подряд ты обманывала меня. Так искусно ты притворялась любящей женою! Какая низость!

К а т я. Ты прав, я виновата, - пусть так, но ведь это же ровно ничего не меняет в нашем положении.

С у х о в. Где же у вас правда, где совесть? Где ваши принципы?

К а т я. Не ты ли сам любил повторять: кто силен, тот и прав? О какой же правде теперь ты говоришь? Не ты ли сам смеялся над принципами Чернецовых? О каких же принципах теперь ты заботишься? Ты пожинаешь то, что сеял.

С у х о в. Как злобно, как язвительно говоришь ты со мною!

К а т я. Прости. Нет, я не хочу говорить злые слова. Но я должна от тебя уйти. Прощай.

Уходит.

Конец четвертого действия.

Действие пятое

I.

Комната третьего действия. Ясный день. Торжественно и печально. Лилит, одетая, как в третьем действии, и Чернецов. Дым его папиросы как-то странно соответствует черному хитону Лилит.

Чернецов. Куда же ты теперь пойдешь, Лилит?

Лилит, не слушая его и словно продолжая, говорит:

- Вот и пришло время, когда мне надо отойти, уйти. Здесь, около человека, я, лунная сказка, веселая немножко, но больше грустная, тихо и редко смеющаяся, и во все не проливающая слез, я, бедная Лилит, провела мои восемь лет, и ухожу в лазурную тишину моей пустыни.

Чернецов. Куда же ты пойдешь, Лилит?

Лилит. Куда-нибудь. Что же, мой срок прошел. Ах, опять для меня повторилась моя старая, старая история любви! В раю первозданном к первому человеку, созданному Богом, пришла, из ночных его грез возникшая, прекрасная, тихая Лилит, я. Дни первой, лунной Лилит проходят скоро, - и приходит вторая, законная, вечная жена, Ева к своему Адаму.

Чернецов. Дал ли он тебе денег, Лилит?

Лилит. Конечно. Он дал мне много денег. Ему ничего не жаль. Он - великодушный и сильный.

Обходит комнату и говорит:

- Прощайте, прощайте, милые предметы, любимые моим милым! Прощайте, прощайте! Да будет счастье и радость в этом доме! Пусть никто здесь никогда не заплачет, как и я не пролила здесь ни одной слезы.

II.

Входят Катя и Михаил.

Катя озарена радостью освобождения. Ее движения легки и быстры, как движения юной девушки, и кажется, что счастьем сожжены эти восемь лет заложничества. Лицо пылает румянцем, глаза блестят. Ее платье похоже на то, которое было на ней в первом действии, и опять, как тогда, она босая.

Увидев Лилит, Катя слегка отуманилась. Медленно подходит она к Лилит, становится перед ней на колени, целует ее руки, и говорит:

- Ты сохранила мне его, милая Лилит! Милая Лилит!

Лилит. Ты меня благодаришь? За что же?

Поднимает Катю и целует ее.

Катя. За эти годы, когда мы были заложниками жизни, и ты, всегда свободная, утешала его.

Л и л и т. Я его люблю. А он меня не любит. Так надо. Мы были на верном пути. Прощай, Михаил. Вот, я ухожу.

М и х а и л. Милая Лилит, прощай!

Целует ее.

Лилит и Катя смотрят одна на другую.

Л и л и т. Не жалею меня, Катя. Я жила с тем, кого любила. И сколько раз я готова была тебя жалеть: ведь ты жила с нелюбимым человеком!

К а т я. Готова была меня жалеть?

Л и л и т. Да, - но не жалела. Зачем жалеть! В свободе всегда есть жестокость. Посто-
му кроткие всегда несут ярмо. Прощай, Катя.

Катя, плача, обнимает Лилит.

Лилит уходит, и, провожая ее, уходит Чернецов.

М и х а и л. Она уходит из моей жизни, оставляя в ней незабываемую печаль.

Катя смотрит на него, улыбаясь, и опять вся сияет радостью.

III.

Дверь открывается, и входят Катини дети: мальчик и девочка. Они румяные, здоровые, спокойные. Одеты нарядно и красиво. Идут, и кажутся заведенными куклами.

За ними идет бонна. На ее лице жадное любопытство, от которого нос ее кажется длиннее, острее и желтее обычного; он, точно из крашеного свинца, тяжелый, и тянет ее голову вперед. Глаза моргают часто. В руках, странно сжатых, колышется редикюльчик, - и кажется, что там копошится грязенькая сплетнишка.

Михаил уходит и через несколько времени возвращается с двумя коробками, в которых, по-видимому, положено что-то сладкое. Ставит эти коробки на стол близ Кати.

К а т я. Дети, зачем вы сюда пришли?

Дети говорят довольно безвыразительно:

- Мапочка, мапочка, пойдем поскорее домой. Нам без тебя скучно.

К а т я. Милые мои, я здесь останусь навсегда. А вы должны жить с папочкой.

Д е т и. Мапочка, мапочка, иди к нам. Мы хотим поиграть с тобою, а без тебя мы скучаем.

Катя укоризненно смотрит на бонну и говорит:

- Зачем вы привели сюда детей?

Б о н н а. Простите, Екатерина Константиновна. Мы гуляли. Дети очень просились.

Видно, что лжет.

К а т я. Нет, милые дети, я не пойду к вам. Идите скорее, папе скучно вас ждать.

Дети говорят наивно:

- Нет, мама, ему не скучно, он сидит в кофейне Жакмино, где такие вкусные пирожные. Нет, ему не скучно.

К а т я. Милые дети, я никогда не вернусь к вам.

Д е т и. Милая мама, отчего ты не хочешь к нам вернуться?

К а т я. Потом вы узнаете, а теперь вам этого не понять.

Д е т и. Мы и теперь поймем, скажи нам, милая мама.

К а т я. Милые дети, я нашла моего старого друга, которого я всегда любила. Я буду жить с ним всегда. Что же вы в этом поймете?

Д е т и. Твой друг - этот господин с черною бородою?

К а т я. Да, дети, это он.

Берет со стола коробки, на которые дети давно уже поглядывали. Газа у детей оживились. Дети спрашивают:

- У него много сладких конфеток?

К а т я. Вот, он вам дарит это.

Дает детям по коробке.

Дети, захватив коробки забавно-неловким жестом, поворачиваются к Михаилу, и благодарят его: девочка делает реверанс, мальчик шаркает ножкою, и оба говорят вместе:

- Благодарю вас.

К а т я. Теперь, милые дети, идите. Слушайтесь папочку во всем, будьте добрыми и умными, и да благословит вас Бог. Прощайте, дети.

Целует детей.

Дети прощаются и уходят.

За ними уходит бонна, дрожа от любопытства, повертывая во все стороны остренькую мордочку и порывисто нюхая воздух.

IV.

К а т я. Мне кажется, что это были какие-то ненастоящие, стилизованные дети. Что они говорили! Какой вздор! Бедные, глупые! Он их научил этой ерунде, а сам сидит в кофейне Жакмино и ждет.

М и х а и л. Я видел его из окна. Он вышел из кофейни и ходил по тротуару, потом быстро перешел на эту сторону. Он ждет своих детей у подъезда.

К а т я. Сейчас он сам придет сюда.

V.

Раздается где-то не близко резкий звонок, за ним другой, третий, все яростнее.

М и х а и л. Это - он. Ты бы ушла, Катя.

К а т я. Я не боюсь. Я не хочу прятаться.

Доносится бешеный крик. Слова не слышны. Катя и Михаил молча прислушиваются.

Врывается Сухов. Он взбешен. Михаил идет ему навстречу. Вслед за Суховым входит Чернецов.

Сухов кричит:

- А, гениальный строитель! Набили себе карман на постройках, теперь есть на что содержать любовниц!

М и х а и л. Успокойтесь, Владимир Павлович.

С у х о в. Влюбленная парочка! Нет, господин инженер, ваш расчет на этот раз неверен. Хапуга, тебе не удастся это воровство!

В руке у Сухова револьвер, которым он бестолково размахивает.

Михаил смотрит на Сухова спокойно.

Чернецов бросается между ними и кричит:

- Остановитесь! Принципиально я не могу допустить, чтобы спор между интеллигентными людьми разрешался выстрелами.

Сухов говорит злобно:

- Старый шут!

Бросает револьвер на стол. Садится в кресло у стола, закрывает лицо руками и рыдает.

Катя, подходя к нему, говорит тихо:

- Владимир Павлович, простите меня. К вам я никогда не вернусь.

Сухов, овладевая собою, быстро встает и говорит:

- Меня извините, Екатерина Константиновна. Нервы не выдержали. Прощайте.

Идет к выходу. В дверях останавливается и говорит:

- Мстить вам я не стану. Я презираю вас обоих.

Уходит.

Ч е р н е ц о в. Я провожу его.

Идет за Суховым.

VI.

Катя подходит к Михаилу и целует его.

Михаил спрашивает:

- Катя, мы счастливы?

К а т я. Да, мы счастливы. Бесконечность жизни перед нами, и мы победили.

Михаил говорит задумчиво и невесело:

- Мы счастливы.

Катя с удивлением спрашивает:

- А ты сомневаешься?

М и х а и л. Нет, но счастье мое обвеяно грустью.

К а т я. Но мы все-таки победили! К чему же ты поведешь меня теперь?

М и х а и л. К жизни свободной и радостной, к творчеству жизни новой и счастливой, такой жизни, какой не было до нас.

К а т я. А был день, ты звал меня к смерти.

М и х а и л. Я - господин жизни. Но мое господство куплено ценою утомления и печали.

К а т я. Как сон, прошли эти годы.

М и х а и л. Как сон.

К а т я. Мы снова юны. Мы снова дети.

М и х а и л. А Лилит?

К а т я. Лилит? Эта грустная, большеглазая сказка? Мечта ночная, Лилит, ушла. Ушла к тому, кто мечтает.

VII.

В комнате темнеет. Отодвигается медленно занавес в глубине комнаты. Открывается залитая ярким светом широкая лестница в семь ступеней, а за ней обширный, высокий, белый зал. Передний план сцены в тени, и лиц Михаила и Кати не видно.

На верху лестницы стоит Лилит, в черном хитоне. Но теперь голова ее увенчана золотой диадемой, и торжественным светом обито ее лицо.

Л и л и т. Устала я, устала смертельно. Многие века прошли надо мною, - ко мне зову я человека, - и, свершив подвиг мой, ухожу. И все не увенчана Дульцинея, и путь мой далек предо мною.

К о н е ц

ПРОВОДЫ
Драматический этюд в одном действии

Действующие лица:

Анна Сергеевна Старкина, довольно молодая дама.

Лиза, ее дочь.

Пауль Липпа, интеллигентный эстонец-крестьянин.

Янов, приказный из запаса, адвокат.

Катя, его жена.

Бубенчиков,

Козовалов, студенты.

Козовалова, мать.

Лейфельд, эстонец, толстый, пожилой.

Дачная местность на берегу моря в Эстляндии. Сад и часть дороги. Вдали виден берег Финского залива. За сценой слышны звуки музыки и пения. По дороге проходят время от времени дачники, крестьяне, запасные, дети. Оживление, шум.

Л и з а. Как хорошо. Какое одушевление... Точно не на войну идут, а на праздник...

А н н а С е р г е е в н а. Ужас... Ужас... Чему ты радуешься, Лиза?

К а т я. Конечно, эта война похожа на праздник. Она обещает нам так много перемен, такую светлую и свободную жизнь. Ведь это - война против войны, крестовый поход против жестоких пруссаков и швабов.

А н н а С е р г е е в н а, *махая рукой.* Ну, дождалась, досидели... Ужас, ужас... Говорила я, что сразу же надо было уезжать в город, как только сербы не захотели покориться. И не понимаю, не понимаю, почему они не исполнили того, что от них требовали. Смирились бы, и войны бы никакой не было.

Л и з а. Нет, мама, довольно славянам терпеть тевтонскую и швабскую наглость. Да и нам довольно их терпеть. Пора нам быть хозяевами в своем доме...

А н н а С е р г е е в н а. Ну, Сережа, что вы слышали нового?

Л и з а. О, у него всегда новости. Газета... А сколько неверных сведений. Ходит и на всех своими рассказами уныние наводит. А с виду такой веселый.

Б у б е н ч и к о в. Немцы здесь высадятся. Здесь крепости нет, и сильного флота у нас нет. Они сюда и пойдут, и отсюда прямо в Петербург.

Л и з а. Неправда, неправда... Их здесь не пустят высадиться. И кто вам говорит такие глупости?

К а т я. Мальчики любят возбуждать сенсации.

Б у б е н ч и к о в. Извините, Екатерина Николаевна, я - не мальчик, я уже давно студент.

А н н а С е р г е е в н а. Ужас... Ужас... Что же с нами будет?

Л и з а. Мама, как тебе не стыдно так трусить...

К о з о в а л о в, *мрачно.* Нет, немцы придут с юга и разрушат железную дорогу. А что с нами будет - это покрыто мраком неизвестности.

А н н а С е р г е е в н а. Ужас... Ужас...

Л и з а. И что вы говорите... Прямо бред какой-то... Немцам здесь не дадут высадиться. И до нашей железной дороги им не дойти.

А н н а С е р г е е в н а. Как же не дойти, Лизочка, если из Восточной Пруссии на нас три Армии двигаются... Ведь это во всех газетах написано...

Л и з а. Да ведь и наши армии есть...

А н н а С е р г е е в н а. Жалко смотреть на эту несчастную Катю Янову. Бедная... Только три года замужем, два ребенка, они только так хорошо устроились, и вот он должен идти.

Л и з а. Она не плачет. Она весела. И я бы на ее месте не плакала. Я завидую ей... Ее милый примет участие в такой великой войне, в такой правой, святой войне...

А н н а С е р г е е в н а. Как можно быть веселой в такие дни...

Л и з а. В такие-то дни и надо быть бодрыми и сильными. Катя, вы не плачете?

К а т я. Как можно... Расстраивать его. Он такой нервный... Но идет молодцом...

Л и з а. У вас веселое лицо? О, какая вы милая... Как я вам завидую... Вы провожаете мужа, которого так любите, и у вас веселое лицо...

К а т я. Смеюсь, чтобы не плакать. Пусть вспоминает меня веселую, и сам будет весел. Нам-то здесь хорошо, а им там будет очень трудно.

Л и з а. Катя, милая Катя, у меня есть предчувствие, его не убьют, он вернется...

К а т я. Спасибо, милая Лиза, вы хотите меня утешить. Если не вернется, у меня есть дети... дети... Они будут помнить... гордиться...

Поспешно отходит, чтобы скрыть слезы.

Я н о в. Воевать так воевать. По моему воевать нам необходимо до конца. Сокрушить это гнездо милитаризма и реакции, раздавить эту злую гадину, из за которой нам всем тяжело дышалось.

К а т я, *опять улыбаясь, словно и не было слез.* А не струсишь?

Л и з а. Конечно, нет... Конечно...

Я н о в. Русский воин не знает страха...

А н н а С е р г е е в н а. Немцы сильнее, - у них все мужики на войну пойдут, а у нас многие остаются.

Л и з а. Не в силе Бог, а в правде.

К о з о в а л о в. Призовут, так и пойдём.

А н н а С е р г е е в н а. Ну, куда уж вам...

Л и з а. А мне их жалко. Молодые, сильные, а их не берут туда, где сражаются на такое правое дело.

Я н о в. И нас взрослых довольно. Это пусть в Германии подростков зовут.

Б у б е н ч и к о в. Алексей Иванович... И вы впадаете в ту же ошибку относительно моего возраста?

Я н о в. Хоть бы позвали их убирать поля запасных, которые на войну ушли. Самим то не догадываются, белоручки...

А н н а С е р г е е в н а. Что ты на них нападаешь, ведь ты сама...

Л и з а. Правда, мама, никого не надо упрекать. Надо, чтобы каждый сам делал все, все, что только может.

К а т я. Ты, главное, смотри, не простудись, не промочи ног. Вы не смотрите, что он больной, он у меня слабенький.

Я н о в. Ну, за себя постою. Немцу в плен не дам, как ты в своей глупой песенке поешь.

Л и з а. И вовсе не глупая песенка. Катя, спойте нам эту песенку.

К а т я. Да как же?...

Л и з а. Да вот Бубенчиков может. Он знает аккомпанемент...

Бубенчиков идет в дом. Слышны звуки рояля.

К а т я, *поет.*

- Милый друг мой, сокол ясный...

Едешь ты на бой опасный, -

Помни, помни о жене.

Будь любви моей достоин.

Как отважный, смелый воин.

Бейся крепко на войне.

Если ж только из под пушек

Станешь ты гонять лягушек.

Так такой не нужен мне...

Я н о в. Ну, это ты напрасно. Я же тебе говорю, что русский солдат трусом быть не может...

К а т я. Милый, ведь я шучу, несмотря на мою песню очень серьезно.

Л и з а. Ну, пойте, пойте, милая Катя...

К а т я, *поет.*

- Что уж нам Господь ни судит,
Мне и то утехой будет,
Что жила за молодцом.
В плен врагам не отдавайся.
Умирай иль возвращайся
С гордо-поднятым лицом,
Чтоб не стыдно было детям.
В час, когда тебя мы встретим,
Называть тебя отцом...

Знаю, будет много горя,
Бабьих слез прольется море.
Но о нас ты не жалея,
Бабы русские не слабы, -
Без мужей подымут бабы
Кос-как своих детей.
Обойдемся понемногу,
Люди добрые помогут,
Много добрых есть людей...

Я н о в. Конечно, помогут. Вот у тебя, Катя, своих двое, ты за одно можешь еще одного или двух взять.

А н н а С е р г е е в н а. Чужих? Это так неудобно...

К а т я. Отчего же? Какие же неудобства?

Тихо разговаривает с мужем.

А н н а С е р г е е в н а. Лиза, ты ужасно неласкова с молодыми людьми. Бубенчиков очень милый и веселый. Козовалов такой услужливый, а ты с ними так нелюбезна. Молодой девушке нельзя быть такой букой с молодыми людьми, которые за ней ухаживают.

Л и з а. Очень мне надо их ухаживание...

А н н а С е р г е е в н а. Выйдешь замуж...

Л и з а. Захочу и выйду за эстонца... За Пауля Липпу.

А н н а С е р г е е в н а. Лиза... Твой отец - капитан первого ранга, а ты говоришь о простом эстонце.

Л и з а, *улыбаясь.* Я буду смотреть за его хозяйством. А когда он вернется с войны, мы будем пасти с ним свои стада, и говорить о милой поэзии.

А н н а С е р г е е в н а. Ужас... Ужас...

Л и з а, *весело.* Я сама буду доить коров и каждое утро носить для тебя парное молоко. Ты увидишь, какое оно будет вкусное, густое и чистое.

Анна Сергеевна затыкает уши пальцами и отходит.

Л и з а, смеется, подходит к Паулю. Он смотрит на нее с восхищением и нежностью. Она говорит с ним с осторожной ласковостью. Пауль, страшно идти на войну?

П а у л ь. Все великое - страшно издали. А войдешь в огонь - и не страшно. Чем ближе к опасности, тем менее страха.

Л и з а. Мы здесь за вас больше будем бояться, чем вы сами.

П а у л ь. Умереть не страшно. Было бы страшно, если бы я знал, что буду бояться в решительную минуту. Но этого не будет. Я знаю...

Л и з а. Как вы можете это знать?

П а у л ь. Я себя знаю.

Л и з а. Но ведь вы, эстонцы, не хотите войны?

П а у л ь. Кто же хочет войны? Но если нас вызвали, мы будем воевать. И мы победим. Россия не может не победить...

Л и з а. Ведь вы - не русский.

П а у л ь. У себя дома мы можем разделяться и спорить. Но перед лицом врага мы все только русские. Для всех нас милая Россия - великое отечество, и мы ее любим все одинаково.

Л и з а. Любить - это годится для мирной жизни. Но война - для нее нужна не только общая любовь, но и общая ненависть...

П а у л ь. Германец - наш общий враг, мы, эстонцы, не любим немцев. Много зла они нам сделали.

Л и з а. Но ведь вы любите Бетховена и Гете?

П а у л ь. У немцев были гениальные и прекрасные люди. Но с тех пор, как немцы победили Францию и отняли Эльзас и Лотарингию, они точно отравой какую-то спились. Они стали надменные, тупые, жестокие. Они обнаружили все худшие стороны своего характера, и оказались цивилизованными дикарями.

Л и з а. Пауль, вы на меня сердитесь?

П а у л ь. За что же, Лиза? Вы знаете, я вас люблю.

Л и з а. Любить меня за что же. Болтаю вздор, прыгаю, как обезьянка. Вы забудьте меня. Пауль, - что я?

П а у л ь. Я вас люблю за то, чего вы сами в себе знаете.

Л и з а. Да? За что же, Пауль?

П а у л ь. Вы красивая, грациозная. Вы так мило танцевали там, на пляже. Вы - добрая. Да нет, не это главное. Вы простая, обыкновенная русская девушка, такая, каких в России много, много. У вас спокойное и смелое сердце чисто русской девушки. Вы любите Россию, и потому верите, что она должна победить. И так как нас, таких, в России много, много таких, которые веруют в победу и хотят победы, то вы заражаете нас всех волей к победе, - и мы победим. Вы живете достойно, мило и просто, а когда понадобится, вы сумеете умереть также просто и спокойно. Вот за что я вас люблю.

Л и з а, закрывая лицо руками. Пауль, Пауль, мне стыдно, вы так меня хвалите...

П а у л ь. Разве я вас хвалю? Я же сказал, что таких в России много.

Л и з а. Вот и полюбите какую-нибудь другую.

П а у л ь. Каприз сердца, Лиза. Знаю, что вы меня не любите, да уж что... Когда будем выбивать немца штыками из окопов, вспомню вашу милую улыбку, и мне все ни-почем будет. Пусть вы, русская барышня, не любите эстонца, - да я вас люблю, я запомню вашу светлую улыбку, и этого с меня довольно.

Л и з а. А может быть...

А н н а С е р г е е в н а. Лиза...

Л и з а. Я здесь, мама...

А н н а С е р г е е в н а. Ты, кажется, вовсе не думаешь о том, что нам нужно укладываться?

Л и з а. Такая хорошая погода... Что мы будем делать в Петрограде?

А н н а С е р г е е в н а. Нет, нет, укладываться и уезжать...

Л и з а. Я не поеду. Я одна останусь...

А н н а С е р г е е в н а. Пока еще пускают в Петроград, а потом уж ни впускать, ни выпускать не станут. А если сейчас поедem, так успеем еще, даст Бог, и из Петрограда уехать.

Л и з а. Куда же еще ехать, мама?

А н н а С е р г е е в н а. В Вологду, в Нижний, подальше куда-нибудь.

Л и з а, *со смехом*. Что же ты думаешь, они и в Москву придут?

А н н а С е р г е е в н а. Ах, Лизанька, это только вопрос времени...

Н е м к а, *проходя*. Да, наши скоро в Москву придут.

Л и з а. Да, вот мы ваших привезем в Москву, пленными.

А н н а С е р г е е в н а. Ты слышишь, слышишь, что она говорит?

Л и з а. Наглая дура, потому и говорит. И еще потому так, говорит, что знает нашу русскую снисходительность, знает, что ничего ей за это не будет. Ведь у нас не Германия.

А н н а С е р г е е в н а. Она знает. Иначе бы не говорила. Они хитрые, они везде пойдут.

Л и з а. Ну, мама, и трусиха же ты...

А н н а С е р г е е в н а, *плача*. Лиза, я не хочу, чтобы прусский солдат меня прикладом пришиб. Они грубые, жестокие люди. Что они делали во Франции во время Франко-Прусской войны... Ужас... ужас...

Л и з а. Ну, это будет последний раз. Они дорого заплатят за свою наглость. Мы и наши союзники сокрушим их разбойничье гнездо.

Л е й ф е л ь д. Верно, барышня, верно... Попался Василий Федорович, не долго ему пировать осталось...

Л и з а. Андрей Иванович, вы на войну идете?

Л е й ф е л ь д. Нет, я ратник. До меня не дошла еще очередь. Без нас много народу.

А н н а С е р г е е в н а. Где ему, такому толстому, идти. Да и как он на немцев пойдет? Он немецкое пиво любит.

Л е й ф е л ь д. Пиво немецкое я люблю, а немецкий кулак бронированный я презираю.

Л и з а. Андрей Иванович, а что, если немцы сюда придут?

Л е й ф е л ь д. Мы их сюда не пустим. Я возьму мое ружье и один сто немцев убью.

Л и з а. Мама, мама, послушай, что он говорит...

А н н а С е р г е е в н а. Ужас... Ужас... Все равно, здесь жить нельзя. Наши или чужие, все равно, придут солдаты, поселятся в нашей даче, и нам велят уходить. И провизии скоро не будет, всех лошадей взяли.

Л и з а. Мама, что ты говоришь... При чем тут лошади?

А н н а С е р г е е в н а. Не на чем будет возить провизию. И на станцию не на чем будет ехать.

Л и з а. Доберемся, мама, и до станции.

Анна Сергеевна. На чем же? Пешком, что ли? Семь верст свои чемоданы на спине не потащим. Не успеешь уехать, - сиди и умирай с голоду.

Козовалов. А мы сегодня в лавочку заходили шоколад покупать, так много еще.

Бубенчиков. Закупите побольше шоколаду. Можно будет варить шоколадный суп.

Козовалов. Нет, не надо. У нас воров много, я стрелять буду.

Анна Сергеевна. Благодарю покорно... Сами и кушайте, я воронину есть не привыкла...

Бубенчиков. А вы читали объявление? Кто мину поймает...

Анна Сергеевна. Ах, не говорите про эти объявления... Вообразите, даже амуниции нет.

Лиза. Мама, что ты говоришь...

Анна Сергеевна. Просят, чтобы с собой солдатики сапоги приносили. Несчастливые люди... Опять будет, как в японскую войну.

Лиза. Мама, ты жена военного, а рассуждаешь совсем, как ничего не понимающая.

Анна Сергеевна. Ты много понимаешь... Ты бы посмотрела на запасных, - у них у всех совсем сумасшедшие глаза...

Лиза. Ну, этого я ни у кого не видела... И отчего это женщин на войну не берут... Ведь были же в древности амазонки... О, с какой бы радостью я пошла воевать против этих жестоких пруссаков...

Козовалова. Была и у нас девица-кавалерист Дурова.

Анна Сергеевна. Она у меня патриоткой оказалась...

Козовалов. Да как же иначе... Германцы всех против себя озлобили, мы все патриотками стали. Сегодня утром в теплых ваннах я говорю банщице: смотрите, Марта, когда придут немцы, так вы с ними не очень любезничайте. Она как рассердится, бросила шайку, говорит: "Да что вы, барыня. Пусть только сунутся, - да я их кипятком ошпарю"...

Анна Сергеевна. Ужас... Ужас...

Лиза, *Козоваловой.* Мне перед Паулем как-то стыдно.

Козовалова. Почему, деточка?

Лиза. Он меня любит. А я, - что ж я? Смеялась над ним. Прыгала, как обезьянка и смеялась. Он пойдет сражаться. Может быть, умрет. Когда будет ему тяжело, кого он вспомнит, кому шепнет: "Прощай, милая?"

Козовалова. Вспомнит русскую барышню.

Лиза. Чужую, далекую... Ах, зачем мы так далеки от тех, кто так сильно, просто и верно чувствует, думает, живет?

Анна Сергеевна. Ужас, ужас... Вы посмотрите, у них у всех безумные глаза. Они знают, что их всех убьют.

Лиза. Ну, что ты, мама... Где ты это видишь? Все они идут с одушевлением. Такой подъем духа, - разве ты не видишь?

Анна Сергеевна. Крепятся, не показывают.

Лиза. Нет, мама, они не думают о смерти. А если и думают, так на миру и смерть красна.

Анна Сергеевна. Опять этот эстонец...

Лиза. Послушайте, Пауль, подойдите ко мне на минутку.

Пауль. Ничего не бойтесь, Лиза. Пока мы живы, мы немцев далеко не пустим. А кто войдет в Россию, тот не обрадуется нашему приему. Чем больше их войдет, тем меньше их вернется в Германию.

Лиза. Пауль, милый Пауль, когда смотришь на всех этих храбрых людей, то разве можно бояться? Но я о другом хочу вам сказать. Милый Пауль, не смейтесь надо мной, - я сама знаю, что теперь не время говорить о себе.

Пауль. Лиза, как вы можете это думать. Когда вы говорите, в моей душе точно музыка.

Лиза. Пауль, вы не думайте, что я только смеюсь и болтаю. Я так поняла вашу душу в эти дни, и так мне стало сразу и стыдно и хорошо. Милый, в эти дни я вас любила.

Пауль. Лиза, милая...

Лиза. Я пойду за вами.

Пауль. Ваша мама...

Лиза. Бог ее сохранит. Меня возьмут в сестры милосердия. И я выпрошу, чтобы меня послали поближе к вам.

Пауль, *целуя ее руку.* Милая, милая...

Говорят тихо и нежно.

Анна Сергеевна. Какие нежности с эстонцем... Он Бог знает, что о себе вообразит. Можете представить, - целует руку, точно рыцарь своей даме...

Лиза. Мама, поди-ка сюда...

Козовалов. А нашему эстонцу очень к лицу воинственное воодушевление. Смотрите, какой красавец, точно рыцарь Парсифаль.

Анна Сергеевна. Ну, уж и красавец... Ну, что, Лизанька?

Лиза. Вот мой жених, мамочка...

Анна Сергеевна. Лиза, побойся Бога... Что ты говоришь...

Лиза, *с гордостью.* Он - защитник отечества..

Анна Сергеевна. Такое ли теперь время... Об этом ли ему надо думать?

Пауль. Анна Сергеевна, я не хочу пользоваться минутным порывом вашей дочери. Она свободна, но я никогда не забуду этой минуты.

Лиза. Нет, нет, милый Пауль, я люблю тебя, я хочу быть твоей...

Бросается к нему на шею, обнимает его крепко и рыдает.

Анна Сергеевна. Ужас... Ужас... Но ведь это же чистая психопатия...

Катя. Лиза, ты молодец, поздравляю тебя. Ты сделала хороший выбор. И правда, в наши дни надо забыть все разделения, надо быть всем вместе, и мы победим.

Лиза. Пауль, мы победим, правда?

Пауль. Победим, Лиза. С нами Бог, и мы победим.

Катя. Слушайте...

Поет.

- На начинающего Бог...

Вещанию мудрому поверьте:

Кто шлет соседям злые смерти,

Тот сам до срока изнемог.

На начинающего Бог...
Его твердыни станут пылью.
И обречет Господь бессилью
Его зачинщика тревог.
На начинающего Бог...
Его кулак в броне железной,
Но разобьется он над бездной
О наш незаблемый порог.

На начинающего Бог...

Шум усиливается. Пыхтя и переваливаясь входит толстый Лейфельд.

Л е й ф е л ь д. Господа, пора ехать, пора. Поезд ждать не будет.

Прощаются Яков с женой, Пауль с Лизой. Приближается толпа запасных. Пауль вырывается из объятий Лизы, бежит к товарищам и запекает народный гимн. Запасные и толпа с одушевлением поют.

Занавес.

К о н е ц

ЛЮБОВЬ И ВЕРНОСТЬ
Трагедия
Сюжет заимствован из Шатобриана

Действующие лица:

Абен-Гамет, из рода Абенсерагов.

Герцог де-Санта-Фе.

Бланка, его дочь.

Дон-Карлос, его сын.

Томас де-Лотрек, пленный французский рыцарь.

Дуэнья Бланки.

Проводник.

Подруги Бланки, девицы и дамы.

Слуга Абен-Гамета.

Первая картина

Раннее утро. Предместье Гренады. Площадь. Чертог герцога де-Санта-Фе. Вдали видны здания города.

Входит Абен-Гамет, в тюрбане, в мавританской одежде и с маврским оружием, и слуга, старик.

С л у г а. Все будет так, как хочет Всемогущий.
Напрасно, господин, ты вышел рано,
И в городе родном, но неизвестном
От дома к дому ходишь в нетерпении.
Твой проводник в назначенное время
К тебе придет.

А б е н - Г а м е т. Мне утра не дожждаться.
Быть может, счастлив буду, и найду
Жилище предков, и врага увижу,
И отомщу.

С л у г а. Так захотел Всевышний,
Чтобы Гренада перешла к испанцам,
И маврам путь он указал в пустыню, -
За что же мстить?

А б е н - Г а м е т. Одной живу я страстью -
Найти потомков рыцаря, которым
Убит был на могиле предков старец
Абенсераг. Быть может, этот дом?
В передраассветном сумраке неясны
Его немые очертания; двери
И окна заперты. Быть может, здесь,
На этой площади пустой, давались
Те праздники, которыми Гренада
Так славилась. Здесь проходили пары,
Великолепную парчой одеты;
Драконы здесь огонь метали пастью,
В себе скрывали воинов: затея,
Изящная для радости и смеха.
Любовные здесь пелись песни. Ныне ж
Здесь мавританской не услышу речи,
Красавица не ждет Абенсерага,
И в тех домах, где жили мавры, спят
Завоеватели на пышных ложах,
С которых побежденные бежали.
А я, Абенсераг, здесь, у порога
Отческих палат стою тоскуя.

С л у г а. Но где стоит чертог Абенсерага,
Того Абен-Гамет еще не знает.

А день уж настает, и скоро должен
К тебе прийти твой проводник.

А б е н - Г а м е т.

Идем же.

Уходят.

С легким шумом открывается дверь. Выходит Бланка. Ее черный корсаж украшен агатами; юбка короткая, узкая, без складок; левою рукой она придерживает накиннутую на голову мантилью, тоже черную, перекрещенную и затянутую под подбородком. За Бланкой Дуэнья. Перед Бланкой паж несет молитвенник. Двое слуг идут за Бланкой на некотором расстоянии.

Б л а н к а. Мне кажется, мы слишком рано вышли.

Д у э н ь я. Вы сами торопились, донна Бланка.

Б л а н к а. И правда. Почему, - сама не знаю.

Мне кажется, сегодня будет встреча,
Которая обрадует меня.

Мне нынче сон такой приснился дивный...

Д у э н ь я. Уж не приснился ль дон-Алонзо?

Б л а н к а. Нет,

Он не способен сниться. Слишком гордый,
Не подойдет он ночью к изголовью.

А если б подошел, мне было б страшно

Смотреть на эту странную надменность.

Д у э н ь я. А может быть, дон-Хозе вам приснился?

Б л а н к а. Противный мальчик с девической талией,

С коварною и хитрою улыбкой, -

Нет, мне он не по нраву. Эй, мальчишка,

Ты слушаешь чужие разговоры?

Смотри ты у меня, - я любопытства

Не выношу.

П а ж. Простите, донна Бланка,

Не слушал я, - я повторял молитвы.

Б л а н к а. Глаза твои не на небо глядели.

П а ж. На отражение неба в ясных взорах

Я восхищенный взор на миг лишь поднял.

Б л а н к а. И опусти. Не ты мне ночью снился.

Закрутишь ус, так милую отыщешь,

На небе будешь, да и в преисподней.

Все говорят: жестокая любовь!

Но все спешат на зыбкие качели.

Д у э н ь я. Идете в церковь вы, а что на мыслях!

Б л а н к а. В таких грехах раскаяться не трудно.

Возвращаясь, выходят Абен-Гамет и слуга.

Абен - Гамет.

Кто это? Ангел Израфил или
Юнейшая из гурий Магомета?

Бланка смотрит на него с удивлением.

Бланка. Как он красив! Тюрбан и это платье
К фигуре благородной так подходят.

Дуэнья. Какой-то мавр... Нездешний.

Бланка. Подойдите.

Абен-Гамет подходит.

Бланка. Вы, кажется, недавно здесь, в Гренаде?

Вы заблудились?

Абен - Гамет. Султанша роз,
Рай взоров, христианская рабыня,
Прекраснейшая дев грузинских, верно
Сказала ты: чужой я здесь, в Гренаде,
Абен-Гамет зовусь. Мой дом далеко,
В пустынях Африки сухой и знойной.
Я - врач. Приехал я сюда, в Гренаду,
Чтоб собирать целительные травы.
Среди палат прекрасных затерявшись,
Пути не знаю в мавританский кан.
К тебе да снидет милость Магомета
За твой скитальцу ласковый привет!

Бланка, *приятно улыбаясь.*

Любезностью своей известны мавры,
Но не султаншу роз и не рабыню
Перед собой вы видите. Я - Бланка,
Дочь герцога де-Санта-Фе. На милость
Пророка вашего я не надеюсь.
Вот здесь вы, рыцарь, станьте и смотрите.
Отсюда виден мавританский кан.

Идет к окраине площади. Абен-Гамет за ней.

Абен - Гамет.

Как сердце бьется! Не могу идти!
Остановись!

Пауза.

Дуэнья. Немой и неподвижный,
Глаза на город устремив, стоит.
Увидел мавр отечество свое
И этот для него священный город.

Пауза.

А б е н - Г а м е т.

Вот эти башни, что блестят, как звезды
Над рощею зеленой, это что?

Б л а н к а. Альгамбра.

А б е н - Г а м е т.

А другой, вот этот замок,
На том холме?

Б л а н к а. Генералифа. В этом
Роскошном замке миртовый есть сад.
Там, говорят, Абенсераг был пойман
С султаншей Алфаимой, и казнен
За то, что обольстил жену султана.
Там дальше, видите, Албаизин,
А ближе к нам - вершины Алых башен.

А б е н - Г а м е т.

Как горестно твои слова мне слушать!
И слово каждое пронзает сердце!
Как жестоко при помощи чужих
Узнать места, где наши предки жили,
И от людей, к нам равнодушных, слышать
Рассказ о том, что некогда здесь было.

Б л а н к а. Так хочет Бог! Вы знаете, конечно,
У нас в плену Франциск, король французский.
На все Господня воля.

А б е н - Г а м е т. Это верно!
Ты знаешь мудрость утешений, дева.

Б л а н к а. Абен-Гамет, мы будем рады, если
Вы посетите нас. Вот это - дом наш.

Уходит. Абен-Гамет смотрит за нею.

С л у г а.

Испанка в кан дорогу показала.
Пора идти домой, - там проводник...

А б е н - Г а м е т, *перебивая.*

Сегодня день не для вражды и мести.
Сегодня о врагах не стану слушать.
Пойду на берега Хенила, - травы
Сбирать, лелея в сердце светлый образ.

С л у г а. А что же месть?

А б е н - Г а м е т. Всевышний знает сроки.
Когда душа забудет голос Бланки,
Она опять услышит голос мести.

Вторая картина

Загородный дом на склоне холма Албаузина. Роща апельсиновых деревьев. За нею дорога, обсаженная со стороны дома изгородью мирт. В роще Бланка и ее подруги. Бланка держит гитару. В стороне две служанки и Дузня.

Б л а н к а, *продолжая разговор.*

И вот, все думаю об этом мавре,
И ночью мне приснится он порою.
Его зовут Абен-Гаметом.

П о д р у г а. Т а к ж е,
Как и того, о ком поют романсы,
Кто был влюблен в султаншу Алфаиму.

Б л а н к а. Хотела бы я знать, в кого влюблен
Абен-Гамет, кто ждет его в пустыне.

П о д р у г а.
Боюсь я, Бланка, ты его полюбишь.

Б л а н к а. Когда б его ты видела, сама бы
Сказала ты, что он любви достоин.
Достоинство, любезность, красота
Обвеяны дыханием печали.
Быть может, он - Абенсераг?

П о д р у г а. Н е смел бы
Абенсераг в Гренаду показаться.

Б л а н к а, *поет, сама себе аккомпанируя на гитаре.*

Рай души и радость света,
Алфаима, свет очей,
Полюби Абен-Гамета,
Иль сама его убей.

Алфаима, пламенея,
Другу шепчет из окна:
- Ночью в миртовой аллее
Буду ждать тебя одна.

Взор пленительный и томный,
И улыбка. Разошлись,
Но подслушал шепот скромный
Притаившийся Зергис.

- Знай, султан, что здесь блуждает
Под личиной друга враг:
Алфаиму замышляет
Обольстить Абенсераг.

Алфаима обещала
Другу много нежных встреч,
Но прервал удар кинжала
Обольстительную речь.

Во время пения Абен-Гамет выходит на дорогу за миртовой изгородью. Он стоит и слушает в необычайном волнении.

Абен-Гамет.

Абенсераг! О, гурия моя!
Я узнаю пленительный твой голос!

Абен-Гамет бросается сквозь миртовую изгородь. Подруги с криками испуга разбегаются.

Бланка. А, это вы здесь, благородный мавр!

Не бойтесь, милые мои подруги.
Я встретила его сегодня утром
И показала мавританский кан,
А он сюда и сам нашел дорогу.
Добро пожаловать, прекрасный рыцарь!

Абен-Гамет.

Услада гениев, тебя искал я,
Как бедуин воды в палящий полдень.
Я пробегал по берегам Хенила.
Там рано утром собирал я травы, -
Но тот цветок, которого искал я,
Цветет вот здесь, под тенью этих мирт.
Услышал я умильный звон гитары, -
Моей страны героя ты воспела.
И голос твой был так певуч и нежен,
Что я узнал тебя по звуку песни,
И вот к твоим ногам принес я сердце
Абен-Гамета.

Бланка. Думая о вас,
Романс я пела про Абенсерага.
Увидев вас, вообразила я,
Что эти мавританские герои
На вас похожи.

Подруга, тихо.

Ты краснеешь, Бланка?

Входит герцог Санта-Фе.

Герцог. Что здесь случилось? Что вас испугало?
Я слышал ваши крики?

Бланка. Мой отец,
Вот рыцарь мавританский, о котором
Я говорила вам. Он услышал,
Как я пою, меня он здесь увидел,
И в сад зашел благодарить за то,
Что я ему дорогу показала.

Герцог. Приветствую вас, благородный рыцарь.
В моем дому мне видеть вас приятно,
Особенно сегодня. Это - день
Рождения моего, и Бланка хочет

Меня забавить музыкою, пеньем,
И танцами в уединении этом
Очаровательном. Садитесь здесь,
В кругу девиц любезных и прекрасных
И милых дам.

Служанке.

Беги скорей, скажи,
Ты, быстроглазая, чтобы подушки
Для господина мавра принесли.

Служанка убегает.

Подруги.

Идите к нам, прекрасный рыцарь. Дайте
Поллюбоваться нам на вашу саблю,
На ваш тюрбан, на ткань одежды вашей.
Как мягок этот шелк! Раскраска ткани, -
Лишь на востоке так умеют делать,
Испания и Франция не знают
Такой красы! А эта сталь! Конечно,
Дамасская! А ножны как роскошны!

Паж приносит две бархатные подушки. Абен-Гамет по-мавритански садится на них.

Б л а н к а. Вы нам расскажете, прошу, что с вами
В пути случилось?

А б е н - Г а м е т.

Странника хранит

Аллах.

Д а м а. А злые люди?

А б е н - Г а м е т.

Эта сабля -

Мой друг надежный.

Слуги несут шоколад, фруктовые пастилки и белые малагские хлебцы.

Д а м а. В Африке далекой,

Мы слышали, и знойно, и пустынно.

А б е н - Г а м е т.

Аллах везде, и благосклонен к тем,
Кто чтит Коран, кто молится усердно.
С тех пор, как Боабдил в изгнание,
Мы расселились по разным странам,
О наших предках память сохраняя.
Одни другим враждебные, не вместе
И там Зегрисы и Абенсераги.
Живут Зегрисы на полях Марокко.
Абенсераги поселились там,
Где прежде были стены Карфагена.
Уж не войной Абенсераги славны,
А врачеванием, - собирают травы,

Враждебные отравам и укусам
 Змеиным и врачующие раны.
 Прекрасно там, но милый рай Гренады
 Все в нашей памяти живет доньше,
 И матери, баюкая младенцев,
 Поют им песни про Абенсерагов.
 Блистает солнце там, и льются воды,
 И ветер стройные колеблет пальмы,
 Но нас, вдали от здешних Алых башен,
 Ни солнце знойное не утешает,
 Ни пальмы в тень ветвей своих не манят,
 И струи родников для нас не сладки.

Б л а н к а. Твои слова такую грустью полны,
 Что вся душа моя полна тревогой.
 Ты говоришь, и на устах улыбка,
 А у меня в очах источник полный
 И вылиться уже совсем готовый.
 О, если б эти воды были сладки,
 Я для тебя их пролила бы много!

П о д р у г а.
 О, нет, не плачь, - засмейся лучше, Бланка,
 Твой смех верней и сладостней утешит.

Д а м а. Танцуй нам, Бланка, ты гитан искусней.

П о д р у г и.
 Да, Бланка милая, мы просим, просим.

Абен-Гамет молчит, но смотрит на Бланку умоляющим взглядом.

Б л а н к а. Я замбру буду танцевать. У мавров
 Испанцы взяли этот танец.

Подруга играет на гитаре мелодию замбры. Бланка скидывает покрывало. Паж подает ей кастаньеты. Бланка привязывает их к ладоням. Ее темные кудри рассыпаются вокруг шеи; она улыбается; взволнована. Ударяет в кастаньеты, поет и пляшет.

Б л а н к а. Огнем желанья
 Зажглася кровь.
 Устам - лобзания,
 Сердцам - любовь.
 У друга очи
 Темнее ночи,
 Но для меня
 Яснее дня.
 О, будь смелее,
 Не убегай,
 И горячее
 Меня лобзай!
 Лови мгновения,
 Для наслаждения

Меня возьми
И утоми.

Усталая, садится на свое место. Подруги смеются и рукоплещут.

А бен - Га мет.

Благодарю тебя, о Бланка. Страсть
И радость так соединились дружно
И в пении твоём, и в дивном танце!
До глубины души моей проникло
Очарование зовущих взоров.
Теперь прощай, - тебя я не забуду.

Герцог. Но я надеюсь, мы часто будем
Вас видеть. Приходите развлекать
Об Африке рассказом Бланку.
Она сама рассказов много знает,
И чужестранца умною беседой
Занять сумеет. Если же наскучит
Вам разговор, и вас потянет в поле,
От вас, поверьте, Бланка не отстанет
На быстром андалузском скакуне.

Абен-Гамет прижимает руку к сердцу и кланяется.

Б л а н к а. Я вашей проводницею однажды
Уже была, хотя и ненадолго.
Вы из Гренады родом? Вам приятно
Дворец султанов ваших посетить?
Хотела б вам я показать Альгамбру.
Хотите, - завтра мы поедем вместе?

А бен - Га мет, *смотрит на нее с восторгом, кланяется.*
Но что ж на свете может быть приятней, -
Клянусь пророком, - быть с тобою, Бланка!

Третья картина

*Альгамбра. Львиный двор.
Абен-Гамет и Бланка.*

А бен - Га мет.

Когда бы ты, прекрасная, души
Моей утехами не напоила,
С какой печалью спрашивал бы я
Тебя, испанку, о жилищах этих!
Ах, это все воздвигнуто, чтоб быть
Убежищем для счастья наших предков,
А ныне здесь безмолвные руины!

Среди мозаик имя Боабдила
 Начертано, я вижу. О, султан мой!
 Что сталося с тобою? Где найду я
 Тебя в твоей, теперь немой, Альгамбре?

Закрывает глаза руками и плачет.

Б л а н к а. О, мавр, бывшие государи ваши,
 Или, верней, султаны ваших предков,
 Неблагодарны были.

А б е н - Г а м е т.   Что ж такое!
 Они несчастны были!

Б л а н к а.   Посмотрите
 Внимательно, Абен-Гамет, на этот
 Фонтан: здесь головы Абенсерагов
 Обезображенные пали. Пятна
 Их крови мрамор все еще хранит.
 Их Боабдил казнил, подозревая
 В измене всех, за то, что лишь один
 К его жене пылал любовью страстной.

Абен-Гамет склоняется и благоговейно целует следы крови своих предков. Поднимается.

А б е н - Г а м е т.
 О, Бланка! Я клянуся кровью этих
 Отважных воинов, - любить я буду
 Тебя так верно, преданно и страстно,
 Как встарь любили жен Абенсераги.

Б л а н к а, *всплескивая руками и поднимая глаза к небу.*
 Вы любите меня? Но вы забыли,
 Что вы - неверный, мавр, наш враг, а я -
 Испанка, христианка.

А б е н - Г а м е т.   Бланка, слушай!
 Люби меня! Клянусь, я буду верен...

Б л а н к а, *прерывая его.*
 Вы - враг Христам вы истину отвергли,
 Как я могу поверить вашим клятвам?
 И вы уверены ли в том, что я
 Вас полюбила? Кто же дал вам право
 Со мной так говорить?

А б е н - Г а м е т, *пораженный.*   Да, это верно,
 Я - только раб твой; да, не избирала
 Ты рыцарем своим меня.

Б л а н к а.   Оставь
 Свое притворство, мавр; прочесть сумел ты
 В моих глазах, что я тебя люблю,
 И страсть моя к тебе превыше меры.
 Не знала я, что можно так любить,
 Что можно так тоской любви томиться!

И быстро так любовь закралась в душу,
 Что не успела я огородиться
 Ни размышлением, ни святой молитвой.
 Будь христианином, тогда ничто
 Не помешает нам соединиться.
 На край земли с тобой идти готова.
 Когда дочь герцога де-Санта-Фе
 С тобою говорит так откровенно,
 Из этого поймешь ты, что она
 И победить любовь свою сумеет,
 И враг Христов не будет ей супругом.

Абен-Гамет, в порыве страсти схватывая руки Бланки, прижимая их к тюрбану и затем к сердцу.

Аллах велик, Абен-Гамет безмерно
 Счастлив! О, Магомет! Пусть только эта
 Испанка твой святой закон познает,
 И нас тогда ничто не разлучит.

Бланка. Ты богохульствуешь! Молчи, не надо!

Пауза.

*Бланка. Когда гляжу я на твою одежду,
 На пестрый твой тюрбан, на эту саблю,
 И слушаю, что тихо шепчет сердце,
 Мне кажется, передо мною тень
 Абенсерага: здесь идет он тихо
 С прекрасною, несчастной Алфаймой.
 Начертаны на мраморе фонтана
 Арабские слова; но ваш язык
 Мне непонятен; прочитай мне надпись,
 И объясни.*

Абен-Гамет, читает:

Прекрасная принцесса,
 В наряде многоценном здесь гуляя,
 Так умножает чары красоты...

Бланка. Так умножает! Что же дальше?

Абен-Гамет. Надпись

Едва видна. Конец ее изглажен.
 Но о тебе она, моя султанша.
 Таких госпож прекрасных не имели
 Чертоги эти в дни их пышной славы,
 Какую видят ныне их руины.
 Послушай плеск ручья, седыми мхами
 Похищенного; посмотри на сад,
 Который виден сквозь аркады эти,
 Полуразрушенные; видишь солнце,
 Там заходящее? Блуждать с тобою
 Так сладостно мне здесь. Твои слова,
 Как розы брачные, благоухают.

Я слышу радостно, что в речь твою
 Слова отцов моих порой вплетутся,
 И колыхание платья твоего
 На этих мраморах во мне рождает
 Такой отрадный трепет! Ароматен
 Здесь воздух потому, что он лобзает
 Кудрей твоих роскошную волну.
 Как гений родины моей, прекрасна
 Ты посреди развалин этих милых.
 Но может ли Абен-Гамет питать
 Надежду сладкую, что сердце Бланки
 Привяжет он? Что он перед тобою?
 С отцом своим он шел по горным склонам,
 Он изучал растения пустыни, -
 Но между ними нет, увы! такого,
 Которое могло бы исцелить
 Им от тебя полученную рану!
 Я говорил себе: вода морская,
 Что за скалою спит, нема, спокойна,
 Тогда как тут же, рядом с нею, море
 Волнуется, шумит. Абен-Гамет,
 Так жизнь твоя да будет молчалива,
 Неведома, тиха в дали пустыни,
 Меж тем, как двор султана потрясают
 Невзгоды. Так я думал, христианка,
 Но доказала ты, что буря может
 И в тихой заводи волну встревожить.
 Я говорю себе теперь: зачем же
 Я не блистательный Абенсераг!

Б л а н к а. Ты нравился бы мне гораздо меньше.
 Мне за тебя тревожиться пришлось бы.
 Будь неизвестен, для меня живи.
 Прославленные рыцари нередко
 Любовь для славы забывали.

А б е н - Г а м е т, *живо.* Бланка,
 Тебе б опасность эта не грозила.

Б л а н к а. А как бы ты, скажи, любил меня,
 Когда б ты был рожден Абенсерагом?

А б е н - Г а м е т.
 Любил бы больше славы, меньше чести.

В это время солнце уже зашло; восходит луна. Ее белые лучи вырисовывают на газоне цветников и на стенах зал причудливые узоры, очертания куполов, фонтанных струй и кустов. Слышно пение соловья на кипарисе. Абен-Гамет чертит на мраморе стены имя Бланки. Оно таинственно светится в лучах луны. Бланка смотрит на него со страхом.

Б л а н к а. Боюсь. Места зловещи эти, мавр.
 Уйдем отсюда. Решена навеки
 Судьба моя. Запомни, что скажу я:

Останешься ты мусульманин, я
 Не разлюблю тебя, но без надежды
 На счастье тебя любить я буду.
 Христианином будешь, я - твоя
 Счастливая и верная супруга.

А б е н - Г а м е т.

И ты слова мои запомни, Бланка:
 Останешься ты христианкой, я
 Твоим рабом пребуду безутешным.
 Ты мусульманкой станешь, буду я
 Твоим супругом гордым и счастливым.

Б л а н к а. Единственно спасительная вера
 Есть наша вера; вот тому порука:
 Христос, за нас страдавший и воскресший,
 Победу дал над маврами испанцам.

А б е н - Г а м е т.

Так Бог судил, а я заветы предков
 Нарушить не могу, не смею, Бланка.
 Теперь тебе мое открою горе.
 Сегодня днем гонец из дома прибыл
 И весть принес, что мать моя смертельно
 Занемогла и ждет меня, чтоб я
 Закрыл ее глаза. Я еду завтра.

Свою любовь ко мне ты сохранишь ли?

Б л а н к а. Меня ты покидаешь? Навсегда ли?
 Увижу ли тебя когда-нибудь?

А б е н - Г а м е т.

Друг другу клятвы мы дадим такие,
 Которые лишь смерть нарушить может.
 Я прахом предков здесь тебе клянуся
 Тебя любить до самой той минуты,
 Как ангел смерти призовет меня
 К судилищу Аллаха. Я клянуся,
 Что сердце не отдам иной жене,
 И что возьму тебя женой тотчас же,
 Как ты святой закон пророка примешь.
 И каждый год я в это время буду
 В Гренаду возвращаться, чтобы видеть,
 Хранишь ли ты ко мне любовь и верность
 И не познала ль истину святую.

Б л а н к а, в слезах.

Тебя я дожидаться буду; верность,
 Клянусь, к тебе я сохраню до гроба,
 И в тот же час возьму тебя супругом,
 Когда Господь наш просветит тебя.

Четвертая картина

Зал во дворце герцога де-Санта-Фе. Бланка, Лотрек, Дон-Карлос. Лотрек сидит у ног Бланки и смотрит на нее с восхищением. Он одет в штаны и камзол буйволово́й кожи, стянутые пояском, на котором висит шпага с изображением лилий. На плечах - шелковый плащ, на голове - шляпа с маленькими полями, с перьями. Кружевной воротник, вырезанный на груди, открывает шею. Черные усы. Сборчатые сапоги с золотыми шпорами.

Дон-Карлос стоит в стороне, опираясь на железную крестообразную рукоять длинной шпаги. Одет, как Лотрек; старше его. На его одежде вышит красный крест Калатравы.

Б л а н к а. Я рада, рыцарь, что моя газель
Понравилась вам. Она - подарок
Абен-Гамета. Здесь его рукою
На золотом ошейнике начертан
Девиз и имя: Бланка.

Л о т р е к. Мы не мало
Об этом мавре слышали от вас.
Хотел бы я хоть раз его увидеть.

Д о н - К а р л о с.
Пусть в Африке свои собирает травы.
Гренаду мавры лучше б позабыли.

Б л а н к а. Два раза он в Гренаду возвращался,
И ныне вернется в третий раз.

Входит Абен-Гамет. Увидев его, Бланка невольно вскрикивает. Потом улыбается и говорит спокойно.

Абен-Гамет, о вас беседа наша
Была сейчас, а вы и сами здесь.
Вот, рыцари, неверный, о котором
Я столько говорила: опасайтесь,
Чтобы он здесь не одержал победы.
Абенсераги на него похожи,
А их никто не превзошел в отваге,
Учтивости и верности.

Д о н - К а р л о с, *подходя к Абен-Гамету.*

Добро
Пожаловать, отважный мавр; моя
Сестра и мой отец мне рассказали
О вас, и имя ваше мне назвали.
Они считают вас потомком храбрых
И славных мавров; сами вы известны
Учтивостью. Объявит вскоре наш
Король войну Тунису; я надеюсь,
Что встретимся мы с вами в поле чести.
А вот мой друг и гость, Томас Лотрек.

Л о т р е к. Судьбой мы равны. С королем Франциском
Пленен я, - ваши предки с Боабдиллом
Ушли в изгнание, потеряв Гренаду.

Франциск освобожден, я здесь остался.
 Мой страж в плену - не воин с алебардой,
 А слово чести доблестного друга.

Абен-Ганет молча прижимает руку к сердцу и садится на землю, устремив взор на Бланку и Лотрека. Бланка смотрит на него нежно. После краткого молчания Абен-Ганет встает, кланяется Бланке и выходит.

Л о т р е к. Безмолвен и суров. Хочу узнать я,
 Всегда ли нем восточный этот воин.
 Пойду за ним. Но слышу стук копыт.
 Его теперь, пожалуй, не догонишь.

Б л а н к а. Его найдете в мавританском кане.
 Любой мальчишка скажет вам дорогу.
 Я вас прошу, Лотрек, скажите мавру,
 Что я хочу его сегодня ж видеть.

Л о т р е к. Я упрошу его со мной вернуться.

Уходит.

Д о н - К а р л о с.

Что это значит, Бланка? Объясните, -
 Что причинило ваше беспокойство,
 Когда вы чужестранца увидели?

Б л а н к а. Мой брат, Абен-Гамета я люблю,
 И, если перейдет он в христианство,
 Моя рука ему принадлежит.

Д о н - К а р л о с.

Вы, Бланка, любите Абен-Гамета?
 Вы, дочь Биваров, любите врага,
 Магометанина и мавра, предков
 Которого изгнали мы отсюда?

Б л а н к а. Дон-Карлос, я люблю Абен-Гамета.
 И любит он меня. Уже три года
 Он ждет, но от религии Пророка
 Не хочет отказаться; от меня
 Откажется скорее; честь и вера
 Ему любви дороже. Благородство,
 Отвага, честь - вот качества его.
 До моего последнего дыхания
 Я буду обожать Абен-Гамета.

Д о н - К а р л о с.

Несчастливая, но что ж с тобою будет?
 Я так надеялся, что мой приятель
 Лотрек мне станет братом.

Б л а н к а. Ты ошибся,
 Мой брат, - я не могу любить Лотрека.
 Любовь моя к Абен-Гамету, - разве
 Отчет кому-нибудь давать должна я?
 Моя душа открыта только Богу.

Ты клятвам рыцарским останься верен,
 А я верна любви моей обетам
 Я в утешение тебе скажу,
 Что я женой неверного не стану,
 Но и другого мужа не познаю.

Д о н - К а р л о с.

Тогда наш род с лица земли исчезнет.

Б л а н к а. Продолжи сам его. А впрочем, что же
 Тебе до сыновей? Они ни славы,
 Ни чести нам прибавить уж не могут.
 Я чувствую, Дон-Карлос, - я и вы -
 Последние в роду Биваров. Слишком
 Наш род порядок общий перевысил,
 Чтобы и после нас он мог цвести:
 Наш предок - Сид; в преданиях славы громкой
 И доблести он нас переживет.

Уходит. Дон-Карлос стоит в глубокой задумчивости.

Д о н - К а р л о с.

В краях далеких, в царстве Монтезумы,
 Я видел смерть. Я пролил много крови
 И диких мексиканцев и французов.
 Падение величий видел я,
 И знаю я, что все на свете тленно,
 Все призрачно, все - мимолетный сон,
 И не спасет от гибели и смерти
 Ничто героя. Хоть бы только имя
 И память сохранить в потомстве славном!

Входят Лотрек и Абен-Гамет.

Л о т р е к. Пришли мы вместе. Дружеской беседой
 Любезный мавр почтил меня в дороге.

Д о н - К а р л о с, *тихо.*

Лотрек, я вас прошу, побудьте с Бланкой.
 Поговорить мне надо с этим мавром.

Лотрек уходит.

Д о н - К а р л о с.

Абен-Гамет, ты должен отказаться
 От Бланки, или вызов мой принять.

А б е н - Г а м е т.

Сестры ль твоей ты волю исполняешь?
 Она ль свои нарушить клятвы хочет?

Д о н - К а р л о с.

Нет, мавр, - она тебя, как прежде, любит.

А б е н - Г а м е т.

Благословляю этот светлый день!
 Абен-Гамет так счастлив! Я уж думал,

Что изменила Бланка мне и любит
Того, другого...

Д о н - К а р л о с, *гневно.*

В том твое несчастье.
Лотрек - мой друг. Не будь тебя, он стал бы
Мне братом. Ты заплатишь мне за слезы,
Которые семья моя прольет
Из-за тебя.

А б е н - Г а м е т.   Согласен.

Д о н - К а р л о с, *подходя к окну.* В эти окна
Взгляни: под той сосной Малек Алабес
С Леонским Понсом бился; здесь великий
Магистер Калатравы поразил
На смерть Абайядоса. Еще видны
Висящие там на ветвях обломки
Доспехов крепких мавра. Подражая
Отважному неверному, прими
Здесь от руки моей крещение смерти.

А б е н - Г а м е т.

Быть может, смерть, но не крещение, - жив
Аллах и Магомет - пророк его!

Занимают места и яростно бросаются друг на друга со шпагами. Сражаются долго и упорно. Наконец, шпага Дон-Карлоса ломается о дамасскую сталь Абен-Гамета.

Д о н - К а р л о с, *в ярости.*

Ударь же, мавр! Дон-Карлос безоружный
Неверную породу презирает.

А б е н - Г а м е т.

Дон-Карлос, мог бы ты меня убить,
Но и малейшей раны я не думал
Тебе нанести в бою; хотел я только,
Чтоб ты меня не презирал и видел,
Что братом стать твоим и я достоин.

Поспешно входят Лотрек и Бланка.

Д о н - К а р л о с.

Я побежден, и подарил мне жизнь
Вот этот рыцарь. Вы, Лотрек, быть может,
Окажетесь счастливее меня.

Л о т р е к. Мои в боях полученные раны

Позволят мне не звать на поединок
Абен-Гамета. Не хочу я знать
Причину вашей ссоры и проникнуть
В чужую тайну, - может быть, она
Мне в сердце нанесет удар смертельный.
И что вам ссориться? Уеду скоро

От вас далеко, если только Бланка
У ног ее остаться не прикажет.

Б л а н к а. Лотрек, с моим останетесь вы братом,
Меня же за сестру свою считайте.
Мы здесь печаль испытываем все:
От нас, отважный рыцарь, научитесь
Переносить житейские невзгоды:
Теперь друг другу руки протяните.

Д о н - К а р л о с.
Нет, никогда! Я ненавижу мавра.

Л о т р е к. Нет, никогда! Завидую ему!

А б е н - Г а м е т.
И я, - Дон-Карлоса я уважаю,
Лотрека я жалею, но любить
Их не сумею.

Б л а н к а. Будем постоянно
Друг с другом видеться, и скоро дружба
Последует за уважением. Пусть
Забудется, что здесь сейчас случилось,
И только вечными всегда пребудут
Любовь и верность.

А б е н - Г а м е т. Да, любовь и верность,
Две светлых гурии земного рая,
Но подозрение черное коварно
Ползет за ними, как змея пустыни.

Б л а н к а. Скажите мне, мой друг, что вас тревожит.
На все вопросы ваши я отвечу.

Абен-Гамет молча смотрит на Дон-Карлоса и Лотрека. Бланка улыбается.

Б л а н к а. Друзья, не видела Абен-Гамета
Я целый год. Сказать так много надо.

Дон-Карлос и Лотрек уходят.

А б е н - Г а м е т.
Я не нашел тебя на побережье,
И лишь твое письмо мне возвестило,
Что твой отец в Мадрите, что в Гренаду
Твой брат приехал вместе с другом, пленным
Французским рыцарем, и что тебе
Гостей оставить было б неприлично.
Письмо я прочитал, и сердце сжалось.
Предчувствия беды меня томили,
Пустынный путь рождал в душе тоску.

Б л а н к а. Уже семь лет не видела я брата,
И не могла я от него уехать.
Я так его люблю, и он так ласков
Ко мне. Он в Мексике сражался долго,
Он на костре увидел Монтезуму

И короля французского в плену.
 Тоскует дух его, и он не хочет
 Любви восторгам предаваться в мире.
 Вступивши в славный орден Калатравы,
 Он произнес безбрачия обет
 И мне отдать свое наследство хочет.
 Когда бы он приехал без меня
 И дом пустой застал, мне было б больно.

А б е н - Г а м е т.

Вчера приехал я, и не решался
 К тебе идти. Уж вечер был. Услышал
 Я звон к молитве вашей, и подумал:
 Уж не пойти ли в храм мне к Богу Бланки?
 И к Господу вселенной не воззвать ли?
 Вошел я в храм, когда-то бывший нашим.
 Поймешь ли ты печаль моей души?
 Молитва кончилась, все было тихо.
 Пред алтарем еще горели свечи.
 Мои шаги под сводами звучали.
 И вдруг я у подножия колонны
 Увидел, что какой-то юный рыцарь
 Смиренно милости у Бога молит.
 Уже прославленный отвагой воин
 Здесь душу простирает перед Богом,
 Смирнейшему из людей подобясь.
 И я пред Богом рыцарей и славы
 Склонился, чтоб молиться. Вдруг я вижу
 При свете догорающей лампы
 Уже полуизглаженные буквы
 Арабские. Начертан стих Корана.
 Абен-Гамет! Ужели ты изменишь
 Отчеству и вере? И поспешно
 Из храма вышел я, но на пороге
 Тебя увидел. Я посторонился.
 Ты не заметила меня. Сегодня
 Я рыцаря узнал, - то был Лотрек,
 И в этот храм ходила ты к Лотреку.

Б л а н к а. О, эта ревность! Как она презренна!
 Оставь ее в терзание низким душам,
 А нас с тобою ревность недостойна.
 Когда б тебя я разлюбила, прямо
 Тебе бы я открылась; ненавистно
 Мне было бы обманывать тебя!
 Я за тебя вчера пошла молиться.
 Других молитв в душе моей уж нет, -
 Я для твоей души свою забыла.
 Ах, для чего любви своей отравой
 Ты опьянил меня, Абен-Гамет?

И для чего, меня зажегши страстью,
Не хочешь моему молиться Богу?
Ты всей моей семьи покой нарушил.
Отец мой горем удручен, а брат мой
Тебя возненавидел, потому что
Себе супруга взять я не хочу.
Не видишь ты, как я в тоске бледнею?
Там, возле храма, мирное кладбище,
И мысль о нем уже меня чарует.
Я успокоюсь здесь скоро, если
Ты не признаешь истину святую,
Учение распятого Христа.
Мои так быстро убывают силы,
Я так слаба! Абен-Гамет, подумай,
Не сам ли ты сказал бы, что огонь,
Воспламенивший факел, тот же самый
Огонь, который сожигает факел.
Прекрасно пламя, но зола печальна.
Огонь любви дорогу освещает,
Но пепел ветром взвевается, - и никнет.
Храни огонь, пока еще он ясен,
Чтоб горький пепел очи не засыпал.

Уходит.

А б е н - Г а м е т.

Довольно я с моим боролся сердцем!
Ужели я в гробу увижу Бланку?
Но мне об этом и подумать страшно.
Христос - Господь могучих и достойных.
Он - Бог Лотрека, Карлоса и Бланки,
И мне пред ним не стыдно преклониться.

Пятая картина

Зала в Генералифе. На стенах портреты принцев и рыцарей. Под ними шпага Боабдила, последнего короля Гренады. Накрытый стол. Африканские и испанские плоды. Вино. За столом Бланка, Дон-Карлос и Лотрек. Музыка. Танец гитан.

Входят во время танца Абен-Гамет и проводник. Останавливаются в полусвете у входа.

Пр о в о д н и к.

Вот в этой зале господин Лотрек
Устраивает праздник. Здесь по стенам
Портреты рыцарей, Пеласга, Сида,
Гонзальва из Кордовы, а под ними
Меч Боабдила, короля Гренады.

А б е н - Г а м е т.

Мы, мавры, не умели рисовать.

Б л а н к а. Абен-Гамет! Вот это очень мило,
Что вы пришли, любезный рыцарь, к нам.

Д о н - К а р л о с.

Мы рады видеть вас. Прошу, садитесь
За стол. На что вы смотрите?

Абен-Гамет не может отвести глаз от шпаги Боабдила.

Л о т р е к.

О, если б

Предвидел я, Абен-Гамет, что вы
Окажете мне честь и посетите
Мой праздник, я б не здесь его устроил.
Превратно счастье войны: при мне
Храбрейшему из королей пришлось
Счастливому врагу отдать оружие.

Темнеет. Приносят факелы.

А б е н - Г а м е т.

Да, шпагу потерять, как ваш Франциск,
И храбрый воин мог бы, - Боабдилу ж
Сказала мать: "Как дева, то оплачь,
За что не мог ты биться, как мужчина"!

Д о н - К а р л о с.

Я слышал скорбный возглас Монтезумы,
Когда он на костре лежал, а рядом
Вопил, сжигаемый, его вельможа.
Я был мальчишка, засмеялся я,
Спросил я связанного мексиканца,
Что говорит его король. Как серна,
Он глянул на меня и тихо молвил:
"Наш царь на вопль ответил мудрым словом:
Мой друг, и я покоюсь не на розах".

Тоска рукой железной сжала сердце,
И с той поры я не умел смеяться.

Лотрек, поет романс.

Как мы сладко вспоминаем
Край, где утро дней встречаем!
Грустно мы в чужом краю
Умираем.
Я про Францию мою
Пропою.

О сестра, мой ангел ясный!
Песню родине прекрасной,
Песню Франции моей,
В день ненастный
Я пою. Будь веселей,
Слез не лей.

Нас ласкала мать родная,
Деток к сердцу прижимая,
И заботой, и трудом
Украшая
Утром, вечером и днем
Бедный дом.

Помнишь пламя нашей печки,
Помнишь сказки на крылечке,
Травы в росном серебре,
Плеск на речке,
Звуки рога на горе
По заре?

Помнишь, - темны были боры,
Сини горные озер.
Раздвигая тростники,
На просторы
Выносились челноки,
Так легки!

Ах, в тоске неутолимой
Как забыть нам край родимый,
Как забыть наш милый край?
Край любимый,
Ты в душе не умирай,
Ясный рай.

Б л а н к а. Какая песня грустная! Как нежно
Она волнует сердце и тревожит!
Абен-Гамет, созвучно ваше сердце
С тоскою пленника, - я это вижу.
И вы, как он, далеки от отчизны.
Прошу, и вашу нам пропойте песню.

Абен - Гамет.

Но извиниться должен я, - я знаю
Всего один романс; он христианам,
Уверен я, не может быть приятен.

Дон - Карлос, *презрительно*.

О, если то - неверные, о наших
Победах вздыхающие, что же,
Пропеть вы можете: ведь побежденным
Позволено рыдать и плакать вволю.

Бланка. Вот потому и наши предки, прежде
Страдавшие под игом мавров, спели
Так много трогательных, грустных песен.
Итак, мы ждем; возьмите же гитару.

Абен - Гамет.

Поэт из племени Абенсерагов
Сложил балладу эту. Научился
Я петь ее, мечтая о Гренаде.

Берет гитару и поет.

Король Жуан холмами
Куда-то ехал; вдруг
Он видит над горами
Гренады полукруг.
Он вздумал подольститься:
- Мой милый городок!
Со мною обручиться
Не хочешь ли, дружок?

- С тобою повенчаюсь,
У ног твоей горы
Сложить я обещаюсь
Жемчужные дары,
И лучшую обнову
Тебе я припасу:
Севилью и Кордову
В подарок поднесу.

Ответила Гренада:
- Да у меня уж есть
Супруг; тебя не надо,
Благодарю за честь.
Меня, король Леона,
Прельщать тебе к чему ж?
Есть у меня корона,
Отважный мавр - мой муж.

Вот, как ты говорила,
Но верить ли словам?
Так скоро изменила,

Коварная, ты нам.
 Нас не спасла отвага, -
 Берет испанец злой
 Чертог Абенсерага:
 Так велено судьбой!

Хаджи из дальней Мекки
 Уж не спешат сюда,
 И на родные реки
 Не взглянут никогда.
 Нас не спасла отвага.
 Живет испанец злой
 В домах Абенсерага:
 Так велено судьбой!

Прекрасная Альгамбра!
 Святылища Аллы!
 Долин цветущих амбра!
 Зеленые холмы!
 Чертог Абенсерага
 Сквернит испанец злой.
 Нас не спасла отвага:
 Так велено судьбой!

Б л а н к а. Как хорошо! Не правда ли, Дон-Карлос?

Д о н - К а р л о с.

Достойно простодушных бедуинов,
 Но все ж, признаюсь, трогательно очень.
 К испанцам ненависть понятна в мавре,
 Но стон тоски к душе легко доходит.

Б л а н к а. Теперь, Дон-Карлос, ждем мы вашей песни.

Д о н - К а р л о с.

Не хочется мне, донна Бланка.

Б л а н к а. Если

Не для меня, не для Абен-Гамета,
 То из учтивости к Лотреку.

Д о н - К а р л о с. Правда.

Он пел, я не хочу его обидеть.

Абен-Гамет передает гитару Дону-Карлосу.

Д о н - К а р л о с, поет.

Уже готов отплыть к руинам Карфагена.
 Вооружившись на праведную месть,
 Берет гитару Сид, - и слушает Химена, -
 У ног ее поет, ему диктует честь.

Химена мне твердит: ты должен, славный воин,
 Опять над маврами победу нам принести.
 Ты, Родриг, потому любви моей достоин,
 Что предпочел любви ты рыцарскую честь.

Несите мне мой шлем, копье мое несите.
Увидите вы все, - у Сида доблесть есть.
На битву славную за мною поспешите.
Мой громок будет клич, - за даму и за честь.

Пускай любезностью своею мавр гордится, -
Услышишь про меня, Испания, ты весть.
Чья голова тогда восторгом не вскружится?
То будет песнь любви, одушевившей честь.

И в Андалузии, среди долины милой,
Мне старцы поспешат венец похвал заплесть.
Они спокот: сойти он рад к дверям могилы
За Бога, короля, Химену и за честь.

Лотрек. Прекрасно, милый друг! Казалось мне,
Что Сида самого я здесь услышал, -
Такою доблестью звучала песня,
Так звучно отдавалась в этих сводах!
О доблесть рыцаря! Всего дороже
На свете ты!

Бланка. Абен-Гамет, что с вами?
Вы побледнели?

Абен-Гамет. Сид, отважный рыцарь,
Слывет он у испанцев Цветом битв,
А мы его зовем жестоким. Если б
Его великодушие равнялось
Его отваге...

Дон-Карлос, прерывая. Нет, отваги ярче
Его великодушие сияло,
И только мавры могут клеветать
На рыцаря, которому весь род наш
Обязан жизнью!

Абен-Гамет, вскакивая с места. Что ты говоришь!
Ты говоришь, что Сид - твой предок?

Дон-Карлос. Да,
Я чувствую, что кровь его во мне,
И рад я благородной этой крови, -
Та ненависть, которая пылает
Здесь, в этом сердце, против нечестивых,
Той благородной кровью зажжена.

Абен-Гамет, глядя на Бланку.
Так, значит, вы принадлежите к роду
Биваров, тех, что завладели домом
Абенсерагов и убили старца,
Который защищал могилы предков?

Дон-Карлос, гневно.
Знай, мавр, что не позволю я себя
Допрашивать! Ведь, если я владею
Теперь наследием Абенсерагов,

То это потому, что предки наши
Приобрели его ценою крови, -
Обязаны мы этим только шпаге
И доблести своей.

А б е н - Г а м е т, *все более волнуясь.*

Одно лишь слово, -
В изгнании нашем было неизвестно,
Что вы, Бивары, получили имя
Де-Санта-Фе, - вот что причиной было
Моей ошибки.

Д о н - К а р л о с.

Фердинанд Католик

Дал титул герцога тому Бивару,
Который победил Абенсерагов.

А б е н - Г а м е т, *склонив голову.*

Потоки слез из глаз моих струятся.
Простите! Знаю, - муж не должен плакать.
Но слез моих уж не увидит свет,
Хоть мне придется плакать бесконечно.
Прошу вас выслушать меня. О, Бланка,
Любовь моя, поверь мне, горячее,
Чем зной ветров Аравии. Любовью
Я побежден был; без тебя жить дольше
Не мог я. В церкви, где тебя я встретил,
Молитва рыцаря, и то, что ты
Сказала мне потом, меня склонило
К тому, чтоб Бога христиан познать
И то, во что я верил, принести
Любви моей безмерной в жертву.

Бланка радостно всплескивает руками. Дон-Карлос смотрит на Абен-Гамета с изумлением. Лотрек закрывает лицо обеими руками.

А б е н - Г а м е т, *Лотреку, скорбно улыбаясь.* Рыцарь,
Мужайся и надейся; ты же, Бланка,
В последний раз оплачь, и навсегда,
Меня, последнего Абенсерага.

Л о т р е к. Абенсераг!

Д о н - К а р л о с. Абенсераг!

Б л а н к а. О, Боже!

Общее движение; пауза. Бланка падает на колени.

Б л а н к а. О, милосердный Бог! Ты оправдал
Мой выбор, - полюбила я потомка
Героев. Быть иным не мог мой выбор.

Д о н - К а р л о с, *с раздражением.*

Сестра моя, подумайте, что здесь
Лотрек!

А б е н - Г а м е т. Умерь свой гнев, дон-Карлос. Скоро
Я вам верну покой.

Бланка опять садится на свое место.

А б е н - Г а м е т.   Абен-Гамета
На век считай твоим рабом, о Бланка,
О гурья небесная, о гений
Любви и красоты! Но ты узнаешь
Всю глубину несчастья его.
Старик, которого убил твой предок,
Когда он защищал родной очаг,
Мой дед был. И еще открою тайну,
Которую скрывал я от тебя,
И сам ее забыв, тобой плененный.
Когда приехал я впервые в этот,
Стол горестный мне, город, я хотел
Найти здесь одного из сыновей
Биваров, чтоб он мне ответил кровью
За кровь, пролитую его отцами.
И вот где я нашел врага, Бивара!

Б л а н к а, *горестно, но сдержанно.*

Какое же теперь твое решение?

А б е н - Г а м е т.

Единственно достойное тебя:
Освободить тебя от вечной клятвы,
И то, к чему обязывает нас
Вражда богов, семейств, отечеств наших,
Исполнить, - вечною с тобой разлукой
И смертью далеко от тебя.
Когда из сердца твоего мой образ
Изгладится, и время унесет
Из памяти твоей Абенсерага,
Пускай французский рыцарь... Ты должна
Обрадовать такую жертвой брата.

Л о т р е к, *порывисто поднявшись, обнимает Абен-Гамета.*

Абен-Гамет, не думай победить
Великодушием меня, француза.
Я посвящен был в рыцари Баярдом.
Я пролил кровь за Францию мою.
Как восприемник мой, как мой властитель,
Я рыцарем без страха и упрека
Хочу прожить. Когда ты между нами
Останешься, дон-Карлоса молить
Я буду, чтоб тебе он отдал руку
Его сестры; когда же ты покинешь
Гренаду, никогда моя любовь
Ничем не возмутит ее покоя.
С собой в изгнание ты не унесешь

Печальной мысли, что Лотрек захочет
В твоём несчастье счастье добыть
И рыцарскую доблесть позабудет.

Опять пылко обнимает Абен-Гамета.

Д о н - К а р л о с .

Не ожидал я, рыцари, иного.
Обязывает доблесть ваших предков
К тому и вас. Абен-Гамет, скажите,
Чем вы докажете, что точно вы -
Абенсераг?

А б е н - Г а м е т .   Поступками моими.

Д о н - К а р л о с .

Пред ними преклонюсь я; но прежде
Чем я скажу, что я ответить должен,

Хочу я видеть несомненный знак
Происхождения вашего.

А б е н - Г а м е т .   Смотрите.

Вынимает из-за одежды надетую на шею золотую цепь и показывает висящий на этой цепи наследственный перстень Абенсерагов. Дон-Карлос протягивает ему руку.

Д о н - К а р л о с .

Я вас считаю человеком чести
И сыном королей. Вы оказали
Мне честь, желая породниться с нами;
Искали поединка вы, - готов я
Его принять, и если в поединке
Я буду побежден, мои богатства, -
Наследие Абенсерагов, - будут
Все переданы вам. Но если вы
Сражаться не хотите, то примите,
Что вам я предложу, на что вы сами
Уже готовы были, - перейдите
В святую веру нашу, и тогда,
Склоняясь к желанию Лотрека,
Я соглашусь отдать вам руку Бланки.

А б е н - Г а м е т .

Велик соблазн, но сил моих не выше.
Любовь могучая взывает к сердцу,
Но с ужасом я думаю о том,
Чтоб кровь униженных и угнетенных
Соединить с надменной кровью вражьей.
Подумай сам, - когда б на край твой милый
Обрушились жестокие вандалы,
Терзая старцев, юных дев позоря
И оскверняя все, что сердцу свято,
А там, хотя б чрез много поколений,

К тебе, почиющему на чужбине,
 Донес бы ветер стороны родимой,
 Что твой потомок позабыл отчизну,
 Что очарован он вандальской девой,
 Которой прелести достойны рая,
 Душа - достойна вечного блаженства,
 И с нею заключить навек он хочет
 Союз, противный всем законам рода,
 Колеблющий основы мировые,
 Святую связь гражданского порядка
 Безумно оскорбляющий, - не правда ль,
 Душа твоя воспрянула б из гроба,
 Расторгнув сладкий сон блаженной смерти,
 И стала б, угрожая, пред потомком.
 Соединишь ли ланью кровь с тигровой?
 Иль змея сочетаешь с голубицей?
 Союз, противный Божьему закону,
 Карает Бог проклятьем и бесплодьем,
 Или дает безумное потомство,
 Жестокое, уродливое, злое.
 Нет, лучше умереть, и даже роду
 Угаснуть дать, когда судьба так хочет.

Б л а н к а. О, горе мне! Любимая тобою,
 Я для тебя, как чаша с горьким ядом!

А б е н - Г а м е т.

Ах, для того ли здесь я встретил много
 Возвышенных и благородных чувств,
 Чтоб ощутить яснее, что теряю.
 Быть может, я неправ; пусть Бланка скажет,
 Что должен сделать я, чтоб оказаться
 Любви ее достойным.

Б л а н к а. Я до гроба
 Верна тебе останусь; но с тобою
 Господь нас разлучил. Иди в пустыню.

Плачет.

А б е н - Г а м е т.

Так, возлюбивши Бланку больше неба,
 Ее Абен-Гамет навек оставит.

Склонившись перед Бланкой низко, уходит.

Шестая картина

Знойная и пустынная равнина. Жгучий полдень. Под звуки печальной, но торжественной музыки медленно проходит процессия пилигримов; - в задних рядах Абен-Гамет с высоко поднятой головой.

Седьмая картина

Утес над морем. Безоблачное небо. Дальний горизонт. Закат солнца. Вьются чайки. Бланка, на скале, всматривается вдаль. Тихая, грустная мелодия. Чуть белеет вдалеке парус. Бланка, увидев его, простирает к нему руки, крестит его и на коленях молится.

Занавес медленно.

К о н е ц

УЗОР ИЗ РОЗ

Драма в пяти действиях и семи картинах

Действующие лица:

Ворожбинин, Николай Степанович, *помещик, отставной майор.*

Ворожбинина, Надежда Сергеевна, *его жена.*

Лиза, *их дочь.*

Ремницына, Елизавета Павловна, *мать Ворожбининой.*

Львицын, Алексей Павлович, *Лизин жених.*

Калганов, отставной капитан, *Лизин опекун.*

Приклонский, Андрей Петрович, *полковник.*

Предводитель дворянства.

Приживальщик 1-ый, Вукол Савич.

Приживальщик 2-ой.

Нянька Лизина.

Лушка.

Степанида. *(Лизины Служанки).*

Марфушка, *вышивальщица ослепшая.*

Елевферий, *повар.*

Шутиха.

Дмитрий, *кучер.*

Лакей.

Девки.

Казачки.

Персонажи Лизиных снов:

Пастухи, Пастушки, Арапы, Кавалеры, Дамы, Медведи и Серый Волк.

Действие происходит в барской усадьбе села Ворожбинина, в начале тридцатых годов 19-го века.

Действие первое

Начало мая. Раннее утро.

Покои в доме Ворожбиных. Гостиная, соединенная аркой со столовой. Из столовой дверь в девичью, дверь во внутренние комнаты и внутренняя лестница наверх. Гостиная выходит на террасу и в сад. В окна обеих комнат виден сад. В столовой накрыт утренний чай. Ждут выхода господ Ворожбиных.

Слуги тихо снуют, производя видимость какого-то домашнего дела. Занавески еще задернуты, в столовой полутемно.

Лиза выходит сверху по внутренней лестнице, быстро и легко постукивая каблучками. Она - девушка высокая, тоненькая, стройная. У нее черные, пламенные, веселые глаза; черные, как вороново крыло, слегка вьющиеся волосы; густые, черные брови, которые сходятся вместе, когда она хмурится; лицо смуглое.

Лушка, веселая, круглолицая, краснощекая, идет за ней, оправляет ей платье.

Л и з а. Погода хороша ль сегодня? Да нет ли ветра?

Л у ш к а. Уж так-то ясно да тепло, ветриночки не веет.

Л и з а. Отдерни занавески, раскрой окошки. Ах, еще бы немножечко поспать!

Лушка открывает окна. Становится светло. В комнаты вливается птичий щебет.

Л у ш к а. Еще бы чуточку поспали, так барин с барыней раньше нас к чаю бы пожаловали. И то, слышно, встают, сейчас сюда будут.

Лиза внимательно оглядывает себя в зеркало. Весело улыбается и посылает тоненькими пальчиками воздушный поцелуй своему отражению.

Входит из сада Приживальщик, седенький, плешивый старичок с длинным носом; у него в руках букет цветов. Лиза приветливо идет к нему.

Л и з а. С добрым утром, Вукол Савич.

П р и ж и в а л ь щ и к. Приветствую вас с добрым утром, Елизавета Николаевна. Позвольте вам преподнести цветы, мной собственноручно для вас собранные нонче утром. Все ваши любимые, свежи и прелестны, как вы, и обрызганы росой утренней.

Подносит цветы.

Л и з а. Благодарю вас, Вукол Савич. Вы очень милы.

П р и ж и в а л ь щ и к. Как здоровье ваше? Что-то вы бледненьки?

Л у ш к а. Барышня встали веселенькие.

Л и з а. Странный сон мне приснился. Кажется мне, что в ушах все еще звучит смех приснившихся черных арапов. Такой пасмурно-фиолетовый свет в чертоге.

Умолкает, улыбается.

П р и ж и в а л ь щ и к. Что же вам снилось?

Л и з а. Пустяки. Говорить не стоит. *Подходит к окну. Мечтательно смотрит в сад.* Как хорошо в саду! Солнце еще не высоко, не жарко, и свет его точно росой обмыт. И на траве росинки. И птички так мило чирикают! Лушка мне сегодня такой холодной воды принесла!

П р и ж и в а л ь щ и к. Николай Степанович изволили мне изъяснять намедни, что умывание поутру холодной ключевой водой много способствует для свежести и для здоровья.

Л и з а. Львицын говорил мне: “Рано или поздно взойдет день внезапный.” Непонятные слова! Я не раз над ними призадумывалась. А разве теперь ночь?

П р и ж и в а л ь щ и к. Теперь - ясное утро.

Л и з а, улыбаясь. А если ночь и впрямь, то где же над нами звезды? Ведь мы-то сами ничем не блестим. Живем себе смирно.

П р и ж и в а л ь щ и к. Алексей Павлович - человек великого ума. Что говорит, нам трудно понять, и дивно кажется подчас.

Л и з а. Он был в чужих странах, а там живут не по нашему.

Входит Степанида.

Л и з а. Папенька с маменькой встали?

С т е п а н и д а. Барин с барыней идут кушать чай. Почивали хорошо, встали веселеньки.

Л и з а. А я-то едва успела спуститься. Что же это я так заспалась нынче?

Л у ш к а, простодушно. Видно, хороши сны снились, барышня.

Л и з а, хмуря брови, строго. Тебя видела. А вот ты, Лушка, болтаешь много. И в поварню бегаешь не за делом. Елевферий хоть и читает евангелие, а все же знать никак не может того, что кому на том свете будет.

Приживальщик слушает с любопытством.

Входят в столовую Ворожбинин и Ворожбинина. Любовно смотрят на Лизу.

Ворожбинина улыбается Лизе. Лиза бежит им на встречу. Целует руки отцу и матери. Приживальщик низко кланяется и тихонько уходит по лестнице вверх.

Степанида и Лушка уходят в девичью.

Л и з а. С добрым утром, маменька! С добрым утром, папенька! Уж и сливки на столе, густые, превкусные, да и мед самотек.

Все идут к столу.

В о р о ж б и н и н а. Дочка-то у нас какая выросла!

В о р о ж б и н и н. Хороша, хороша! Глазки веселенькие, личико смуглое, локоны вьются так мило!

Лиза улыбается и мечтательно смотрит в окно. Ей грезится, что мимо проходит ее Алексис, изысканно одетый и погруженный в меланхолические мечтания.

В о р о ж б и н и н а. Да что ты, Лизанька, все в окошко смотришь? Что ты там занятного нашла?

Л и з а, вздрогнув от неожиданного вопроса и смешавшись. Так точно, маменька.

В о р о ж б и н и н а, посмотрев на нее с удивлением. Что с тобой, Лизанька? Отвечаешь невпопад, как сонная.

Ворожбинин, нюхая табак из серебряной табакерки и глядит на Лизу посмеиваясь, от чего Лиза еще более смущается.

Л и з а, *со смущением*. Я сегодня странный сон видела, маменька. А к чему он, не знаю. С вечера я долго не могла заснуть, все в окно глядела. Над рекой клубился туман, луна скользила в небе. А потом я заснула, и приснился странный сон, лиловый.

Смеется.

В о р о ж б и н и н а, *недовольным голосом, но с немалым любопытством*. Что за сон? Не нравится мне, что ты стала часто видеть странные сны. Даже неприлично для барышни. Даже трудно по соннику разгадать. И не поймешь, к чему они, к радости или к печали.

В о р о ж б и н и н, *с неудовольствием*. Пошли сны свои рассказывать да разгадывать. Сколько лет я тебе, мать моя, твержу одно и то же, все в толк взять не можешь, что никакого предвещательного значения сон не имеет. О чем днем думаешь, то ночью и снится, а разгадывать сны пристойно деревенским бабам. Господин Вольтер уже давно осмеял это прискорбное суеверие.

В о р о ж б и н и н а. Что ты, Николай Степанович! Иной раз то увидишь во сне, о чем и думать то давно позабыла, а то так никогда и в голову не приходило.

В о р о ж б и н и н. Да вот позабыла, не думала, а тут вот взяла да и подумала, засыпая.

В о р о ж б и н и н а, *с досадой*. Ну, батюшка, понес свое. Знаю я тебя, - ведомый вольнодумец. Сказывай, Лизанька, какой же ты сон видела!

Л и з а, *краснея*. Ах, маменька, право, глупости. И говорить не стоит.

В о р о ж б и н и н а, *построже*. Изволь рассказывать, сударыня.

Л и з а, *слегка смутившись*. Сначала снилось мне что-то совсем непонятное. Я уж даже и позабыла. Потом пришел арап, сам черный весь с головы до ног, как гуша кофейная, а губы красные, красные, на голове пунцовый тюрбан. И говорит мне громко: "Собирайся бесперечь, Лизавета Николаевна, к славному и великому королю Крысиному."

В о р о ж б и н и н а, *с неудовольствием*. Такого и короля нет.

Л и з а. Ах, маменька, да ведь это во сне!

В о р о ж б и н и н, *нюхая табак и неодобрительно покачивая головой, ворчит*. Обейх бы вас послать королю Крысиному на выучку.

Н я н ь к а, *старушка старая, выходя из девичьей, становится у дверей*. Что за сон? Дай-ка я послушаю. Девки вышивальщицы без меня заленятся, только сон не выслушать мне никак нельзя.

Стоит, слушает, качает головой, бормочет что-то невнятное. В это время в дверях столовой собираются понемногу девки, слушая сон. Среди них, скатившись сверху и протолкавшись вперед, горбатая шутиха слушает с нелепыми ужимками.

Л и з а. Ну вот, иду я будто бы в королевский чертог. Дорога гладкая, как скатерть, синелью вышита и бисером, а идти по ней страх как трудно. По сторонам дороги ученые медведи пляшут, а передо мной арап идет. Идет, а сам все оборачивается, страшный такой, за красными губами зубы белые сверкают. В чертоге богато и пышно, колонны высокие, много свеч горит, свечи желтые, как медь, а свет от них лиловый и дымный. У дверей арапы стоят и придворные кавалеры. Вот взошла я в тронный зал, смотрю, а на троне сидит Лушка. На ней корона и порфира и башмаки золотом шитые. А сама румяная, смеется во весь рот. На себя смотрю, - я в сарафане, как простая девка. Да и сарафанишко-то совсем плохонький, рваный.

В о р о ж б и н и н а, *сердито*. Ну и сон!

Л и з а. Лушка мне говорит: “Здесь первые станут последними, как в евангелии сказано, а ты, барышня, целуй мою ручку, а потом воду носить будешь.”

В о р о ж б и н и н а, *всплеснув руками*. Ах, она подлянка! Да как же это она осмелилась! Да что ж ты ее не уняла, Лизанька?

В о р о ж б и н и н, *сердито глянув на дверь*. Во сне унимать нечего. Что приснится, то и смотри. А вот на яву построже бы за ними глядели, чтобы не стояли в дверях, господские разговоры подслушивая.

Спугнутые этими словами, девки убегают, только слышен топот их ног.

Н я н ь к а, *ворчит*. Экие вы, девки, прогневили барина! Все то непорядки! Что вы за работницы!

Уходит вслед за ними.

В о р о ж б и н и н а, *гневно*. Подошла бы к подлянке, да по щекам бы ее, по щекам!

Л и з а. Мне так стыдно стало, что я проснулась.

В о р о ж б и н и н а. Ну, еще бы! Лушкину руку целовать!

Горбатая шутиха катится горошком, и вскатывается по внутренней лестнице наверх.

Ш у т и х а. Надо старой барыне поскорее рассказать, пусть прикажет Лушку да и Елевферия строго наказать. Да и барышне надо попенять.

Исчезает наверху.

В о р о ж б и н и н а. Ну уж, матушка и сон! Хорош, нечего сказать! Постыдилась бы такие сны видеть!

Л и з а. Да разве я виновата, маменька! Ведь я ненарочно.

В о р о ж б и н и н, *постучав табакеркой по столу, внушительно*. А ты, сударыня, матери не отвечай. Не дело. Наставление родителей выслушивай с покорностью и со вниманием. О чем не надобно думаешь, такие и сны видишь.

Лиза опасливо взглядывает на отца.

В о р о ж б и н и н, *постукивая по табакерке, ворчливо*. Вот вам нынешнее воспитание! В мое время девицы таких снов не смели видеть. У них благородные были мысли, и сны им снились благопристойные.

Лиза потупилась и зарделась. Ей так стыдно, что она чуть не плачет.

В о р о ж б и н и н а, *сердито*. Ты на красных каблучках ходишь, а она голыми пятками постукивает, так тебе с ней даже и во сне равняться не стать. Все это Елевферкин яд. Давно тебе говорю, Николай Степанович, унять его надобно. У наших хамов ни стыда, ни совести нет. Если бы им дать волю, так они бы себя показали. До сей поры Емельку Пугачева, поди, забыть не могут.

В о р о ж б и н и н. С Еливферием я и сам собирался поговорить сегодня же утром. Постращать надо. Знаю, что запьет опять. Да пусть лучше иногда выпьет человек, чем книги читать. Водка - слабость, простому русскому человеку весьма свойственная. Да я до крайности не допущу и пресеку во благовремени. Пристрастие же к чтению - от высокоумия и гордости, а гордость - грех смертный. Сей бес, однажды в человека вошедший, изгоняется не легко.

С т е п а н и д а, *вбегая*. Старая барыня изволят пожаловать.

Общее движение. Все встают, и оборачиваются к лестнице, ведущей наверх.

В о р о ж б и н и н а. Вот и кстати, Лизанька, что маменька изволила сойти сверху, - верно, посоветует, как тут быть. А то что-то повадилась ты, милая, неподобные сны видеть.

Лиза видимо робеет.

В о р о ж б и н и н, сердито ворчит, нюхая табак. Ждут оракула своего. Ох, уж эти мне бабы!

Суета, движение на лестнице. Спускается Ремницына, поддерживаемая двумя девками. Она уж очень старая, но еще совсем бодрая. Лицо свежее, почти без морщин. Из-под кружевного белого чепца с синими бантами видны седые букли. Одета парадно. Лиловый шелковый капот. Через правое плечо перекинута старая желтоватая, цвета апельсинной завялой корки, турецкая шаль. В руке костыль, в другой ридикюль. Около нее катится горошком горбатая шутиха, что-то продолжая ей нашептывать. Слышно ее шипение:

Ш у т и х а. Елевферка-то! Да и Лушка-то! Да и барышня!

Все кланяются Ремницыной, и спешат ей навстречу. Лиза присела очень низко, придерживая юбочку пальчиками опущенных и разведенных рук. Ремницына ласково треплет ее по щеке. Ворожбинин и Ворожбинина берут бабушку под руку, ведут к столу, усаживают в кресло. Лиза несет бабушкин ридикюль. Сзади вкрадчиво входит приживальщик.

Р е м н и ц ы н а. Ох, устала! Знаю, знаю, - все уж мне сказали Вукол Савич и шутиха. *Властным тоном.* Знаю, от чего эти сны, - от Елевферкиных сказов. Елевферку давно пора пробрать хорошенечко. Лушке строго сказать, чтобы не смела барышне сниться. Не уймется, - наказать построже. А тебя, сударыня...

Внимательно смотрит на Лизу, с неопределенным выражением не то усмешки, не то угрозы. Лиза чинно стоит перед бабушкой.

Л и з а, испуганно. Я, бабушка... Простите, бабушка... Не буду, бабушка...

Р е м н и ц ы н а. Ты, ветренница, книжки читаешь, я слышала. Отец научил, старый вольнодумец. Вышивала бы лучше бисером или синелью. От книжек сны глупые. Вышивай, - слышишь?

Л и з а, робко. Слушаю, бабушка. Я и то вышиваю в пяльцах.

Р е м н и ц ы н а. Вышиваешь, да не кончаешь. Кажется, уж скоро полгода будет, как начала подушку вышивать, а всего еще пол-веночка роз вышито. Ты не думай, - ведь я все знаю, что у вас делается. Хоть и редко здесь у вас бываю, а знаю все. Уж больно ты веселая, да непоседливая; своевольница ты, шалунья. Ну, я пойду, устала с вами. Ты, Наденька, и ты, Лизанька, идите-ка со мной, проводите меня, а ты мой друг, останься. Ты мне не нужен.

Уходит вверх. Ворожбинина и Лиза ведут ее под руку. Шутиха катится горошком сбоку и немного позади их.

В о р о ж б и н и н. Что скажешь, Вукол Савич!

П р и ж и в а л ь щ и к, почтительно. Высокий ум-с!

В о р о ж б и н и н. Да, вздорная бабенка, а поперечить ей нельзя. Приходится за ней ухаживать, и слушаться ее. В нашей же губернии у нее собственная деревня. Все свое

имение оставит Лизе, хоть и другие внуки и внучки есть. Всех больше любит нашу Лизаньку. Не велик кусок, а все же Лизаньке пригодится. Правда, побранила Лизу сегодня, да видно, что не сердится. Да и что за шалунья Лиза! Невинные детские забавы и резвости.

П р и ж и в а л ь щ и к. Да как бы и могло быть иначе? Не почтите за лесть, правду скажу, у таких добрых и почтенных родителей, всеми в окрестности уважаемых не только за их любезность и радушие, но и за семейственные их добродетели, и дочка выросла на утешение.

В о р о ж б и н и н. Добродетель в жизни - первейшая наша должность. А у нашей Лизаньки - золотое сердечко, и строжить ее не за что. Да и она еще почти ребенок, только что семнадцатый год пошел. Ну, теперь я управлением займусь, и свершу правосудие. *Кричит.* Эй, кто там!

Выскакивают из разных дверей казачок, лакей и девка.

В о р о ж б и н и н. Позвать-ка Елевферия!

Вбежавшие также быстро исчезают. За сценой слышны их удаляющиеся голоса:

- Елевферия, Елевферия к барину!

В о р о ж б и н и н. Да, все это - Елевферкин яд. Не раз уже я бранил Елевферия за его пристрастие к чтению. Повар он хороший, я им отменно доволен, но чтение требует не хамского ума. Вчера вечером бурмистр Титыч доложил мне, что к Елевферию ходят дворовые люди и девки, а он им читает евангелие и объясняет будто бы на том свете первые будут последними.

П р и ж и в а л ь щ и к. Высокоумие, хамскому состоянию не приличное.

В о р о ж б и н и н. Это еще на том свете будет. Однако, я велел Титычу сказать, чтобы к нему ходить не смели, да и он чтобы не смел читать другим и учить.

П р и ж и в а л ь щ и к. Не его ума дело.

В о р о ж б и н и н. Хотел сегодня утром сам все это разобрать. Но знаю верность и преданность моих холопов, да и обуздать своеволие своих подданных всегда сумею, потому и не был обеспокоен Титычевым донесением. К утру чуть было не позабыл о нем. Быть может, так бы Елевферию и прошло на этот раз, - встал я сегодня в хорошем расположении, и не склонен был судить и наказывать.

П р и ж и в а л ь щ и к, *умиленно.* Великодушие отменное!

В о р о ж б и н и н. Но Лизин сон заставляет меня думать, что Елевфериевы речи мутят дворню. Видно, Лизаньке девки шепнули, чего ей не надобно было слушать, она, ложась спать, думала об этом, вот ей и приснилась эта белиберда, от которой пришла она не в малое расстройство.

Входит повар Елевферий, высокий, красивый, благообразный старик. Только красный нос портит его лицо. Борода старательно пробрита; бакенбарды холеные, седые, пушистые. Степенно кланяется барину в пояс, коснувшись рукой пола.

В о р о ж б и н и н, *строго.* Ты что же это, Елевферий, моих людей мутить вздумал? Чему ты их учишь, скажи, сделай милость!

Елевферий кланяется барину в ноги степенно, словно свершая значительный обряд.

Е л е в ф е р и й, *поднявшись, чинно.* От священного писания изъясняю.

В о р о ж б и н и н. А кто тебя поставил изъяснять? Ты - повар, так и пеки пироги. Эй, Елевферий, смотри, не доведет тебя до добра твое пристрастие к чтению. Я и больше тебя разума имею, как господин прирожденный, да и то книг не читаю, кроме иногда книг Вольтеровых, - на что всякие книги надобны? А ты - хамово отродье, и разум у тебя худой, хоть руки у тебя и золотые. Читается тобой ты можешь понять превратно, отчего и сделается в тебе повреждение. Тогда куда ты годишься, сам подумай! Господам поврежденный повар опасен. А на другую работу ни на какую ты уж и не способен.

Нюхает табак.

Е л е в ф е р и й. Позвольте доложить, барин, что я пустых книг не читаю, а читаю токмо то, что к спасению души относится, ища, как угодити Богу паче человек.

В о р о ж б и н и н, *покачивая головой.* А ты знаешь, кто Библию прочтет всю насквозь, от доски до доски, тот с ума сойдет? Слышал ли ты это?

Е л е в ф е р и й, *понятливо усмехаясь.* Я тоже с пониманием читаю, барин. Апокалипсис я и не читаю, не нашей мудрости требует эта книга. А Евангелия чтение пресладостно и преплезно, и простецам понятно, потому что и сам Господь наш Иисус Христос проповедовал простому люду, неученым рыбакам, и ловцами человек поставил их.

В о р о ж б и н и н. Смотри, Елевферий, - говорю с тобой добром, жалеючи тебя за то, что дело свое гораздо разумеешь, - эй, говорю, не предавайся сим высокоумным упражнением. На то есть ученые люди; попы в церкви тебе все прочтут и пропоют, что надобно, да еще и ладаном надымят. А тебе это ни к чему. *Понюхав табаку и помолчав, внушительно.* Елевферий, помни, - не послушаешь словца, так отведаешь дубца. Я - хозяин ласковый, угостить сумею так, что прибавки не попросишь. Не учась в попы не ставят, так то вот, любезный. А тебя всяческим реторикам да философиям кто учил?

Е л е в ф е р и й, *степенно.* Как есть у меня свое понимание...

В о р о ж б и н и н. А ты помолчи. Понимание у тебя дурное, и изъяснять ты никому ничего не можешь. Слепой слепого поведет, оба в яму ввалятся, только и всего прибутку. Ну, вот скажи к примеру, что есть писано страфокомил?

С торжествующим видом смотрит на Елевферия. Но, когда Елевферий начинает говорить, Ворожбинин смотрит на него с изумлением и с досадой.

Е л е в ф е р и й. Страфокомил, сиречь строфус, - кур пустыни, ростом ужасен, нравом кроток, пером курчав, телом тяжел, и потому летать не может, а бежит по пескам втрикраты быстрее ветра, вопия гласом велием. Дает перо для украшения рыцарских шлемов, но без великой хитрости иман быть не может, ибо, скрыв голову под крыло, становится незрим.

В о р о ж б и н и н, *наставительно.* То-то вот, - без великой хитрости не токма что строфокомила, сиречь строуса, не понимаешь, но и прочих дел никак не сообразишь. А ты в какие рассуждения втяпался? Кто мы, благородные, и кто вы, холопы наши? Ты это понимаешь ли, кур кухонный? Ростом и ты ужасен, и волосом пушист, а есть ты сущий хам и остолоп, телепень ты этакий несосветимый! Ты что там толкуешь? Мы, господа, на том свете будем позади, а вы, рабье племя, вперед пойдете? Так, что ли, по-твоему?

Е л е в ф е р и й, *опустив глаза, вздохнув, степенно.* Есть на земле ваша господская над нами воля, а только что действительно обещано в писании, что в царствии Божиим несть слуга, ни господин.

Приживальщик исчезает так незаметно, словно он испарился в воздухе.

В о р о ж б и н и н, *нервически постукивая табакеркой по красного дерева круглому столику, у окна стоящему.* Ты, что ж, рыцарь слоеный, на коня сядешь, а я тебе стремя держать буду? Ты в шлафроке на диване развалишься, а я тебе трубку подавать стану?

Е л е в ф е р и й, *не поднимая глаз, смиренно, но упрямо.* Здесь, на этом свете, есть ваша господская воля, а там, по грехам нашим и по великой милости Божьей, воздастся коемуждо по делам его.

В о р о ж б и н и н, *вставши, гневно.* Я тебе покажу коемуждо! Я тебе воздам! Титыча позвать!

Г о л о с а. Титыч! Титыч! Титыча к барину зовут!

Казачки и девки вихрем мчатся во все стороны искать Титыча. В это время в столовую входят сверху Ворожбинина и Лиза, а из девичьей бежит запыхавшаяся Степанида.

С т е п а н и д а, *кричит.* Барыня, едут! Гости едут, гости, от Заозерья!

В о р о ж б и н и н а. Что кричишь, оглашенная! Не можешь доложить спокойно! Может быть, еще и мимо едут, не к нам.

Лиза бежит к окну. Ворожбинина суетливо идет в гостиную к зеркалу, и тревожно оглядывает себя с головы до ног, нет ли какой неисправности в туалете.

Слышен звон бубенчиков, все приближающийся.

В о р о ж б и н и н, *Елевферию.* Я с тобой вечером разделаюсь.

Елевферий кланяется барину в ноги и уходит.

В о р о ж б и н и н, *быстро проходя по гостиной и по столовой.* Ну, вы засони! Везде непорядки!

Но все везде в порядке, и Ворожбинин опять приходит в хорошее настроение. Возвращается в гостиную. Ворожбинина садится в гостиной на диван с рукоделием в руках, опираясь локтем на вышитую подушку.

Лиза у окна, отодвинув пальчиками край кисейного занавеса, а левой рукой трепетно держась за один из стволов бронзового канделябра, стоящего на маленьком овальном столике, выглядывает на дорогу.

В о р о ж б и н и н а, *улыбаясь.* Что смотришь, Лизанька? Кто едет?

Л и з а. Не видно, маменька.

В о р о ж б и н и н, *посмеиваясь.* Видать сразу, что Львицын молодой едет.

Лиза бросает на отца стыдливый, умоляющий взгляд. Ворожбинин грозит ей пальцем и смеется.

В о р о ж б и н и н. Все вижу, плутовка черноглазая. От меня и под землей не скроешься.

Лиза смеется и убегает.

В о р о ж б и н и н, *подмигнув жене.* Пошла наша Лизанька прихорашиваться.

В о р о ж б и н и н а. Дело девичье.

В о р о ж б и н и н, у окна. Львицын и есть. Почтенных родителей сынок - дай Бог им царствие небесное, - и ведет себя скромненько, а все что-то странное в нем есть. Служить нигде не служит, и не хочет служить, хозяйством своим не занимается, ездит с места на место, смотрит, где лучше. Чужие края хвалит, а наши порядки ему не нравятся.

В о р о ж б и н и н а. Вот женится, переменится, привяжется к месту, остепенится.

В о р о ж б и н и н. А кто же молодого человека привяжет к месту?

В о р о ж б и н и н а. Никто, как наша Лизанька. Богатая наследница, завидная невеста, единственная дочка, все наше ей достанется, и Ворожбинино, и Ремницы, и Сухой Плес, да и от бабушки.

Молодой, курносый лакей в кафтане горохового цвета с пуговицами входит и докладывает.

Л а к е й. Алексей Павлович Львицын.

В о р о ж б и н и н ы. Проси, проси!

Лакей отворяет дверь, и уходит. Входит Львицын. У него длинные до плеч, волосы, волнистые, русые. Томный взор, слегка презрительный и насмешливый. Одет в серый фрак. Галстук повязан небрежно, но красиво. Ворожбинин его встречает. Церемонные поклоны, тихие приветствия. Львицын целует руку Ворожбининой. Разговаривают вполголоса.

Л ь в и ц ы н, вынимая из бокового кармана своего фрака письмо. С вашего позволения я прочту вам несколько строк из сего письма. Из них вы изволите усмотреть, почему чужие края меня привлекают, и почему в глазах европейца самое имя России есть синонима варварства.

В о р о ж б и н и н. Однако, эти самые варвары освободили сих пресловутых европейцев от несносного деспотизма Наполеона.

Л ь в и ц ы н. Чем других спасать, "не лучше ль на себя оборотиться." Вот что пишет мне из Петербурга мой дядюшка...

В о р о ж б и н и н, почтительно. Его превосходительство, Григорий Алексеевич?

Л ь в и ц ы н. Так точно.

В о р о ж б и н и н. Его превосходительство все в добром ли здоровье?

Л ь в и ц ы н, поспешно и невнимательно. Я думаю.

В о р о ж б и н и н. А как ее превосходительство Елена Александровна изволит здравствовать?

Л ь в и ц ы н. Недурно, кажется.

В о р о ж б и н и н. А деточки его превосходительства здоровы ли?

Л ь в и ц ы н. Да что им станется! Балбесы преизрядные. Так вот что пишет мне дядюшка: "Расскажу тебе прекуриозное происшествие, приключившееся здесь недавно. Некая молодая и красивая собой девица Амалия К... (Фамилию позвольте умолчать.), - проживала у старшей своей сестры, которая имела любезного и нередко ревновала его к сестре. Однажды сия чета, воспользовавшись хорошим днем, отлучилась из квартиры погулять; в отсутствии их и Амалия ушла к своей тетке. Добрая женщина отлично знала, что житье молодой ее племянницы у старшей сестры не блистательное, что она исполняет часто обязанности служанки и живет с ней потому лишь, что некуда деться. При прощании она дала ей сорок копеек, которые Амалия завернула в один из углов платка. Возвратясь домой, старшая К. не нашла ночного капота, и придралась к сестре; та ударила в слезы. Понадобилось ей вытереть глаза; доставая из кармана платок, она

выронила подаренные теткой монеты. Эти несчастные деньги были причиной, что старшая К. обвинила младшую в краже капота, который она будто бы продала за сорок копеек. Напрасно последняя ссылаясь на тетку; это ей на суде не послужило в пользу, так как тетки в столице не оказалось: она отправилась на богомолье во внутренние губернии. Заподозренная в краже, Амалия не знала ни того, откуда она родом, ни к какому состоянию принадлежит по рождению, почему уголовная палата и присудила ее к наказанию розгами. После исполнения над Амалией наказания, в управу благочинья присланы были документы, удостоверяющие дворянское происхождение Амалии; к тому же времени вернулась с богомолья тетка, которая подтвердила ее показание. Несчастливая Амалия покорилась своей участи и не искала за бесчестье, но чиновники палаты, движимые состраданием к молодой и красивой особе, пострадавшей из-за ревности сестры, сложились и вручили ей сто пятьдесят рублей.”

В о р о ж б и н и н а, с соболезованием покачивая головой во время чтения приговаривает. Ах, бедная Амалия! Ах, несчастная!

В о р о ж б и н и н, внушительно. Поторопилась судьи напрасно. Жаль бедную девушку, - такого стыда деньгами не искупишь. Впрочем, нет худа без добра, - девица получила хорошее приданое. Я чаю, что и женишок ей скоро найдется, если она точно столь хороша собой, - из тех же чиновников, пожалуй, кто-нибудь.

Входит в гостиную Лиза, в белом кисейном платье. Львицын встает и учтиво кланяется ей.

Лиза, взглянув на него, застенчиво краснеет, и скромно садится рядом с матерью на стуле под портретом воинственного полковника с величавой осанкой.

Ль в и ц ы н, не сводя глаз с Лизы. Чувствующему и размышляющему человеку ненавистны эти проклятые потемки, в которых держат нас.

В о р о ж б и н и н. Но кто же нас держит? Да и какие у нас потемки? Россия имеет людей весьма просвещенных.

Ль в и ц ы н. Просвещенный человек, истинный гражданин и сын отечества, питает ненависть к деспотизму. А мы, скитающиеся по сей обширной и безвыходной пустыне, к сему деспотизму так привыкли, что уже и не возмущаемся им. *Бросает нежный и томный взгляд на Лизу.* Намерен я в скорости поехать в Германию.

Лиза краснеет и досадливо хмурится.

В о р о ж б и н и н а. Батюшка, Алексей Павлович, да зачем так далеко вам ездить? Разве же у нас вам худо? Я бы с этими немцами и дня не прожила, - говорят не по-нашему, и едят не по-нашему, - легко ли к чужим порядкам привыкать?

Ль в и ц ы н. Там нет ужасных позорищ, извлекающих у чувствительных сердец слезы сострадания, и при которых истинный друг человечества содрогается. Там добродетель освещается не вечерним светом Правды, и народы прислушиваются к голосу философов и поэтов. Там хочу я упражняться в добродетели и в науках.

В о р о ж б и н и н, понюхав табаку. Дело семинаристов. Дворянские занятия - военная служба, охота, имение управить. Об этом в Лизанькином песеннике я вычитал очень хороший стишок. *С чувством.*

Деревенское житье -

Счастье непорочно.

Упражнение мое

Мне с друзьями прочно.

Время с пользой провожу,
 Дальних бед не видя,
 Все забавы нахожу,
 Ближних не обидя.

Львицын. Вы, Николай Степанович, как почитатель великого Вольтера, и как человек глубокого ума, не можете не видеть, что в сей стране слепых господствуют кривые.

Ворожбинин, тонко улыбаясь, польщенный словами Львицына. Кривые-то, сударь мой, все же лучше видят, чем совсем слепые. Недалеко ходить, наш Вукол Савич. Поговорите с ним. *Зовет.* Эй! Вукол Савич, пожалуйста-ка к нам.

Входит приживальщик, кланяется робко.

Ворожбинин, усмехаясь. Скажите, Вукол Савич, как супруга ваша поживает? Все ли в добром здоровье?

Приживальщик, махнув рукой и сморщившись. Что ей делается! Живет у матери своей. Меня ведь насильно с ней обвенчали.

Ворожбинин. Да как же так? Ведь священник спрашивал же вас: "Имаши ли благое и непринужденное произволение пояти себе в жену юже пред собою видиши."

Приживальщик. Да, теперь помнится, у меня что-то такое спрашивали: да тогда я не спохватился отвечать, а нынче уж поздно, не воротишь. Вот мы недавно отпраздновали и серебряную свадьбу у тещи в деревне. Бог с ней совсем!

Ворожбинин. Его насильно обвенчали! Ведь вот чудак!

Смеется и тихо говорит с приживальщиком. Меж тем Ворожбинина уходит. Львицын подходит к Лизе.

Лиза. Зачем вы хотите уехать? Если все уедут, будет скучно. Не уезжайте, Алексис.

Львицын. Прикажете, так я останусь.

Лиза, нежно. Оставайтесь, Алексис.

Львицын подает ей руку. Они выходят в сад.

Занавес.

Действие второе

Картина первая

Терраса перед домом Ворожбининых. Часть сада между домом и прудом. Неглубокий продолговатый пруд. Березовые аллеи. Перед террасой цветники. Тихий и ясный весенний день.

Лиза и Львицын около пруда. Ворожбинина сидит в уютном уголке за трельяжем на террасе с вязаньем в руках; дремлет.

Лиза. Смотрите, Алексис, какая здесь прозрачная вода. Песок на дне и рыбы ясно видны.

Львицын. Вода здесь так же прозрачна и ясна, как ясна и прозрачна ваша, Лиза, невинная душа, в которой я вижу, мне кажется, все ваши непорочные чувства.

Л и з а, зардевшись и потупясь. Зимой здесь катаются с горки, а летом я ужю здесь рыбу. Кроме меня папенька никому не позволяет здесь ловить рыбу. *С невинным выражением обращается к Львицыну.* Скажите, Алексис, за что я так люблю березку? Кажется, нет в ней ничего особенного, а ее вид всегда меня радует, и запах ее листочков по весне.

Л ь в и ц ы н. Береза мила нашему сердцу, потому, что это - наше национальное северное растение, к которому привыкли мы с детства! Как жители пышного юга веселят его гордые пальмы, так нас веселит наша скромная родная березка.

Л и з а. А вы знаете, я и дождик люблю. Летний дождик очень веселый.

Л ь в и ц ы н, волнуясь необычайно. Лиза, я вижу, что вы всегда говорите со мной доверчиво и чистосердечно. Я вижу, что мои посещения не противны вам.

Л и з а. Да, Алексис, я бываю очень рада, когда вы к нам приезжаете.

Л ь в и ц ы н. Откройте мне ваше сердце, будьте совершенно доверчивы со мной. Ваши милые глаза сияют, когда вы встречаете меня, и улыбки на ваших очаровательных устах выдают тогда радость и волнение. По этим признакам могу ли я заключить, что я любим? Новая заря моей жизни пылает ярко, но не обманчиво ли? Взгляни, Лиза, на эти растущие рядом два цветка, - они сильнее благоухают оттого, что они вместе. Я люблю тебя, Лиза, ты это знаешь, ты не можешь этого не знать.

Раскрасневшаяся Лиза потупилась и молчит.

Л ь в и ц ы н, страстно и нежно. Елизавета Николаевна, вы с первого взгляда завладели моим сердцем, и если бы я осмелился предложить вам мое преданное и верное сердце, а также и руку, то что бы вы мне ответили на это?

Л и з а, едва сдерживая волнение. Очень благодарю вас, Алексей Павлович, за ваши чувства и за честь мне вами оказываемую, но я не завишу от себя, у меня есть папенька и маменька, и я должна прежде просить их разрешения.

Л ь в и ц ы н, радостно улыбаясь. О, я только хотел прежде знать ваше согласие, Лиза, а тогда, конечно, буду и у них просить вашей руки. Но вы-то сами что скажете мне на мое предложение, от чистого и верного сердца исходящее?

Л и з а, очень тихо, задрожавшими губами. Я согласна.

Л ь в и ц ы н, нежно целуя Лизину руку, шепчет голосом, полным волнения и любви. В этот сладостный час земля и небо исчезли перед нами. Благодарю, небесное создание, тысячу раз благодарю. Мы должны немедленно открыться твоим родителям. Как сожалею я, что мои возлюбленные родители не дожили до этого блаженного дня! Как бы радовались они моему блаженству!

Идут к дому рука об руку. Уже любопытствующая дворня понемногу начинает скопляться за углами, за кустами, за дверьми, подглядывая, подслушивая.

Л ь в и ц ы н, казачку. Где Николай Степанович?

К а з а н е к. Изволили вернуться с поля, пошли к себе переодеться и выпить квасу. Сейчас пожелают сюда, в гостиную.

Львицын идет через террасу в гостиную. Лиза спешит на террасу к матери. Тем временем Ворожбинина, выведенная из своей дремоты шорохами и шепотами, разливающимися по дому и по саду, и несущими напряжение любопытства, раскрывает глаза, выпрямляется, осматривается. Лиза бросается к ней на шею.

Л и з а. Ах, маменька, он меня любит!

И заливаются слезами.

В о р о ж б и н и н а, *глядя ее по голове, радостно.* Ну, и слава Богу! Слава Богу!

И сама плачет, но лицо веселое. В гостиной Ворожбинин и Львицын тихо разговаривают. Ворожбинина и Лиза прислушиваются к их словам. Ворожбинин и Львицын выходят в сад. Девки толпятся в дверях гостиной и за кустами, таясь и прислушиваясь с жадным любопытством.

В о р о ж б и н и н. Я очень рад за Лизаньку, и лучшего мужа я ей не желаю. Но в этом предмете решение принадлежит ей самой, - надобно ее спросить.

Л ь в и ц ы н. Я уже спрашивал, - Елизавета Николаевна согласна.

В о р о ж б и н и н. Если дочь моя избрала вас, то и я также избираю и вручаю ее вам, сделайте ее счастье. Она у нас единственная дочь. Мы в ней души не чаяли. *Хочет быть спокойным и важным, но растроган и прослезился.* Надо спросить и у матери. Эй, кто там! Барыню сюда просите.

Ворожбинина встает и подходит к мужу. Ведет за руку Лизу. Лиза упирается, стыдится, смеется и плачет в одно и то же время. Львицын берет ее за руку. Ворожбинин и Ворожбинина становятся рядом, Львицын и Лиза опускаются перед ними на колени. Девки набегают со всех сторон, радостные и любопытные. Горбатая шутиха катается горошком. Нянька кого-то унимает.

Действие второе

Картина вторая

Вечер. Лизина спальня наверху. Кровать с кисейным пологом. Из окна видны деревья сада, река, поля. Лиза разговаривает со своими служанками. Лушка ее раздевает, Степанида рассказывает новости. Нянька сидит в углу, вяжет и дремлет.

С т е п а н и д а. А деревенские девки сегодня по-утру повстречали лешачиху. Уж так-то испугались, едва добрались домой.

Л и з а. Что за лешачиха? И почему они так перепугались?

С т е п а н и д а. А лешачиха ходит голая, и живет о край болота. Ростом она с самое высокое дерево, волосы у нее косматые, серые, а лица вовсе не видно.

Л и з а, *смеясь.* Какие глупости! Это все - суеверие, никаких леших и лешачих на свете нет, и бояться их нечего. Девкам старая береза с просонок за лешачиху показала.

С т е п а н и д а. Не знаю, барышня, что мне сказали, то и я передаю. Сама не видела, врать не стану, а девки на селе болтают. Сегодня утром с Елевферием барин разговаривали. Барин хотел его наказать, да для сегодняшней радости помиловали. Мудрит выше головы наш Елевферий. На том свете что еще будет, про то нам неизвестно, а на этом свете надобно господам угождать. Будешь господам хорош, и тебе будет хорошо, а иначе не прогневайся, - сама себя раба бьет, коли не чисто жнет.

Лиза благосклонно улыбается Степаниде.

Лушка, с насмешливой ужимкой. А сама, небось, к Елевферию ходила, сказы его слушала. Почитай, Елевфрушка, растолкуй, Елевфрушка, сами-то мы, вишь глупые.

Степанида, смущенно. Экая ты язва, Лушка!

Лиза, нахмутив брови. Замолчите обе. Еще мне ваши свары слушать! Смотри, Лушка, ты мне опять сегодня не вздумай присниться - маменьке пожалуюсь.

Лушка. Да уж будьте спокойны, барышня, спите себе с Богом.

Степанида, злорадно усмехаясь. Достанется ужо!

Лиза. Идите, девушки, - я спать хочу.

Лушка и Степанида уходят. Лиза садится к окну, мечтает, глядя на ясные полумночные звезды. Из-за ближнего леса медленно всходит багровый полумесяц.

Лиза. Няня, знаешь, для чего луна?

Нянька, вострепенувшись. Ну, для чего?

Лиза. В моем песеннике сказано:

Луг сделан для овец,
Для луга чисты воды,
Луна для всей природы,
Любовь для всех сердец.

Со слезами на глазах. Какая радость у меня в сердце! Сколь счастлива я буду с Алексисом! Ах, нянечка, как приятно мне будет сегодня повернуться на правый бок, закрыть глаза, и предаться мечтаниям, неприметно переходящим в сон.

Нянька. Ложись, ложись, Лизанька. Да и я пойду спать.

Укладывает Лизу в постель, и уходит. Лиза закрывает глаза. Проходят ее сны. Сначала чувствительные и благодравные.

Первый сон

Лизе снятся милые девушки пастушки и любезные юноши пастушки, чрезвычайно-чисто вымытые и необыкновенно-тонко чувствующие. Их танцы и галантные пантомимы.

Второй сон

Палаты царя Афрона. Лиза и Львицын сидят рядом, на троне, она в образе Елены Прекрасной, а он - Алексис - царевич. Его рыцарские доспехи лежат на скамье. Лиза и Львицын нежно беседуют. Серый волк мирно щиплет травку на лужайке. Танцы придворных дам и кавалеров. Лиза просыпается, нежно-веселая. В окно заря. Набегают тучи. Становится пасмурно. Лиза засыпает.

Третий сон

Снится с такой реальностью, что не разобрать сон это или явь. Лизина спальня совсем пропала в мелькающей смене утр, дней, вечеров, разных видов, явлений, лиц и действий. Является наконец устойчивость картины, и это - фруктовый сад. Скворцы тучами налетают на вишни. Дворовый мальчишка с деревянной трещеткой в руках пробегает, прогоняя птиц. Лиза бежит по дорожкам. У нее на руках собачка, маменькина болонка; Лиза ее ласкает. Подходит Львицын.

Л и з а. Смотрите, Алексис, какая милая собачка! Погладьте ее, ничего, она не укусит. Какая у нее мягкая шерстка!

Подносит собачку к Львицыну. Собачка на него лает. Он отворачивается с неудовольствием.

Л и з а, *с удивлением*. Что с вами, Алексис? Чем вы так расстроены?

Л ь в и ц ы н. Я вас очень прошу, милая Лиза, не носить собачку на руках.

Л и з а, *хмурясь*. Почему же мне не носить ее, ежели мне это нравится?

Л ь в и ц ы н. Сделайте мне приятное, милая Лиза, и отпустите собачку. Вам это непристойно. Возясь с этой собачонкой, вы теряете то нежное очарование, которое влечет меня к вам, и от этого душе моей нестерпимо больно.

Л и з а. Да зачем же мне ее отпускать! Ведь я же не делаю ей больно. Я ласкаю ее.

Л ь в и ц ы н. Неприятно смотреть, когда девица вашего возраста возится с собаками. Это - неженственно, и более идет охотнику, чем благовоспитанной барышне.

Л и з а, *с досадой*. Папенька и маменька мне этого не запрещают.

Л ь в и ц ы н. Но если я вас прошу, Лиза!

Лиза молчит, ласкает собачку.

Л ь в и ц ы н. Милая Лиза, оставьте ее. Я вас очень прошу об этом.

Л и з а, *упрямо*. Я люблю эту собачку, и вы, Алексис, должны полюбить ее, если любите меня.

Л ь в и ц ы н. Не может быть, чтобы ваше расположение внезапное к этой собачке было столь сильно, чтобы вы не могли ее оставить, когда вас об этом просят. Поверьте, что этот вид весьма не идет к вам, и весьма меня огорчает.

Л и з а, *с насмешкой*. Разве это - грех?

Л ь в и ц ы н. Кого любишь, того и слушаешь во всем с удовольствием, хотя не всегда бываешь одинаково расположен. Носить собаку на руках - не грех. Но это - неженственно.

Лиза упрямо молчит.

Л ь в и ц ы н, *с огорчением*. Лиза, ты не уважаешь моей просьбы! Мои слова для тебя ничто! Ты относишься к моим словам небрежно и без всякого внимания. Но жизнь есть воспитание. Все в ней служит уроком.

Л и з а, *упрямо*. Я не нуждаюсь в уроках.

Л ь в и ц ы н, *печально*. Я не ожидал найти в тебе такого своенравия! Не хотеть пожертвовать таким вздорным удовольствием!

Л и з а, *обиженно*. Вот вы какой! Вы ни в чем не хотите дать мне воли! Что же будет, когда я стану вашей женой? Вы будете жестоким тираном.

Л ь в и ц ы н, *с великим огорчением*. Нет, Лиза, я не хочу быть вашим тираном. Я полагаю мое высшее счастье в вашей благосклонности, Лиза, - могу ли я при этом быть вашим тираном?

Лиза гладит собачку. Львицын вертит в руках алый цветок шиповника.

Л ь в и ц ы н. Всякий твой недостаток, Лиза, удивляет меня потому, что я ценю тебя отменно много.

Л и з а. Вам ничто не нравится, вы только немцев хвалите.

Л ь в и ц ы н. Не скрою, Лиза, ты сегодня произвела надо мной неприятное впечатление.

Л и з а, *пылко.* А вы хотели произвести надо мной неприятное тиранство. Ни папенька, ни маменька так со мной не обходятся. Я не привыкла к тому, чтобы меня обижали.

Л ь в и ц ы н, *стараясь казаться спокойным, но с трудом сдерживая проявления досады и огорчения.* Я вижу, Лиза, что сегодня ты находишься в дурном расположении духа, и потому мне лучше удалиться. Надеюсь, что ты сама оценишь свой поступок, когда захочешь подумать о нем внимательно и спокойно.

Лиза молчит. Львицын кланяется холодно, и уходит. Лиза, оставшись одна, скидывает с колен собачку.

Л и з а. Противная, убирайся прочь!

И заливается слезами. Погода меняется. Дождь. Лиза бежит к себе. Является опять спальня. В стекла бьет сильный дождь, стучат ветки березок. Лиза дрожит под одеялом в своей постели.

Четвертый сон

Дворец короля Крысиного, соответствующий рассказу Лизы о ее сне. У дверей стоят арапы и кавалеры. На золотом кресле сидит Лушка. На ней корона, порфира, богатые уборы, золотом шитые башмаки. Пляшут ученые медведи. Арап ведет Лизу. Лиза в рваном сарафане.

Л у ш к а, *важничая, строго.* Лизавета, красная краса, черная коса, возьми мою твякку-собачку, веди ее погулять, да смотри, гляди за ней в оба, чтобы с нее шерстиночки не упало, а не то я отдам тебя драбантам, они тебя невежливо поучат.

Злая твякка-собачка норовит укусить Лизу. Глаз у нее не видно из белой пушистой шерстки, а зубки беленькие да острые. Лиза просыпается, кричит, вскакивает с постели. Уже светло, за окнами опять ясное небо.

Входит Нянька, вбегают Лушка и Степанида.

Н я н ь к а. Ой, девки ленивые! Худо смотрят за барышней. Что с тобой, Лизанька? Да никак ты занедужилась, моя ласточка?

Л и з а, *скучным голосом.* Ничего, нянечка, это пройдет. Я полежу немного, и потом тотчас встану. Няня, ты ничего не говори маменьке, чтобы ее попусту не расстраивать.

Н я н ь к а. Ахти, напасть какая! Потеплее барышню укрой, Лушка.

Проворно выходит.

С т е п а н и д а. Уж видно, что Лушка барышне приснилась, барышню испугала.

Л у ш к а. А ты помолчала бы!

С т е п а н и д а. Вишь ты, какая заказчица! Сама помолчи!

Л и з а. Молчите вы обе.

Лушка и Степанида укладывают Лизу в постель, укутывают ее. Скоро возвращается нянька с чашкой в дрожащих от старости и от усердия руках. В чашке дымит только что заваренный напиток. Степанида тихонько уходит.

Нянька, *заботливо наклоняясь над Лизой*. Выкушай, Лизанька, пропотеешь, и все как рукой снимет. Верно, простудилась как-нибудь. Вчера вечером сыренько было.

Лиза. Не хочу я, няня. Ничего не есть, ни пить не хочу.

Нянька. Выпей, выпей, Лизанька. Горяченько, вкусненько.

Лиза. Да что это такое?

Нянька. Липов цвет. Только что заварила.

Лиза пьет. Нянька тщательно укутывает ее.

Нянька, *Лушке*. За барышней не досмотрели. Ну что за девки! Где же Степанида?

Входит Ворожбинина. За ней идет Степанида с видом сплетницы.

Ворожбинина. Что, Лизанька, как почивала? Сказывала Степанида, что беспокойно почивала, вскидываться изволила. Правда ли?

Лиза, *хмуря брови*. Опять мне Лушка приснилась.

Ворожбинина, *гневно краснея*. Рассказывай, сударыня, твой сон. Я чаю, опять пустяки видела.

Лиза. Совсем осмелела Лушка. Сидит на раззолоченном стуле, одета в богатые уборы, важничает необычайно, и строго приказала мне взять тявку-собачку и вести ее погулять. А если что с тявкой случится, то она грозила отдать меня драбантам. А тявка-собачка злая-презлая, и глаз у нее не видно из белой пушистой шерстки, а зубки беленькие и острые. Так и норовит, как бы укусить.

Ворожбинина. Лушка, ты что ж это повадилась каждую ночь барышне сниться? Белены объелась, бесстыдная? Думаешь, что на тебя и управы не найдется?

Лушка, *поклонившись барыне в ноги*. Помилуйте, матушка барыня, но только я тому делу не причина. Хоть что хотите со мной делайте, а только я ни в чем не виновата.

Ворожбинина, *с изумлением*. Да ты дерзить!

Лушка. Дерзить я не согласна, а только и в уме у меня того не было, чтобы сниться барышне. Да нешто я училась, чтобы кому сниться? Да у нас и в роду никого не было, кто бы такие дела знал.

Степанида, *стоя у дверей, злорадно*. Яд девка! Как только господа терпят! Да я бы на месте господ такого ей жару задала, - небось, перестала бы барышне сниться!

Ворожбинина. А ты, подлиза, помолчи! Без тебя знают, что делать надобно. Уж не взыщи, Лушка, - раз простила, другой не прошу. Веди ее в девичью, Степанида.

Степанида подходит к Лушке, и хватает ее за руку.

Лушка, *грубо Степаниде*. Ты не толкайся. Сама пойду.

Лушка и Степанида уходят.

Ворожбинина, *Лизе*. Голубушка, засни! Господь тебя храни.

Уходит.

Лиза. Ах, зачем я не послушалась Алексиса?

Нянька. Да когда же, Лизанька, ты его не послушалась?

Лиза. Да и правда, нянечка, это мне тоже во сне приснилось.

Нянька. Что еще за сон?

Лиза. Будто я собачку на руках носила, а Алексису это не нравилось, и будто мы поссорились. Или все это было наяву, а, нянечка?

Нянька. Спи, спи себе с Богом. Никогда ты с ним не ссорилась.

Л и з а. А я и собак-то вовсе не люблю, даже маминой болонки не ласкаю. А тут вдруг на меня каприз нашел.

Н я н ь к а. Спи, Лизанька, спи, - сном все пройдет.

Доносятся издалека отчаянные вопли и визги Лушкины.

Л и з а. Из-за меня Лушку наказывают.

Н я н ь к а. Так ей и надо.

Л и з а. А может быть она и не виновата вовсе? Как тягостна мне эта мысль! Скорее бы Алексис приехал! Возьму сегодня нарочно мамину болонку, - рассердится ли он, велит ли оставить собачку? Нет, ни за что не уступлю!

Н я н ь к а. Экая ты характерная, Лизанька! Никому не уважишь.

Л и з а. Правда, нянечка, это не хорошо. Нет, я не буду его огорчать.

Действие третье

Сад Ворожбининых. Ворожбинин, Ворожбинина, Львицын прогуливаются вместе. Девки, собирающие ягоды, поют. Лиза в садовой беседке читает книжку. Львицын тихо подходит к ней. Лиза поднимает на него глаза.

Л ь в и ц ы н, *нежно.* Милая Лиза, о чем эти слезы на ваших глазах?

Л и з а, *протягивая ему раскрытую книгу.* Ах, несчастная Амалия! Ах, злополучный Адольф! Жестокие родители противятся их счастью.

Заливается слезами.

Л ь в и ц ы н, *с умилением.* Ангел Лиза! В вашем нежном сердце столько сострадания к бедствиям людей!

Кладет книгу на скамейку и целует Лизину руку. Бабочка вьется в воздухе и садится на книгу. Львицын задумчиво смотрит на нее. Лиза трогает локоть его руки.

Л и з а. О чем вы так глубоко задумались, милый Алексис? Вы обо мне забыли.

Л ь в и ц ы н. Я смотрел на эту бабочку, и воображал бессмертие! Крылышки ее слабо вздрагивали, и усики ее шевелились, и мнилось, что на ней почиет исходящее из книги очарование красных вымыслов. Я смотрел на бабочку и забыл все на свете, и самую даже свою любовь.

В о р о ж б и н и н, *подходя к ним.* Воркуют, словно, голубки.

В о р о ж б и н и н а. Ну, что же, дело молодое!

Идут все вместе по дорожке. Из за куста выбегает Лушка с корзиной только что собранной земляники. С разбега она не успевает вовремя свернуть с дороги, и едва не задевает за локоть Львицына, который слегка вздрагивает от неожиданности.

В о р о ж б и н и н а, *строго глядя на Лушку, не повышая голоса, но внушительно.* Ты, валанда глупая, чего под ноги суешься? Или уже забыла вчерашнее наказание?

Лушка, застыдившись, закрывает глаза рукавом сорочки и убегает. Лиза смущена и сильно покраснела.

Л ь в и ц ы н, *тихо, наклонившись к Лизе.* Не знаете ли вы, Лиза, за что наказывали вчера эту усердную девушку?

Л и з а, *отойдя в сторону вместе с Львицыным.* Лушка мне трижды снилась, Алексис. Я уже вам рассказывала этот тяжелый, неприятный сон. На первый раз Лушку простили, но она не перестала сниться. Вчера она мне приснилась в третий раз. Ее за это опять наказали.

Л ь в и ц ы н, *выпустив из своих рук Лизину руку и подняв глаза к небу.* О, бесчеловечное обращение! Доколе ты, Господи, терпишь это унижение образа и подобия Твоего в рабском зраке? Увидим ли мы народ освобожденный и рабство падшее? Просвещенная свобода, взойдет ли над отечеством нашим твоя прекрасная заря?

Л и з а, *нежным голосом.* Алексис, неужели ты думаешь, что я сама захотела увидеть ее во сне? Ей уже говорили, чтобы она мне не снилась. Не послушных детей наказывают, а для помещика крепостные, как дети. Ведь и меня бы папенька и маменька не похвалили, вздумай я их не слушаться. И притом я не жаловалась на нее. Маменька приказала мне рассказать мой сон, я повиновалась, в чем же я виновата перед вами, скажите, Алексис?

Л ь в и ц ы н, *с огорчением.* Знайте, Лиза, - бессмертная душа человека живет и в сих, подвластных родителям вашим, людях, несчастных не по причине своей вины, а по неравенству, самими людьми учрежденному.

Л и з а. Сам Бог создал мир так, что в нем одни - господа, а другие - рабы. И в писании сказано: "Несть власть, аще не от Бога, всякая же душа властем предержащим да повинуется."

Л ь в и ц ы н. Пошлюсь на самого батюшку твоего, Лиза. Как почитатель великого Вольтера, он скажет тебе, конечно, что из рук матери природы все люди выходят равными.

Подходят к Ворожбину.

Л и з а, *отцу.* Скажите, папенька, неужели я виновата в том, что Лушка мне снится, и что ее за это дважды наказывали?

Л ь в и ц ы н. Из рук матери-природы все люди вышли равными, и крепостные - наши братья, такие же люди, как мы. За то, что приснилось госпоже, возможно ли наказать рабыню?

В о р о ж б и н и н, *внимательно выслушав обоих.* Точно природа создала людей равными, и все мы, господа и рабы, от одного и того же древнего Адама происходим. Но различие способностей и занятий повело к учреждению разных состояний. Всяк, в своей семье и в обществе себе равных имея обращение, приемлет нравы и понятия, его состоянию свойственные, и все люди от родителей своих с молоком матери всасывают свойства их. От самых молодых ногтей каждый к своему состоянию прибывает. Как яблоки рождаются на яблоне, а не на рябине и не на осине, так и в людях повелось, что от дворян рождаются благородные, а от хамов - подлые. *Понюхав табаку, и с видом наставительным обращаясь к Львицыну.* Что же касается книг Вольтеровых, почитателем коего быть не стыжуся, то сказать вам могу, любезнейший будущий зятек мой, что хотя в них много содержится преострого и поистине курьезного, но все-ж-таки всего без рассуждения принять отнюдь не можно. И Вольтеров острый разум затмевался иногда тучами ложных и суетных предрассуждений. Поживите с мое, государь мой, тогда сами увидите, что с этим народом без грозы обойтись никак нельзя, для их же пользы, которой сами они не понимают. Сама государыня-матушка, покойная императрица, пре-

мудрая Екатерина Великая, сия северная Семирамида, хотя и быть изволила в переписке с сим преславным отшельником Фернейским, однако, когда супруга ее бывшего фаворита вздумала похвалиться с дерзостью, что я, дескать, от самой государыни муженька отбила, то повелела, сказывают, с этой особой поступить так же, как вчера поступлено было с Лушкой, и повеленное, сказывают, исполнено было неленостно.

Л ь в и ц ы н, *покраснев от негодования, пылко*. Сей способ наказания унижает человека весьма, и употребляем над людьми быть не должен.

В о р о ж б и н и н, *с благосклонной улыбкой*. А пусть человек не превозносится. Пылкость вашу я считаю следствием незнания людей и обстоятельств.

Песня девок, собирающих ягоды, приближается, и заглушает разговор. Львицын с огорченным лицом идет к беседке. Лиза следует за ним, и тихо говорит что-то. Ворожбин и Ворожбинина уходят в дом. По садовой дорожке идет Марфушка странно колеблющимся шагом, придерживаясь за кусты.

Л и з а. Что, Марфушка, зачем ты здесь?

М а р ф у ш к а. Пришла, барышня, с подружками побывать.

Л и з а. Ты им мешаешь работать своими разговорами. Иди себе домой.

Марфушка идет обратно.

Л и з а, *Львицыну*. Такая досада, - Марфушка ослепла. В глаза ей сор попал, и она теперь едва видит, как сквозь тонкое ситечко. Ходит, на людей натывается, и вышивать не может. А самая искусная у нас была вышивальщица. И такая усердная, - ночей не досыпала. Другие девки давно уж носом клюют, а она знай себе шьет.

Л ь в и ц ы н. Позвольте, Лиза, посмотреть на ваших вышивальщиц.

Л и з а. Я покажу их вам охотно. Пойдемте, Алексис, в девичью.

Лиза и Львицын идут в девичью.

Песня вышивальщиц.

Львицын и Лиза возвращаются в сад.

Л ь в и ц ы н. Мне показалось, Лиза, что у всех здешних вышивальщиц и кружевниц глаза покраснели и слезятся. Я прошел между их станками, - работа мелкая и трудная, иные сидят далеко от окон, и свету падает немного. Рисунок исполнен так точно, и так тона подобраны, что видно, сидящие здесь девушки и недаром едят хлеб свой. Я вижу, что эти девушки работают всякий день слишком долго, что вредит их зрению. Можно бы и не так торопить с этой работой. Разве необходимо, чтобы непременно все было готово ко дню нашей свадьбы?

Л и з а, *с неудовольствием*. Я не хочу войти в твой дом, как какая-нибудь бесприданница.

Л ь в и ц ы н. Из-за пустого тщеславия, Лиза, ты допускаешь, что служанки твои слепнут над чрезмерной работой. Ты не хочешь быть для них госпожой милостивой.

Л и з а, *с живостью*. Марфушка не от работы ослепла, а от ветру, который нанес ей сору в глаза. У нас на селе есть девка слепая, Аннушка, дочь Мирона кузнеца, - что ж, ведь она и не вышивала, да ослепла.

Л ь в и ц ы н. Посмотри на твоих кружевниц, Лиза, - у них у всех глаза красные.

Л и з а. Вот кончат мое приданое, тогда не будет спешной работы, а теперь пусть немало потрудятся для меня. Разве я уж не стою того, чтобы для меня поработали? Зато

у меня будут вещи, которым всякая хозяйка позавидует. Лучше наших вышивальщиц и кружевниц во всей губернии не найти.

Л ь в и ц ы н. Нет, Лиза, я не хочу, чтобы в мой дом вошли вещи, над которыми те-ряли зрение эти несчастные. Человеколюбие запрещает мне участвовать в этом.

Л и з а, с упрямством. Она не оттого ослепла, что много работала, а оттого, что ей сор в глаза попал. Она это сама говорит. Притом же ведь наши хамы для нас и созданы. Ведь ее будут кормить всю жизнь, хоть бы она ничего не работала. Какой нам прибы-ток от слепой?

Л ь в и ц ы н. Человек создан Богом для иных, возвышенных целей, а не для наших пустых удовольствий.

Л и з а, с огорчением. По вашему - я пустая и жестокая. Для вас Марфушка дороже меня.

Идет к дому. Любопытные девки уж тут как тут, подслушивают, тихо переговари-ваются.

Л у ш к а. Барышня на жениха сердится.

С т е п а н и д а. Бровки-то как нахмурила, всю родню свела наша барышня.

Л у ш к а. С чего началось? Приданое, что ли, ему не показалось?

С т е п а н и д а. Женишок-то что-то поперек сказал, а барышня у нас характерная, никому не уважит.

Ворожбинина выходит навстречу Лизе, потом и Ворожбинин.

В о р о ж б и н и н а. Лизанька, куда ты?

Л и з а. К себе пойду, маменька.

В о р о ж б и н и н а. Лизанька, да что ж ты жениха оставила?

Л и з а. Ему Марфушка меня дороже, пусть он с ней разговаривает.

В о р о ж б и н и н а. Господи помилуй! Да что с тобой, голубушка?

Л ь в и ц ы н. Елизавета Николаевна не уважает моим просьбам. Я не заслужил ее доверия.

Л и з а. Алексей Павлович предпочитает мне Марфушку.

В о р о ж б и н и н, смеиваясь. Милые бранятся, только тешатся. То-то молодо, зе-лено.

Л ь в и ц ы н. Как я обманулся в вас! Вы казались мне ангелом небесным, а на самом деле вы - пустая девушка с холодным сердцем.

В о р о ж б и н и н а. Ах, Боже мой! За что вдруг такая немилость!

Л и з а. Из-за дворовой девки такие гневные упреки! Так вот ваша любовь!

Л ь в и ц ы н. Моя любовь неспособна погаснуть, но я пламенно ненавижу деспо-тизм. Я должен подавить мою любовь и расстаться с вами. Вследствие разности наших понятий я не осмеливаюсь принять имя вашего супруга. С душевным прискорбием возвращаю вам обручальное кольцо, и желаю вам совершенного счастья с другим, кто мыслит с вами сходно.

Возвращает Лизе кольцо. Лиза молчит.

В о р о ж б и н и н, гневно. За что же, милостивый государь мой, вы отвергаете вашу невесту?

Л ь в и ц ы н. Отвергнут я. Елизавета Николаевна пренебрегла моими чувствами.

В о р о ж б и н и н. Непохвально, сударь, и чести вам не прибавляет. Напрасно дал я согласие человеку со столь свободными мыслями, понадеявшись на ваше позднейшее исправление. То-то огорчились бы ваши почтеннейшие родители, будь они в живых!

В о р о ж б и н и н а, плача. Ах, батюшка, Алексей Павлович, в чужие края вы ездили, у немцев добродетели обучались, то-то по-хорошему поступаете! За что нашу Лизаньку обидели?

Л и з а, снимая с пальца кольцо. Когда вы так хотите, возьмите ваше кольцо, и будьте счастливы с другой. На свете много есть девиц, прекраснее меня и добрее.

Л ь в и ц ы н. Сердце мое разбито, я никого никогда уже не полюблю. Я Бога молю об одном, чтобы глаза души вашей открылись для неувечерного света правды.

Кланяется и поспешно уходит.

В о р о ж б и н и н. Вот и упражнялся в науках! Вот и ездил по чужим краям! Науки-то эти да поездки чужедальние до добра не доведут.

Лиза плачет.

В о р о ж б и н и н а, лаская Лизу. Ты, Лизанька, не плачь не кручинься, голубка, - полюбишь другого, еще милее тебе он будет, не будет учить да осуждать, как этот ферлакур.

Л и з а, принужденно смеясь. Досадно мне, - я не от горя заплакала. Да вот я уже и не плачу вовсе. Вот видите, смеюсь. Я о Львицыне так же мало буду думать, как о прошлогоднем снеге.

В о р о ж б и н и н. Лизанька, не беспокойся об этом нимало, держись Панглосовой системы, - все, что ни делается, все к лучшему. Женишка мы тебе найдем на славу.

Л и з а. Мне, право, папенька, смешно. Подумайте, из-за Марфушки он вздумал на меня сердиться. Я стала у него виновата, что она ослепла!

В о р о ж б и н и н. А где же он ее увидел?

Л и з а. Мы сидели с ним на скамейке, а Марфушка брела в девичью, хотела побеседовать с подружками.

В о р о ж б и н и н. Зачем совалась, куда ес не звали?

В о р о ж б и н и н а. Так надо наказать негодяйку построже! Эй, Степанида!

Л и з а. Нет, маменька, на этот раз вы простите Марфушку. Ее сам Бог наказал, маменька.

В о р о ж б и н и н а, растроганно. У нашей Лизаньки золотое сердечко.

Л и з а. Маменька, он говорил, что кружевницы и вышивальщицы работают слишком много, что у них глаза красные.

В о р о ж б и н и н а. Слушай его, он тебе наговорит. Что ж, их даром поить, кормить? У немцев, поди-ка, никто ничего не делает, у молочных рек на кисельных берегах сидят.

Л и з а. Он говорит, что я не хочу быть им милостивой госпожой.

В о р о ж б и н и н а. Да что ж мы, шкуру с них дерем, что ли?

Л и з а. Чем же им здесь худо? Сидят в тепле и в покое, работа не тяжелая, не то, что жать в поле рожь. Что же еще надобно сделать для них, чтобы стать милостивой госпожой?

В о р о ж б и н и н. Да не думай ты о нем, Лиза. О нас никто дурного слова не скажет, кого хочешь спроси.

В о р о ж б и н и н а. Пойдем, Лизанька, к бабушке.

Л и з а. Слушаю, маменька. Только позвольте мне сначала погулять одной с полчаса в саду.

В о р о ж б и н и н а. Ну, погуляй, погуляй, Лизанька, а я пока пойду к маменьке. Надо ей сказать, посоветоваться.

Ворожбинин и Ворожбинина уходят.

Л и з а, *в окно девичьей.* Довольно, девушки, работать. Теперь приданое не к спеху, раздумала я выходить замуж. Сойдите в сад, спойте мне песню.

Кружевницы выходят в сад, поют. С ними выходит нянька. Лиза плачет.

Л и з а. Подумай, нянечка, он говорил, что я - жестокая, тщеславная, суетная девушка. Какой он злой!

Н я н ь к а. Полно, Лизанька, что ты о нем все думаешь! И лучше жених найдется.

Л и з а. Не надо мне лучше. Нянюшка, знаешь что, - я сяду за пяльцы, большое покрывало вышью, узор красивый, красивый, все розы, розы, алые, белые, пунцовые. Венки и гирлянды, узор из роз! Все сама вышью, все покрывало.

Н я н ь к а. Зачем тебе трудиться, Лизанька? Дай узор, девки вышьют.

Л и з а. Сама вышью. Зачем, сама еще не знаю, но надо мне, надо над пяльцами согнуться, годы над узором сидеть.

Плачет.

Н я н ь к а, *лаская ее.* Ласточка, касаточка, ненаглядная моя голубушка, Лизанька душа, да кто Лизаньку обидит, не дай Бог тому человеку счастью, и пусть он...

Л и з а, *перебивая.* Нет, нет, нянечка, не надо. Никому зла не хочу, а ему, моему милону, много, много счастья пусть пошлет Бог.

Когда девки кончили песню, Лиза вытирает слезы и подходит к девкам.

Л и з а. Скажите, девушки, вам у нас разве худо живется?

Д е в к и. Да что вы, барышня! Уж так ли хорошо! Сидишь себе в покое, да поешь песенки, работа не тяжелая, не мужицкая, чистая работа, легкая.

С т е п а н и д а. А барышня к нам ласковая да такая добрая!

Л и з а, *рыдая, падает на скамейку и кричит.* Молчи, молчи, негодная! Я - злая, я, как змея подколотная, я у девок из очей свет пью! Господи, Боже мой, сжался надо мною, не разлучи меня навек с моим милым, научи меня быть милостивой госпожой!

Стонь и вопли ее все громче. Сбегаются девки, катается горошком горбатая шутиха, бежит встревоженная и плачущая Ворожбинина.

Действие четвертое

Картина первая

Прошло два с половиной года. Зима. Вечер. Обстановка первого действия.

Столовая освещена, в гостиной темно. В столовой Калганов и два приживальщика пьют вино и беседуют. Калганов наливает себе часто, приживальщикам пореже.

Калганов. Ну, что, старички, жалко вам покойников?

Первый приживальщик. Царство им небесное, почтеннейшие были люди.

Второй. Почтеннейшие и добрейшие.

Калганов. У них был дом, как монастырь, а я люблю веселое житье.

Первый приживальщик. Николай Степаныч - великого ума был человек.

Второй, с уважением. Вольтерианец.

Калганов. А наливки хороши.

Второй приживальщик. Покойница Надежда Сергеевна хозяйка была отменная.

Первый. Как пошло, и пошло: сперва бабушка Лизанькина скончалась, почтеннейшая Елизавета Павловна, потом осенью Николай Степаныч простудился на охоте и умер, а после него поболела немного Надежда Сергеевна, и за супругом возлюбленным отправилась.

Второй. Одна осталась Лизанька наша. Двадцатый год идет, а замуж еще не вышла.

Калганов. И хорошо сделала. Муж какой еще попался бы, имение разорить бы мог. Лучше пусть мне, дяде и опекуну, передаст малость.

Первый приживальщик. А много женихов сваталось, все хорошие, подходящие по своему.

Второй. Да Лизанька первого жениха забыть не могла. Николай Степаныч говаривал ей не однажды: "Смотри, невеста разборчивая, засидишься в девках, придется тогда идти за первого, кто посватается, за какого-нибудь колченого капитан-исправника."

Первый. Два раза по зимам в Москву возили, но и Московские женихи блестящие не снискали ее расположения.

Калганов. Здесь я видел много пригожих дворовых и сенных девок, и уже предвкушаю блаженство. В моей деревне я согнал изрядное количество пригожих девок в дворню, но здесь их больше. Люблю веселое житье! Порою летом поедешь по реке на лодке, возьмешь с собою голых девок. Иная с непривычки стыдится, лицо воротит от идущих по берегу, послушаться, однако же, не смеет, знает, спуску не дам.

Приживальщики смеются.

Первый. Здесь к этому не привыкли. Николай Степаныч на девок и смотреть не изволили.

Калганов. И здесь привыкнут. Как опекун Лизеты, я здесь владыка и хозяин.

Входит Лиза в трауре, печальная, заплаканная.

К а л г а н о в. А вот и сама Лизеточка пришла, - легка на помине. Садись, Лизета, к нам за стол, покушай, да выпей наливки.

Л и з а, *садясь за стол.* Я, дядюшка, не пью.

К а л г а н о в. Ты слушайся старших, Лизета. Не хочешь пить, так хотя пригубь. *Наливает ей вино.* Все тоскуешь о родителях, да о своей покойной бабушке? Выпей за упокой их душ, печаль-то и пройдет.

Лиза плачет.

К а л г а н о в. Здесь все напоминает тебе, Лизета, о твоих покойных родителях, а девушке в твоём возрасте не следует предаваться меланхолии. Я придумал, как нам быть: ты для рассеяния скорби, поезжай в другую деревню. Я провожу тебя, друг мой, в Ремницы, и устрою там, а сам опять буду сюда, твоё добро стеречь и прибытки тебе делать.

О л и з а, *почтительно, но твердо.* Простите меня, дяденька, но этого дома, где скончались мои дорогие родители, и того места, где почивают их священные для меня останки, я не оставлю.

К а л г а н о в, *стукнув по столу стаканом и сердито глядя на перепуганную Лизу.* Ты ещё молода, сударыня, чтобы со старшими спорить. Я твой дядя и попечитель, и ты будешь делать все то, что я тебе прикажу, без всяких разговоров.

Л и з а, *быстро оправясь от внезапного испуга, с усмешкой.* Я, дяденька, буду оказывать вам должное повиновение, но только я и при покойнике папеньке делала то, что мне самой хотелось. Прикажите мне услужить вам чем-нибудь, я это сделаю охотно, а из этого моего дому выехать ни за что не хочу.

К а л г а н о в, *грозно, побагровев от гнева.* Больно ты бойка, Лизавета Николаевна, да мы и не таких норовистых объезжали. Иди-ка, сударыня, спать, да свечу не жечь понапрасну. У вас тут, сказывали мне, Вольтерами пахнет, а я Вольтсрова духа не люблю.

Лиза послушно встает из-за стола.

Л и з а. Я повинуюсь вам дядюшка, в пределах должного, и потому не стану жечь свечи. Когда Лушка меня разденет, я тотчас погашу свечу. Спокойной ночи, дядя. Постель для вас приготовлена в папенькином кабинете.

Уходит.

К а л г а н о в. Строптивая девица!

П е р в ы й п р и ж и в а л ь щ и к. С характером.

В т о р о й. Покойники избаловали. Души в ней не чаяли.

П е р в ы й. Чуть что не по ней, нахмурит брови, всю родню сведет, как говорят здесь в деревне, - добра не жди. Такая своевольница!

К а л г а н о в. Я усмирю ее. Я принужу ее к повиновению. Завтра же, добром или неволей, я увезу ее, да и не в Ремницы, а в свою деревню, - там за ней лучше присмотрят. Что, старички, не пора ли вам спать?

Приживальщики кланяются и уходят. Калганов пьет. Проходя по неосвещенной гостиной, приживальщики ворчат.

П е р в ы й. Кутила, пьяница!

В т о р о й. Картежник, мот!

П е р в ы й. Как это дворянская опека назначила его Лизиним попечителем!

В т о р о й. Вздорный человек. Своя деревушка запущена, крестьян утеснил.

Первый. Что-то я его здесь не видел.

Второй. Покойный Николай Степаныч не хотел с ним близко знаться по причине непорядочного образа жизни сего бравого вояки. Покойник, дай Бог ему царство небесное, непотребству с дворовыми девками даже и в молодые свои годы не предавался.

Первый. Может быть, Лизы постеснится.

Второй. Слышал, увезти отсюда хочет!

Первый. Как-то капитан с Лизой справится, если она упрется, не захочет ехать?

Второй. Да, будут стычки с ней. Она отсюда ни за что не поедет.

Первый. Заговорил с Лизой, как с капралом своей роты. Того и жди, прибьет.

Второй. Ну, Лиза не уступит, а ему не удастся здесь водвориться.

Первый. Будет он калиф на час.

Смеются и уходят. Меж тем Калганов поспешно осушает оставшиеся бутылки.

Калганов, бормочет. Все выпито. Старички тоже не дураки выпить. Пора на боковую. Уж поздно. *Зовет в полголоса.* Эй, девушки, которая свободна? *Бормочет.* На первый раз некстати выбирать да раздирать.

Берет свечу, идет, пошатываясь, по столовой, по гостиной, в девичью. Свеча в его руках дрожит и оплывает, порой едва не гаснет.

Калганов. Ну, девки, где же вы? Кричать, - прибежит Лизета. Сам поищу.

Входит в каморку под лестницей, оставив свечу на стуле. Слышна возня. Выходит, таща Лушку, которая изо всех сил отбивается.

Калганов, тихо. Иди, иди, красотка! Пойдем ко мне, - не обижу.

Тащит Лушку к двери во внутренние комнаты. Лушка визжит.

Лушка. Спасите, помогите!

Вырывается, укусив руку Калганова, и бежит по комнатам, испуская громкий визг. Калганов хватается за сорочку. Пытается зажать рот.

Калганов. Молчи, молчи! Отправлю на конюшню!

Со всех сторон сбегаются полуодетые люди, держащие свечи и фонари. В недоумении жмутся по стенам, переговариваясь в полголоса. Калганов продолжает нападать, Лушка отбивается с громкими криками. Сверху быстро сбегает Лиза, в утреннем капоте, босая, испуганная.

Лиза. Что здесь случилось? Уж не пожар ли, Боже упаси?

Калганов останавливается, смущенный, пьяный. Еле держится на ногах. От возни и вина его совсем развезло. Лушка бросается к Лизиним ногам, целует их, плачет.

Лушка. Ой, барышня, спасите, защитите!

Лиза. Что это значит, дяденька? От какого насилия ищет Лушка защиты у моих ног? Разве одно пребывание мое в этом доме не служит для всех достаточной защитой.

Калганов, приосаясь и покручивая усы, хотя и с немалым трудом держась на ногах, говорит запинаясь. Эта тварь, того, покушалась, да, покушалась на мою жизнь, а я се, того, за косы.

Лушка, с отчаянием. Напраслина, матушка барышня, звездочка наша ясная, напраслина. Я спала себе смиренхонько, ничего не знала, а барин пришли ко мне в каморку, и стали охальничать.

Девки смеются, зажимая рты и унимая друг дружку.

Лиза. Этого не могло быть, - Лушка у меня девка смирная и покушаться на вас ей не за что. Вы, люди, идите спать. Лушка, дай барину свечку, видишь, его-то погасла. А сама спать иди.

Все дворовые уходят.

Лиза. Такого поведения в моем доме я не потерплю. В попечителя я ни мало не нуждаюсь, и управлю своим имением сама. А вас прошу уехать сегодня же.

Калганов, принимая грозный вид. Одумайся, Лизета! Я - твой законный опекун, и имею права и над тобой, и над имением твоим.

Лиза. Жалуйтесь на меня кому хотите, я своего решения переменить не могу, да и не хочу. Я и сама имею основание к жалобам. Только что вчера утром вы приехали, а уже вечером вы приказывали мне ехать прочь из моего дома, ночью хотели обидеть мою крепостную, - обижайте меня, если хотите, а моих подданных я никому в обиду не дам.

Калганов. Лизета, не сердись на меня, вышла ошибка. Я выпил на новоселье много вина, и ошибся дверью. Я думал, что попал к себе, и хотел удалить с моей постели дерзкую девку.

Лиза, настойчиво. Я, дядюшка, решила, что в моем доме вы не останетесь. Прошу вас собираться. Лошади готовы будут для вас тотчас после обеда, я строго прикажу это людям.

Уходит. Калганов крутит усы и ворчит.

Калганов. Строптивая девка! Придется уехать. Заспоришь, - она разболтает, будут смеяться.

Действие четвертое

Картина вторая

Прошло еще два с половиной года. Середина лета. Гостиная, рядом с ней девичья. В девичьей девки сидят за пяльцами, тихо разговаривают. Один станок не занят, - там вышиваемое Лизой покрывало. У окна сидит нянька, вяжет чулок. Из окон девичьей видна часть сада и речка. В гостиной Лиза и предводитель дворянства, почтенный старик, отставной полковник, служивший в войсках под командованием Суворова и Кутузова. Около порога смиренно торчит приживальщик. Лиза сильно изменилась; она уже не та легкомысленная, веселая шалунья и своевольница, как в первых трех действиях; она - стройная, печальная девушка; ее лицо, сильно загорелое, неизъяснимо трогательно и прекрасно.

Предводитель. Обед отменно хорош был, еще приятнее любезная беседа ваша и гостеприимное радушие.

Лиза. Я очень рада, что вам умела угодить.

Предводитель. Но должен я просить извинения вашего, Елизавета Николаевна, так как имею необходимость поговорить с вами серьезно. Надеюсь, лишние уши не слушают.

Лиза взглядывает на дверь. Приживальщик испаряется и за дверьми хлопочет, чтобы никого близ не было, а сам располагается подслушивать с удобством.

Лиза. Я готова выслушать вас, Сергей Ильич.

Предводитель. Смущение производите, сударыня. Являетесь противницей своей братии, дворян. Опекуну вы удалили, никого не спросясь. Крестьяне всячески поощряются вами к самовольству, а соседние дворяне ропщут, поговаривают, что надобно учредить над вами опеку.

Лиза. Я управляю моим именем, как умею, с Божией помощью и по силе принадлежащей мне, как наследственной помещице, власти.

Предводитель. Нехорошо, сударыня, то, что вы балуете ваших девок, сами работаете вместе с ними, и даже в поле жнете. Поете с ними песни, водите хороводы. Вы с хамами обращаетесь за панибрата, как говорится.

Лиза. Эти хамы даны мне Богом. Я за них пред Богом в ответе. Хочу знать, как они живут, что чувствуют. Непрестанно думаю о том, что надлежит делать и знать помещице, чтобы стать госпожой милостивой. Поверьте, что крестьяне разоренные и дворовые, непосильным трудом угнетенные, помещику прибýtка не дают.

Предводитель, строго нахмутив брови. Да в низость-то зачем вам, благорожденной госпоже, опускаться, милостивая государыня моя?

Лиза, смиренно. Помещику надобно в точности знать свое хозяйство. Я не хочу, чтобы меня бурмистр да приказчик обманывали, - хочу все в хозяйстве знать, во все сама вникаю. Какой же кому от этого вред? Разве я обязана разоряться, доверившись людям и ни во что не вникая?

Предводитель. Я вас предупредил, теперь сами смотрите. Ежели это дойдет до высшей власти, тогда возможно, что вашу вотчину возьмут в опеку.

Лиза. Но вы за меня заступитесь, конечно? Вы видели, в каком порядке все мое хозяйство.

Предводитель прощается с Лизой. Лиза идет в девичью, садится за пяльцы. Около дверей, появившись, семенит приживальщик.

Предводитель, приживальщику. Вот оно, нынешнее-то воспитание! Возил пенька ее в Москву, - то-то много хорошего набралась там девица. И не сговоришь с ней, - я ей слово, она мне десять.

Приживальщик. Да, непорядок, непорядок! Бурмистр Степан Титыч в глаза ей говорит: Непорядок, барышня! Девка, говорит, должна знать свое место, а господа - свое.

Предводитель. Умыный мужик!

Приживальщик. А она только посмеялась, и продолжала свои чудачества. И в округе нашей все говорят, что дурит наша Лиза. А она ни на кого не обращает внимания, показала свое своеволие. И одеваться стала, как крепостная, и с девками сидит за вышиванием. С раннего утра на ногах. Девки рады, старые мужики ворчат: непорядок. Какое-то большое покрывало затеяла сама зачем-то вышить. Видел я краешком глаза, - розы по белому шелку цветными шелками, очень сложный и красивый узор.

Предводитель. Хотя бы взять ее поступок с опекуном, - Калганов, правда, мот, кутила, развратник, но все же она поступила предерзко, приказав ему, своему попечителю, покинуть дом. Ну, можно ли взять так много воли! Так это мне правду говорили, что она в поле работает с серпом?

Приживальщик. Да, в сарафане и босая, совсем, как простая девка. Мне даже, право, не понять, как ей не стыдно. И своих дворовых девок заставляет жать, - барщинным бабам, говорит, легче будет.

Предводитель. Непорядок!

Приживальщик. Дворовые девки к полевой работе непривычны, толку от их работы мало, да с Елизаветой Никлаевной не заспиришь, - характерная барышня.

Предводитель. Хоть бы замуж вышла поскорее.

Приживальщик. Сватались многие. Всем отказала. Подумает, поплачет, да и откажет. А именице-то завидное, - самые первые женихи приезжали.

Предводитель. Надо еще немного подождать. Оставим ее пока в покое. Там видно будет, одумается ли она, угодно ли ей будет внять моим советам.

Уходят.

Лиза. Ну, девушки, идите, сегодня вы довольно работали.

Девки. А на качелях можно покачаться? А погадать на речке?

Лиза. Качайтесь, милые, играйте, гадайте. Делайте, что хотите. А я еще останусь поработать.

Девки уходят.

Нянька. Что ты, Лизанька, все за работой! Отдохнула бы, погуляла бы.

Лиза. Скоро кончу, няня. Сижу, вышиваю, сама думаю. Ах, незабвенные встречи! Год за годом проходит, а мне Алексисовых речей не забыть никогда!

Нянька. Сидишь ночи напролет, спину гнешь, глазки тратишь. Глазки-то покраснели. Спишь совсем мало.

Лиза. Когда не работаю, нянечка, мне хуже. Томлюсь, жду, ищу чего-то. Хожу по полям, по рошицам, вспоминаю незабвенные встречи и беседы. Жду чего-то, - уж не новой ли радостной встерчи?

Нянька. Сказывали, собирался Алексей Павлович нонче к Троице приехать. Говорили, недолго пробудет, опять в чужие края, на теплые воды собирается. Ждали, да не дождались.

Лиза. Ведь я теперь совсем не такая, как тогда, не та пустая и капризная девушка, какой знал меня Алексис.

Нянька. Как была своевольница, так и осталась. Только к людям стала больно жалостлива. Степанидку давно бы надо выстегать, а ты побранишь, да и простишь. А они разве слова понимают! С ними говорить, - воду в ступе толочь.

Лиза. Живу, как во сне. Неужели Алексис не вернется? Неужели он так и не увидит плодов моего великого усердия?

Нянька. Пять лет ждала, еще подожди малость. Бог твое терпение видит, он тебя не оставит, вернет тебе твоего милого.

Лиза. Я его недостойна.

Лакей, *входит и докладывает.* Андрей Петрович Приклонский.

Лиза, *радостно оживишись.* Приси.

Лакей уходит. В саду слышна песня девок. Лиза чрезвычайно взволнованная, встает от плеца, и торопливо, но тщательно закрывает вышивание.

Л и з а. Он служит в столице, нянечка. Он мог видеть Алексиса. Няня, няня, он мог разговаривать с Алексисом! Нянечка, как сердце бьется!

Нянька подходит к Лизе, ласкает ее.

Н я н ь к а. Бог с тобой, голубушка моя! Иди, ничего не бойся, хорошие вести услышишь.

Лиза идет в гостиную навстречу гостю. Входит полковник Приклонский, человек еще молодой, красивый и ловкий. Взаимные приветы. Тихий разговор, заглушаемый пением в саду. Пение удаляется, затихает.

П р и к л о н с к и й. Давно я отсюда уехал. Я помню вас резвым ребенком. Ваших покойных родителей я вспоминаю с великим уважением, - я часто был обласкан ими. У меня уже пробивались усы, и уже пробуждались во мне чувства, а вы были еще малюткой и ходили в обшитых кружевами длинных панталончиках. Среди удовольствий и приятностей светской жизни я не раз мечтал о деревне. Я бы охотно женился вторично на здешней барышне.

Л и з а. Не встречали ли вы где-нибудь Алексея Львицына?

П р и к л о н с к и й, *с выражением приятных воспоминаний.* Как же! приводилось встречать прошлую зиму не однажды, и вести беседы о всяких материях с немалой пользой для ума и для сердца.

Л и з а, *тщетно стараясь скрыть волнение.* А он женат? На ком?

П р и к л о н с к и й, *учтиво.* Нет, Елизавета Николаевна, еще Алексей Павлович не женат, да, кажется, вряд ли и собирается жениться. Барышни на него засматриваются; многие девицы и дамы нашего круга восторгаются его умом и всей его особой, и говорят, что ему равного не встречали во всю свою жизнь. Но он всегда погружен в меланхолию, как бы тая в душе неясную страсть к неведомой никому деве, или мечтая о сказочной Царь-девице.

Л и з а, *смутившись и спустив глаза, дрожащим голосом.* А вы, Андрей Петрович, скоро ли едете в Петербург?

П р и к л о н с к и й, *с неопределенным выражением не то удовольствия, не то сожаления.* Уже на будущей неделе. Хотя я и привык к своему полку, к своим товарищам, к светским отношениям и к утехам военного честолюбия, но я нахожу большую приятность и в деревне, на родине моей. Я был бы не прочь остаться, когда бы одна любезная девица отвечала желаниям моим. Но, кажется, она...

Л и з а. Отчего же так скоро вы от нас уезжаете?

П р и к л о н с к и й. Призывает служба царская. А по мне, я бы с превеликим удовольствием остался долго в этих местах, где протекало мое мирное детство, где безмятежно играл я с братьями и сверстниками моими.

Л и з а, *нежным голосом.* Можете ли вы, Андрей Петрович, исполнить то, о чем я буду вас просить?

П р и к л о н с к и й. Все, что в моих силах, исполню с превеликим удовольствием.

Л и з а, *помолчав немного.* Передайте, пожалуйста, как-нибудь при встрече господину Львицыну, что я вышиваю покрывало разноцветными шелками, и что я надеюсь нынче окончить его.

Приклонский слушает молча и внимательно.

Л и з а. Пожалуйста, не забудьте передать это ему от меня, - мне чрезвычайно надобно, чтобы он знал об этом. Очень красивый и трудный узор, - я сама его выбирала, и сама вышиваю. Этот рисунок доставил мне много забот и требовал большого внимания, ни на минуту не ослабевающего. Что соблюсти точность в частях и гармонию в целом, надобно было тщательно подбирать тончайшие оттенки шелков.

Смотрит на Приклонского с нежно-молящим выражением.

П р и к л о н с к и й, *не показывая удивления.* Будьте уверены, Елизавета Николаевна, что передам я это непременно, точно и с отменным моим удовольствием. Но слышал я, что он сам хочет приехать сюда не на долго.

Встает и откланивается. Лиза провожает его до двери. Песня девок. Лиза возвращается в девичью. Подходит к окну, где стоят ее пальцы, усердно работает, по-временам взглядавает в окно.

Л и з а. Няня, слышишь, как птички в синеве заливаются?

Н я н ь к а. Всякая пташка хвалит Господа по-своему.

Л и з а. Тонкий крик жаворонка в безмятежной лазури зовет меня далеко, куда-то в высь, к ненаглядному умчаться. Но ах, где же вы крылья, на которых мчатся бы, высоко над землей?

Н я н ь к а. Человеку, Лизанька, летать не положено.

Л и з а. Да и где мне! Надо кончать покрывало. Год за годом, три года я вышивала его. Вот еще один только лепесточек, и окончу работу.

Н я н ь к а. Ну, и слава Богу! Хоть отдохнет моя Лизанька, глазки свои ясные трудить не станет.

Л и з а. Вот когда я поняла, чего стоит подневольная работа вышивальщиц и кружевниц, как ноет спина, как в натруженных глазах тает мир! Как в глазах потемнело! Фиолетовые, желтые, зеленые плывут пятна, и все заслоняет.

Кончила работу. Плачет. Входят с песней девки, окружают Лизу.

Д е в к и. Барышня кончила! Закрепила последнюю шелковинку! Барышня пальчик уколола! Кровинка на пальчике выступила! Нянюшка, няня! Барышня иголкой пальчик уколола.

Н я н ь к а, *озабоченно подходя к Лизе.* Экие вы девки! Опять не доглядели!

Перевязывает Лизин палец.

Л и з а. Игла заторопилась, - знает, что давно пора кончать. Как потемнело в глазах! Как темно на сердце! Кончила мое покрывало, но все мне быть одной, - милый мой далеко. Перед глазами плывут лиловые пятна. В глазах багряно и туманно, голова кружится. Напрасно ты торопилась, милая игла!

Плачет.

С т е п а н и д а. Не плачьте, барышня, - приедет милый. Хотите погадать на свечке?

Л и з а. Какое же теперь гаданье? Ведь не зима!

С т е п а н и д а. Мы возьмем жестяной коробок, поставим в него восковую свечку, на речку спустим, пускай плывет, покуда видно. Коли свеча не погаснет, вернется милый скоро.

Л и з а. А где же коробок?

С т е п а н и д а. У нас уже все готово, - вот Дашка коробок держит.

Лиза и девки идут в сад к речке. Слышна их песня. На берегу Лиза своими руками затепливает свечку, становится на колени на песок, и спускает в речку коробок с зажженной свечой.

Д е в к и, кричат тревожно и взволнованно. Плывет, плывет! Мелькает огонек! Ветерком его качает! А вдруг задует? Погас? Нет, нет, горит! Горит, горит! Вот уж он за поворотом. Не погас!

Смех, громкие крики. Девки возвращаются с веселой песней. Потом входит Лиза с только что срезанными ей в саду цветами. Разбирает их и ставит в две вазы.

Л и з а. А где же Лушка?

С т е п а н и д а. Да в Заозерье, видно, побежала. Там садовник молодой уж больно красив, - все к нему Лушка бежит полюбоваться, помилиться, поцеловаться.

Н я н ь к а. Ты знай себя! Что о других болтаешь? Ты расскажи-ка лучше барышне, зачем ты к Дмитрию ходила.

С т е п а н и д а. Тебе-то что за дело?

Л и з а. Ты, Степанида, не груби. Молчи.

Вбегает Лушка, запыхавшись.

Л у ш к а. Барышня, барышня!

Л и з а. Что ты, Лушка?

Л у ш к а. Барышня, молодой барин Львицын, сказывают сейчас приехал. Да как постарел! Да как подурнел!

Л и з а, растерянно глядя на Лушку. Молчи, глупая, молчи!

Чувствуя себя внезапно ослабевшей, садится на стул.

Н я н ь к а, ворчит. Ну, что ты, оглашенная, прибежала, испугала барышню. Разве так можно?

Л и з а, быстро подходя к покрывалу. Девушки, разверните мое покрывало во всю длину. Посмотрю его еще раз, и отправлю соседу в подарок на память. Скажи-ка, Лушка, пусть Дмитрий собирается ехать на телеге в Заозерье.

Лушка уходит. Степанида смотрит на нее сердито. Девки развертывают покрывало во всю длину, и подносят его Лизе.

Д е в к и, толпясь вокруг Лизы. Да и хорошо же вышивание-то! Ну уж и искусница барышня-то наша! Вот-то уж золотые ручки у барышни нашей! Ручки золотые, глазки ясные!

Л и з а. Узор отменно красив, но я плохо различаю краски. Все оттенки смешались в моих глазах в одно пестрое пятно. Ну, девушки, сложим покрывало, - сначала вдвое, так, в длину, да осторожнее. Теперь свернемте его в несколько оборотов вокруг этой досточки, чтобы оно лежало гладко, не терлось и не гнулось. Теперь заверните его в полотно. Дайте шелковый шнурок, я сама завяжу узел. Надо в сохранном виде послать его соседу в подарок. Пока Дмитрий запрягает, я напишу письмо.

Так говоря, Лиза при помощи девок свертывает одеяло, и завертывает его в полотно. Девки тихо расходятся. Лиза идет в гостиную и садится писать письмо за маменькиным

столом красного дерева с бронзовыми полосками. Пишет и перечитывает. На нее падают лучи клонящегося к закату солнца. Нянька идет в гостиную, садится у окна.

Н я н ь к а, *ворчит*. Сколько времени сидела, спину гнула, а теперь соседу отдать. Послала бы ему медку нашего, да и будет с него.

Л и з а. Правда, нянечка. Надо и меду ему послать.

Звонит.

Входит Степанида.

Л и з а. Степанида, сходи к Пахомовне, возьми меду, выбери кадушку покрасивее, да мед самый чистый, пусть Дмитрий отвезет его в Заозерье вместе с покрывалом. Потом сюда приди, заверни цветы, что я сейчас срезала, да чтоб они не мялись, не сохнули.

С т е п а н и д а. Слушаю, барышня.

Уходит. Лиза продолжает писать. Часто вытирает слезы.

Н я н ь к а. Да ты бы, Лизанька, завтра ему написала. Вишь, ручки-то у тебя как дрожат. Встревожилась очень, а за ночь и прошло бы. Не даром говорится: утро вечера мудренее.

Л и з а. Ах, няня, не мешай! Хочу излить мои чувства, боюсь показаться смешной или навязчивой.

Н я н ь к а. Пишешь, а сама плачешь. Да не плачь ты, Лизанька!

Л и з а. Нянечка, не мешай! И так слезы свет застыт, буквы прыгают, строки мешаются.

Н я н ь к а, *помолчав*. Что пишешь-то больно много, Лизанька?

Л и з а. погоди, нянечка. Ну, слушай, я прочту тебе мое письмо. *Читает*: "Милый Алексис! Я услышала, что Вы приехали в Заозерье, и минувшие дни предстали вдруг предо мной, как смутный, но сладостный сон. Не сердитесь на то, что я пишу к Вам. В память былой дружбы нашей примите от меня этот непышный дар, покрывалом, над которым блуждали мои бедные руки, мои усталые глаза, мои печальные мечты. Примите и вспомните ту, которую Вас никогда не могла забыть. Также взгляните благосклонно на цветы, срезанные мной, и да будет Вам сладок мед, произведение скромного хозяйства моего. Я буду очень рада, если вы приедете пообедать со мной и взглянуть на то, как живу я, горестно осиротевшая, так внезапно потерявшая любимых родителей. О том, как мне это было больно, нечего и говорить. Впрочем, если неприятны Вам воспоминания о днях, для меня незабвенных, то прошу Вас не стесняться себя просьбой моей. Я же воспоминания о Вас навсегда замкну в сердце моем, не имеющем иных радостей, кроме воспоминаний. От всего сердца желаящая Вам счастья, Лиза Ворожбинина."

Нянька слушает и плачет.

Л и з а. Хорошо, нянечка?

Н я н ь к а. Уж так жалостно, и сказать нельзя.

Степанида приносит связанные и завернутые цветы. Лиза их внимательно рассматривает, поправляет.

Л и з а. Спасибо, Степанида.

Звонит. Подходит Лушка.

Л и з а. Готов ли Дмитрий?

Л у ш к а. Он здесь.

Входит Дмитрий, молодой, красивый, черноусый кланяется.

Л и з а. Что, Дмитрий, дала тебе Пахомовна мед?

Д м и т р и й. Да уж Степанида его в тележку уложила.

Л и з а, *передавая Дмитрию письмо, покрывало, цветы.* Смотри, Дмитрий, я знаю, ты у меня расторопный и толковый. Поезжай в Заозерье. Возьми письмо, передашь его Алексею Павловичу в собственные руки. Здесь покрывало, его особенно сохранно вези, никому не отдавай, прямо в руки господину Львицыну. И мед, и цветы. Проси, чтобы тебя допустили к самому барину. Скажи, Елизавета Николаевна Ворожбинина поздравляет соседа с благополучным прибытием, и посылает ему в подарок цветы, мед и свое рукоделие. Вези все бережно, цветы чтобы не мялись, мед не пролился бы, покрывало бы не терлось. Довези все в сохранности, да письма не потеряй.

Д м и т р и й. Не беспокойтесь, барышня, все будет цело.

Кланяется и уходит. Лиза бежит к окну, смотрит. Слышен стук по камням тележки и топот копыт; эти звуки удаляются и затихают. Лиза ходит из комнаты в комнату, и плачет. Нянька идет за ней, утешает.

Н я н ь к а. О чем слезы ронишь, Лизанька? Холост, не женат вернулся, - видно тебя не забыл.

Л и з а, *ломая руки.* Ах, забыл! Вон из глаз, вон из памяти.

Действие пятое

Раннее утро. Роща у ручья, отделяющего Ворожбинино от Заозерья. Через ручей мост. Близ моста - большой обомшалый камень.

Лиза подходит к ручью, в сарафане, с письмом Львицына в руках. За ней идет нянька.

Н я н ь к а. Ну, что ты, Лизанька, встала так рано? Оделась легонечко, идешь по траве сырой. Куда мы забрели с тобой? Тут уж твоя земля кончается, - вон та роща за мостиком, это уж земля заозерская.

Л и з а. Быть может, здесь встречу я Алексиса, и скажу ему, хотя бы в последний раз, про мою любовь. Ах, нянечка, тяжело мне! Утро прохладное, росистое, многоцветное, а я мало что различаю. Словно очертания и цвета предметов скрадываются от моего взора падением великого дождя. Мне кажется, что мир зыблется в моих глазах.

Н я н ь к а. Пospала бы еще, Лизанька, - глазки-то у тебя как покраснели!

Л и з а. От чего это, няня? От ветра, веющего мне навстречу? От пролитых в изобилии слез? От усталости?

Н я н ь к а. Вышивала усердно, Лизанька, ночей не досыпала.

Л и з а. Слепну я, как бедная Марфушка.

Н я н ь к а. Что ты, что ты, Лизанька, Бог с тобой! Не надо так говорить, - в какой час скажется. Господь тебя помилует, голубушка, пошлет тебе радость великую.

Л и з а. Да я не боюсь, няня. Слепну я. Ну, что ж! Разве мы не видим лучше глазами души, чем глазами тела? Вот и мостик. Сколько раз таким же ранним и росистым утром мы с Алексисом встречались здесь! Мы опирались на эти тонкие перила, и при-

слушивались к мелодичному журчанию струй. Здесь все по-прежнему: также лепечут струи, перебегая по камешкам, ручей, как прежде, вьется, теснимый живописными холмами, и убегает в тень прохладной роши. А для меня на свете все переменялось, - неужели навсегда?

Быстро перебегает по мостику.

Н я н ь к а. Куда ты, Лизанька?

Л и з а. Я на земле моего милого. Незьяснимое волнение объемлет меня. Не смею идти вперед, и жаль к себе вернуться.

Слышен незнакомый мужской голос, выкрикивающий что-то; слов не разобрать. Лиза, испуганная, бежит обратно.

Л и з а. Здесь я у себя, - но и там, глупая, чего же мне бояться! *Садится на большой обомшалый камень, лежащий недалеко от входа на мост.* Неужели Алексис не придет в этот ранний час, в который некогда мы с ним на этом месте встречались? Ах, нянечка, ты еще не знаешь, что он мне ответил.

Н я н ь к а. Да уж видно, нехорошее письмо привез тебе Дмитрий.

Л и з а. Слушай, няня, я прочту тебе. *Читает:* "Милостивая Государыня, Елизавета Николаевна! Я глубоко признателен Вам за подарок ваш, верное свидетельство отменного умения вашего управлять вещами и людьми. Располагая уехать отсюда вскоре, не знаю, буду ли иметь возможность воспользоваться любезным приглашением вашим, за которое приношу вам мою нижайшую благодарность. Впрочем имею честь быть с истинным почтением покорнейший слуга ваш А. Львицын."

Н я н ь к а. Все еще сердится, забыть не может. Недобрый он, Лексис твой.

Л и з а. Нет, няня, он - добрый, я - злая. Не брани его, няня, не надо.

Н я н ь к а. Молчу, молчу, мне-то что!

Л и з а, *помолчав.* Уж видно, Алексис не придет.

Вздыхнув печально, Лиза окинула окрестность, и уже оперлась о камень рукой, чтобы встать, но вдруг слышит шорох в кустах и шаги на дорожке по ту сторону ручья.

Л и з а. Это - он! Няня, он идет! Няня, голубушка, иди, иди домой, я одна здесь останусь.

Нянька торопливо и взволнованно крестит Лизу, и уходит, спеша из всех своих старческих сил. Между кустами за речкой показывается Львицын.

Л и з а, *тихо.* Это - Алексис. Я узнала его, - ах! глазами души больше, чем глазами тела. Разве не различила бы я в глубокой ночи его походку!

Львицын тихо идет мимо моста, погруженный в глубокую задумчивость. Невнимательно взглянув на Лизу, кланяется ей, и проходит мимо.

Л и з а. Алексис!

Львицын останавливается, всматривается в Лизу. Смотрит на нее с изумлением и невольной нежностью. Лиза встает, и поспешно идет к нему. Львицын переходит через мост. Они принужденно стоят друг против друга.

Л и з а. Сюда, к ручью, где мы встречались, я поспешила нынче утром. Вы не забыли это место?

Л ь в и ц ы н. Елизавета Николаевна, извините. Я принял вас за дочь отца Сергея. Ваше простое одеяние невольно ввело меня в заблуждение. Я не такой вас воображал.

Л и з а. Поверьте, я совсем перевернулась. Хорошо ли вы доехали, Алексис?

Л ь в и ц ы н. Довольно быстро, и не без приятности.

Л и з а. Лето нынче такое же очаровательное, как и в тот памятный год.

Л ь в и ц ы н. Я вышел из дому рано. Что-то влекло меня в ту сторону, где пережил я столько разнообразных чувствований, радостных и печальных.

Л и з а. Вы шли мимо. Вы не захотели посетить меня.

Л ь в и ц ы н, *печально*. Благодарю вас очень за приглашение, и за вашу вчерашнюю присылку. Вышивание превосходно, и весьма лестно, но не утешен мне сей ваш, Елизавета Николаевна, насмешливый подарок.

Л и з а, *с трудом удерживая слезы*. Но неужели думаете вы, Алексис, что я в насмешку послала вам эту работу?

Л ь в и ц ы н. Вышивали его, бесспорно, отменно искусные мастерицы, лучшие из тех, коими вотчина ваша на всю округу издавна славится.

Л и з а, *улыбнувшись сквозь слезы, от чего становится вдвое милее*. Вышивала одна, изрядно усердная, да уж не знаю, сколь искусная.

Л ь в и ц ы н, *внезапно вспыхнув*. И все так же несчастные девушки слепнут над работой?

Л и з а, *горестно восклицает*. Я сама вышивала! Все покрывало своими руками вышила.

Плачет.

Л ь в и ц ы н, *с удивлением*. Не может быть! Сколько же лет надобно было над ним сидеть! Лиза, что вы говорите!

Л и з а. Я работала над ним три года. Как только умерли мои родители, я нашла в старой библии, усердно украшенной миниатюрами, мотив тонкого узора. Сплелись розы с розами, шарлаховые, алые, пунцовые и белые. Как раз к вашему приезду я кончила вышивание. *Со слезами*. Взгляните, Алексис, на мои пальцы, они исколоты иглой. *Глядя прямо в глаза Львицына, голосом ангельской кротости*. Взгляните на мои глаза, они красны от работы, и еще более от многих слез, от бессонных ночей, в труде и в печали проведенных мной.

Л ь в и ц ы н, *осыпая Лизины руки поцелуями*. Ангел Лиза! Ты страдаешь! Ты, мое бесценное сокровище.

Л и з а, *прижимаясь головой к его груди*. Меня тревожила только мысль быть вами окончательно позабытой.

Л ь в и ц ы н. Поверьте, Лиза, во все эти годы, где бы ни был я, в Германии или в России, образ ваш владел над моей душой. Порой доходили кое-какие вести о вас. Я знал, что вы отказываете всем искателям вашей руки. Много раз я порывался поехать в мою деревню, чтобы иметь возможность еще раз взглянуть на милое лицо, но что-то удерживало меня. Вчера, когда я читал письмо ваше, почудилось мне в нем злая насмешка над мной. Казалось мне, вы хотите показать, что словам моим не придаете значения, и что по-прежнему ваши крепостные девушки тратят зрение над вышиванием.

Л и з а. Я вам писала, что вышила покрывало собственными руками.

Л ь в и ц ы н. Я вспомнил, что и сам я иногда заставлял вас за пяльцами, причем вышиваемый вами узор мало подвигался к окончанию, и я объяснил ваши слова тем, что

вы для рассеяния скуки приходили иногда в девичью и делали несколько небрежных стежков, едва ли к украшению общего способствующих. Я долго предавался грустным размышлениям, и почувствовал в душе моей ожесточение, и голоса души я не услышал, и не целовал милых строк.

Л и з а. С трудом, при свечах прочитала я ваш холодный ответ, и долго плакала. Сон не приходил ко мне, и я бы так и не ложилась в постель, если бы Лушка и Степанида, по приказу няньки, не отвели меня в спальню. Почти бесчувственную от жестокой печали, они раздели и уложили меня. Но весь мой ночной отдых состоял лишь в том, что я в тягостном полузабытьи то одно, то другой стороной вверх переворачивала подушку, беспрестанно увлажняемую слезами.

Л ь в и ц ы н. О, Лиза милая, мой ангел нежный!

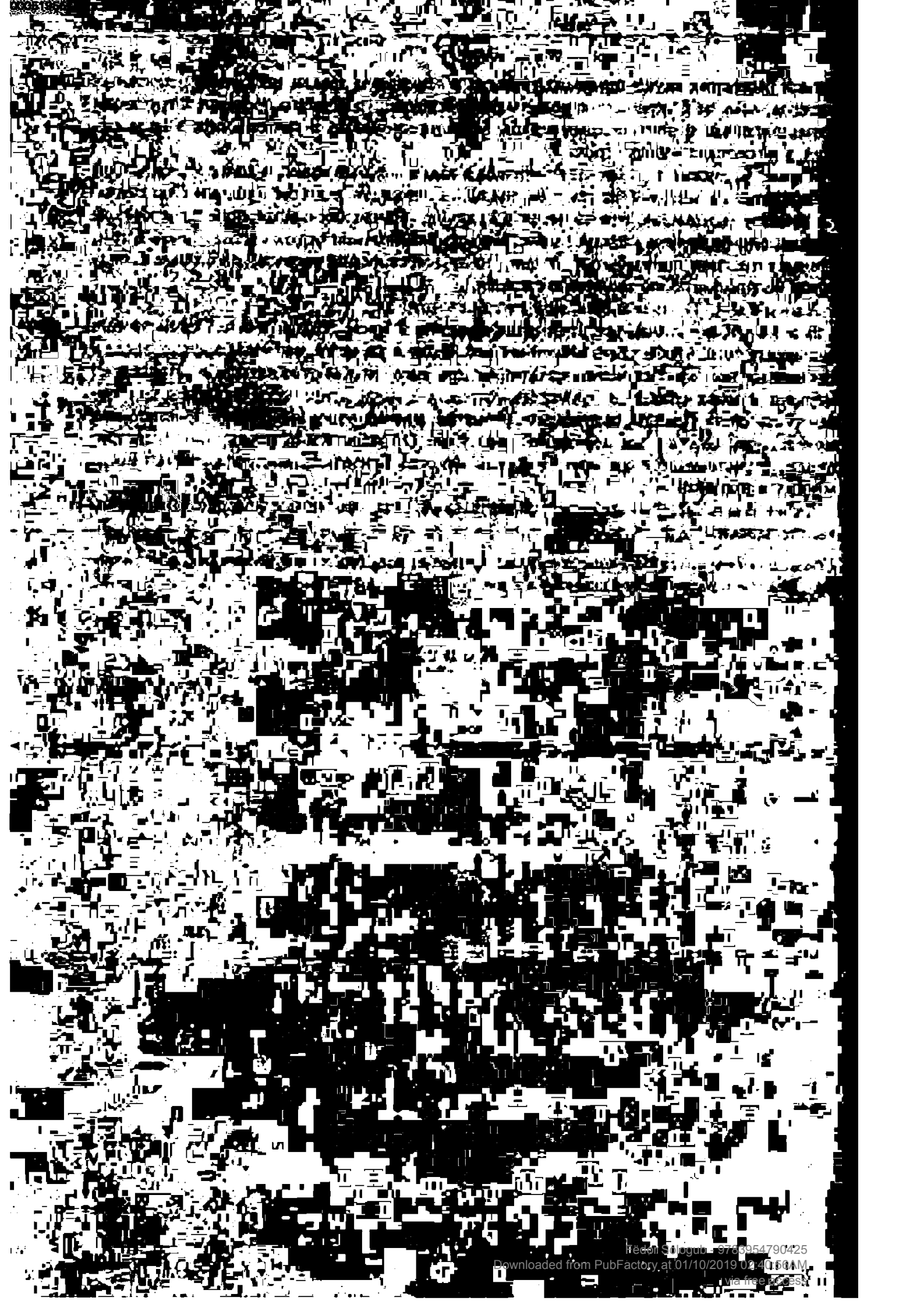
Л и з а. Я все слова, все речи ваши сложила в моем сердце, и жила единственно только для того, чтобы стать достойной вас. Ныне я уж не та, что была прежде; тогда я глядела на вас, как на вещи, созданные для того, чтобы угодить мне. Ныне свет меркнет в моих глазах, и я умереть готова, но глаза души моей открыты для не-вечернего света Правды, и душа моя радостна, потому что я знаю, - вы простите мне мою детскую злость и все мое бедное неразумие. От радости и от печали моя душа трепещет, и растворяется в слезах, и я, как некогда Гризельда, достигла счастья после многих испытаний.

Л ь в и ц ы н. Мой милый друг, пленительная Лиза, прости мое неверие. Отныне мы вместе навеки.

Сбегают девки, любопытные и веселые. Спеша из всех своих старческих сил, идет нянька. Девки запевают славу Львицыну и Лизе.

К о н е ц

СТРАЖ ВЕЛИКОГО ЦАРЯ
Драматическая сказка в четырех действиях

Действующие лица:

Киноджа, царь Табаристана.

Ходжистэ, его дочь.

Камру, страж.

Чундер, его жена.

Халис, их сын.

Див.

Змея, живущая в огне.

Джафар, великий визирь.

Миёмун, мудрец.

Ферух, военачальник.

Гости царя и народ.

Действие первое

Сени перед чертогом царя Табаристанского. Лестница, опускающаяся прямо вперед. Над чертогом - огороженная плоская кровля. В глубине сеней - высокая, широко раскрытая дверь в пиршественную залу. Из залы слышен ликующий шум. Пир кончается. Довольные угощением выходят гости, - царевичи, знать, мудрецы, наставники, ученые, правители. Царь Киноджа провожает мудрейших. Гости хвалят пир, чертог, царя, царевну.

Внизу лестницы стоят бедно одетые Камру и Халис.

Г о с т и. Великий царь, пир твой подобен торжеству в райских сенях.

Слышен невнятный, но громкий и грозный голос.

- Я иду.

Все смущены.

К и н о д ж а. Я слышу этот голос уже несколько ночей. И не знаю, чей это голос, и что он значит.

М и е м у н. Печаль уходит от чертога великого и мудрого царя.

К и н о д ж а. Но отчего же в этом голосе слышна угроза?

М и е м у н. Счастье великого царя гонит ее, и она ропщет.

Выходит Ходжистэ.

Х а л и с, *отцу.* Кто эта прекрасная?

К а м р у. Дочь великого царя. Но зачем ты глядишь на нее так пристально?

Х а л и с. Лицо ее подобно луне в четырнадцатый день месяца. Ее локоны чернотой напоминают тьму благоуханной ночи. Стройный стан ее подобен кипарису, а царственная походка - поступи Фазана. Сладостная речь ее подобна пению соловья, искусного и влюбленного, который знает тысячу трелей и одну. Это и есть та красавица, которую видел я во сне нынче ночью, когда мы в поле перед этим городом остановились на ночлег.

Увлекаясь, выдвигается вперед, и поднимается по ступеням лестницы. Камру останавливает его.

К а м р у. Любовь к царевне погубит тебя. Будь скромн. Дорожные сны и полевые сказки пусть остаются за оградой великого и славного города.

Становится впереди сына. Тогда царь и придворные замечают его.

К и н о д ж а. Кто это? В лохмотьях и покрытый густой пылью.

Д ж а ф а р. Кто ты? Откуда пришел ты в непраздничной одежде к высокому порогу?

К а м р у. Я - боец на мечах и ловец львов. Я постиг искусство метания стрел, и так умело и сильно пускаю их, что они пробивают даже твердый камень. И еще многие тайны и хитрости доступны мне.

Д ж а ф а р. Глядя на твои лохмотья, не скажешь, что ты богат. Что же твое искусство?

Гости смеются.

М и е м у н. Знающий знает тщету богатства и умножает не золото, а мудрость.

Ф е р у х. Сильный знает бессилие золота и умножает не сокровища, а силу.

Д ж а ф а р. Но этот человек уже слишком презирает богатство. Он сам в лохмотьях, а сын его полунаг.

Х о д ж и с т э. Самый мудрый - тот, кто знает свой срок.

К и н о д ж а. Пусть он сам о себе скажет.

К а м р у. Был я на службе у царя Ходженского, но царь не умел оценить моей ловкости. Я оставил его. И вот пришел к великому царю Табаристанскому.

Д ж а ф а р. И царь Ходженский отпустил тебя ни с чем? Малого же стоила твоя служба!

К а м р у. У меня есть сокровище, есть богатство, с которым не сравнятся никакие дары, - мой сын. Он силен и прекрасен, и судьба его вся перед ним.

Д ж а ф а р. За такое сокровище на базаре не только быка, не дадут и теленка.

М и е м у н. Чего стоит отрок, знает тот, кто дал ему жизнь.

К и н о д ж а. Если они голодны, пусть их накормят. Джафар, скажи, чтобы мне дали вина, - хочу выпить здесь, под этими ясными звездами, последнюю сегодня чашу.

Царь и гости пьют. Ходжистэ подходит к Халису.

Х о д ж и с т э. Прекрасный отрок, ты чей?

Х а л и с. Вот мой отец.

Х о д ж и с т э. Кто же вы? На царском пире только ты один в бедной одежде, ты и твой отец. Но на царском пире я не видела отрока прекраснее тебя, и мужа более сильного и величественного, чем твой отец. Вы оба, как царь и царевич, изгнанные из чертога предков ваших буйными рабами, упившимися вином.

Х а л и с. Мой отец - сильный воин, но не царь.

Х о д ж и с т э. Как стройны твои обнаженные ноги!

Х а л и с. Я тебя знаю. Я тебя видел.

Х о д ж и с т э. Где? Когда? Я тебя не помню.

Х а л и с. Я видел тебя нынче ночью во сне.

Х о д ж и с т э. Ты очень глупый, или очень мудрый.

Смеется.

Х а л и с. Видение мудрого - безумие для неразумного.

Х о д ж и с т э. Но ты то в этом что понимаешь, милый отрок? Вот приближается ночь. Если никто не пустит вас ночевать к себе в дом, твои ноги будут дрожать от холода. Возьми этот плащ. Покройся им, и во сне опять постарайся увидеть меня. *Дает Халису свой плащ. Говорит отцу.* Отец, возьми этого человека на службу. Он будет верен тебе.

К и н о д ж а. Ты - умная. Ты смотришь на человека и видишь его мысли и желания. Душа человека открыта перед тобой, и ты видишь, что он будет верен.

Ходжистэ, застыдившись от похвалы отца и улыбаясь, уходит в чертог.

К и н о д ж а. Пусть этот человек служит мне. Да будет он стражем моего чертога.

К а м р у, *падая ниц перед царем.* Благодарю тебя, великий царь. Благоволение царя пламенно и страшно, но ты будешь доволен моей службой.

Киноджа уходит в чертог.

Х а л и с, *отцу.* Я люблю царевну.

К а м р у. Что за безумие! Разве возможно, чтобы нищий породнился с великим царем.

Х а л и с. Не знаю, хорошо ли, что я утаил от нее... Но она дала мне плащ.

К а м р у. Что ты утаил от нее.

Х а л и с. Я не сказал ей, что добрая женщина дала нам приют на эту ночь.

К а м р у. Зачем царевне знать об этом? Она только посмотрела на тебя, и ушла, и уже забыла.

Х а л и с, *любясь подарком царевны, повторяет.* Она дала мне свой плащ.

К а м р у. Иди к той доброй женщине, которая дала нам приют на эту ночь, и скажи матери, что я должен остаться здесь на страже у царского чертога. Спи спокойно и забудь о царевне.

Х а л и с. Лучше мне умереть, чем забыть о ней.

К а м р у. Друг мой, я слышал, спросили однажды у великого мудреца: что такое любовь? И мудрец ответил: любовь, - это как бы смерть при жизни.

Х а л и с. Сладостная смерть! Ах, лучше умереть любя, чем жить без любви.

Медленно уходит. Все гости уже ушли. Огни пиршества гаснут. Камру становится на стражу. Киноджа выходит на кровлю. Смотрит вокруг. В чертоге у двери стоит Ходжистэ, притаившись, и слушает.

К и н о д ж а. Страж, скажи мне, отчего я не могу заснуть.

К а м р у, *низко поклонившись царю.* Если царь будет спать ночью, у него не останется времени для поклонения Богу.

К и н о д ж а. Но я и днем не спал.

К а м р у. Если царь будет спать днем, то пострадают его подданные.

К и н о д ж а. Когда я им нужен, они хотели бы, чтобы я судил их и днем и ночью. И тогда они смотрят на меня, и судят меня еще строже, чем я их сужу. Когда они мне нужны, они были бы рады, если бы я спал круглые сутки. Когда я тревожу их, они ропщут и готовы были бы усыпить меня навеки. Они не могут обойтись без людей, которые за них думают, сражаются и молятся. А для поклонения Богу иная минута святее целого дня. Нет, страж, я не сплю по иной причине.

К а м р у. Великий царь, ты ждешь того, кто приходит внезапно. Но не тревожься, - я на страже, никто не войдет в твой чертог и не похитит твоих сокровищ.

К и н о д ж а. От проходящих внезапно никто не остережется.

Издали доносится угрожающий голос.

- Я иду! И кто из людей заставит меня вернуться?

К и н о д ж а. Страж, ты слышишь этот голос?

К а м р у. Я слышал этот голос, когда с женой и с сыном шел в твой славный город. Жена и сын думали, что я знаю, чей это голос, и спрашивали меня. Кто знает хоть немного, того спрашивают обо всем. Но я ничего не мог сказать им. Я знаю мой долг и не допытывался, что это за шум. Но если ты, царь, повелишь мне, я тотчас узнаю, кто это, и доложу об этом двору, населенному рабами святейшего закона.

К и н о д ж а. Иди, узнай, и скажи мне. Только мне - никому иному не надо знать.

Камру уходит. Киноджа окутывает тело и лицо черным покрывалом, поглощающим всякий свет. Становится незрим. Идет вслед за стражем. Ходжистэ выходит на кровлю. Слышен голос.

- Я иду! Кто меня задержит?

Входят Халис, несет в глиняной посуде пищу для отца, и Чундер, несет в глиняном кувшине воду для мужа.

Х а л и с. Отец, где ты?

Х о д ж и с т э. Твой отец ушел в пустыню прогнать духа, который тревожит великого царя.

Х а л и с, испуганно и радостно. Здесь прекрасная царевна.

Халис и Чундер кланяются царевне.

Х о д ж и с т э. И мой отец ушел в пустыню. Ушли сильные, остались женщины и дети.

Ч у н д е р. Царевна, сын мой заменит отца на страже. Он силен и верен, как и его отец, и пока отрок здесь, ты, царевна, ничего не бойся.

Х о д ж и с т э. Я никогда ничего не боюсь. Меня не научили страху. *Халису.* Милый отрок, иди за твоим отцом и помоги ему охранять в пустыне великого царя. Ужасны и неодолимы тайные силы, но страхи бегут от того, кто чист и непорочен.

Халис кланяется царевне до земли и уходит. Чундер садится на ступени. Ходжистэ смотрит вдаль.

Х о д ж и с т э. Кто за себя не боится, тот вдвое боится за другого. Я боюсь за отца и за милого, ты - за мужа и сына. Одна тоска в наших сердцах.

Ч у н д е р. Царевна, а кто же твой милый, и где он?

Х о д ж и с т э. Все дальше, все дальше уходит.

Ч у н д е р. А кто же он?

Х о д ж и с т э. Женщина, ты слишком любопытна. Скажи мне лучше утешительную сказку.

Ч у н д е р. Если хочешь, милая царевна, я расскажу тебе о том, как один...

Луна восходит над чертогом, полная и ясная. Серебристый туман заволакивает все предстоящее, и не слышно слов утешительной сказки. Отходит от чертога действие, и влечется в пустыню.

Действие второе

Пустынное поле. Перекресток двух тихих дорог. Полная луна светит ярко и смотрит, любопытная, как беременная женщина. Див с темным, но прекрасным лицом стоит в тени цветущего и благоухающего истомно дерева и кричит страшным голосом.

- Я иду? Кто заставит меня вернуться?

Входит Камру. За ним Киноджа в черном плаще, поглощающем всякий свет.

К а м р у. Прекрасный и великий Див, почему ты говоришь эти страшные слова?

Д и в. Я - ангел смерти.

Камру, мгновенно ужаснувшись, падает на лицо свое, кланяясь Диву. Но мужество воина тотчас же возвращается к нему. Он поднимается и говорит с Дивом, как человек всегда готовый встретить смерть.

К а м р у. Путь перед тобой свободен. Отчего же ты медлишь на этом перекрестке, и с кем ты споришь?

Д и в. От многих душ исходящие незримые нити держат на земле того, к кому я послан, но и эту сеть я разрушу, как легкую паутину.

К а м р у. Чем же ты умерщвляешь?

Д и в. Взором моим и голосом я зову душу, которой настал срок расстаться с телом.

К а м р у. Куда ты идешь?

Д и в. Я иду в чертог царя Киноджи.

К а м р у. Чертог великого царя охраняется крепко.

Д и в. Дни царя истекают, и я иду, чтобы взять его душу и отнести ее к превысокому престолу.

К а м р у. Я должен вернуть тебя обратно. К господину моему не пушу тебя, страшный.

Д и в. Никакой силой меня не вернешь и не остановишь.

К а м р у. Дам тебе многоценный выкуп за душу господина моего.

Д и в. Ты слишком смело обещаешь. Когда ты узнаешь, чего я требую, ты откажешься.

К а м р у. Я дам все, чего ты потребуешь.

Входит Халис.

Х а л и с. Отец, что ты делаешь в этом мрачном месте? В первую же ночь ты оставил порог высокого чертога! Ты забыл о царе, и царевна в тревоге и страхе. Что подумает царь, если узнает, что ты ушел?

К а м р у. Я спорю с этим духом о душе моего великого господина.

Д и в. Разве есть верность на земле? Везде, куда я приходил, я видел, что люди торопятся пасть к ногам нового господина. Один только ты хочешь сохранить сочтенные дни обреченного моему мечу.

К а м р у. Скажи, какой ты возьмешь выкуп.

Д и в. Чтобы я оставил душу твоего господина в его теле, ты хочешь принести великую жертву. Подумай, - если царь умрет, тебя и другой царь не прогонит. Тот, кто служит, ни о чем ином не думая, нужен каждому властелину, как бы тот не именовался. Тебе, нищему, не все ли равно, кому ты служишь? У тебя нет дома, и нет родины.

К а м р у. Я верен моему господину, потому что я верен моему слову. Я должен вернуть тебя обратно.

Д и в. Если ты за душу великого царя отдашь мне душу твоего сына, я вернусь, и царь избегнет смерти.

К и н о д ж а, *радостно.* Я избегну смерти.

Среди лунного сияния над безлюдными дорогами и над пустыней, он один окутан мраком, и слова его поглощены окружающим его молчанием и тьмой.

К а м р у, *радостно.* Великий царь избегнет смерти!

Х а л и с. Царевна для меня недоступна. Лучше мне умереть за великого царя, ее отца, чем жить вдали от прекрасной царевны Ходжистэ.

К а м р у, *Диву.* Я отдам тебе и мою жизнь, и жизнь моего сына.

Д и в. Твоей жизни мне не надо. Довольно одной. Избыток жертв уменьшает их цену. Отдай мне только жизнь Халиса.

К а м р у. На твоих глазах я принесу его в жертву. Халис, милый сын мой, единственное мое сокровище, готов ли ты умереть за господина нашего Киноджу, великого царя?

Х а л и с. Великий и справедливый царь дорог для всех. Он любит своих, он милостив к чужим. Счастье народа истекает от великого царя. Умереть за доброго царя хорошо, добрый царь сохраняет мир среди своего народа. Если умрет справедливый царь, ему может наследовать владыка жестокий, и от его злобы погибнут тысячи людей, ему подвластных, и вся страна превратится в пустыню. А потому будет разумно и справедливо, если ты, отец, убьешь меня.

К и н о д ж а. Отрок рассуждает разумно. И что нищему мальчику долгая жизнь! А за его верность и за его жертву я щедро награжу моего стража. Денег и других сокровищ в казне моей много.

Камру связывает Халису руки и ноги и вонзает нож в его грудь. Халис вскрикивает.

Х а л и с. Ходжистэ!

Стонет. Умирает.

К и н о д ж а. Умирая, вспомнил он ласковый взор прекрасной госпожи. Счастливый отрок!

Д и в. Царь останется на земле, пока сам не призовет меня.

К и н о д ж а. Этого не дождешься.

Поспешно уходит.

Д и в. Змея, живущая в огне, вознесет твоего сына.

Скрывается.

К а м р у. Я знаю змею, живущую в огне. Она обовьет тело моего сына, и вознесет его высоко над землей, - дымом и пеплом вознесет его милое тело.

Поднимает тело Халиса и уносит его.

Действие третье

Сени чертога, как в первом действии. Луна светит. Ходжистэ, на полную луну, как родная сестра, прекрасным лицом дивно похожая, и Чундер разговаривают.

Х о д ж и с т э. Прекрасный отрок - твой сын, женщина, и я полюбила его. Но нельзя мне быть его женой. О, лучше бы я была рабыней! Рабынь в доме великого царя хорошо кормят и не обременяют многотрудной работой, и я могла бы стать женой твоего сына, если бы он захотел меня. Но кто из юных, посмотрев на меня однажды, не пожелал бы моей любви!

Ч у н д е р. Слушай, госпожа, - у одного царя была дочь необычайной красоты.

Х о д ж и с т э. Красивее меня?

Ч у н д е р. Красивее тебя, госпожа, нельзя быть. И никогда не было никого красивее тебя и не будет. Царевна, о которой я говорю, была почти так же прекрасна, как и ты. В нее влюбился дервиш.

Ходжистэ. Безумный! Разве возможно, чтобы нищий породнился с царем?

Чундер. Дервиш пришел к царю и сказал ему: отдай мне твою дочь, я люблю ее.

Ходжистэ. А она любила его?

Чундер. Нельзя не полюбить того, кто любит.

Ходжистэ. Что же отвечал дервишу царь?

Чундер. Царь сказал: Приведи мне слона, нагруженного золотом, тогда я отдам тебе дочь.

Ходжистэ. Царь посмеялся над бедным дервишем.

Чундер. Дервиш пошел к райрайяну и дал ему райрайян слона и столько золота, сколько может поднять самый сильный слон.

Ходжистэ. И дервиш получил царевну?

Чундер. Царь сказал: Слон стар, и золото нехорошее. Знаю, райрайян дал тебе слона и золото. Принеси мне голову райрайяна, и отдам тебе мою дочь.

Ходжистэ. Бедный дервиш!

Чундер. Пошел дервиш опять к райрайяну. И сказал ему райрайян: Обмотай веревку вокруг моей шеи, веди меня к царю и скажи, я принес голову вместе с ее телом. Если царь согласится взять ее, отрежь мою голову и отдай ему.

Ходжистэ, *всплеснув руками, как простая девушка, пораженная изумлением.* Никто в этом мире не превзойдет великодушием райрайяна.

Чундер. Дервиш привел на веревке райрайяна к царю. И тогда царь послал за дочерью и сказал райрайяну: Это - твоя рабыня, отдай ее, кому хочешь.

Ходжистэ. И райрайян взял ее себе?

Чундер. Райрайян отдал ее дервишу.

Ходжистэ. Счастливый дервиш!

Чундер. Царевна, если ты любишь моего сына, и если он любит тебя, - а тебя нельзя не любить, - обратитесь к мудрому и благому, и он поможет вам.

Ходжистэ. Кто мудр, и кто благ?

Киноджа вернулся. Снимает поглощающий всякий свет плащ и выходит на кровлю. Ходжистэ уходит в чертог, таится за дверью и слушает. Входит Камру. Кланяется царю низко.

Камру. Да умножатся богатства, честь и пышность великого царя! Да продлятся дни царя, великого источника всяких благ.

Киноджа. Скажи мне, что это был за голос?

Камру, *почтительно сложив руки на груди.* Некая женщина дивной красоты, поспорившись со своим мужем, оставила свой дом. Она сидела там на земле, на перекрестке двух путей, не зная, куда ей идти, и громко причитала. Но я утешил ее тихой речью и восстановил мир и согласие между ней и ее мужем. И теперь эта женщина обещала не оставлять мужа до самой его смерти.

Киноджа. Ты рассказал мне притчу, но знаю ее смысл, и напрасно хочешь ты его скрыть от меня.

Камру, *падая ниц перед царем.* Иносказание - прозрачная для мудрого взора одежда истины.

Киноджа. Когда ты по моему повелению ушел отсюда, я облекся черным плащом и пошел вслед за тобой. Я слышал все, что ты говорил с той женщиной, и видел, что ты сделал с твоим сыном. Не женщина то была, - то был Див умерщвляющий, посланный за моей душой. За душу мою он потребовал выкуп, душу твоего сына, и ты согласился

дать этот выкуп, чтобы спасти мою жизнь. И когда твой нож прервал дыхание жизни твоего сына...

Ходжистэ вскрикивает.

К и н о д ж а, *спокойно продолжает, точно и не слышал этого крика.* Я увидел вашу любовь и верность ко мне и вот говорю тебе: Мудрый и верный, и знающий многое, ты все же был нищ и мал. Ты испытывал крайнюю нужду и пренебрежение богатых и сильных, и этим всегда было огорчено твое сердце. Отныне успокоится твой дух, и я сделаю тебя богатым и знатным. Сын же твой, - о нем не печалься, - он восстанет, и ты увидишь его в славе и величии.

Ходжистэ выходит и плачет громко.

Х о д ж и с т э. Милый отрок погиб! Горе мне, горе!

Ч у н д е р. Сын мой погиб! Горе мне, горе горькое!

К а м р у. Погиб отрок, но зато жив великий царь.

К и н о д ж а. О сыне вашем чистые воспоминания останутся у вас, и незапятнан ничем будет образ его.

Х о д ж и с т э. За тебя, отец, погиб милый отрок. И если завтра Див явится снова, и потом опять, не погибнет ли за одного весь народ?

К и н о д ж а. Я принял жертву, потому что отрок по доброй воле принес ее мне.

Действие четвертое

Двор перед чертогом царя. Лестница в чертог. На верху ее, на площадке приготовлено высокое царское место.

Раннее утро. Солнце только взошло. Лучи его еще не ярко, но празднично ясно озаряют всю сцену.

Немного отступя от середины лестницы, на дворе разложен костер. Огоньки только что начали выбегать из-под перепутанных, тонких и сухих стволиков. Слуги время от времени приносят новые охапки хвороста и подбрасывают их в костер.

Тело Халиса лежит у костра. Ходжистэ плачет над ним, и рядом с ней плачет Чундер.

Собрались правители, князья, ученые. Киноджа на царском месте. Синклит властей внимает его рассказу. Камру стоит на страже у чертога.

К и н о д ж а, *продолжая говорить.* Так спас мою жизнь верный мой слуга. Для спасения царя он не пожалел и сына своего отдать в жертву темной силе. Камру, мой верный слуга, отныне ты будешь моим великим визирем. Ключи от моей казны доверяю тебе.

Д ж а ф а р. А я? Великий царь, я служил тебе со всем усердием, не жалея ни трудов, ни сил, ни здоровья. Или ты забыл мою верную службу? Или все мои труды вменяешь ты ни во что?

К и н о д ж а. Тому, кто в силе, все служат верно и с усердием, а кто обманывает сильного владыку, тот теряет вместе с головой жизнь. Я оставлю тебе твою мудрую голову, и от тебя возьмут только облачение визиря. Перед высокой властью не все ли подвластные равны? Ты, как и все, в этой стране живущие, раб мой, и весь ты в воле

моей. Ныне, раб среди рабов, войди в толпу слуг моих. Ближе других встань к моему высокому престолу, чтобы я всегда слышал твои мудрые советы. А золотую цепь, и ключи золотые, и золотом шитый плащ сними и отдай ему, моему верному Камру, которого я из стражей моего чертога возвожу в великие визири.

Д ж а ф а р, *ворчит*. Из грязи да в князи.

Рабы подходят к Джафару, снимают с него цепь и златошитый плащ, а от пояса отвязывают золотые ключи. И делают все это с рабским злорадством и гнусным смешком. Цепь и плащ надевают на Камру, и ключи передают ему. Камру, облеченный знаками своего нового достоинства, склоняется перед царем. Костер разгорается. Халиса рабы кладут на костер.

Перед костром возникает Див. Пламя костра стелется по земле, весь костер обволакивается густым дымом.

Д и в, *повелительно*. Царь, отдай Халису дочь свою, Ходжистэ, прекраснейшую из дев земных.

К и н о д ж а. Халис мертв. Как мертвому отдам я мою дочь, прекраснейшую из дев земных?

Д и в. Царь, отдай ему твою дочь.

К и н о д ж а. Тело его сгорит. Как я отдам мою дочь развеянному по ветру пеплу?

Д и в. Царь, отдай ему твою дочь.

Х о д ж и с т э. Отец, отдай меня в жены милому отроку. С ним вместе взойду на костер, где великая пламенеет любовь, достойная дочери великого царя.

Из дыма возникает пламенем одетая змея, живущая в огне.

З м е я. Царь, дочь твоя принадлежит мне. Душу свою она отдала этому милому отроку в тот зачарованный миг, когда подарила ему свой плащ.

К и н о д ж а. Ты говорила с отроком? Ты что-то подарила ему?

Х о д ж и с т э. Да, я подарила милому отроку мой плащ, потому что он был полунаг и дрожал от холода, и его стройные ноги были обнажены. Я отдала ему мой плащ, и вместе с плащом отдала ему мою душу. Отец, отпусти меня к милому моему.

К и н о д ж а. Пламенной вести кто смеет не верить? Приходящему в огне надо повиноваться. Дочь моя, иди к тому, кому ты отдала свою душу. Узнает мудрая змея, что сильнее, огонь ли погребального костра, роса ли твоих слез. Огонь ли упадет на землю, своим же задушенный дымом, тела ли ваши распадутся и бешеной игре стихийных сил.

Ходжистэ подходит к костру. Дым обнимает ее. Она колеблется, дрожит, закрывает глаза рукой, и потом, вдруг решившись, бросается к костру.

З м е я. Ты - моя добыча. Почему же ты пришла ко мне добровольно отдать свою душу? Я больше люблю, когда жертва плачет, и не хочет, и сопротивляется, и ее влекут ко мне силой.

Х о д ж и с т э. Я иду к моему милому.

Дым разрывается на клочья, уносимые ветром. Костер ярко пылает. Из пламени выходит Халис. Лицо его радостно, кудри, как ветром колышимое пламя, и одежда легка и бела, как влажный и туманный дым.

З м е я. Испепеленный ли восстанет? Добыча моя!

Ходжистэ наступает ногой на ее голову. Змея шипит, и вдруг рассыпается золотыми искрами. Костер быстро вспыхивает необычайно ярко, и вдруг сильным порывом ветра весь пылающий хвост разносится и исчезает в воздухе. Солнце сияет ярко.

Халис обнимает свою Ходжистэ.

К и н о д ж а. Восстал отрок. Что же мне делать? В душе моей - великое смятение.

Д ж а ф а р. Не всякий ли, живущий на этой земле, раб неведомой и темной силы? Он восстал из огня, он, который спас тебе вчера жизнь. Знаешь ли ты пределы его чар и его могущества? Чтобы не было тебе от него или от его покровителей великого зла, поспеши, возведи его на твое высокое царское место, - пусть царствует он, а ты, бывший царь, наслаждайся покоем.

К и н о д ж а. Змеиной мудростью внушена тебе твоя речь. Но счастлив тот, кто и змеинный голос в должный срок услышит. Халис, отныне ты - царь в Табаристане.

Среди общего изумления и волнения, сопровождаемый разнообразными восклицаниями, Киноджа сходит с престола и удаляется в чертог.

Халис и Ходжистэ восходят на царское место. Минута затаившегося в тишине внимания сменяется общим ликованием. Народ так радуется перемене власти, как будто сам участвовал в этом и к власти причастен.

К о н е ц

Комментарий

Ниже жирным шрифтом отмечены заглавия произведений Ф. Сологуба, а подзаголовки этих текстов - курсивом. Цифрами в угловых <...> скобках обозначена хронологическая последовательность различных изданий одного и того же текста. Так как число изданий любого текста может служить признаком его популярности, здесь отмечены все издания, насколько они известны.

Сведения о постановках пьес Ф. Сологуба являются весьма скудными, к тому же крайне неоднозначными, особенно что касается их первых постановок. Если говорить о пьесах русских символистов, то их постановки были осуществлены в первую очередь частными театрами. В их числе, к примеру, был *Театр Коммиссаржевской* в Санкт-Петербурге. В этом же театре режиссером был В. Э. Мейерхольд. Поставив там драму *Победа смерти*, он также работал над постановкой и другой пьесы Ф. Сологуба, а именно трагедии *Дар мудрых пчел*. Но к сожалению, этим планам не суждено было осуществиться. Кроме того, хочется указать и на (первую?) постановку драмы *Ночные пляски в Веселом театре для пожилых детей*, выполненную режиссером-антрепренером Н. Н. Евреиновым в 1909 году. История постановки драматизированного самим же Ф. Сологубом варианта известного его романа *Мелкий бес* может служить примером того, с какими трудностями боролись пьесы символистов в театре. См. Steltner, U., Die Umsetzung narrativer in dramatische Strukturen. Das Drama *Melkij bes*. В книге: Lauer, B. / Steltner, U. (ред.), Fedor Sologub. 1884 • 1984. München 1984, стр. 99-131, точнее стр. 128-131.

На основе репертуарной сводки в *Истории русского драматического театра*, т. 7 Москва 1987, стр. 445-560, ниже приводятся данные о наиболее важных постановках, в том числе, вероятно, и о первых из них. В диссертации Kalbouss, G.: *The Plays of Fedor Sologub*. New York 1968, находятся некоторые, хотя и не всегда достоверные, сведения. В этой связи необходимо указать и на статью Gerould, D.: *Sologub and the Theatre*, которая была опубликована в журнале: *The Drama Review*, т. 21 New York 1977 № 4, стр. 79-84. Эти данные здесь используются, как дополнительная информация.

1. **ЛИТУРГИЯ МНЕ** - *Мистерия*. <1> «Весы» 1907 № 2, стр. 9-26; <2> (отдельно) Москва 1907; печ. по изд. <1>.

2. **ДАР МУДРЫХ ПЧЕЛ** - *Трагедия в пяти действиях*. <1> «Золотое руно» 1907 № 2, стр. 41-53 / № 3, стр. 38-48; <2> Собрание сочинений в 20-и тт., т. 8 [*Пять драм*] Санкт-Петербург 1913-1914, стр. 57-131; <3> (отдельно) Петроград 1918; <4> (переиздание <2>) *Пять драм*. Berkeley 1989, стр. 57-131; <5> Бугров, В.С. (ред.), *Дар мудрых пчел*. Кн. 2 Москва 1996, стр. 145-191; печ. по изд. <1>.

3. **ЛЮБВИ** - *Драма в двух действиях*. <1> «Перевал» 1907 № 8-9, стр. 51-58; <2> Собрание сочинений в 20-и тт., т. 8 [*Пять драм*] Санкт-Петербург 1913-1914, стр. 133-155; <3> (переизд. в книге) Lauer, B. / Steltner, U. (ред.), Fedor Sologub 1884 • 1984. München 1984, стр. 45-70; <4> (переиздание <2>) *Пять драм*. Berkeley 1989, стр. 133-155; печ. по изд. <1>.

4. **ВАНЬКА КЛЮЧНИК И ПАЖ ЖЕАН** - *Трагедия в трех действиях, с прологом*. <1> «Новые мысли» 1908 № 1; <2> (отдельно) Санкт-Петербург 1909; <3> Собрание сочинений в 20-и тт., т. 8 [*Пять драм*] Санкт-Петербург 1913-1914, стр. 157-222; <4> (отдельное переиздание по <3>) Letchworth 1979; <5> (переиздание <3>) *Пять драм*. Berkeley 1989, стр. 157-222; печ. по изд. <3>.

Постановки: Санкт-Петербург, *Театр Коммиссаржевской*, 8-I-1909.

5. **ПОБЕДА СМЕРТИ** - *Трагедия в трех действиях. С прологом*. <1> «Факелы» 1908 № 3; <2> (отдельно) Санкт-Петербург 1908; <3> Собрание сочинений в 20-и тт., т. 8 [*Пять драм*] Санкт-Петербург 1913-1914, стр. 7-56; <4> (переиздание <3>) *Пять драм*. Berkeley 1989, стр. 7-56; печ. по изд. <3>.

Постановки: Санкт-Петербург, *Театр Коммиссаржевской*, 6-XI-1907; Москва, *Театр Незлобина*, 15-II-1910.

6. **НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ** - *Драматическая сказка в трех действиях*. <1> «Русская мысль» 1908 № 12, 144-167; <2> Собрание сочинений в 20-и тт., т. 8 [*Пять драм*] Санкт-Петербург 1913-1914, стр. 223-263; <3> (переиздание <2>) *Пять драм*. Berkeley 1989, стр. 223-263; печ. по изд. <1>.

Постановки: Санкт-Петербург, *Веселый театр для пожилых детей [Театр Евреинова]*, [летом 1909 г].

7. **МЕЛКИЙ БЕС** - *Драма в пяти действиях (6 картинах)*. <1> Санкт-Петербург 1908; <2> Berkeley 1988; печ. по изд. <1>.

Постановки: Киев, *Соловцы* [в конце 1909 г.]; Москва, *Театр Незлобина*, 7-1-1910.

8. **ЗАЛОЖНИКИ ЖИЗНИ** - *Драма в пяти действиях*. <1> Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник», т. 18. Санкт-Петербург 1912, 7-108; <2> (переиздание) Letchworth 1979; <3> Бугров, В.С. (ред.), *Дар мудрых пчел*. Кн. 2 Москва 1996, стр. 192-259; печ. по изд. <1>.

Постановки: Санкт-Петербург, *Александринский театр*, 6-XI-1912.

9. **ПРОВОДЫ** - *Драматический этюд в одном действии*. <1> Издание журнала «Театр и искусство». Петроград [около 1914 г.]; печ. по изд. <1>.

10. **ЛЮБОВЬ И ВЕРНОСТЬ** - *Трагедия (Сюжет заимствован из Шатобриана)*. <1> «Русская мысль» 1917, № 5-6, стр. 91-121; печ. по изд. <1>.

Постановки: Ялта, *Городской театр* [1918].

11. **УЗОР ИЗ РОЗ** - *Драма в пяти действиях и семи картинах*. <1> [2-ая студия МХАТ] Москва 1920; печ. по изд. <1>.

Постановки: Москва, *2-ая студия МХАТ* [1920].

12. **СТРАЖ ВЕЛИКОГО ЦАРЯ** - *Драматическая сказка в четырех действиях*. <1> [в книге Сологуба] *Сочтенные дни*. Ревель 1921, стр. 78-94; <2> «Записки мечтателей» 1922 № 5, стр. 30-43; печ. по изд. <2>.

SLAVISTISCHE BEITRÄGE

Herausgegeben von Peter Rehder

1998–2000

355. **Wolf, Markus:** Freimaurertum bei Puškin. Einführung in die russische Freimaurerei und ihre Bedeutung für Puškins literarisches Werk. 1998. 115, LXXIII S. 36.- DM. (3-87690-692-X)
356. **Bohnet, Christine:** Der metafiktionale Roman. Untersuchungen zur Prosa Konstantin Vaginovs. 1998. 293 S. 46.- DM. (3-87690-693-8)
357. **Baumgarten, Caroline:** Die spätklassizistische russische Komödie zwischen 1805 und 1822. Studien zu Šachovskoj, Zagoskin, Chmel'nickij und Griboedov. 1998. XVIII, 322 S. 52.- DM. (3-87690-695-4)
358. **Fenner, Ingrid:** Zur Poetik des Lyrikers Konstantin M. Fofanov. 1998. XII, 232 S. 44.- DM. (3-87690-696-2)
359. **Fischer, Christine:** Musik und Dichtung. Das musikalische Element in der Lyrik Pasternaks. 1998. 358 S. 52.- DM. (3-87690-697-0)
360. **Huber, Katja:** „Aëlitä“ – *als morgen gestern heute war*. Die Zukunftsmodellierung in Jakov Protazanovs Film. 1998. 129 S. 26.- DM. (3-87690-698-2)
361. **Lindseth, Martina:** Null-subject properties of Slavic languages. With special reference to Russian, Czech and Sorbian. 1998. VIII, 207 S. 42.- DM. (3-87690-699-7)
362. **Маляр, Т.Н., О. Н. Селиверстова:** Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках. 1998. 345 S. 48.- DM. (3-87690-708-X)
363. **Seitz, Elisabeth:** Primus Truber – Schöpfer der slovenischen Schriftsprache? Versuch einer Antwort unter besonderer Berücksichtigung seines Satzbaus. 1998. 300 S. 46.- DM. (3-87690-709-8)
364. **Шмигер, Роланд:** Нестрамски говор. Допринос јужнословенској дијалектологији. 1998. 492 S. 60.- DM. (3-87690-710-1)
365. **Demjanow, Assinja:** Eine semantische Analyse der Perfektivierungspräfigierung im Russischen. Fallstudie *pere-*. 1998. 183 S. 36.- DM. (3-87690-711-X)
366. **Hubenschmid, Markus:** Text und Handlungsrepräsentation. Ein Analysemodell politischer Reden am Beispiel V.I. Lenins. 1998. X, 244 S. 44.- DM. (3-87690-712-8)
367. **Russische zeitgenössische Schriftsteller in Deutschland.** Ein Nachschlagewerk. Herausgegeben von Elena Tichomirova unter Mitwirkung von Ute Scholz. 1998. 190 S. 36.- DM. (3-87690-713-6)
368. **Zink, Andrea:** Andrej Belyjs Rezeption der Philosophie Kants, Nietzsches und der Neukantianer. 1998. 387 S. 50.- DM. (3-87690-714-4)
369. **Korom, Marija:** Kroatisch für die Mittelstufe. Lese- und Übungstexte. 1998. IV, 216 S. 34.- DM. (3-87690-715-2) (Studienhilfen. 8.)
370. **Trunte, Nikolaos H.:** Славѣнскій ѣзыкѣ. Ein praktisches Lehrbuch des Kirchenslavischen in 30 Lektionen. Zugleich eine Einführung in die slavische Philologie. Band 2: Mittel- und Neukirchenslavisch. 1998. XXX, 520 S. 56.- DM. (3-87690-716-0) (Studienhilfen. 9.)
371. **Vojvodik, Josef:** Symbolismus im Spannungsfeld zwischen ästhetischer und eschatologischer Existenz. Motivische Semantik im lyrischen Werk von Otokar Březina. 1998. 357 S. 58.- DM. (3-87690-717-9)
372. **Frei, Bohumil Jiří:** Tschechisch gründlich und systematisch. Ein Lehrbuch. Band II. 1998. 552 S. 46.- DM. (3-87690-718-7) (Studienhilfen. 10.)
373. **Kessler, Stephan:** Erzähltechniken und Informationsvergabe in Vasilij Aksenovs *Ožog, Zolotaja naša železka* und *Poiski žanra*. 1998. 509 S. 66.- DM. (3-87690-719-5)
374. **Drubek-Meyer, Natascha:** Gogol's *eloquentia corporis*. Einverleibung, Identität und die Grenzen der Figuration. 1998. 362 S. 58.- DM. (3-87690-725-X)
375. **Slavistische Linguistik 1997.** Referate des XXIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Blaubeuren 26.–28.8.1997. Herausgegeben von Tilman Berger und Jochen Raecke. 1998. 325 S. 54.- DM. (3-87690-726-8)
376. **Kakridis, Yannis:** Wortbildung und Kategorisierung am Beispiel der desubstantivischen Wortbildung des Russischen. 1999. 218 S. 46.- DM. (3-87690-727-6)
377. **Marzari, Robert:** Die Entwicklung des historiographischen Stils im Vergleich zum literarischen bei Lomonosov, Karamzin und Puškin. 1999. 195 S. 42.- DM. (3-87690-728-4)

378. Дуличенко, Александр Д.: Этносоциоллингвистика «Перестройки» в СССР. Антология запечатленного времени. 1999. VIII, 583 S. 96.- DM. (3-87690-729-2)
379. Kratochvil, Alexander: Mykola Chvyľ'ovyj. Eine Studie zu Leben und Werk. 1999. VI, 244 S. 48.- DM. (3-87690-736-5)
380. Slavistische Linguistik 1998. Referate des XXIV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Wien 15.–18.9.98. Herausgegeben von Renate Rathmayr und Wolfgang Weitlaner. 1999. 325 S. 52.- DM. (3-87690-737-3)
381. Dobrowlanska-Sobczak, Monika Joanna: Das Spiel mit dem Zuschauer. Die Bedeutungs-generierung im polnischen Bildertheater am Beispiel von „Szczelina“ Leszek Mądziks, „Repli-ka“ Józef Szajnas und „Niech szczepną artyści“ Tadeusz Kantors. 1999. 356 S., zahlr. Abb. 62.- DM. (3-87690-740-3)
382. Schaeken, Jos, Henrik Birnbaum: Die altkirchenslavische Schriftkultur. Geschichte – Laute und Schriftzeichen – Sprachdenkmäler (mit Textproben, Glossar und Flexionsmustern). Alt-kirchenslavische Studien II. 1999. 289 S. 48.- DM. (3-87690-741-1)
383. Dornblüth, Gesine: „Poststalinizm – postavangardizm“. Das Subjekt und die Welt der Objekte in der postmodernen frühen Lyrik Andrej Voznesenskij's. 1999. 194 S. 42.- DM. (3-87690-742-X)
384. Bergmann, Martin: Eine diskursanalytische Betrachtung des rok-samizdat in der Sowjetunion und ihren Nachfolgestaaten in der Periode zwischen 1967 und 1994. 1999. 235 S. 48.- DM. (3-87690-743-8)
385. Sauberer, Gabriele: Die Syntax der „Pis'ma russkogo putešestvennika“ von N. M. Karamzin. 1999. 385 S. 60.- DM. (3-87690-744-6)
386. Lauterbach, Anastassia: Anredeformen im Serbischen um 1800. Die Schauspielbearbeitungen von Joakim Vujić (1772–1847). 1999. 288 S. 48.- DM. (3-87690-751-9)
387. Rippl, Daniela: Žiznetvorčestvo oder die Vor-Schrift des Textes. Eine Untersuchung zur Geschlechter-Ethik und Geschlechts-Ästheti in der russischen Moderne. 1999. 256 S. 48.- DM. (3-87690-752-7)
388. Poljakov, Fedor B., Carmen Sippl: A. S. Puškin im Übersetzungswerk Henry von Heiseler's (1875–1928). Ein europäischer Wirkungsraum der Petersburger Kultur. 1999. 131 S. 36.- DM. (3-87690-753-5)
389. Betsch, Michael: Diskontinuität und Tradition im System der tschechischen Anredepronomina (1700–1850). 2000. 198 S. 42.- DM. (3-87690-754-3)
390. Brinkjost, Ulrike: Geschichte und Geschichten. Ästhetischer und historiographischer Diskurs bei N. M. Karamzin. 2000. 225 S. 46.- DM. (3-87690-755-1)
391. Rajewsky, Alice: Changes in the Russian Terminology of Economic Law since *Perestroika*. 2000. 208 S. 44.- DM. (3-87690-757-8)
392. Rybakov, Alexei: Deutsche und russische Literatur an der Schwelle zur Moderne. „Wilhem Meisters Lehrjahre“ und „Eugen Onegin“. Zur Entstehung des modernen Weltbildes. 2000. 251 S. 48.- DM. (3-87690-763-2)
393. Guławska, Małgorzata: Aktualität im Polnischen und Deutschen. Eine praktische Untersuchung am Beispiel der Übersetzungen beider Richtungen. 2000. 219 S. 46.- DM. (3-87690-764-0)
394. Кондратенко, Михаил: Лексика народной метеорологии. Опыт сравнительного анали-за славянских и немецких наименований природных явлений. 2000. 117 S. 34.- DM. (3-87690-765-9)
395. Ylli, Xhelal: Das slavische Lehngut im Albanischen. 2. Teil: Ortsnamen. 2000. 280 S. 48.- DM. (3-87690-772-1) – [1. Teil siehe SB 350, 1997.]
396. Slavistische Linguistik 1999. Referate des XXV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Konstanz, 7.–10.9.1999. Herausgegeben von Walter Breu. 2000. 314 S. 58.- DM. (3-87690-774-8)

Verlag Otto Sagner – München